

ISSN: 2074-1944

ВОЕННОЕ ПРАВО

<http://www.voennoepravo.ru>

№ 5 (75) 2022

Редакционный совет

1. **Бут Надежда Дмитриевна**, доктор юридических наук, заведующий отделом проблем прокурорского надзора и укрепления законности в социально-экономической сфере НИИ Университета прокуратуры Российской Федерации

2. **Воронов Александр Федорович**, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры гражданского и арбитражного процесса юридического факультета Московского государственного университета

3. **Ермолович Ярослав Николаевич**, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии Московской академии Следственного комитета Российской Федерации

4. **Корякин Виктор Михайлович**, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры военной администрации, административного и финансового права Военного университета

5. **Маликов Сергей Владимирович**, доктор юридических наук, профессор, председатель диссертационного совета по специальности 20.02.03 — Военное право, военные проблемы международного права, профессор кафедры криминалистики Военного университета

6. **Свинных Евгений Анатольевич**, доктор юридических наук, доцент

7. **Сморчкова Лариса Николаевна**, доктор юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института государства и права РАН

8. **Субанова Наталья Викторовна**, доктор юридических наук, доцент, проректор Университета прокуратуры Российской Федерации

9. **Туганов Юрий Николаевич**, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор Российской таможенной академии

10. **Холиков Иван Владимирович**, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного и европейского права Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации

Издается с 2001 г.
Научные направления
периодического издания:

— Военные науки

— Право

Свидетельство о регистрации
средства массовой информации
Эл 77-4305 от 16.01.2001 г.

Номер ISSN: 2074-1944

Издание включено в систему
Российского индекса научного
цитирования (РИНЦ)
Решением президиума Высшей
аттестационной комиссии при
Минобрнауки России от 26 апреля
2019 г. издание с 7 мая 2019 г.

включено в **Перечень
рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубли-
кованы основные научные
результаты диссертаций на соис-
кание ученой степени кандидата
наук, ученой степени доктора
наук** по группе научных специаль-
ностей 20.00.00 — Военные науки
(№ 783 Перечня по состоянию на
20.07.2022)

В период с 18 октября 2016 г.
по 26 марта 2019 г. издание было
включено в указанный Перечень по
группе научных специальностей
12.00.00 — Юриспруденция

Главный редактор —
КОРЯКИН

Виктор Михайлович,
доктор юридических наук,
профессор
e-mail: Korjakinmiit@rambler.ru

Ведущий редактор —
ГУСЕЙНОВА
Альбина Джабаровна

Адрес в интернете
<http://www.voennoepravo.ru/>

СОДЕРЖАНИЕ

Указатель сокращений	5
Правовое обеспечение национальной безопасности	
1. Землин А.И. Вопросы развития военно-правовой науки в контексте современных проблем обеспечения национальной безопасности России	8
2. Корякин В.М. Обеспечение безопасности пунктов управления государством и Вооруженными Силами Российской Федерации, иных специальных объектов мобилизационного назначения	15
3. Тарадонов С.В. Законодательство военного времени как комплексное нормативное правовое образование	21
Теория и история военного права	
4. Борисов А.В. Генезис законодательства о смертной казни в России	35
5. Денисов Д.И. Генезис права под влиянием морали и нравственности. Взаимное влияние феноменов: право, закон, государство	42
6. Зюбанов Ю.А. Законы периода централизации Русского государства о многозначимости термина «голова».....	52
7. Некрасов А.А. Исторический опыт становления правоохранительных функций в пунктах пропуска через государственную границу Российской империи	58
8. Новокшенов Д.В. Становление и развитие российского законодательства об уголовной ответственности за преступления против порядка подчинённости и воинских уставных взаимоотношений	65
9. Познахирев В.В. Регламентация военного плена в российских и иностранных воинских уставах на рубеже XVII—XVIII вв.	71
10. Полунин С.В., Корнейчук Г.Д., Ляхов А.В. «Артикул воинский» — памятник военного права, нормативно установивший основы единоначалия и централизации управления	79
11. Шамаров В.М., Шамаров П.В. О функции обороны страны и ее новейшей трансформации в функцию суверенной государственности	89
Военно-административное право	
12. Глухов Е.А. Дисфункции военного управления: признание проблемы	99
13. Кириченко Н.С. Обзор предложений по совершенствованию законодательства о материальной ответственности военнослужащих	113
14. Сибгатуллин Ф.С. Понятие правового регулирования деятельности войск национальной гвардии Российской Федерации, его пределы и принципы	120

15. Туганов Ю.Н., Аулов В.К.	
Обзор нормативно-правового регулирования подходов к оценке состояния дисциплины в судебском корпусе и воинской дисциплины в Вооруженных Силах Российской Федерации	126
Военная служба. Социальные гарантии и статус военнослужащих	
16. Кириченко Н.С., Александрова Н.Г.	
К вопросу о регистрации по месту жительства сотрудников, имеющих специальные звания	134
17. Малаханов А.В., Харитонов С.С.	
Оспаривание увольнения с военной службы военнослужащих (по материалам военно-судебной практики)	139
18. Мифтяхов Р.Х., Мифтяхова Э.Р.	
Морально-нравственное положение (статус) государственного служащего	146
19. Хараман Е.Е.	
Правовые проблемы раздела между супругами жилого помещения, приобретенного по программе накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения военнослужащих	151
Правоохранительная, судебная, прокурорская деятельность	
20. Завидов Н.Г.	
Актуальные вопросы прокурорского надзора за исполнением законов по пресечению распространения в воинских коллективах наркотических средств и психотропных веществ	157
21. Зайков Д.Е.	
Служебная тайна в области обороны vs принцип гласности судопроизводства	163
22. Махьянова Р.М.	
Оценка эффективности надзорной деятельности органов прокуратуры	168
23. Назарова И.С., Шеншин В.М.	
Организационная основа профилактики правонарушений коррупционного характера в войсках национальной гвардии Российской Федерации	174
Уголовное право, криминология, уголовный процесс и криминалистика	
24. Власов С.Ю., Харитонов С.С.	
Применение правил назначения уголовного наказания (по материалам военно-судебной практики)	186
25. Овчаров А.В.	
Уголовно-правовые и организационные средства противодействия ограничению конкуренции в условиях цифровизации экономики	194
26. Суденко В.Е.	
Отдельные вопросы оперативно-розыскной деятельности и криминалистики	201

Указатель сокращений

абз. — абзац

АО — акционерное общество

АПК РФ — Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации

ВВП — валовой внутренний продукт

ВКИ — Военный краснознаменный институт

ВПА — Военно-политическая академия

ВУ — Военный университет

ВЦИК — Всероссийский центральный исполнительный комитет

ВЮА — Военно-юридическая академия

ГК РФ — Гражданский кодекс Российской Федерации

гл. — глава

ГПК РФ — Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации

ГПС — Государственная противопожарная служба

ГОСТ — государственный стандарт

ГУСП — Главное управление специальных программ Президента Российской Федерации

дис. — диссертация

ДРА — Демократическая Республика Афганистан

ДТП — дорожно-транспортное происшествие

ДУ ВС РФ — Дисциплинарный устав Вооруженных Сил Российской Федерации

ЕС — Европейский Союз

ЖК РФ — Жилищный кодекс Российской Федерации

ИГП РАН — Институт государства и права Российской академии наук

КАС РФ — Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации

КНР — Китайская Народная Республика

КоАП РФ — Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях

МВД России — Министерство внутренних дел Российской Федерации

МИД России — Министерство иностранных дел Российской Федерации

Минобороны России — Министерство обороны Российской Федерации

Минобрнауки России — Министерство науки и высшего образования Российской Федерации

Минюст России — Министерство юстиции Российской Федерации

млн. — миллион

млрд — миллиард

МОТ — Международная Организация Труда

МЧС России — Министерство Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий

НАТО — Организация Североатлантического Договора (англ. North Atlantic Treaty Organization, NATO)

НИС — накопительно-ипотечная система жилищного обеспечения военнослужащих

ОБСЕ — Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе

ОДКБ — Организация Договора о коллективной безопасности

ОМП — оружие массового поражения

ООН — Организация Объединенных Наций

ООО — общество с ограниченной ответственностью

п. — пункт

подп. — подпункт

разд. — раздел

РАН — Российская Академия Наук

Росгвардия — Федеральная служба войск национальной гвардии Российской Федерации

РСФСР — Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика

руб. — рубль, рублей

СК России — Следственный комитет Российской Федерации

СК РФ — Семейный кодекс Российской Федерации

СВР России — Служба внешней разведки Российской Федерации

СНГ — Содружество Независимых Государств

СНК — Совет Народных Комиссаров

СССР — Союз Советских Социалистических Республик

ст. — статья

СУ — Собрание установлений

США — Соединенные Штаты Америки

ТВД — театр военных действий

ТК РФ — Трудовой кодекс Российской Федерации

тыс. — тысяча

УВС ВС РФ — Устав внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации

УК РФ — Уголовный кодекс Российской Федерации

УПК РФ — Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации

ФАС России — Федеральная антимонопольная служба

ФГБУ — федеральное государственное бюджетное учреждение

ФГАОУ ВО — федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

ФГКВОУ ВО — федеральное государственное казенное военное образовательное учреждение высшего образования

ФГКУ — федеральное государственное казенное учреждение

ФРГ — Федеративная Республика Германия

ФСБ России — Федеральная служба безопасности Российской Федерации

ФСИН России — Федеральная служба исполнения наказаний Российской Федерации

ФССП России — Федеральная служба судебных приставов Российской Федерации

ЦИК — Центральный исполнительный комитет

ЦК КПСС — Центральный комитет Коммунистической партии Советского Союза

ч. — часть

ЮНЕСКО — Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры

Правовое обеспечение национальной безопасности

Вопросы развития военно-правовой науки в контексте современных проблем обеспечения национальной безопасности России

© Землин Александр Игоревич,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки Российской
Федерации, профессор 25 кафедры ФГКВОНУ ВО
«Военный университет имени князя Александра
Невского» Минобороны России

Аннотация. В статье, отражающей содержание доклада автора на III научно-практической конференции «Военное право в системе обеспечения национальной безопасности. Международно-правовые аспекты военного и военно-технического сотрудничества Российской Федерации с иностранными государствами», проведенной в рамках Международного военно-технического форума «Армия-2022» 16 августа 2022 г., представлены результаты анализа роли и места военного права в системе российского права, раскрыты некоторые особенности его предмета и метода, позволяющие рассматривать военное право как специфическую систему, отрасль права и отрасль правовой и военной науки. По результатам системно-правового анализа в статье визуализированы функции военного права, установлены отдельные тенденции развития военно-правовой науки на современном этапе развития Вооруженных Сил в интересах обеспечения национальной безопасности России. Сформулированные предложения могут быть реализованы в рамках дальнейшего развития военно-правовой науки в условиях специальной военной операции.

Ключевые слова: военное право, правовая наука, военная наука, тенденции развития.

Issues of development of military-legal science in the context of modern problems of ensuring national security of Russia

© Zemlin A.I.,
Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the
Russian Federation, Professor of the 25th
Department of the Prince Alexander Nevsky
Military University of the Russian Ministry of
Defense

Annotation. In the article reflecting the content of the author's report at the III scientific and practical conference "Military law in the system of ensuring national security. International legal aspects of military and military-technical cooperation of the Russian Federation with foreign states", held within the framework of the International Military-Technical Forum "Army-2022" on August 16, 2022, presents the results of the analysis of the role and place of military law in the system of Russian law, reveals some features of its subject and method, allowing to consider military law as a specific system, branch of law and branch of legal and military science. Based on the results of the system-legal analysis, the article visualizes the functions of military law, establishes certain trends in the development of military-legal science at the present stage of the development of the Armed Forces in the interests of ensuring the national security of Russia. The formulated proposals can be implemented as part of the further development of military legal science in the conditions of a special military operation.

Keywords: military law, legal science, military science, development trends.

В условиях современного этапа развития Вооруженных Сил Российской Федерации особое значение приобретает военное право, которое в ракурсе онтологии может пониматься как система юридических норм, регулирующих общественные отношения, возникающие в сфере воинской деятельности как в мирное время, так и в условиях войны¹.

Полагаем возможным исходить из традиционного понимания специфики военного права, определяющей его значимость и «стратегическое» положение в системе научного знания, которая заключается в том, что оно, являясь важной и неотъемлемой составляющей правовой науки, в то же время выступает в качестве полноправного элемента военной науки — научной отрасли, вырабатывающей систему целостных, системно упорядоченных знаний о военной деятельности государства в интересах обеспечения обороноспособности и военной безопасности государства².

Как раздел военной науки, военное право исследует именно правовой аспект указанных социальных явлений и процессов, объективно и исторически формируясь как совокупность правовых норм, регулирующих государственную управленческую деятельность в военной сфере³.

¹ Корякин В.М. Правовое обеспечение специальной военной операции // Право в Вооруженных Силах военно-правовое обозрение. 2022. № 7 (300). С. 32—44; Белов Я.Н., Землин А.И. Правовое обеспечение применения Вооруженных Сил Российской Федерации за пределами территории Российской Федерации для пресечения международной террористической деятельности: национальный и международный аспект // Военное право. 2019. № 6. С. 252—265.

² Корякин В.М. Современное состояние военного права: новое фундаментальное научное исследование // Государство и право. 2022. № 1. С. 207—210; Корякин В.М. Военное право как наука // Военное право. 2021. № 5 (69). С. 9; Военное право : учебник / под ред. В.Г. Стрекозова, А.В. Кудашкина; [В.К. Белов, А.Ф. Воронов, Е.Н. Голенко и др.]. М.: За права военнослужащих, 2004. С. 7.

³ Землин, А.И. Актуальные проблемы развития военно-правовой науки в современных условиях // Право в Вооруженных Силах военно-правовое обозрение.. 2021. № 12(293). С. 73—76; Землин А.И., Корякин В.М. Методология военно-правового исследования. Общая часть : учебник и практикум.

Основу, становой хребет военного права составляет, таким образом, право военно-административное, разумеется, что никоим образом не умаляет значения и необходимости правового регулирования отношений, возникающих в процессе расследования военных преступлений, в сфере финансово-хозяйственной, экономической деятельности Вооруженных Сил, военно-социальных отношений, международных аспектов военного права и др.

Однако, именно развитие военного дела, необходимость научного исследования закономерностей военного строительства и управления, обоснования направлений, форм и методов деятельности государства в военной сфере предопределили, первоначально, создание военной стратегии, объединявшей все области военных знаний, а затем, в середине XIX в., выделение из нее на правах относительно самостоятельных отраслей знаний (наук) военной администрации и военного хозяйства.

Предметом военного права как системы научных знаний является военное право как социальное явление. По сути, военное право — это военное законодательство в широком смысле, а также: а) общие и специальные принципы права, применяемые к военным отношениям; б) принципы военного права, закрепляемые в конституции и в военном законодательстве; в) прецеденты и разъяснения судебных органов по вопросам военного права; г) доктрина.

Следует учитывать, что тенденцией, явно прослеживающейся в рамках гносеологического анализа, является развитие военного права как экстенсивным (за счет вполне обоснованного расширения предметной области), так и интенсивным путем (посредством углубленной теоретической проработки и обоснования на этой основе наличия институциональных правовых образований внутри самой комплексной отрасли). В частности, в последнее двадцатилетие в рамках военного права в качестве институциональных образований произошло

М.: Кнорус, 2021; Землин А.И., Корякин В.М. Электронный учебник «Методология военно-правового исследования / Свидетельство о регистрации программы для ЭВМ 2021665665, 30.09.2021.

оформление ряда групп правовых норм, регулирующих отношения в области военной безопасности¹, военно-служебные отношения и статус военнослужащих², правовое положение военных организаций³, международного военного сотрудничества⁴, военно-социальные отношения⁵, от-

¹ Фатеев К.В. Правовое регулирование обеспечения военной безопасности Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук. 20.02.03. М.: ВУ, 2005.

² Савенков А.Н. Актуальные проблемы конституционной законности в Вооруженных Силах Российской Федерации и роль прокуратуры в их решении : дис. ... д-ра юрид. наук. 12.00.02. М., 2002; Кудашкин А.В. Конституционно-правовой статус военнослужащих в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.02. М.: РАГС, 1998; Мигачев Ю.И. Правовые гарантии реализации статуса военнослужащих (сравнительно-правовое исследование): дис. ... д-ра юрид. наук. 20.02.03. М.: ВУ, 1999; Холиков И.В. Международно-правовой статус военно-медицинского персонала. М.: ГВКГ им. Н.Н. Бурденко, 2002; Кудашкин А.В. Правовое регулирование военной службы в Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук. 20.02.03. М.: РАГС, 2003; Лиховидов К.С. Проблемы законодательного обеспечения и практики реализации юридической ответственности военнослужащих : дис. ... д-ра юрид. наук. М.: ВУ, 2005; Туганов Ю.Н. Правовое обеспечение воинской дисциплины в Вооруженных Силах Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук. М.: ВУ, 2005; Дамаскин О.В. Российская армия в современном обществе: проблемы и перспективы : монография. М., 2011.

³ Бараненков В.В. Военная организация как юридическое лицо в системе Федеральной пограничной службы Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. 20.02.03. М.: ВУ, 1999; Он же. Теоретико-правовые основы юридической личности военных организаций : дис. ... д-ра юрид. наук. 20.02.03. М.: ВУ, 2008; Бараненкова И.В. Правовое положение органов федеральной службы безопасности как казенных учреждений : дис. ... канд. юрид. наук. 20.02.03. М.: ВУ, 2013.

⁴ Кудашкин В.В. Внешнеторговые сделки в сфере военно-технического сотрудничества Российской Федерации с иностранными государствами: гражданско-правовые аспекты : дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.03. М.: РАГС, 1999; Он же. Правовое регулирование военно-технического сотрудничества Российской Федерации с иностранными государствами : дис. ... д-ра юрид. наук. 20.02.03. М.: РАГС, 2003; Холиков И.В. Правовое обеспечение международного сотрудничества в области военной медицины и здравоохранения : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М.: РАГС, 2005.

⁵ Корякин В.М. Правовое обеспечение военно-социальной политики в Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук. М.: ВУ, 2005; Старцун В.Н.

ношения, возникающие в процессе расследования воинских преступлений⁶ и др.

Таким образом, осуществляемый в рамках правовой герменевтики элементарный анализ позволяет выделить функционал военного права, соответствующий содержанию и структуре военно-правовой науки в контексте решения проблем национальной безопасности.

Реализация гносеологической функции военного права предполагает научный правовой анализ вызовов и угроз национальной (особо — военной) безопасности и выработку системы научных знаний парадигмального характера по вопросам правового обеспечения и организации противодействия им и минимизации рисков национальной (особо — военной) безопасности.

Праксиологическая функция позволяет решить особо важную задачу по подготовке практических рекомендаций, направленных на решение задач, сформулированных в результате реализации первой функции, участие в подготовке актов военного права и актов, регулирующих отношения в смежных областях, оказание консультационной и экспертной помощи органам власти, наделенным соответствующими полномочиями

Аксиологическая функция военного права обеспечивает формирование системы военно-правовых ценностей общества и личности, разработку рекомендаций в целях оптимизации системы воспитания и образования защитника Отечества, воина-государственника, патриота.

Исходя из современной ситуации, задач, определенных в документах стратегического планирования и оперативного характера, к числу которых отнесем такие, как: *Военная доктрина* Российской Феде-

Социальные гарантии прав военнослужащих и граждан, уволенных с военной службы : дис. ... д-ра юрид. наук. М.: ВУ, 2009.

⁶ Маликов С.В. Расследование преступлений в условиях вооруженных конфликтов : монография. М., 2005; Винокуров А.Ю. Международно-правовые и организационные основы расследования военных преступлений в отношении гражданского населения : дис. ... д-ра юрид. наук. М.: ВУ, 2012.

рации (утв. Президентом Российской Федерации 25 декабря 2014 г. № Пр-2976), которая представляет собой систему официально принятых в государстве взглядов на подготовку к вооруженной защите и вооруженную защиту Российской Федерации; в документах стратегического планирования, в которых отражена совокупность официальных взглядов на политику Российской Федерации и деятельность Российской Федерации; *Морскую доктрину Российской Федерации*, утв. Указом Президента Российской Федерации от 31 июля 2022 г. № 512, и Обращение Президента Российской Федерации от 24 февраля 2022 г. в связи с началом специальной военной операции, можно, во-первых, оценить современную обстановку и, во-вторых, выделить первоочередные задачи военно-правовой науки.

К числу направлений, по которым наиболее эффективно и оперативно можем оказать с использованием специфического инструментария военного права максимальную помощь по вопросам обеспечения национальной безопасности, обороноспособности Вооруженных Сил, полагаем возможным отнести следующие. Естественно, сразу оговоримся, что это лишь крайне абрисный, не претендующий никоим образом на исчерпывающую полноту, анализ. Мы выделяем лишь некоторые, наиболее очевидные для нас и интересующие нас в силу научного интереса направления.

1. Выработка научно-обоснованных предложений, касающихся правового обеспечения специальной военной операции в ракурсе организации управления войсками, военной администрации в целом, а также в части финансово-экономического, тылового обеспечения войск, социальной защиты военнослужащих и членов их семей. В этом отношении особое значение имеют разработки, представленные в трудах представителей военно-правовой науки, посвященных исследованиям теории и практики военного права. В частности, следует приветствовать появление трехтомного фундаментального научного издания, в котором на основе системного

анализа дана развернутая характеристика военного права России как отрасли военного права¹

2. Расследование и правовая оценка преступлений, совершаемых украинскими националистами и другими странами, оказывающими им военную и иную помощь, подготовка и передача материалов в компетентные органы и организации. При этом, по нашему мнению, особо важно соблюдать принципы оперативности и транспарентности. Так, например, решением Фрунзенского районного суда г. Владимира 30 ноября 2015 г. признано экстремистским изображение шевронов батальона «Азов». Согласно проведенной экспертизе, в их изображении на опоре моста через Клязьму «содержались побуждение к негативным действиям националистического толка, демонстрация нацистской символики, признаки пропаганды идеологии насилия, признаки пропаганды исключительности, превосходства представителей белой расы». В соответствии с резолютивной частью решения суда наименования и индивидуализирующие признаки шевронов батальона «Азов» включены под п.3269 в федеральный список экстремистских материалов, функции по ведению, опубликованию и размещению в сети Интернет которого в соответствии со ст. 13 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», п. 7 Положения о Министерстве юстиции Российской Федерации, утвержденного Указом Президента Российской Федерации

¹ Военное право : монография : в 3 т. / под общ. ред. А.В. Савенкова, А.В. Кудашкина. Т. I. История и теория военного права (с предисловием). М.: Центр правовых коммуникаций, 2021; Военное право : монография : в 3 т. / под общ. ред. А.В. Савенкова, А.В. Кудашкина. Т. II. Современное состояние военного права (институты военного права). М.: Центр правовых коммуникаций, 2021; Военное право : монография : в 3 т. / под общ. ред. А.В. Савенкова, А.В. Кудашкина. Т. III. Основные проблемы и перспективные направления военно-правовых исследований. М.: Центр правовых коммуникаций, 2022.

от 13 октября 2004 г. № 1313, возложены на Минюст России. Однако, при этом до последнего времени юридическая оценка действиям батальона «Азов» дана не была, экстремистской организацией в России он не был признан. Лишь 2 августа 2022 г. Верховный Суд Российской Федерации признал украинский полк «Азов» террористической организацией и запретил его деятельность на территории России. Не менее важным и актуальным направлением военно-правовой науки представляется разработка вопросов, связанных с ответственностью за преступления против человечества. В частности, следует особо отметить фундаментальное комплексное исследование, в котором отражены политические, юридические, исторические, дипломатические и концептуально-правовые аспекты становления международного правосудия за преступления против человечества¹.

3. Правовое обеспечение и создание условий для духовно-нравственной и социально-экономической реабилитации военнослужащих, уволенных с военной службы после участия в специальной военной операции. Переподготовка военнослужащих с высшим образованием по специальности «Специалист (педагог) общественно-правового, военно-патриотического, антикоррупционного воспитания и обучения». Кроме того, в мае 2022 г. СК России выступил с инициативой о введении в федеральные государственные образовательные стандарты высшего образования универсальной компетенции УК-12 «Способен формировать нетерпимое отношения к проявлениям экстремизма, терроризма, противодействовать им в профессиональной деятельности». Предложение направлено в Минобрнауки России. Полагается, что новая компетенция обеспечит приобретение обучающимися личностных качеств, необходимых для неприятия идей экстремизма и терроризма, воспитания

уважительного отношения к другим народам, их культуре, религии, традициям, а также будет способствовать формированию у молодежи навыков и умений противодействия экстремистской (террористической) деятельности.

4. В целях реализации Морской доктрины выделим в качестве особо значимого направления правовое сопровождение организации работы Северного морского пути в качестве национальной транспортной коммуникации. Предполагается, что с учетом прогнозируемой интенсивности таяния льдов к 2040 г. Севморпуть будет функционировать в режиме круглогодичной навигации и станет более значим для мировой транспортной логистики, нежели Суэцкий канал. Соответственно, возрастет значение Севморпути и для обеспечения национальной безопасности России. Считаем необходимым исходить из того, что поскольку акватория Северного морского пути включает внутренние морские воды, территориальное море, прилежащую зону и исключительную экономическую зону Российской Федерации, постольку к ней применимы соответствующие положения Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. Необходима основанная на научных достижениях и с применением передовой методологии разработка системы правового регулирования, включающей подготовку правовых актов, исключающих дискуссию о международно-правовом статусе Севморпути, а также организационное обеспечение, предполагающее, по нашему мнению, необходимость создания федерального органа исполнительной власти (например, федеральной службы по надзору в сфере эксплуатации Севморпути (Россевморпуть)) и определение направлений, форм и методов взаимодействия иных органов власти по вопросам обеспечения экологической, транспортной, военной и иных видов безопасности России в данном регионе с учетом специфики организации

¹ Савенков А.Н. «Нюрнберг: Приговор во имя Мира»: монография. М.: Проспект, 2021.

кораблевождения (судовождения) в условиях Крайнего Севера.

Таким образом, значимость военно-правовой науки заключается в том, что поскольку военное право дает возможность изучать военную деятельность с позиций обуславливающих ее факторов и правовых явлений, постольку оно способствует выработке наиболее оптимальных направлений военной политики государства, обеспечивает решение проблем в области военного строительства, совершенствования его правовых основ, обеспечения системы национальной безопасности России.

Библиография

1. Бараненков, В.В. Военная организация как юридическое лицо в системе Федеральной пограничной службы Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук / В.В. Бараненков. — М.: ВУ, 1999.
2. Бараненков, В.В. Теоретико-правовые основы юридической личности военных организаций : дис. ... д-ра юрид. наук / В.В. Бараненков. — М.: ВУ, 2008.
3. Бараненкова, И.В. Правовое положение органов федеральной службы безопасности как казенных учреждений : дис. ... канд. юрид. наук / И.В. Бараненкова. М.: — ВУ, 2013.
4. Белов, Я.Н. Правовое обеспечение применения Вооруженных Сил Российской Федерации за пределами территории Российской Федерации для пресечения международной террористической деятельности: национальный и международный аспект / Я.Н. Белов, А.И. Землин // Военное право. — 2019. — № 6. — С. 252—265.
5. Винокуров, А.Ю. Международно-правовые и организационные основы расследования военных преступлений в отношении гражданского населения : дис. ... д-ра юрид. наук / А.Ю. Винокуров. — М.: ВУ, 2012.
6. Военное право : монография : в 3 т. / под общ. ред. А.В. Савенкова, А.В. Кудашкина. — Т. I. История и теория военного права (с предисловием). — М.: Центр правовых коммуникаций, 2021. — 560 с.
7. Военное право : монография : в 3 т. / под общ. ред. А.В. Савенкова, А.В. Кудашкина. — Т. II. Современное состояние военного права (институты военного права). — М.: Центр правовых коммуникаций, 2021. — 585 с.
8. Военное право : монография : в 3 т. / под общ. ред. А.В. Савенкова, А.В. Кудашкина. — Т. III. Основные проблемы и перспективные направления военно-правовых исследований. — М.: Центр правовых коммуникаций, 2022. — 712 с.
9. Военное право : учебник / под ред. В.Г. Стрекозова, А.В. Кудашкина; [В.К. Белов, А.Ф. Воронов, Е.Н. Голенко и др.]. — М.: За права военнослужащих, 2004.
10. Дамаскин, О.В. Российская армия в современном обществе: проблемы и перспективы : монография / О.В. Дамаскин. — М., 2011.
11. Землин, А.И. Актуальные проблемы развития военно-правовой науки в современных условиях / А.И. Землин // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2021. — № 12 (293). — С. 73—76.
12. Землин, А.И. Методология военно-правового исследования. Общая часть : учебник и практикум / А.И. Землин, В.М. Корякин. — М., 2021.
13. Землин А.И., Корякин В.М., Электронный учебник «Методология военно-правового исследования» / А.И. Землин, В.М.Корякин / Свидетельство о регистрации программы для ЭВМ 2021665665, 30.09.2021.
14. Корякин, В.М. Военное право как наука / В.М. Корякин // Военное право. — 2021. — № 5 (69).
15. Корякин, В.М. Правовое обеспечение военно-социальной политики в Российской Федерации : дис. ... д-ра. юрид наук / В.М. Корякин. — М.: ВУ, 2005.
16. Корякин, В.М. Правовое обеспечение специальной военной операции / В.М. Корякин // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2022. — № ? (300). — С. 32—44.
17. Корякин, В.М. Современное состояние военного права: новое фундаментальное научное исследование / В.М. Корякин // Государство и право. — 2022. — № 1. — С. 207—210.
18. Корякин, В.М. Электронный учебник «Методология военно-правового исследования» / А.И. Землин, В.М. Корякин / Свидетельство о регистрации программы для ЭВМ 2021665665, 30.09.2021.
19. Кудашкин, А.В. Конституционно-правовой статус военнослужащих в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / А.В. Кудашкин. — М.: РАГС, 1998.
20. Кудашкин, А.В. Правовое регулирование военной службы в Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук : 20.02.03 / А.В. Кудашкин. — М.: РАГС, 2003.
21. Кудашкин, В.В. Внешнеторговые сделки в сфере военно-технического сотрудничества Российской Федерации с иностранными государствами: гражданско-правовые аспекты : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / В.В. Кудашкин. — М.: РАГС, 1999.
20. Кудашкин, В.В. Правовое регулирование военно-технического сотрудничества Российской Федерации с иностранными государствами : дис. ... д-ра юрид. наук : 20.02.03 / В.В. Кудашкин. — М.: РАГС, 2003.
22. Лиховидов, К.С. Проблемы законодательного обеспечения и практики реализации юридической ответственности

военнослужащих : дис... д-ра юрид наук / К.С. Лиховидов. — М.: ВУ, 2005.

23. Маликов, С.В. Расследование преступлений в условиях вооруженных конфликтов : монография / С.В. Маликов. — М., 2005.

24. Мигачев, Ю.И. Правовые гарантии реализации статуса военнослужащих (сравнительно-правовое исследование) : дис. ... д-ра юрид наук : 20.02.03 / Ю.И. Мигачев. — М.: ВУ, 1999.

25. Савенков, А.Н. Актуальные проблемы конституционной законности в Вооруженных Силах Российской Федерации и роль прокуратуры в их решении : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.02 / А.Н. Савенков. — М., 2002.

26. Савенков, А.Н. «Нюрнберг: Приговор во имя Мира» : монография / А.Н. Савенков. — М.: Проспект, 2021.

27. Старцун, В.Н. Социальные гарантии прав военнослужащих и граждан, уволенных с военной

службы : дис. ... д-ра юрид наук / В.Н. Старцун. — М.: ВУ, 2009.

28. Туганов, Ю.Н. Правовое обеспечение воинской дисциплины в Вооруженных Силах Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид наук / Ю.Н. Туганов. — М.: ВУ, 2005.

29. Фатеев, К.В. Правовое регулирование обеспечения военной безопасности Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид наук : 20.02.03 / К.В. Фатеев. — М.: ВУ, 2005.

30. Холиков, И.В. Международно-правовой статус военно-медицинского персонала / И.В. Холиков. — М.: ГВКГ им. Н.Н.Бурденко, 2002. — 160 с.

31. Холиков, И.В. Правовое обеспечение международного сотрудничества в области военной медицины и здравоохранения : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — М: РАГС, 2005. — 34 с.

Обеспечение безопасности пунктов управления государством и Вооруженными Силами Российской Федерации, иных специальных объектов мобилизационного назначения

© **Корякин Виктор Михайлович**,
доктор юридических наук, профессор, профессор
25 кафедры ФГКВОУ ВО «Военный университет
имени князя Александра Невского» Минобороны
России; профессор кафедры «Теория права,
гражданское право и гражданский процесс»
ФГАОУ ВО «Российский университет
транспорта»

Аннотация. Статья представляет собой научно-практический комментарий к Федеральному закону от 14 июля 2022 г. № 336-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации" и статью 51 Федерального закона "О воинской обязанности и военной службе"», которым урегулированы вопросы обеспечения безопасности специальных объектов, отнесенных к ведению федерального органа обеспечения мобилизационной подготовки органов государственной власти Российской Федерации.

Ключевые слова: мобилизация; мобилизационная подготовка; пункты управления государством и Вооруженными Силами; специальные объекты; Главное управление специальных программ Президента Российской Федерации (ГУСП).

Ensuring the security of control points of the state and the Armed Forces of the Russian Federation, other special mobilization facilities

© **Koryakin V.M.**,
Doctor of Law, Professor, Professor of the 25th
Department of the Prince Alexander Nevsky
Military University of the Russian Ministry of
Defense; Professor of the Theory of Law, Civil Law
and Civil Procedure Department of the Russian
University of Transport

Annotation. The article is a scientific and practical commentary on Federal Law No. 336-FZ of July 14, 2022 "On Amendments to the Federal Law "On Mobilization Training and Mobilization in the Russian Federation" and Article 51 of the Federal Law "On Military Duty and Military Service", which regulates the issues of ensuring the safety of special facilities assigned to the jurisdiction of the federal body for ensuring mobilization training of state authorities of the Russian Federation.

Keywords: mobilization; mobilization training; control points of the state and the Armed Forces; special facilities; the Main Directorate of Special Programs of the President of the Russian Federation (GUSP).

Одним из важнейших компонентов обеспечения национальной безопасности Российской Федерации является институт мобилизации. *Мобилизация* (франц. Mobilization, от лат. mobilis — подвижный) — комплекс мероприятий государства по приведению в активное состояние, сосре-

доточению и напряжению имеющихся ресурсов, сил и средств для достижения целей войны¹.

¹ Военная энциклопедия : в 8 томах / Т. 5. М.: Воениздат, 2001. С. 181.

Официальное определение данного понятия содержится в п. 2 ст. 1 Федерального закона от 26 февраля 1997 г. № 31-ФЗ «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации» (далее — Закон о мобилизации), согласно которому под *мобилизацией в Российской Федерации* понимается комплекс мероприятий по переводу экономики Российской Федерации, экономики субъектов Российской Федерации и экономики муниципальных образований, переводу органов государственной власти, органов местного самоуправления и организаций на работу в условиях военного времени, переводу Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований, органов и специальных формирований на организацию и состав военного времени.

Частью мобилизации в Российской Федерации является *мобилизация Вооруженных Сил Российской Федерации*, которая заключается в их мобилизационном развёртывании в соответствии с Мобилизационным планом Вооружённых Сил. Мобилизация Вооружённых Сил проводится в системе мобилизационных мероприятий, реализуемых в Российской Федерации, в соответствии с нормативными правовыми актами Российской Федерации в области обороны. Мобилизация Вооружённых Сил может быть общей или частичной. Общая мобилизация охватывает все Вооружённые Силы и проводится на всей территории страны в случае агрессии или непосредственной угрозы агрессии против Российской Федерации. При частичной мобилизации осуществляется мобилизационное развёртывание части Вооружённых Сил на определённых ТВД¹.

С мобилизацией тесно связаны и вытекают из нее понятия:

— *мобилизационная подготовка* — комплекс мероприятий, проводимых в мирное время, по заблаговременной подготовке экономики Российской Федерации, экономики субъектов Российской Федерации и экономики муниципальных образований, подготовке органов государствен-

ной власти, органов местного самоуправления и организаций, подготовке Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований, органов и создаваемых на военное время в соответствии с Федеральным законом от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне» специальных формирований к обеспечению защиты государства от вооруженного нападения и удовлетворению потребностей государства и нужд населения в военное время;

— *мобилизационная готовность*», которая представляет собой способность Вооруженных Сил, других войск и органов, экономики государства, а также федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления и организаций к выполнению мобилизационных планов².

Как показывает исторический опыт, система восполнения Вооруженных Сил резервами должна быть создана заблаговременно, еще в мирное время. Без хорошо налаженной подготовки достаточного количества мобилизационных ресурсов в мирное время трудно рассчитывать на возможность формирования в военное время резервов, способных обеспечить стратегическое развёртывание Вооруженных Сил, наращивание усилий в ходе войны и восполнение потерь. Заблаговременное накопление и подготовка таких резервов, а также умелое их применение являются важными факторами, влияющими на ход и исход как отдельных операций, так и войны в целом³.

Именно в силу этих соображений Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400, в числе задач, которые решаются для достижения целей обороны страны, называет:

² Там же // <https://dictionary.mil.ru/folder/123102/item/129210/>

³ Харкевич А.Л. Вопросы осуществления мобилизационной подготовки и мобилизации в современных условиях // Вестник ТГТУ. 2003. Том 9. № 4. С. 782—785.

¹ Справочник по терминологии в оборонной сфере // <https://dictionary.mil.ru/folder/123102/item/129212/>

а) совершенствование планирования мер по обеспечению мобилизационной подготовки и мобилизации в Российской Федерации и их реализации в необходимом объеме;

б) создание стратегических резервов минерально-сырьевых ресурсов, достаточных для гарантированного обеспечения мобилизационных нужд Российской Федерации и потребностей экономики страны на долгосрочную перспективу.

Значительное место вопросам мобилизационной подготовки и мобилизационной готовности уделено в Военной доктрине Российской Федерации (утв. Президентом Российской Федерации 25 декабря 2014 г. № Пр-2976)¹. В данном документе определены следующие основные задачи мобилизационной подготовки:

а) обеспечение устойчивого государственного управления в военное время;

б) создание нормативно-правовой базы, регулирующей применение экономических и иных мер в период мобилизации, в период действия военного положения и в военное время, включая особенности функционирования в эти периоды финансово-кредитной, налоговой систем и системы денежного обращения;

в) обеспечение потребности Вооруженных Сил, других войск и органов, других потребностей государства и нужд населения в военное время;

г) создание специальных формирований, предназначенных при объявлении мобилизации для передачи в Вооруженные Силы или использования в интересах экономики Российской Федерации;

д) поддержание промышленного потенциала Российской Федерации на уровне, достаточном для удовлетворения потребностей государства и нужд населения в военное время;

е) обеспечение дополнительными людскими и материально-техническими ресурсами Вооруженных Сил, других войск и органов, отраслей экономики для

решения задач в условиях военного времени;

ж) организация восстановительных работ на объектах, поврежденных или разрушенных вследствие военных действий, включая восстановление производственных мощностей, предназначенных для выпуска вооружения, военной и специальной техники, а также прикрытия на транспортных коммуникациях;

з) организация снабжения населения продовольственными и непродовольственными товарами в условиях ограниченных ресурсов в военное время.

Для того, чтобы эти задачи успешно решались, в Российской Федерации в соответствии с Законом о мобилизации создана система пунктов управления государством и Вооруженными Силами Российской Федерации в угрожаемый период и в военное время. Для их успешного функционирования создана соответствующая инфраструктура специальных объектов.

В системе государственных органов, в которых предусмотрена военная служба, создан и функционирует федеральный орган обеспечения мобилизационной подготовки органов государственной власти Российской Федерации², одной из основных задач которого являются организация функционирования пунктов управления государством и Вооруженными Силами Российской Федерации, иных специальных объектов мобилизационного назначения, отнесенных к его ведению, и объектов их инфраструктуры, а также поддержание специальных объектов в готовности к использованию по назначению.

Учитывая исключительно важную роль, которую указанные объекты призваны решать в системе обеспечения обороны страны, государство уделяет постоянное внимание развитию этой инфраструктуры, предназначенной для обеспечения мобилизационной готовности. В связи с ростом внешних угроз безопасности, в том числе

¹ См. подр.: Жирнов Ю.Н. Вопросы мобилизации и мобилизационной готовности в новой военной доктрине Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 6. С. 94—98.

² Таким органом является Главное управление специальных программ Президента Российской Федерации (ГУСП), действующее на основании Положения, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 31 декабря 2017 г. № 651.

диверсионно-террористического характера, а также учитывая условия специальной военной операции, проводимой с 24 февраля 2022 г. по денацификации и демилитаризации Украины, возникла необходимость совершенствования правового обеспечения безопасности указанных специальных объектов мобилизационного назначения.

В этих целях был разработан и с 13 октября 2022 г. вступает в силу Федеральный закон от 14 июля 2022 г. № 336-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации" и статью 51 Федерального закона "О воинской обязанности и военной службе"». Данным законом внесены изменения и дополнения внесены в две статьи Закона о мобилизации, а также этот законодательный акт дополнен новым разделом «Обеспечение безопасности специальных объектов и объектов их инфраструктуры», включающим пять статей

В чем заключается основное содержание новаций Закона о мобилизации?

Во-первых, обеспечение безопасности объектов мобилизационного назначения включено в содержание мобилизационной подготовки и мобилизации.

Во-вторых, определены полномочия ГУСП в сфере обеспечения безопасности объектов мобилизационного назначения. Данному органу предоставлены полномочия:

— устанавливать пропускной и внутриобъектовый режимы на специальных объектах и объектах их инфраструктуры, включая перечень вещей (грузов), запрещенных к проносу и провозу на эти объекты;

— устанавливать в связи с размещением специальных объектов и объектов их инфраструктуры зоны охраняемого военного объекта, охранные зоны военного объекта, запретные и специальные зоны;

— приостанавливать производство работ, осуществление хозяйственной и иной деятельности в пределах зон охраняемого военного объекта, охранных зон военного объекта, запретных и специальных зон, установленных в связи с размещением

специальных объектов и объектов их инфраструктуры, до устранения причин и условий, способствующих реализации угроз безопасности специальных объектов и объектов их инфраструктуры, препятствующих их охране и защите или обеспечению их функционирования;

— вносить в государственные органы, органы местного самоуправления, организации, учреждения и общественные объединения обязательные для исполнения представления об устранении причин и условий, способствующих реализации угроз безопасности специальных объектов и объектов их инфраструктуры;

— пресекать нахождение беспилотных воздушных судов в воздушном пространстве в целях охраны объектов мобилизационного назначения, находящихся в его ведении, от противоправных действий (бездействий) и защиты сведений о данных объектах¹.

В-третьих, установлены порядок и пределы действий сотрудников ГУСП при осуществлении охраны объектов мобилизационного назначения. Военнослужащим ГУСП при осуществлении охраны и защиты специальных объектов и объектов их инфраструктуры предоставлено право:

— применять физическую силу, специальные средства, оружие, военную и специальную технику лично или в составе подразделения (группы) в случаях и порядке, которые предусмотрены Законом о мобилизации и общевойсковыми уставами;

— осуществлять при обеспечении пропускного и внутриобъектового режимов на специальных объектах и объектах их инфраструктуры личный досмотр граждан, досмотр (осмотр) находящихся при них вещей, досмотр транспортных средств и перевозимых грузов, в том числе с применением технических средств и служебных животных;

— осуществлять административное задержание и доставление в служебное помещение органа внутренних дел (полиции) или служебное помещение воинской

¹ Аналогичные полномочия имеются у органов федеральной службы безопасности, органов государственной охраны, войск национальной гвардии Российской Федерации и СВР России.

части лиц, совершивших правонарушения, связанные с попытками проникновения и проникновением на специальные объекты и объекты их инфраструктуры, а также проверять у этих лиц документы, удостоверяющие их личность, получать от них объяснения, осуществлять личный досмотр этих лиц, досмотр и изъятие их вещей и документов.

Комментируемым Федеральным законом подробно урегулированы все возможные случаи применения военнослужащими ГУСП физической силы, специальных средств, оружия, военной и специальной техники, служебных животных, а также определены условия и порядок такого применения. Важно заметить, что сопоставление этих норм с аналогичными нормами о порядке применения оружия и иных средств военнослужащими и сотрудниками иных органов (военной полиции, ФСБ России, МВД России, Росгвардии, ФСИН России и др.) показывает, что в общем и целом эти нормы совпадают¹. Это свидетельствует об унификации правового регулирования в данной сфере, что представляется безусловно правильным.

В-четвертых, установлены нормы о защите информации об объектах мобилизационного назначения, находящихся в ведении ГУСП. Граждане Российской Федерации, поступающие на военную службу, на федеральную государственную гражданскую службу или на работу в ГУСП, а также военнослужащие, федеральные государственные гражданские служащие и работники ГУСП проходят:

а) психофизиологические исследования, тестирования и проверку в целях определения их пригодности к службе или к работе в федеральном органе обеспечения мобилизационной подготовки органов государственной власти Российской Федерации и соответствия квалификационным требованиям, в том числе с применением технических и иных устройств, не нанося-

щих ущерба жизни и здоровью людей и не причиняющих вреда окружающей среде;

б) процедуру оформления допуска к сведениям, составляющим государственную тайну.

Наряду с Законом о мобилизации внесено изменение в ст. 51 Федерального закона от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе». Согласно внесенному уточнению военнослужащие ГУСП могут быть досрочно уволены с военной службы в связи с несоответствием требованиям, неисполнением обязанностей, нарушением запретов, несоблюдением ограничений, установленных законодательством Российской Федерации и связанных с прохождением военной службы в ГУСП.

В полной мере нововведения, предусмотренные комментируемым Федеральным законом, будут оказывать свое регулирующее воздействие на общественные отношения в сфере обеспечения безопасности специальных объектов мобилизационного назначения после формирования соответствующей подзаконной нормативной правовой базы. Исходя из анализа норм данного законодательного акта требуется:

1) внесение изменений в Положение о Главном управлении специальных программ Президента Российской Федерации, утвержденное Указом Президента Российской Федерации от 31 декабря 2017 г. № 651;

2) принятие правового акта Правительства Российской Федерации об утверждении перечня состоящих на вооружении ГУСП оружия, боеприпасов, боевой и специальной техники, специальных средств;

3) издания нормативных правовых актов ГУСП, определяющих:

— порядок внесения в органы государственной власти, органы местного самоуправления, организации, общественные объединения обязательных для исполнения представлений об устранении причин и условий, порождающих угрозу безопасности объектов мобилизационного назначения, находящихся в ведении ГУСП, и полномочия должностных лиц ГУСП по их внесению;

¹ См. подр.: Корякин В.М. Применение оружия, специальных средств и физической силы военнослужащими при выполнении служебных задач по обеспечению законности и правопорядка // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2016. № 3. С. 24—33.

— порядок приостановления производства работ, осуществления хозяйственной и иной деятельности на прилегающих к объектам мобилизационного назначения, находящимся в ведении ГУСП, территориях до устранения причин и условий, порождающих угрозу безопасности объектов мобилизационного назначения либо препятствующих их охране или поддержанию необходимых условий для их функционирования, а также перечень должностных лиц ГУСП, уполномоченных осуществлять такую приостановку;

— перечень вещей (грузов), запрещенных к проносу и провозу на охраняемые объекты мобилизационного назначения, находящиеся в ведении ГУСП;

— требования к антитеррористической защищенности объектов мобилизационного назначения, находящиеся в ведении ГУСП, и форму паспорта безопасности таких объектов;

— порядок организации профессиональной, командирской и боевой подготовки военнослужащих ГУСП;

— порядок принятия решения о пресечении нахождения беспилотных воздушных судов в воздушном пространстве в целях охраны объектов мобилизационного назначения, находящихся в ведении ГУСП, от противоправных действий (бездействий) и защиты сведений о данных объектах, а также перечень должностных лиц ГУСП, уполномоченных на принятие такого решения;

— порядок специальной подготовки, а также периодической проверки на профессиональную пригодность военнослужащих ГУСП к действиям в условиях, связанных с применением физической силы, специальных средств, оружия, боевой и специальной техники, и на умение оказывать первую помощь пострадавшим в результате их применения;

— порядок выдачи, ношения и хранения оружия и специальных средств военнослужащими ГУСП;

— перечень документов и материалов, содержащих сведения в сфере обеспечения безопасности объектов мобилизационного назначения, находящихся в ведении

ГУСП, и подлежащих в этой связи хранению в архиве ГУСП;

— порядок, случаи и сроки проведения в отношении граждан Российской Федерации, поступающих на военную службу, на федеральную государственную гражданскую службу или на работу в ГУСП, а также в отношении военнослужащих и гражданского персонала ГУСП психофизиологических исследований, тестирований на предмет употребления наркотических средств и психотропных веществ, наличия у них алкогольной, наркотической или иной токсической зависимости, проверки в целях определения их пригодности к службе или к работе в ГУСП и соответствия квалификационным требованиям;

— порядок размещения военнослужащими и гражданским персоналом ГУСП своих персональных данных в социальных сетях, блогах (микроблогах) и иных сетевых сообществах информационно-телекоммуникационной сети «Интернет».

4) издания правовых актов федеральных органов исполнительной власти, определяющих перечень объектов мобилизационного назначения, находящихся в их ведении.

Таким образом, с принятием и вступлением в силу Федерального закона от 14 июля 2022 г. № 336-ФЗ в Российской Федерации создана законодательная основа для обеспечения безопасности важнейшего сегмента обороны страны и национальной безопасности государства — безопасности системы специальных объектов мобилизационного назначения.

Библиография

1. Жирнов, Ю.Н. Вопросы мобилизации и мобилизационной готовности в новой военной доктрине Российской Федерации / Ю.Н. Жирнов // Вестник Московского университета МВД России. — 2016. — № 6. — С. 94—98.
2. Корякин, В.М. Применение оружия, специальных средств и физической силы военнослужащими при выполнении служебных задач по обеспечению законности и правопорядка / В.М. Корякин // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2016. — № 3. — С. 24—33.
3. Харкевич, А.Л. Вопросы осуществления мобилизационной подготовки и мобилизации в современных условиях / А.Л. Харкевич // Вестник ТГТУ. — 2003. — Том 9. — № 4. — С. 782—785.

Законодательство военного времени как комплексное нормативное правовое образование

© Тарадонов Сергей Валерьевич,

кандидат юридических наук, доцент, профессор
кафедры теории и истории государства и права
ФГКВОУ ВО «Военный университет имени князя
Александра Невского» Минобороны России

Аннотация. В статье на основе правовых позиций, изложенных в научной литературе, определено понятие и место в системе правового регулирования нормативного комплексного массива — «законодательство военного времени». Сформулирована авторская позиция относительно понятия «законодательство военного времени» как комплекса нормативных правовых актов, принимаемых в мирное время (и в последующем в ходе войны), вступающих в силу с момента объявления состояния войны или фактического начала военных действий, регулирующий деятельность военной организации государства в целях перестройки её на военный лад и организации вооруженной защиты страны, в т.ч. для выполнения международных договоров государства.

На основе исследования понятия, сущности и признаков «законодательства военного времени», определена его система и место в структуре системы законодательства. Предлагается считать комплексный массив «законодательства военного времени» - комплексным институтом военного законодательства, входящим в подотрасль военного законодательства регулирующее право вооруженных конфликтов.

Ключевые слова: законодательство военного времени, военное законодательство; законодательство о вооруженных конфликтах; право военного времени; военное время, военное положение, агрессия, непосредственная угроза агрессии, чрезвычайное положение.

Wartime legislation as a comprehensive regulatory legal constitution

© Taradonov S. V.,

Sc. Law, docent, the professor of the Theory and
History of State and Law Department of the Prince
Alexander Nevsky Military University of the Russian
Ministry of Defense

Annotation. Based on legal positions set out in the scientific literature, the article defines the concept and place in the legal regulation system of the normative complex array — "legislation of wartime". The author's position is formulated regarding the concept of "wartime legislation" as a set of normative legal acts adopted in peacetime (and subsequently during the war), which enter into force from the moment of the declaration of a state of war or the actual beginning of hostilities, regulating the activities of the military organization of the state in order to restructure it in a military manner and the organization of the armed defense of the country, including the implementation of international treaties of the state.

Based on the study of the concept, essence and features of "wartime legislation", its system and place in the structure of the legislative system are determined. The complex array of "wartime legislation" is considered as a complex institution of military legislation, which is part of the sub-branch of military legislation regulating the law of armed conflicts.

Key words: wartime legislation, military legislation; legislation on armed conflicts; wartime law; wartime, martial law, aggression, immediate threat of aggression, state of emergency.

В томе III монографии «Военное право» (под общ. ред. А.В. Савенкова, А.В. Кудашкина)¹ предпринята концептуальная попытка определить понятие военного законодательства, его структуры и места в правовой системе России. Однако несмотря на то, что авторами фундаментально исследованы основные институты военного законодательства, без должного внимания осталась категория «законодательство военного времени».

Представляется, что в современных условиях данный пробел должен быть восполнен. Характеризуя понятие «законодательство военного времени», прежде всего, следует определиться с пониманием терминов «законодательство» и «военное время», которые в юридической литературе трактуются неоднозначно.

В научной среде сформировался устойчивый подход к понятию «законодательство», обозначающий под этим термином как законы, так и основанные на них подзаконные нормативные акты. Например, по мнению С.В. Полениной, законодательство есть совокупность законов и иных нормативных актов, связанных иерархией и соподчиненностью, а также взаимодействующих между собой как в целом, так и в своих структурных частях, и регламентирующих общественные отношения применительно к отраслям права, функциям и сферам государственного управления².

Аналогичный подход является в целом господствующим и в настоящее время. Под широкой трактовкой законодательства понимают систему не только законов, но и весь массив подзаконных нормативных актов Президента Российской Федерации, Правительства Российской Федерации, министерств, ведомств, других органов

государственной власти и управления. Эти акты в своей совокупности образуют систему законодательства в широком смысле³.

В сфере военной деятельности государства также есть целый ряд законов, в которых законодатель придерживается широкого подхода к пониманию законодательства, правда используя близкий к нему термин «правовые основы». Например, в ст. 4 Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» и ст. 3 Федерального закона от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» помимо указания на регулирование законами, содержится дополнение: «и иные нормативные правовые акты Российской Федерации...».

Закрепленная в ч. 3 ст. 331 УК РФ диспозиция, что «уголовная ответственность за преступления против военной службы, совершенные в военное время либо в боевой обстановке, определяется *законодательством Российской Федерации военного времени*», также основана на широком подходе к пониманию системы правового регулирования в военный период.

Поэтому, представляется целесообразным, рассматривать термин «законы военного времени» — в широком, обобщающем смысле — как «законодательство», т.е. все законы и иные нормативные правовые акты, принятые на основании закона в целях регулирования отношений в военное время. Именно на таком широком подходе, поддерживаемом большинством современных ученых, мы будем основываться далее.

Теперь обратимся к понятию «военное время».

¹ Военное право : монография : в 3 т. / под общ. ред. А.Н. Савенкова, А.В. Кудашкина . Т. III. Основные проблемы и перспективные направления военно-правовых исследований. М.: Центр правовых коммуникаций, 2022.

² См.: Поленина С.В. Теоретические проблемы системы советского законодательства. М., 1979. С. 21.

³ Алексеев С.С. Государство и право. М. Юрид. лит., 1994. С. 108; Теория государства и права : учебник для вузов / В.К. Бабаев (и др.); под ред. В.К. Бабаева. — 4-е изд., перераб. и доп. М.: Изд. Юрайт, 2022. С. 313; Теория права и государства / под ред. Г.М. Манова. М.: Бек, 1996. С. 195.

Под военным временем, как правило, понимается период фактического нахождения государства в состоянии войны с другим государством¹. Определение военного времени не претерпело существенных изменений по сравнению с законодательством советского периода, т.к. примерно такое же определение содержалось и в «Советской военной энциклопедии» 1976 г., а также более ранних её изданиях².

Как отмечал видный военный ученый профессор Х.М. Ахметшин, «под военным временем понимается период, в течение которого СССР находится в состоянии войны с иностранным государством. Его начало определяется моментом объявления войны либо моментом фактического начала военных действий. Конечным моментом военной времени следует считать время, когда высшими органами государственной власти официально объявлено о прекращении (окончании) военных действий, но не ранее их фактического прекращения»³. Аналогичное мнение высказывалось и профессором В.А. Владимировым, определявшим понятие военного времени как «время, в течение которого СССР находится в состоянии войны, с момента ее объявления или фактического начала военных действий до момента объявления о ее окончании, но не ранее фактического прекращения военных действий»⁴.

Термин «военное время» используется законодателем во множестве нормативных правовых актов, регулирующих отношения, связанные с применением вооруженного насилия и защитой жертв вооруженных конфликтов⁵.

В соответствии с п. 2. ст. 18 Федерального закона «Об обороне» военное время наступает с момента объявления состояния войны или фактического начала военных действий и истекает с момента объявления о прекращении военных действий, но не ранее их фактического прекращения. Согласно п. 1 ст. 18 указанного Закона состояние войны объявляется федеральным законом в случае вооруженного нападения на Российскую Федерацию другого государства или группы государств, а также в случае необходимости выполнения международных договоров Российской Федерации.

Разработан ряд приказов Министра обороны Российской Федерации и правовых актов руководителей иных федеральных органов исполнительной власти, в названиях которых присутствуют слова «военное время», однако все они содержат сведения, составляющие государственную тайну⁶.

Военное время, как правило, предопределяет глубокие изменения во всех

Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ч. 3 ст. 331); Воздушный кодекс Российской Федерации от 19.03.1997 № 60-ФЗ (ст. 39); Федеральный закон от 27.05.1998 № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» (п. 2 ст. 1); Федеральный закон от 28.03.1998 № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» (п. 2 ст. 1); Федеральный закон от 25.07.2002 № 113-ФЗ «Об альтернативной гражданской службе» (ст. 9); Федеральный закон от 26.02.1997 № 31-ФЗ «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации» (разд. VI); Федеральный закон от 18.07.2006 № 109-ФЗ «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» (подп. 9 п. 2 ст. 5); Федеральный закон от 06.10.1999 № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» (подп. 52 п. 2 ст. 26.3); Федеральный закон от 12.01.1996 № 8-ФЗ «О погребении и похоронном деле» (п. 2 ст. 11); Федеральный закон от 27.05.1996 № 57-ФЗ «О государственной охране» (ст. 5, 14) и др.

⁶ Тюрин А.И. Военное право Российской Федерации нуждается в развитии отдельной подотрасли, регулирующей процесс применения Вооруженных Сил по их предназначению // Рос. военно-правовой сб. 2007. № 9. С. 197—200.

¹ Российская военная энциклопедия. М., 1994. С. 149.

² Советская военная энциклопедия. М., 1976. Т. 2. С. 210.

³ Ахметшин Х.М., Прокопович Е.В. Воинские преступления. М.: ВИ, 1978. С 50.

⁴ Владимиров В.А. Советское уголовное право. Часть особенная. М., 1979. С 537.

⁵ Например: Федеральный закон от 31.05.1996 № 61-ФЗ «Об обороне» (ст. 2, 9, 18, п. 4 ст. 13); Федеральный закон от 12.02.1998 № 28-ФЗ «О гражданской обороне» (ст. 2); Уголовный кодекс Российской

сферах жизни страны: вступают в действие законы военного времени, возлагающие на гражданские учреждения и организации дополнительные обязанности и функции в интересах повышения боеспособности вооруженных сил, на отдельных территориях или на всей территории вводится военное положение и т.д. Объявление начала войны и ее завершение — компетенция государственной власти или руководства противоборствующих социальных сил¹.

Рассмотрим более детально основные подходы к определению момента начала и окончания «военного времени».

В соответствии со ст. 1 III Гагской конвенцией об открытии военных действий от 18 октября 1907 г.² неправомерно начинать войну без предварительного, недвусмысленного предупреждения, имеющего форму мотивированного объявления или ультиматума, содержащего требования выполнить определенные условия в указанный срок под угрозой применения мер воздействия вплоть до вооруженного нападения. Тем не менее, известно множество случаев нарушения этих положений, среди которых наиболее показательными являются вероломное нападение Германии на СССР и Японии на Перл-Харбор (США) в 1941 г.

Констатируем, что с первым основанием фиксации наличия военного времени — объявлением федеральным законом состояния войны — вопросов не возникает. С вступлением в силу такого закона начинает применяться законодательство военного времени. А вот второму основанию — фактическому началу военных действий, думается, стоит уделить гораздо больше внимания.

Что же понимать под фактическим началом военных действий? С.И. Ожегов³ дает следующее толкование понятию «военные действия»: война, боевые операции. Основываясь на таком понимании термина «военные действия», можно сделать вывод, что военными действиями стоит признавать любые действия, выполняемые в ходе боевых операций. Представляется, что законодатель, формируя норму, указывал на те случаи, когда внезапное нападение отражается как силами регулярной армии, так и силами населения, проживающего на местности, где ведутся такие действия, т.е. в соответствии со ст. 51 Устава ООН возникло право на индивидуальную или коллективную самооборону. Действительно, в такой ситуации, когда требуется даже небольшое, но, все-таки, время, на разработку и принятие соответствующего закона, военные действия уже ведутся и существуют те общественные отношения, которые регулируют деятельность всех индивидов общества в области обороны⁴.

Фактическое начало военных действий, как правило, происходят в целях необходимости противостояния агрессии, исходящий от другого государства или группы государств. В случае агрессии против Российской Федерации или непосредственной угрозы агрессии Президент Российской Федерации вводит на территории Российской Федерации или в отдельных ее местностях военное положение с незамедлительным сообщением об этом Совету Федерации и Государственной Думе⁵.

Содержание понятий «агрессия» и «непосредственная угроза агрессии», опре-

¹ Военное право : учебник / И.Н. Арцибасов, В.П. Серегин, Х.М. Ахметшин; под ред. А.Г. Горного. М.: Воениздат, 1984.

² Советский Союз признал данную конвенцию имеющей для него силу только в 1955 г. См.: Нота МИД СССР относительно Гагских конвенций и деклараций 1899 и 1907 гг. : Сборник документов. М.: Международное право, 2000. С. 671.

³ См.: Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1999. С. 512.

⁴ Кудинов М.А. Теоретические и правовые основы уголовной ответственности за преступления против военной службы, совершаемые в военное время и в боевой обстановке : дис. ... канд. юрид. наук. 20.02.03. М., ВУ, 2004. С. 58.

⁵ См.: ч. 2 ст. 87 Конституции Российской Федерации; п.1 ст.1, п. 1 ст. 3 Федерального конституционного закона от 30.01.2002 № 1-ФКЗ «О военном положении».

деляется положениями Устава ООН, общепризнанными принципами и нормами международного права.

Непосредственно определение агрессии дано в Резолюции, принятой XXIX сессией Генеральной Ассамблеи ООН 14 декабря 1974 г.¹, в ст. 1 которой закреплено, что агрессией является применение вооруженной силы государством против суверенитета, территориальной неприкосновенности или политической независимости другого государства или каким-либо другим образом, несовместимым с Уставом ООН. В п. «b» пояснительного примечания разъясняется, что термин «государство» включает и понятия «группа государств». В ст. 3 названной Резолюции конкретизировано, что в качестве агрессии, независимо от объявления войны, будет квалифицироваться: «a) вторжение или нападение вооруженных сил государства на территорию другого государства или любая военная оккупация, какой бы временный характер она не носила, являющаяся результатом такого вторжения или нападения, или любая аннексия с применением территории другого государства или части ее; b) бомбардировка вооруженными силами государства территории другого государства или применение любого оружия территории другого государства; c) блокада портов или берегов государства вооруженными силами другого государства; d) нападение вооруженных сил государства на сухопутные, морские или воздушные силы или морские и воздушные флоты другого государства; e) применение вооруженных сил одного государства, находящихся на территории другого государства по соглашению с принимающим государством, в нарушение условий, предусмотренных в соглашении, или любое продолжение их пребывания на такой территории по прекращении действия соглашения; f) действие государства, позволяющего, чтобы его террито-

рию, которую оно предоставило в распоряжение другого государства, использовалось этим другим государством для совершения акта агрессии против третьего государства; q) засылка государством или от имени государства вооруженных банд, групп и регулярных сил или наемников, которые осуществляют акты применения вооруженной силы против другого государства, носящие столь серьезный характер, что это равносильно перечисленным выше актам, или его значительное участие в них».

Последняя форма агрессии относится некоторыми авторами к «косвенной» агрессии, тогда как остальные виды относятся к прямой агрессии².

В соответствии со ст. 4 Резолюции приведенный перечень актов не является исчерпывающим, так как Совет Безопасности ООН может определить, какие другие акты представляют собой агрессию.

Значительно более сложным представляется определение непосредственной угрозы агрессии, т.к. «понятие не совсем ясное, достаточно обтекаемое и, главное, никакого толкования в законе ему нет»³. Тем более, учитывая современную лабильность форм и методов реализации «непосредственной угрозы агрессии». Примеры угроз, исходящих от властей современной Украины перед началом специальной военной операции, ярко иллюстрируют состояние «непосредственной угрозы агрессии».

Как и в законодательстве России, «непосредственная угроза агрессии» рассматривается в основания для введения военного положения и в конституциях ряда других государств, однако, в них также не содержится исчерпывающего понятия такой угрозы. Решение данного вопроса передается на усмотрение компетентных органов государственной власти, правомочных вве-

¹ Действующее международное право : В 3-х т. Составители Колосов Ю.М., Кривчикова Э.С. М.: Издательство Международного независимого института международного права, 1997. Т. 2. С. 200—201.

² См.: Додонов В.Н., Панов В.И., Румянцев О.Г. Международное право : словарь-справочник. М.: Инфра-М., 1997. С. 7—8.

³ Ванденко И. На случай войны // Известия. 1997. 15 июля.

сти военное положение в стране или в ее отдельных местностях¹.

«Угроза агрессии» может реализовываться в разных формах и различными методами. Однако для обеспечения обороны страны наиболее значимой формой является военная угроза.

Военная доктрина Российской Федерации определяет военную угрозу как состояние межгосударственных или внутригосударственных отношений, характеризующееся реальной возможностью возникновения военного конфликта между противостоящими сторонами, высокой степенью готовности какого-либо государства (группы государств), сепаратистских (террористических) организаций к применению военной силы (вооруженному насилию)². Военная сила может применяться напрямую для обеспечения безопасности страны в случаях вооруженного конфликта, локальной, региональной или крупномасштабной войны³. При этом, как констатируется в Стратегии национальной безопасности, «увеличивается опасность перерастания вооруженных конфликтов в локальные и региональные войны, в том числе с участием ядерных держав»⁴. Перечень основных вызовов и угроз национальной безопасности России в Мировом океане определен в Морской доктрине⁵.

Таким образом, любое из вышеперечисленных действий неразрывно связано с состоянием войны и свидетельствует о том, что фактически военные действия могут

проводиться и до объявления законом состояния войны, а значит, военное время зачастую наступает значительно раньше принятия закона, объявляющего состояние войны. Кроме того, сам факт объявления войны первым рассматривается международным сообществом как акт агрессии⁶.

Конечным моментом военного времени следует считать время, когда высшими органами государственной власти официально объявлено о прекращении (окончании) военных действий, но не ранее их фактического прекращения. Это влечет за собой завершение периода соблюдения, исполнения, использования и применения правовых норм законов военного времени⁷. Формами прекращения военных действий могут являться перемирие и капитуляция. Конвенцией о законах и обычаях сухопутной войны 1907 г.⁸ определено, что перемирие приостанавливает военные действия по взаимному соглашению воюющих сторон. Перемирие может быть общим или местным⁹. Капитуляция — это прекращение сопротивления вооруженных сил или их части на театрах военных действий¹⁰.

⁶ См.: Конвенция об определении агрессии: Заключена в Лондоне 3 июля 1933 г. Ратифицирована СССР 17 августа 1933 г. // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, включенных СССР с иностранными государствами Вып. VIII, М., 1935. С. 27—31.

⁷ Никонов Д.А. Отечественное чрезвычайное военное законодательство: 1920—1941 гг.: историко-правовое исследование : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. СПб., 2007. С. 37.

⁸ IV Гагская конвенция о законах и обычаях сухопутной войны от 18 октября 1907 г. // Действующее международное право. Т. 2. М., 1996. С. 575—587.

⁹ На практике имели место соглашения о перемирии, которые не приостанавливали, а фактически прекращали военные действия в ожидании заключения мирного договора. Их иначе именуют предварительными (предварительными) мирными договорами. См.: Соколов В.А. Правовые формы прекращения состояния войны. М., 1963; Лукашук И.И. Международное право. Особенная часть : Учебник. 2-е изд. М., 2001.

¹⁰ См. например, Акт о капитуляции Германских вооруженных сил: Подписан в Берлине 8 мая 1945 г. // Сборник действующих договоров, соглашений и

¹ Пчелинцев С.В. Правовое регулирование военного положения в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук : 20.02.03. М., 1998. С. 35.

² Подп. «в» п. 8 Военной доктрины Российской Федерации (утв. Президентом Российской Федерации 25.12.2014 № Пр-2976).

³ Задачи Вооруженных Сил Российской Федерации // <https://structure.mil.ru/mission/tasks.htm> (дата обращения: 10.08.2022).

⁴ П. 17. Указа Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации».

⁵ Указ Президента Российской Федерации от 31 июля 2022 г. № 512 «Об утверждении Морской доктрины Российской Федерации».

Конечно, основным международно-правовым средством прекращения состояния войны является заключение между мирного договора между воюющими сторонами. Состояние войны может быть прекращено и другими способами: в результате инициативы одной стороны¹ или принятием двухсторонней декларации².

Все вышеуказанные случаи юридического и фактического прекращения войны (военных действий) влекут окончание военного времени, что обуславливает и прекращение реализации законодательства военного времени.

Некоторые исследователи полагают, что военное время является одним из чрезвычайных правовых режимов, наряду с режимами чрезвычайного и военного положения³.

Представляется, что это не совсем терминологически верно. Понятия «военное время» и «военное положение», а тем более «чрезвычайное положение» не являются тождественными и могут не совпадать по временным параметрам своего действия, что неоднократно отмечалось в научных исследованиях.

Под военным положением понимается особый правовой режим, вводимый на территории Российской Федерации или в отдельных ее местностях в соответствии с Конституцией Российской Федерации Пре-

зидентом Российской Федерации в случае агрессии против Российской Федерации или непосредственной угрозы агрессии⁴. В свою очередь, под чрезвычайным положением понимается особый правовой режим, применяемый на территории Российской Федерации или в отдельных ее местностях, как временная мера, исключительно для обеспечения обеспечения защиты прав и свобод человека и гражданина, защиты конституционного строя Российской Федерации⁵.

⁴ См.: ст. 1 Федерального конституционного закона от 30.01.2002 № 1-ФКЗ «О военном положении»; Зиборов О.В. Указ. соч.; Артамонов Д.Н. Институт военного положения по советскому праву : дис. ... канд. юрид. наук. М.: ВЮА, 1951; Федоров В.А. Правовой институт исключительного (военного и чрезвычайного) положения в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук : 20.02.03. М.: МВИ ФПС, 2003; Боев В.И. Механизм уголовно-правового регулирования режима военного положения : дис. ... д-ра юрид. наук. 12.00.08. М.: МУ МВД, 2008; Бондаренко Д.В. Юридическая ответственность в условиях военного положения (на опыте Великой Отечественной войны 1941 — 1954 гг.) : дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.01. М., 2004; Дьяченко И.Л. Конституционный режим военного положения в России (по реализации права на индивидуальную и коллективную самооборону) : дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.02. Ростов-на-Дону, 2000; Чемакин А.Б. Правовые основы ограничения прав и свобод граждан в условиях военного положения в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.14; 12.00.02. М.: МосГУ, 2007; Таранов А.А. Полномочия Президента Российской Федерации по обеспечению режима военного положения : дис. ... канд. юрид. наук. 20.02.03. М.: ВУ, 2008.

⁵ См.: гл. I Федерального конституционного закона от 30.05.2001 № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении»; Шмидт Т.Н. Чрезвычайное правовое регулирование: общетеоретическое исследование : дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.01. Барнаул, 2014; Зорин А.С. Правовое регулирование деятельности военной прокуратуры в условиях чрезвычайного положения : дис. ... канд. юрид. наук. 20.02.03. М.: ВУ, 2007; Хазанов С.Д. Правовое регулирование чрезвычайного положения в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.02. Екатеринбург, 1996; Лозбинев В.В. Институт чрезвычайного положения в Российской Федерации и механизм его реализации (теоретические и организационно-правовые аспекты) : дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.13. М., 2000; Власов Д.М. Правовые и организационные режимы чрезвычайного положения : дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.14. М., 2002; Иванеев С.В. Правовое регулирование дея-

конвенций, включенных СССР с иностранными государствами. Вып. XI. М., 1955. С. 82—83.

¹ О прекращении состояния войны между Советским Союзом и Германией : Указ Президиума Верховного Совета СССР от 25 января 1955 г. // Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938—1975, Т. 2. М., 1975. С. 9—10.

² Совместная декларация СССР и Японии: Принята в Москве 19 октября 1956 г. Вступила в силу 12 декабря 1956 г. Ратифицирована СССР 8 декабря 1956 г. // Ведомости ВС СССР. 1982. № 21. Ст. 355.

³ См.: Зиборов О.В. Институт военного положения по российскому праву (историко-правовое исследование) : дис. ... канд. юрид. наук, М., 2002. С. 21, 25, 26; Авдонкин В.С., Петухов Н.А. О правовом регулировании организации военных судов России в период мобилизации и в военное время // Российская юстиция. 2005. № 7. С. 51—60.

Нормы Федерального закона «Об обороне», определяя понятие, основания наступления, начало и окончание военного времени, оставляют неурегулированными многие иные его правовые аспекты, и в частности, сущность этого правового режима, территорию его распространения, вопросы организации и деятельности органов государственной власти и органов военного управления.

В настоящее время легальное законодательное определение понятия «режим военного времени» отсутствует, что безусловно требует нормативного урегулирования, о чем вполне справедливо отмечается в научной среде¹.

Соглашаясь с мнением Д.А. Никонова отметим, что военное время — это лишь особый временной политико-правовой период, а не чрезвычайный режим, поскольку действующее законодательство нигде не связывает понятие военного времени с термином «режим»².

По своей сути война является одной из опаснейших для общества и государства экстраординарных ситуаций. Как «состояние вооруженной враждебности между государствами» она существенно изменяет обычный порядок вещей, свойственный мирному времени, максимально напрягает материальные и духовные силы народа, разрушает нормальные общественные взаи-

тельности Вооруженных Сил по обеспечению режима чрезвычайного положения в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. 20.02.03. М.: ВУ, 2007; Ухов В.Ю. Институт чрезвычайного положения в системе обеспечения национальной безопасности Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук. 12.00.14. М.: ВНИИ МВД РФ, 2008.

¹ Комментарий к Федеральному закону «Об обороне» / под общ. ред. А.В. Кудашкина. М., 2002. С.314; Фатеев К.В. Проблемы использования юридической терминологии правовых режимов военного противоборства и их отражение в современном российском законодательстве Российской Федерации // Российский военно-правовой сборник. 2004. № 2 (2).

² Никонов Д.А. Отечественное чрезвычайное военное законодательство: 1920—1941 гг.: историко-правовое исследование : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. СПб., 2007. С. 39.

мосвязи, затрудняет работу государственно-управленческого механизма, порождает массу иных по своему характеру отношений в обществе и государстве³.

Вместе с тем, древние положения, полностью отрицавшие необходимость установления и соблюдения законов в период войн⁴, отошли в историю, и безопасность государства, его способность адекватно ответить на возникающие военные угрозы⁵ в огромной степени определяется наличием эффективной законодательной базы.

Анализ как российского законодательства, так и законодательства ряда зарубежных стран позволяет выделить наиболее типичные признаки, характеризующие перестройку социальной системы государства в военное время:

— переход высшей власти в стране в руки военной администрации, сопровождаемый либо роспуском представительных органов, либо фактическим прекращением их деятельности;

— значительное расширение полномочий административного аппарата и правоохранительных органов;

— отмена (или приостановление) основных конституционных прав и свобод граждан или их ограничение;

— прямая легализация для государственных органов беспрепятственного (без соблюдения обычной процедуры), проведения обысков, арестов, установление цензуры; легализация подслушивания телефонных разговоров; запрет собраний, демон-

³ См.: Иванов В.Т. Философско-социологический анализ войны как особого состояния общества : автореф. дис. ... д-ра философ. наук. М., 1980. С. 15.

⁴ Например, во времена Древнего Рима существовала поговорка «inter arma silent leges», что означает «при шуме оружия молчат законы». Использовалось это «правило» во время военных действий и в более поздние исторические периоды. См. об этом: Строгович М.С. Военные трибуналы Советского государства / под ред. Н.М. Рычкова. М., 1942. С. 5—6.

⁵ См.: Холиков И.В. Международно-правовые аспекты противодействия военным угрозам в современных условиях // Современное право. 2003. № 6. С. 27—31.

страций, забастовок, общественных организаций, печатных органов;

— усиление уголовной и административной ответственности: (повышение мер наказания за те или иные случаи правонарушений, введение смертной казни или расширение случаев ее применения, введение административной ссылки и высылки, отмена ограничений на применение вооруженной силы и полицейских физических мер принуждения;

— сокращение или ликвидация возможностей обжалования гражданами или общественными организациями незаконных действий государственных органов; резкое сокращение сферы судебного контроля; «упрощение» судопроизводства в связи с отменой или ограничением процессуальных гарантий и т. д.;

— расширение круга обязательных государственных повинностей населения, введение трудовой повинности, дорожной повинности, обязанностей по гражданской обороне и т. п.;

— отмена или ограничение свободы выбора места жительства, свободы передвижения, свободы выбора и занятия профессией, установление запретных зон, районов усиленного полицейского контроля, введение разрешительной системы на выбор места жительства и передвижения по стране: прикрепление к месту работы, принудительные перемещения рабочей силы и др.;

— значительные ограничения институтов свободы собственности и свободы договоров; введение разрешительной системы на открытие или реорганизацию предприятий, на использование сырья и рабочей силы; установление рынков сбыта, системы принудительных государственных заказов; огосударствление предприятий, проведение принудительных конфискации и реквизиций;

— нормирование гражданского оборота, установление уровней цен на товары широкого потребления, квартплату и иные услу-

ги; снижение уровней зарплаты и социального обеспечения и т.д.

Определившись с пониманием терминов «законодательство» и «военное время», перейдем к исследованию категории «законодательство военного времени», под которым понимается пакет законодательных актов, регулирующих общественные отношения во время войны в целях эффективного перевода социальной системы на военные рельсы и обеспечения её устойчивого существования в вооруженной борьбе¹. Оно опосредует весь комплекс отношений, складывающийся в обществе с началом вооруженного противоборства, а не только в сфере деятельности военной организации государства.

Решение обозначенных выше задач требует с момента объявления состояния войны оперативного принятия и/или вступления в силу законодательства военного времени. Его разработка которого должна быть осуществлена задолго до объявления состояния войны, так как в условиях военного времени это будет сделать значительно сложнее. Наличие такого законодательства позволит с меньшими затратами организовать и обеспечить эффективное функционирование органов государственной власти, предприятий, учреждений, организаций и всего общества в экстремальной обстановке военного времени.

В современном праве порядок принятия и вступления в силу законодательства военного времени устанавливается, как правило, на конституционном уровне или специальным законодательством. В России основой для разработки и принятия такого законодательства являются Конституция Российской Федерации (1993); федеральные конституционные законы «О чрезвычайном положении» (2001) и «О военном положении» (2002); федеральные законы

¹ См.: Кучма Ю.Н. Законодательство военного времени - средство управления государством в условиях Великой Отечественной войны (системный анализ): дис. ... канд. юрид. наук. М., 1995. С. 118, 145.

«Об обороне» (1996), «О гражданской обороне» (1998), «О государственной охране» (1996), «О воинской обязанности и военной службе» (1998), «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации» (1997) и ряд других. В наиболее развитых западных правовых системах основами для принятия законодательства военного времени являются, например: во Франции — Закон об осадном положении (1849, 1878), Закон об установлении чрезвычайного положения (1955), Кодекс обороны (2004) и др.; в США — Закон о национальном чрезвычайном положении (1976); в Великобритании — законы о чрезвычайных полномочиях (1920, 1964)¹.

Проблема разработки и принятия комплекса законов военного времени признается в юридической литературе весьма актуальной. Об этом писали Г.В. Орлов, В.П. Шупленков, А.М. Рубан, Ю.Н. Кучма и ряд других военных ученых².

Основной посыл связан с тем, что «законодательство военного времени» может приниматься в мирное время, а

¹ Более подробно, см.: Военное право: монография в 3 т. / под общ. ред. А.В. Савенкова, А.В. Кудашкина. Т. I. С. 497—458; Т. II. С. 814—883. М.: Центр правовых коммуникаций, 2021.

² Орлов Г.В. Законодательство о защите Социалистического Отечества (понятие, структура, особенности) : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1978; Шупленков В.П. Вопросы теории и практики назначения наказания за воинские преступления : дис. ... канд. юрид. наук. М.: ВПА, 1973; Рубан А.М. Прокурорский надзор за исполнением законов при осуществлении уголовного судопроизводства в действующей армии (историко-правовое исследование на материалах Великой Отечественной войны) : дис. ... канд. юрид. наук. 20.02.03. М.: ВКИ, 1993; Дерюгин А.А. Службно-боевая деятельность войск НКВД в условиях чрезвычайных правовых режимов военного времени (на материалах Ленинграда и Ленинградской области периода Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.): историко-правовой аспект : дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.01. СПб., 2011; Кудинов М.А. Теоретические и правовые основы уголовной ответственности за преступления против военной службы, совершаемые в военное время и в боевой обстановке: дис. ... канд. юрид. наук. 20.02.03. М.: ВУ, 2004.

вступать в силу с фактическим началом военных действий, т.е. ключевым фактором является наступление специфических условий военного времени. В частности, в работах Ю.Н. Кучмы предлагается примерный перечень основных первостепенных законов военного времени, требующих разработки. Некоторыми авторами признается необходимым по аналогии с США разработать Свод законов по правовому регулированию боевых действий, включая закон «Об основах применения Вооруженных Сил Российской Федерации в вооруженных конфликтах»³, т.к. нормы действующего в настоящее время Федерального закона от 23 июня 1995 г. № 93-ФЗ «О порядке предоставления Российской Федерацией военного и гражданского персонала для участия в деятельности по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности» направлены на иные цели.

Обозначим основные признаки законодательства военного времени:

— существование законодательства военного времени предопределено угрозой или фактом вооруженного нападения на Российскую Федерацию другого государства или группы государств, а также в случае необходимости выполнения международных договоров Российской Федерации;

— законодательство военного времени является частью военного законодательства как системы правовых актов, в которых закреплены нормы права, регулирующие отношения в области строительства и деятельности Вооруженных Сил, других войск, воинских формирований и органов;

— законодательство военного времени одновременно выступает одной из составляющих чрезвычайного законодательства государства;

³ См.: Гурвич А., Соковых Ю. Право и военное искусство: необходимость и пределы правового регулирования боевых действий // Военная мысль. 1997. № 6. С. 69.

— целью законодательства военного времени является обеспечение защиты конституционного строя страны и безопасности граждан путем создания условий для отражения вооруженного нападения на Российскую Федерацию другого государства или группы государств, а также в случае необходимости выполнения международных договоров Российской Федерации;

— законодательство военного времени регулирует комплекс общественных отношений, складывающихся в сфере перестройки деятельности военной организации государства на военный лад, деятельности воинских формирований и органов военного управления в военное время, управления войсками, ведения боевых действий, прохождения военной службы, статуса военнослужащих, поддержания правопорядка в войсках в военное время, применения силы в вооруженных конфликтах;

— законодательство военного времени действует в отношении всего круга субъектов социальной системы государства, но прежде всего направлено на военную организацию государства;

— применение норм законодательства военного времени приводит к перераспределению взаимных прав и обязанностей гражданина и государства, в том числе к концентрации (расширению) полномочий органов военного управления за счет ограничения правового статуса личности;

— законодательство военного времени в основном включает императивные нормы, ибо иное может привести к потере управляемости войсками, а также к нарушениям законности;

— акты законодательства военного времени, принимаемые в мирное время, вступают в силу с момента их опубликования и действуют бессрочно в связи с тем, что регулируют общественные отношения, которые могут возникнуть в будущем. При этом начало реализации этих правовых актов связано с наступлением военного времени и принятием дополнительного норма-

тивного акта уполномоченного государственного органа;

— истечение периода военного времени (прекращение состояния войны, фактического прекращения военных действий) должно означать завершение соблюдения, исполнения, использования и применения правовых норм законодательства военного времени.

Предложим следующее определение «законодательства военного времени»: это комплекс нормативных правовых актов, принимаемых как в мирное время, так и в ходе войны, вступающих в силу с момента объявления состояния войны или фактического начала военных действий, регулирующий деятельность военной организации государства в целях перестройки её на военный лад, организации вооруженной защиты страны и выполнения международных договоров.

Законодательство военного времени безусловно требует систематизации и структурирования, в результате чего возможно обозначить вертикальный и горизонтальный срезы. Вертикальное деление данной системы законодательства основывается на принципе иерархичности, критерием которого является юридическая сила нормативного правового акта.

Следует констатировать, что современное российское законодательство военного времени может состоять только из актов, принятых на федеральном уровне. Для этого есть два конституционных положения (п. «к» и «м» ст. 71, ч.3 ст. 55 Конституции Российской Федерации).

Современная вертикальная архитектура системы актов законодательства военного времени в зависимости от их юридической силы складывается из трех основных уровней:

1. Законы Российской Федерации: а) Конституция Российской Федерации (Основной Закон); б) федеральные конституционные законы; в) федеральные законы.

2. Подзаконные нормативные правовые акты органов государственной власти Рос-

сийской Федерации общего характера (указы Президента Российской Федерации и постановления Правительства России, ведомственные акты федеральных органов).

3. Акты центральных и подчиненных органов военного управления.

Горизонтальная архитектура системы законодательства военного времени обусловлена предметом правового регулирования — фактическими общественными отношениями в военный период и содержит нормы многих отраслей законодательства: административного, конституционного (государственного), уголовного, уголовно-процессуального и др. Поэтому горизонтальную структуру законодательства военного времени можно выстроить в соответствии с тем кругом отношений, которые регулируются входящими в него нормативными правовыми актами. В частности, она включает:

— акты о мобилизации и других аспектах перестройки деятельности военной организации государства на военный лад;

— акты о военном положении;

— акты об управлении войсками в военное время и о порядке ведения боевых действий (боевые уставы);

— акты о прохождении военной службы и статусе (правах, обязанностях и ответственности) военнослужащих в военное время;

— акты о деятельности органов военной юстиции в военное время и при введении военного положения;

— акты о порядке применения силы в вооруженных конфликтах, а также о защите жертв войны, гражданских объектов и культурных ценностей.

Завершая характеристику понятия «система законодательства военного времени», предложим следующее определение: это комплексный правовой массив, объединяющий нормативные правовые акты разной юридической силы относящиеся к различным отраслям законодательства, который регламентирует отношения в сфере деятельности военной организации государства

в целях перестройки её на военный лад, организации вооруженной защиты страны, выполнения международных договоров и обеспечения победы в войне (вооруженном конфликте международного характера)».

Полностью поддерживая подход В.А. Батыря, предлагающего считать «право военного времени» составной частью системы военного права, позволим себе не согласиться с высказанным им предложением считать «право военного времени» подотраслью военного права¹. Представляется, что нормы ст. 18 Федерального закона «Об обороне», определяющие момент начала и окончания военного времени, не должны толковаться расширительно. Периоды отношений, связанных с применением вооруженного насилия и защитой жертв вооруженных конфликтов значительно шире, чем период военного времени. Иными словами, не все вооруженные конфликты являются войной. Поэтому полагаем, более корректным именовать подотрасль военного права в этой сфере — «право вооруженных конфликтов». А «право военного времени» является комплексным правовым институтом, входящим в «право вооруженных конфликтов».

Предпринимая попытку определить место комплексного массива законодательства военного времени в системе военного законодательства, полагаем, что он является комплексным институтом военного законодательства, входящим в подотрасль военного законодательства, регулирующее право вооруженных конфликтов, которая как подотрасль входит в целостную структуру комплексного массива российского военного законодательства.

Литература

1. Авдонкин, В.С. О правовом регулировании организации военных судов России в период мобилизации и в военное время / В.С. Авдонкин, Н.А. Петухов // Российская юстиция. — 2005. — № 7.

¹ Батырь В.А. Право военного времени как подотрасль военного права // Lex russica. 2022.Т. 75. № 3. С. 91, 97.

2. Алексеев, С.С. Государство и право / С.С. Алексеев. — М.: Юрид. лит., 1994.
3. Артамонов, Д.Н. Институт военного положения по советскому праву: дис. ... канд. юрид. наук / Д.Н. Артамонов. — М.: ВЮА, 1951;
4. Ахметшин, Х.М. Воинские преступления / Х.М. Ахметшин, Е.В. Прокопович. — М.: ВИ, 1978.
5. Батырь, В.А. Право военного времени как подотрасль военного права / В.А. Батырь // *Lex russica*. — 2022. — Т. 75. — № 3.
6. Боев, В.И. Механизм уголовно-правового регулирования режима военного положения : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / В.И. Боев. — М.: МУ МВД, 2008.
7. Бондаренко, Д.В. Юридическая ответственность в условиях военного положения (на опыте Великой Отечественной войны 1941—1954 гг.) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Д.В. Бондаренко. — М., 2004.
8. Владимиров, В.А. Советское уголовное право. Часть особенная / В.А. Владимиров. — М., 1979.
9. Власов, Д.М. Правовые и организационные режимы чрезвычайного положения : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.14 / Д.М. Власов. — М., 2002.
10. Военное право : учебник / И.Н. Арцибасов, В.П. Серегин, Х.М. Ахметшин; под ред. А.Г. Горного. — М.: Воениздат, 1984. — 334 с.
11. Военное право : монография : в 3 т. / под общ. ред. А.В. Савенкова, А.В. Кудашкина. — Т. I. История и теория военного права (с предисловием). — М.: Центр правовых коммуникаций, 2021. — 560 с.
12. Военное право : монография : в 3 т. / под общ. ред. А.В. Савенкова, А.В. Кудашкина. — Т. II. Современное состояние военного права (институты военного права). — М.: Центр правовых коммуникаций, 2021. — 585 с.
13. Военное право : монография : в 3 т. / под общ. ред. А.В. Савенкова, А.В. Кудашкина. — Т. III. Основные проблемы и перспективные направления военно-правовых исследований. — М.: Центр правовых коммуникаций, 2022. — 712 с.
14. Гурвич, А. Право и военное искусство: необходимость и пределы правового регулирования боевых действий / А. Гурвич, Ю. Соковых // *Военная мысль*. — 1997. — № 6.
15. Дерюгин, А.А. Служебно-боевая деятельность войск НКВД в условиях чрезвычайных правовых режимов военного времени (на материалах Ленинграда и Ленинградской области периода Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.): историко-правовой аспект : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / А.А. Дерюгин. — СПб., 2011.
16. Додонов, В.Н. Международное право : словарь-справочник / В.Н. Додонов, В.И. Панов, О.Г. Румянцев. — М.: Инфра-М, 1997.
17. Дьяченко, И.Л. Конституционный режим военного положения в России (по реализации права на индивидуальную и коллективную самооборону) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / И.Л. Дьяченко. — Ростов-на-Дону, 2000.
18. Зиборов, О.В. Институт военного положения по российскому праву (историко-правовое исследование) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / О.В. Зиборов. — М., 2002.
19. Зорин, А.С. Правовое регулирование деятельности военной прокуратуры в условиях чрезвычайного положения : дис. ... канд. юрид. наук : 20.02.03 / А.С. Зорин. — М.: ВУ, 2007.
20. Иванеев, С.В. Правовое регулирование деятельности Вооруженных Сил по обеспечению режима чрезвычайного положения в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук : 20.02.03 / С.В. Иванеев. — М.: ВУ, 2007.
21. Иванов, В.Т. Философско-социологический анализ войны как особого состояния общества : автореф. дис. ... д-ра философ. наук. — М., 1980.
22. Комментарий к Федеральному закону «Об обороне» / под общ. ред. А.В. Кудашкина. — М., 2002.
23. Кудинов, М.А. Теоретические и правовые основы уголовной ответственности за преступления против военной службы, совершаемые в военное время и в боевой обстановке : дис. ... канд. юрид. наук : 20.02.03 / М.А. Кудинов. — М.: ВУ, 2004.
24. Кучма, Ю.Н. Законодательство военного времени — средство управления государством в условиях Великой Отечественной войны (системный анализ) : дис. ... канд. юрид. наук / Ю.Н. Кучма. — М., 1995.
25. Лозбинец, В.В. Институт чрезвычайного положения в Российской Федерации и механизм его реализации (теоретические и организационно-правовые аспекты) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.13 / В.В. Лозбинец. — М., 2000.
26. Лукашук, И.И. Международное право. Особенная часть : учебник. 2-е изд. / И.И. Лукашук. — М., 2001.
27. Никонов, Д.А. Отечественное чрезвычайное военное законодательство: 1920—1941 гг.: историко-правовое исследование : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Д.А. Никонов. — СПб., 2007.
28. Орлов, Г.В. Законодательство о защите Социалистического Отечества (понятие, структура, особенности) : дис. ... канд. юрид. наук / Г.В. Орлов. — М., 1978.
29. Поленина, С.В. Теоретические проблемы системы советского законодательства / С.В. Поленина. — М., 1979.
30. Пчелинцев, С.В. Правовое регулирование военного положения в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук : 20.02.03 / С.В. Пчелинцев. — М., 1998.
31. Рубан, А.М. Прокурорский надзор за исполнением законов при осуществлении уголовного судопроизводства в действующей армии (историко-

правовое исследование на материалах Великой Отечественной войны) : дис. ... канд. юрид. наук : 20.02.03 / А.М. Рубан. — М.: ВКИ, 1993.

32. Соколов, В.А. Правовые формы прекращения состояния войны / В.А. Соколов. — М., 1963.

33. Строгович, М.С. Военные трибуналы Советского государства / под ред. Н.М. Рычкова. — М., 1942.

34. Таранов, А.А. Полномочия Президента Российской Федерации по обеспечению режима военного положения : дис. ... канд. юрид. наук : 20.02.03 / А.А. Таранов. — М.: ВУ, 2008.

35. Теория государства и права : учебник для вузов / В.К. Бабаев (и др.); под ред. В.К. Бабаева. — 4-е изд., перераб. и доп. — М.: Изд. Юрайт, 2022.

36. Теория права и государства / под ред. Г.М. Манова. — М.: Бек, 1996.

37. Тюрин, А.И. Военное право Российской Федерации нуждается в развитии отдельной подотрасли, регулирующей процесс применения Вооруженных Сил по их назначению / А.И. Тюрин // Рос. военно-правовой сб. — 2007. — № 9. — С. 197—200.

38. Ухов, В.Ю. Институт чрезвычайного положения в системе обеспечения национальной безопасности Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.14 / В.Ю. Ухов. — М.: ВНИИ МВД РФ, 2008.

39. Фатеев, К.В. Проблемы использования юридической терминологии правовых режимов военного противоборства и их отражение в современном рос-

сийском законодательстве Российской Федерации / К.В. Фатеев // Российский военно-правовой сборник. — 2004. — № 2 (2).

40. Федоров, В.А. Правовой институт исключительного (военного и чрезвычайного) положения в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук : 20.02.03 / В.А. Федоров. — М.: МВИ ФПС, 2003.

41. Хазанов, С.Д. Правовое регулирование чрезвычайного положения в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / С.Д. Хазанов. — Екатеринбург, 1996.

42. Холиков, И.В. Международно-правовые аспекты противодействия военным угрозам в современных условиях / И.В. Холиков // Современное право. — 2003. — № 6. — С. 27—31.

43. Чемакин, А.Б. Правовые основы ограничения прав и свобод граждан в условиях военного положения в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.14; 12.00.02 : / А.Б. Чемакин. — М.: МосГУ, 2007.

44. Шмидт, Т.Н. Чрезвычайное правовое регулирование: общетеоретическое исследование : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Т.Н. Шмидт. — Барнаул, 2014.

45. Шупленков, В.П. Вопросы теории и практики назначения наказания за воинские преступления : дис. ... канд. юрид. наук / В.П. Шупленков. — М., ВПА, 1973

Теория и история военного права

Генезис законодательства о смертной казни в России

© **Борисов Андрей Викторович**,
кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой «Уголовное право, уголовный процесс и криминология» Юридического института Российского университета транспорта

Аннотация. В статье рассматриваются этапы развития уголовного законодательства, регламентирующего такой вид уголовного наказания как смертная казнь, особенности данного вида наказания в различные периоды развития российского государства.

Ключевые слова: уголовное наказание, уголовное законодательства, смертная казнь.

Genesis of legislation on the death penalty in Russia

© **Borisov A.V.**,
Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department "Criminal law, criminal procedure and criminology" Law Institute Russian University of Transport

Annotation. The article examines the stages of development of criminal legislation regulating such a type of criminal punishment as the death penalty, examines the features of this type of punishment in various periods of the development of the Russian state.

Keywords: criminal punishment, criminal legislation, death penalty.

История формирования института смертной казни — это богатая история взглядов, а также отношение к смертной казни не только государства, но и общества в целом. В далёком прошлом смертная казнь не была наказанием, осуществляемым по воле самого государства, а являлась кровной мстью. Благодаря процессу общественного-экономического развития, кровная месть постепенно исчезла, в то время как силу приобрели законы.

В «Повести временных лет» находится одно из первых упоминаний о смертной казни: она вводится князем Владимиром Святославовичем в 996 г. по совету епископов. В 1389 г. в Двинской уставной грамоте утверждена смертная казнь за рецидивную кражу, совершаемую в третий раз. Разумеется, главными целями применения смертной казни являлись устрашение и ограждение общества от преступника. Однако в то же время за убийства

смертная казнь не назначалась — по-прежнему сохранялся денежный выкуп. Однако с годами происходит не только развитие общества, но и законов: так, в Псковской судной грамоте 1467 г. под наказание смертной казнью попадают такие деяния как кража из церкви, конокрадство, государственная измена, поджог, кража, совершенная в третий раз¹.

В Судебнике 1497 г. особо серьезным преступлением становится убийство крестьянином своего владельца, за что убийце и полагалась смертная казнь. Вводится специальное понятие «Государственный убийца», применяемое в ст. 9 Судебника: высшая мера наказания назначается прежде всего по той причине, что таким образом убийцы своих господ посягают на гос-

¹ Алексеев Ю.Г. Псковская судная грамота и ее время. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1980. С. 242.

ударственный строй, тем более в те времена учащаются случаи выступления крестьян против своих владельцев. Важно отметить, так в Судебнике не указаны способы смертной казни, но в практике чаще всего встречались повешение, утопление, отсечение головы. Уже к концу XV в. количество преступлений, за которые положена смертная казнь, возрастает до 10: душегубство, разбой, церковная татьба, головная татьба, простая татьба, но совершенная повторно, ябедничество или, иными словами, ложный донос, злостная клевета, убийство своего господина, государственная измена, восстание, бунт против государственного строя, поджог¹. Объясняется данное ужесточение формированием централизованного Русского государства, а также начальным этапом узаконенного закрепощения крестьян. Позднее, в Судебнике XVI в. и Указах к нему, к деяниям, за которыми осужденные могли быть приговорены к смертной казни, относятся также подделка документов, взяточничество, укрывательство лихих людей волостными крестьянами, сдача города неприятелю. Особое значение имеет этот период в развитии уголовных наказаний в истории России: русское правосознание наконец-то смирилось со смертной казнью, что позволило применять её в широком масштабе на протяжении нескольких последующих веков. Право помиловать и назначать смертную казнь имеется только у царя, а смертная казнь осуществляется публично и с пытками — в истории упоминаются четвертование и посадение на кол.

Следующим важнейшим этапом в формировании карательной политики России является Соборное Уложение 1649 г. В Соборном Уложении 1649 г. четко сформулирован принцип: «Наказать так, чтобы, смотря на то, другим неповадно было так делать». Несмотря на то, что количество санкций, которые предусматривали смертную казнь, увеличилось в 5—6 раз и насчитывали 63 вида преступления,

наблюдается смягчение системы уголовного наказания. Таким образом, государство в то время сознается в своей бессилии и путем устрашения пытается заключить с ними своеобразное соглашение с преступниками. Но до конца XVIII в. практиковалось сожжение, назначаемое за богохульство, «сворачивание» в мусульманскую веру, кражу церковного имущества, также подвергался огню и поджигатель. В ст. 34 21-й Главы Соборного уложения указано, что осужденные к смертной казни сажались в особую избу на шесть недель для покаяния, после чего подвергались смертной казни: осужденные не имели права доноса, их словам приказывалось не верить. Беременные осужденные женщины подвергались смертной казни только после родов, до их момента содержась в тюрьме. Стоит отметить, что палачи избирались из вольных людей, жалование поступало им из государственной казны. Указом от 8 марта 1672 г. фальшивомонетчикам вместо смертной казни предписывается отсечение обеих ног и левой руки (до смягчения наказания их горло заливали металлом), а в 1679 г. данный вид наказания заменяется на пожизненную ссылку в Сибирь вместе со своей семьей.

В Воинском Уставе 1716 г. насчитывается уже 123 преступления, за которые назначалась смертная казнь. Часто смертная казнь заменялась другим наказанием: например, часто предусмотренная законом смертная казнь за рубку леса заменялась кнутом, известны случаи, когда Петр I в качестве помилования заменял смертную казнь на вырезание ноздрей и каторгу. К сожжению по-прежнему приговаривают за преступления на религиозной почве. Смертная казнь назначалась за политические преступления, за убийства, военные преступления (к которым мог быть отнесен даже сон в карауле), преступления против нравственности (мужеложство, изнасилование, кровосмешение). Известно о так называемой «заочной смертной казни», назначаемой за переход на сторону противников, суть которой заключалась в прибитии имени к висельнице, конфискации имущества и, если виновного удава-

¹ Лепешкина О.И. К вопросу об истории возникновения смертной казни в Древнерусском государстве // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2007. № 3. С. 113.

лось поймать, в смертной казни через повешение без судебных разбирательств.

Принято считать, что с приходом Елизаветы Петровны, дочери Петра I, наступает эпоха российского Просвещения. 7 мая 1744 г. по её велению принят сенатский Указ, в соответствии с которым смертные приговоры приостанавливаются. Данный Указ начинается со слов о том, что в российской уголовной системе того времени сложилась ситуация, когда ради «пользы государевой» многие решения основывались на применении наиболее тяжелого наказания, из-за чего «смертные казни и политическую смерть чинят не по надлежащим винам, а другим и безвинно»¹. Одной из версий приостановления использования смертной казни в качестве наказания за преступления является обещание Елизаветы, что за время её царствования никто не умрёт насильственным способом по её воле. Тюрмы переполнены осужденными, ожидающими дальнейших указаний Сената. И только 30 сентября 1754 г., спустя десятилетие, появляется новый Указ, в котором изложено следующее: смертную казнь заменить ссылкой, наказанием кнутом, клеймением словом «вор» и рвание ноздрей (которое, стоит заметить, будет отменено только Указом от 25 декабря 1817 г.). Так, за двадцать лет правления, до самой смерти в 1761 г., Елизавета Петровна от своих принципов не отступает: по её указанию не было казнено ни одного осужденного.

Екатерина II во время своего правления от данных норм не отказалась. Однако смертная казнь была отменена фактически, а не на законодательном уровне, поэтому вероятность использования смертной казни допускалась. В данном в 1767 г. «Наказе» изложены взгляды Екатерины II на будущее законодательства государства. Если говорить о назначении наказания для преступника, то в «Наказе» звучит: «Намеренные установленных наказаний не то, чтоб

мучить тварь, чувствами одаренную; они на тот конец предписаны, чтоб воспрепятствовать виноватому, дабы он вперед не мог вредить обществу, и чтоб отвратить сограждан от соделания подобных преступлений»². Таким образом, Екатерина II видит смысл в исправлении преступника, но тем не менее в другой статье «Наказа» императрица допускает смертную казнь, сравнивая её с «лекарством больного общества» — смертная казнь становится исключительной, чрезвычайной мерой, имеющей право на своё существование только в годы анархии. Этим обусловлены казни Пугачева и его сообщников и Мировича, являющегося организатором попытки дворцового переворота в 1764 г. На основании изложенного можно прийти к выводу, что во второй половине XVIII в. в российском уголовном законодательстве уже сделаны первые шаги к отмене смертной казни в частности благодаря Елизавете Петровне.

Проект Уголовного уложения 1813 г. допускает применение смертной казни, а также ещё других шести видов наказаний: лишение всех политических и гражданских прав (гражданская смерть); лишение свободы и чести; бессрочное лишение свободы; денежные пени; церковное покаяние. По-прежнему смертная казнь может быть назначена за преступления, способные подорвать государственный строй: к ним относятся возмущение и бунт, содействие неприятелю через разные измены, подъятие оружия против Отечества³. Также, в соответствии с Уголовным уложением, высшая мера наказания может быть назначена и за убийство родителей детьми, разбой со смертоубийством. Сужается количество способов смертной казни до двух: через повешение и через отсечение головы. Исполнения смертной казни беременной женщины осуществляется лишь

¹ Сенатский указ от 17 мая 1744 г. «О присылке в Сенат списков о колодниках, приговоренных к смертной казни, или к политической смерти о неисполнении над ними приговора прежде Сенатского указа» // URL: <http://base.garant.ru/55005249/> (дата обращения: 03.08.2022).

² Наказ Екатерины II Комиссии о составлении проекта нового Уложения. 1767—1768 гг. // URL: <http://музейреформ.рф/node/13646#ref-17> (дата обращения: 10.08.2022).

³ Безверхов А.Г., Коростелёв В.С. Проект Уголовного уложения Российской империи 1813 года: монография. Самара: Изд. «Самарский университет», 2013. С. 18.

после родов, при этом для женщины казнь, что примечательно, исполняется только через отсечение головы. Под этим, по всей видимости, подразумевается осмысленное государством решение о причинении меньших страданий для женщин, поскольку повешение — способ умерщвления более длительный и мучительный. Уложение, однако, принято не было, несмотря на то, что в дальнейшем Общая часть проекта повлияла на дальнейшее уголовное законодательство в стране. Одна из основных причин отказа от проекта состояла в применении смертной казни: Советом признано, что Указом от 1754 г. смертная казнь отменена по всем преступлениям, кроме совершенных против государства.

В 1881 г. отменено публичное исполнение смертной казни. Последняя публичная казнь в государстве исполнена 3 апреля 1881 г., казнены убийцы и организаторы убийства Александра II путём повешения. Безусловно, публичная казнь виновников в смерти Александра II имела негативные последствия: в глазах общественности террористы стали героями и мучениками, готовые продвигать революционные идеи даже ценой собственной жизни, в то время как их палачи превратились в реакционеров.

Следует отметить Положение об усиленной охране от 4 сентября 1881 г. Преступления, сопровождаемые убийством или покушением на убийство, нанесением ран, увечий, тяжких побоев или поджогом определялись наказанием, предусмотренным ст. 279 Военного устава о наказаниях, т.е. смертной казнью. Дела о государственных преступлениях рассматривались при закрытых дверях.

Политическая нестабильность в России нарастала с 1860 годов, и начало XX в. ознаменовалось жесткой репрессивной политикой Николая II, целью которой являлось подавление революционного настроения в обществе. Тем не менее, Уголовное Уложение 1903 г. предполагает смягчение в назначении смертной казни. В соответствии с Уложением смертная казнь не применялась к лицам младше 21 года и старше 70 лет, женщинам назначалась

только за посягательство на жизнь императора и его семьи.

После прихода ко власти Временного правительства 12 марта 1917 г. (после февральской революции) было принято решение об отмене смертной казни. Но спустя четыре месяца, а именно 12 июля вышеупомянутого года, «Постановление Временного Правительства о введении смертной казни на фронте и об учреждении военно-революционных судов» восстанавливает смертную казнь, назначаемую за воинские преступления (речь идёт о свыше 20 составов преступления, включая государственную измену, сдачу в плен без сопротивления, восстание и подстрекательство, бегство с поля боя и т. д.). Смертная казнь осуществляется путём расстрела. С того момента начинается период жестоких репрессий со стороны Советской власти — смертная казнь становится удобным и чуть ли не единственным инструментом.

Процесс подготовки Уголовного Кодекса РСФСР 1922 г. вновь подводит к вопросу о смертной казни. Однако в ст. 32 данного Кодекса перечислены 10 видов наказаний, среди которых отсутствует смертная казнь. Тем не менее ст. 33 всё-таки предусматривает упомянутый вид наказания в виде расстрела, расцениваемое как нечто экстраординарное. Право применения смертной казни отдано исключительно военным трибуналам, обычные суды не могут назначить данный вид наказания. В примечании указано, что смертная казнь неприменима к несовершеннолетним (на момент совершения преступления) лицам, а также к беременным женщинам. Анализируя текст УК РСФСР 1922 г., можно насчитать 28 составов преступлений, за которые в качестве альтернативного наказания назначалась смертная казнь. Важно заметить, что при этом за преступления против личности данная мера наказания не предусматривалась. При этом расстрелом наказывалось: оставление солдатом боеприпасов без присмотра в ненадлежащем месте в военное время, подделка денежных знаков и прочих государственных знаков государственной оплаты, если она учинена по предварительному соглашению нескольких лиц и в виде промысла,

взятка (даже провокация взятки) и др. После двухсотлетнего перерыва, впервые с Петровских времен, государственная власть стала за взятку убивать. В 1922 г. за взяточничество был расстрелян 61 человек, в 1923 г. — 91, а в 1924 г. расстреляны были 46 человек¹.

В УК РСФСР 1926 г. понятие «наказание» заменяется понятием «меры социальной защиты». Само понятие «смертная казнь» отсутствует и в УК 1922 г., вместо него упоминаются такие понятия как «высшая мера наказания» и «расстрел». Так же, как и в УК РСФСР 1926 г., смертная казнь не включалась в систему наказаний, но в ст. 21 Кодекса говорится, что «для борьбы с наиболее тяжкими видами преступлений ... в качестве исключительной меры охраны государства трудящихся применяется расстрел»². Смертная казнь носит характер политический, и по-прежнему многие опасные уголовные преступления наказываются значительно мягче: так, заглянув в Кодекс, можно обнаружить, что даже умышленное убийство подразумевало лишь лишение свободы до 10 лет, в то время как в ст. 58 указано, что расстрел предусматривается за контрреволюционную агитацию и пропаганду.

Несмотря на то, что Советское государство неоднократно подчёркивало временный характер смертной казни, данная мера не была отменена ни в 1920-е, ни в 1930-е годы. Более того, особое влияние исходит от политической системы «сталинизм», для которого характерно усиление карательных функций государства, жесткий идеологический контроль и массовые репрессии. В 1930-е годы принимаются жестокие законы против «врагов народа» и «вредителей», смертная казнь теряет окончательно свое правовое значение.

Вместо того, чтобы назначаться в качестве наказания за особо опасные преступления против личности и государства, будучи в строгом соответствии с законами,

смертная казнь становится особым инструментом Сталина — своего рода орудием отмщения для борьбы с инакомыслящими, что приводит к развязыванию террора против народа. Постепенно добавляются новые статьи в УК, предусматривающие высшую меру наказания: к ним относятся наказание за нарушения работником транспорта трудовой дисциплины, если нарушения носят злостный характер, хищение грузов на железнодорожном и водном транспорте, хищение колхозного и кооперативного имущества.

Стоит обратить внимание на постановление ЦИК и СНК СССР от 1 декабря 1934 г. В постановлении было предложено: «Внести следующие изменения в действующее уголовно-процессуальное законодательство союзных республик по расследованию и рассмотрению дел о террористических организациях и террористических актах против работников советской власти:

1. Следствие по этим делам заканчивать в срок не более десяти дней.
2. Обвинительное заключение вручать обвиняемым за одни сутки до рассмотрения дела в суде.
3. Дела слушать без участия сторон.
4. Кассационного обжалования приговоров, как и подачи ходатайств о помиловании, не допускать.
5. Приговор к высшей мере наказания приводить в исполнение немедленно по вынесении приговоров»³.

Нужно обратить внимание и на Указ Президиума Верховного Совета СССР № 39 от 19 апреля 1943 г. «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников родины из числа советских граждан и для их пособников». В соответствии с указанным нормативным правовым актом к шпионам, изменникам родины из числа советских граждан, а также «фашистским зло-

¹ Шиян В.И., Гриб В.Г., Ильин И.С. Уголовное право России. Общая часть. М., 2008. С. 141.

² Уголовный кодекс РСФСР в редакции 1926 г. // URL: <http://музейреформ.рф/node/13973> (Дата обращения: 29.08.2022)

³ Голяков И.Т. Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР. 1917—1952 гг. М.: Юридическая литература, 1953. С. 156.

деям», уличенным в совершении убийств и истязаний гражданского населения и пленных красноармейцев, в качестве наказания применялась смертная казнь через повешение. Приговоры при этом проходили незамедлительно и публично с целью устрашения, о чём в Указе прямо и сказано. Что примечательно, Указ был объявлен войскам с грифом «Без опубликования в печати». Первый процесс над советскими предателями состоялся в июле 1943 г., казнены были восемь человек, трое из них были наказаны 20 годами каторжных работ. При казни присутствовало около 50 тыс. человек¹.

В 1947 г. предпринята очередная попытка отмены смертной казни Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 мая, согласно которому преступления, наказуемые по действующим законам смертной казнью, в мирное время применяются заключение в исправительно-трудовые лагеря сроком на 25 лет. Подобная отмена носила характер политической акции, демонстрирующая преимущества социализма и показывающая, что в государстве низкий уровень преступности, а целью наказания является не совсем кара, а именно перевоспитание преступников. Впрочем, в реальности с 1947 по 1950 г. после замены смертной казни в виде 25 лет лишения свободы, осужденные отправлялись в пожизненную ссылку.

Уголовный кодекс РСФСР от 1 января 1961 г. не исключает смертной казни: для неё по-прежнему выделена отдельная статья. Также ст. 23 рассматриваемого УК раскрывает следующее ограничение — к смертной казни не могут быть приговорены женщины, лица, не достигшие до совершения преступления восемнадцатилетнего возраста, а также мужчины старше 65 лет. Постепенно увеличивается количество преступных деяний, за которые может быть назначена смертная казнь.

В мирное время УК имел 15 составов преступлений, за которые могла быть предусмотрена смертная казнь, однако

большая часть преступников за 1961—1989 годы были осуждены за умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах. Кодекс утратил силу лишь 1 января 1997 г. Помилование было возможно Главой государства, однако происходило оно редко: в случае помилования расстрел заменялся либо 25 годами лишения свободы, либо пожизненным заключением.

Согласно Конституции Российской Федерации 1993 г. «смертная казнь может устанавливаться федеральным законом в качестве исключительной меры наказания за особо тяжкие преступления». В 1993 г. было вынесено 157 смертных приговоров, в 1994 г. — 160, в 1995 г. — 141. По другим данным, в период с 1992 по 1999 годы в России было казнено 78 человек при количестве почти в тысячу осуждённых. Новый и ныне действующий УК РФ от 13 июня 1996 г. заметно сократил перечень преступных деяний, за которые полагается смертная казнь в виде наказания.

Завершая рассмотрение истории развития отношения в России к смертной казни на протяжении веков, необходимо отметить следующее. 3 июня 1999 г. был помилован последний из почти 800 человек, приговоренных к смертной казни. Анализируя исследования по практике применения смертной казни, к сожалению, невозможно установить точно данные об этом виде наказания, поскольку уголовная статистика прошедших лет засекречена. Таким образом, можно сказать, что смертная казнь имеет крайне богатую историю, существуя практически столько же, сколько и само Российское государство. Для проблемы смертной казни характерны культурные, социальные, международно-правовые, юридические, экономические и другие аспекты.

Вероятнее всего, вопрос о применении высшей меры наказания будет актуальным на протяжении всего существования цивилизации. Общество давно разделилось на две части, как и страны, где выносятся смертельный приговор и где смертная казнь запрещена. Многие законодатели уверены, что любая человеческая жизнь ценна, поэтому отсутствует необходимость в бессмысленных убийствах. Но пожиз-

¹ Афанасьева, О. Р. К вопросу об исследовании социальных последствий рецидивной преступности // Российский следователь. 2013. № 7. С. 30—31.

ненное содержание преступников, как известно, оплачивается за счет налогов других граждан, которые часто возмущаются такой несправедливостью. Хотя всегда существует вероятность, что обвиняемый не является настоящим преступником.

Регулярные статистические исследования показывают, что ежегодно всё более мощную поддержку находит возвращение смертной казни у россиян. Причем инициаторами возвращения высшей меры ответственности за преступления выступают мужчины. Основная причина такого мнения заключена в том, что многие маньяки и убийцы продолжают жить, хотя лишили жизни невинных людей. Идея сохранения смертной казни как действующего и применяемого в стране уголовного наказания можно назвать своего рода острой необходимостью в социальной справедливости у народа, которая возникает вместе с совершением определенных преступлений, наиболее потрясающих общественность.

Тем не менее на данный момент едва ли можно говорить о снятии моратория, поскольку, несмотря на все дискуссии, власти Российской Федерации не видят

целесообразным возвращение смертной казни. Впрочем, по мнению некоторых экспертов, в случае необходимости может быть применено возвращение смертной казни, поскольку принципы установления высшей меры наказания всё равно остаются в уголовно-правовой базе.

Библиография

1. Алексеев, Ю.Г. Псковская судная грамота и ее время / Ю.Г. Алексеев. — Ленинград: Наука. Ленинградское отделение, 1980.
2. Афанасьева, О.Р. К вопросу об исследовании социальных последствий рецидивной преступности / О.Р. Афанасьева // Российский следователь. — 2013. — № 7. — С. 30—31.
3. Безверхов, А.Г. Проект Уголовного уложения Российской империи 1813 года : монография / А.Г. Безверхов, В.С. Коростелёв. — Самара: Изд. «Самарский университет», 2013.
4. Голяков, И.Т. Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР. 1917—1952 гг./ И.Т. Голяков. — М.: Юридическая литература, 1953.
5. Лепешкина, О.И. К вопросу об истории возникновения смертной казни в Древнерусском государстве / О.И. Лепешкина // Криминология: вчера, сегодня, завтра. — 2007. — № 3.
6. Шиян, В.И. Уголовное право России. Общая часть / В.И. Шиян, В.Г. Гриб, И.С. Ильин. — М., 2008.

Генезис права под влиянием морали и нравственности. Взаимное влияние феноменов: право, закон, государство

© Денисов Денис Ильич
юрист, г. Петрозаводск

Аннотация. Объектом изучения настоящей работы является феномен права. Как зарождалось право и почему нашло оплот своего существования в стенах государственных образований? Увидим различие морали и нравственности и их влияние на формирование правовых норм. Вместе с тем убедимся в наличии разных подходов к восприятию соотношения права и закона.

Ключевые слова: право, закон, мораль, нравственность, государство.

The genesis of law under the influence of morality and morality. Mutual influence of phenomena: law, law, state

© Denisov D.I.,
Lawyer, Russian Federation, Petrozavodsk

Annotation. In this paper we will try to understand the phenomenon of law. How the law was born and why it found a stronghold of its existence in the dungeons of state entities. We will see the difference between morality and morality and their influence on the formation of legal norms. At the same time, we will make sure that there are different approaches to the perception of the relationship between law and law.

Keywords: law, morality, morality, state.

*Право существует тысячи лет,
а юристы до сих пор не могут разобраться,
что такое право.
И. Кант.*

Несколько тысячелетий назад в далеком первобытном обществе зародилось право. Этот феномен в своем развитии подарил людям такие прекрасные явления как гармония, миропорядок, справедливость. На всем своем пути развития и по сегодняшний день право сопровождает человечество и постоянно прогрессирует, развивается, не зная регресса. Отрадно, что научный интерес к этому феномену не пропадает с течением времени, а только усиливается. Право берет свои истоки в третьем тысячелетии до нашей эры, т.е. значительно раньше появления первых общественных объединений с признаками государства. Являясь самостоятельными феноменами общественного развития, схожи они в том, что оба рождены в обществе и постоянно пересекаются. Мысль о верховенстве права над государством от-

лично выразил А.Д. Тагизаде, отметивший, что «государство участвует в реализации права, правовые нормы распространяют свое силовое поле и на государство, превращая его в одного из субъектов правоотношения»¹. Право значительно старше и мудрее, чем государство, хоть и рассматривается практически всегда в совокупности с ним, и это соотношение объясняется разными точками зрения ученых, но мы будем придерживаться мнения, что в ходе эволюции право нашло оплот признания своего существования, верховенства и защиты внутри государства, иными словами, прижилось в благоприятной среде право-

¹ Тагизаде А.Д. Принцип законности в контексте развития и функционирования правового государства: философско-правовые аспекты // Гуманитарные и социальные науки. 2012. № 2. С. 147—159.

вого государства. Но, далеко не всегда и не все государственные образования являются правовыми по своей сути и, соответственно, их законодательство идет вразрез с правовыми устоявшимися общественно-социальными принципами, в основе которых лежит любовь, нравственность и гуманность по отношению к человеку. В случае нарушения равенства прав между государством и индивидом первое, что терпит удар — верховенство права в данном государстве.

Рассматривая теорию развития феномена права внутри государства, так или иначе приходишь к конструкции происхождения законов в государстве. При поиске единого понимания соотношения закона и права, напротив, находишь множество противоположных мнений по поводу данного вопроса. Некоторые ученые рассматривают соотношение закона и права как однопорядковые, синонимичные термины. Как правило, в таких работах право определяют как силу с великой долей тирании. Так, например, древнегреческий философ-софист Тразимах объявил, что право есть сила и оно полезно лишь сильнейшим, завоевавшим власть, но отнюдь не полезна подвластным, а даже идет во вред им. Граница между правом и законом в его работах отсутствует, право есть закон и является благом только для властвующих.

Нельзя оставить в стороне смелую точку зрения Иеремиа Бентама. В своих трудах британский философ XVIII в. основательно придерживается мнения, что именно закон создает право, а не наоборот, ибо право является по Бентаму волей правителя. А естественное право и вовсе влечет негативные последствия, поскольку оно свободно от принуждения.

Для марксистов же выгоднее было заявить, что право — это возведенная в закон воля господствующего класса. Тем самым, закон доминировал над правом, а право, в свою очередь, не рассматривалось как явление, фундаментом которого является нравственность по отношению к человеку. «Коммунизм же отменяет вечные истины, он отменяет религию, нравственность, вместо того, чтобы обновить их;

следовательно, он противоречит всему предшествовавшему ходу исторического развития», — отмечают Карл Маркс и Фридрих Энгельс¹. И, между прочим, политическая власть ими трактуется как организованное насилие одного класса над другим. Насилие и нужда вооруженной революции рассматривается как необходимость достижения верховенства своей политической идеологии. А идеи насилия и нравственности по своему образованию непомерно противоположны.

Наравне с вышеперечисленными наблюдениями исследователей существуют и такие идеи, которые, на наш взгляд, очень нравственны по отношению к человеку. Это версии, которые выделяют существенные отличия между правом и законом, остро акцентируя внимание на том, что далеко не все законы являются правовыми, а право есть явление не политическое и не зависимое от воли государственной власти, а напротив, явление общественное, которое прочно сформировалось на понятиях свободы, морали, нравственности, справедливости, гуманности и прочих позитивных законах социальной жизнедеятельности людей. Еще Аристотель во времена античности считал нужным убеждать своих учеников в том, что справедливое и законное должно совпадать, а право должно нести только пользу и общее благо.

В данном ключе отметим, что существуют три основные версии соотношения права и закона (право выше закона, право и есть закон, закон выше права). Под каким бы углом нам не приходилось рассматривать эти явления, отними от них обязательность соблюдения их норм, и они тут же разгерметизируются и станут просто красивыми словами, выражениями и просто мыслями. В юридической науке существует отдельный термин, которым обозначают обязательность соблюдения законов. Это термин — законность. «Право без законности остается пустым звуком, как бы при этом оно не понималось — ши-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии. М.: Изд. полит. литературы, 1974.

роко или узко».¹ Вместе с тем А.Ф. Черданцев пишет, что закон является базисом по отношению к законности. Нет законов — нет законности.

Подводя черту под вступительным словом, отмечаем, что в данной научной статье мы ставим перед собой цель более подробно разобраться в феномене права. Понаблюдать за тем, как оно возникло, какова его основа и почему нашло оплот своего существования в рамках государства.

Общеславянское слово «право» образовано от слова правъ, то есть правый, которое, в свою очередь, означало истину, правильность и справедливость. Некоторые исследователи указали на происхождение от слова «правда, правота», что тоже нельзя отвергать, так как корень у слов один.

С чего же можно начать разговор о праве? Видится правильным сначала обозначить его основы. Так право, появившись на определенной ступени развития общества, является его продуктом, то есть результатом взаимодействия людей между собой. Предпосылки генезиса права в основном складываются из естественной природы человека, его тяге к упорядочиванию своей жизнедеятельности, стремлении продолжить свой род и уберечь себя и своих соплеменников от постоянно окружающих их опасностей.

Одной из предпосылок появления права является необходимость разграничения интересов людей, когда одним признанным интересам можно противопоставить другие, тоже признанные. Вместе с тем, не менее важной предпосылкой возникновения права является территория человека, границы на которых он жил, охотился и растил потомство. Не сложно представить, как мог возмутиться первобытный человек, имея копьё или камень, увидев на своих просторах себе подобного незнакомца, гонящего мамонта или антилопу. Эта проблема подталкивала к созданию превентивных мер. Понятие кражи появилось раньше понятия собственности.

Любопытно, что вопрос территориальной собственности свойственен для всех этапов развития человека. Например, Альберт Семенович Пиголкин отмечает, что первобытная родовая община стала основной общественной ячейкой первобытного человека и является единственно возможной связью между первобытными людьми². Эволюция делала свое дело, и люди стали пытаться подчинить своей воле сложную систему гармонии мира. Постепенно в обществе назревала необходимость упорядочить жизнь и прекратить бесполезные страдания друг от друга. Объединившись в небольшие родовые общины, у людей, так или иначе, начала появляться общая собственность, то есть добыча на охоте, чуть позже — орудия труда, которыми пополнялась община. А наличие совместной собственности рано или поздно потребует ясности в распределении этих ресурсов и управлении ими. Так возникло понятие о общинном собрании, на котором решались насущные вопросы. Так начал появляться порядок, за нарушение которого виновные несли наказание. Так, род давал защиту всем своим членам от врагов, а виновного в убийстве сородича преследовала кровная месть племени. На пути формирования правособственную содержание представлял обычай. Обязательность соблюдения обычая поддерживалось внутри малых первобытных общностей. В более поздних племенных общинах с появлением вождей и советом старейшин, наступили и более суровые порядки, поддерживаемые силой принуждения и строгими наказаниями за несоблюдение обычая и других требований правящей элиты.

Сложившиеся правила общения между людьми начали функционировать в виде обычаев. Догма есть то, что обычаи специально в оборот жизнедеятельности людей никто не вводил — нормальное может существовать само по себе, негде не фиксируясь. Регулярно повторяющиеся поступки, приводившие к желаемому результату,

¹ Черданцев А.Ф. Теория государства и права : учебник для вузов. М.: Юрайт, 2002.

² Пиголкин А.С. Общая теория права : учебник для юридических вузов. М.: МГТУ им. Н.Э. Баумана, 1996.

становились обычаем. Они сложились в результате естественного обобщения прецедентов поведения. Люди пытались удовлетворить свои потребности. Если поступок не приводил к желаемому результату — он не становился правилом, а если нес вред, то вообще становился крамольным. Мысль о трансформации обычая в постоянно действующие нормы потрясюще выразил Лев Иванович Спиридонов: «Передаваясь от поколения к поколению, обычаи закреплялись через традицию и превращались в постоянно действующие нормы»¹. И закреплялись эти правила в сознании людей, передавались от старшего к младшему. Интересно то, что они не были писанными.

С течением времени некоторые обычаи стали расценивать как данность свыше, а наиболее справедливые среди них стали называть «право». Вообще путь возникновения права сложен, многогранен, постоянно изменялся в течении своего развития. Авторитетно мнение доктора юридических наук Александра Владимировича Мелехина. Возникновение права он обозначил как «... закономерное следствие усложнения общественных взаимосвязей, углубления и обострения социальных противоречий и конфликтов»². В истории возникновения права А.В. Мелехин находит этап, когда обычаи прекращают обеспечивать порядок и стабильность в общественных отношениях, а значит возникает потребность в поиске новых рычагов управления, которые вернут стабильность во взаимоотношения между людьми. А древние римские юристы уже тогда заметили, что «право рекомендует то, что одобрено обычаем»³.

На территориях, где господствовала частная собственность (Древний Рим, Византийская империя, территории Испании

и южной Франции и т.д.), право в своем развитии получило формальное закрепление в таких официальных документах как институции, Дигесты, Кодексы и т.д. А вот на территориях, где царила государственная собственность (Индия, мусульманские страны), получили развитие нравственно-религиозные отношения, которые заносились в сборники и стали существовать также в форме ручных записей. По поводу возникновения свойства письменности у права советский ученый-юрист Евгений Брониславович Пушуканис говорил, что «потребность зафиксировать и точно установить объем и содержание взаимных прав и обязанностей возникает там, где спокойное и мирное существование нарушено...»⁴. Особое место в изучении права занимает идея его органической связи с государством. Очень многие научные издания, посвященные изучению права, рассматриваются его в совокупности с теорией возникновения и развития первых государств. Устоявшаяся гипотеза о их неразрывности вполне себе логична и понятна.

Можно ли говорить, что право существует, если оно переживает свое полное игнорирование или, куда хуже, пребывает в сознании человека в деформированном субъективно выгодном восприятии? Искаженное восприятие права выражается в противопоставлении личных интересов интересам ближнего. А поскольку, к примеру, ближний слаб духом, то и интересы одного могут распространяться на вещи и свободы другого, которые самостоятельно защитить он не сможет. При таких условиях развивается лишь идея силы. «Кто сильнее, тот и прав» — думает сильный. Интерес в том, что, посягнув на чужое, можно отыскать себе в оправдание и даже усмотреть в таком поступке свою долю правды и справедливости. При наличии желания и такими чертами характера, как жадность и скупость, справедливость и правда легко поддаются оправданию перед собой. И при таком эгоистическом подходе страдает объективная мораль, обществен-

¹ Спиридонов Л.И. Теория государства и права : учебник. М.: Проспект, 2001.

² Мелехин А.В. Теория государства и права : учебник. М.: Маркет ДС, 2007.

³ Дубов Г.В. Этика сотрудников правоохранительных органов : учебник для курсантов, слушателей и студентов системы образовательных учреждений правоохранительных органов. М.: Щит, 2002.

⁴ Пушуканис Е.Б. Общая теория права и марксизм : избранные произведения по общей теории права и государства. М.: Наука, 1980.

ное представление о добре и зле. Возникает резкая необходимость силового поддержания морального и нравственного мерила.

Вообще, измерять право мерой справедливости некоторые ученые не решаются, т.к. справедливость — весьма относительное понятие и привязано к личности. Что справедливым видится мне, не всегда выглядит так же с другой «колокольни» — сказали бы многие. Но, если идеи добра, честности, порядочности, уважения рассматривать как исходные начала права, которые интегрированы в общественную и повседневную жизнь, то общество способно само рационализировать хорошее и плохое. Здесь справедливость может прекрасно коррелировать с правом, например, в воздаяние за убийство, кражу, обман, предательство.

Презюмируем, что для жизни права государственное устройство является благоприятной средой потому, что в нем право получает государственную защиту и нормативное закрепление посредством законов. Хочется отметить мнение Альберта Семеновича Пиголкина, который обнаружил парадокс, что не только право, найдя такую благоприятную среду как государство, живет в нем, но и «развитое государство не может существовать без права, поскольку последнее обеспечивает легитимность государства»¹.

История показывает нам, что и тут не все так радужно и явственно. Далеко не каждое государство шло и идет в настоящее время по пути поддержания общечеловеческих ценностей и, как следствие, трансформирует право в такие законы, которые не улучшают благосостояние своих граждан. А вместе с тем, не каждое государство, публично провозгласившее приоритет верховенства прав и свобод человека и гражданина, следует этому пути, принимая соответствующие законы, не ущемляющие общечеловеческие правовые принципы. Представление о праве в таких государствах может искажаться политическими взглядами правящей элиты, а компетентность чиновников подвержена право-

вой неграмотности и ведомственного подхода к правотворчеству.

Разобравшись с предпосылками, послужившими появлению рассматриваемого феномена, нужно определить, на каких требованиях и идеалах стоит право. Справедливо определить право, как продукт не только человеческого разума, но и души, как индикатора чувств. Мораль и нравственность так же, как и право, являются плодами общественного сознания, а их заветы послужили формированию естественного права. Подход к понятию морали и нравственности в различных научных трудах рассматривают как синонимичные, так и разделяя их, выявляя существенные отличия. Теория их раздельного толкования выглядит более научно обоснованной.

Мораль, как процесс социальной эволюции, очень близка по возрасту к праву. Она так же, как и право, имеет свои нормы, которые формировались и изменялись с течением веков. Мораль издавна служила регулятором внутривидовой агрессии в обществе и рождалась на уровне интуитивных правил поведения. Давала ту самую матрицу поведения, которую усваивали с детства. Моральные нормы начали действовать в тот временной период, когда стали распространяться за пределы общины, на всех членов общества, с приходом разгерметизации внутриобщинного сознания, то есть после распада первобытного родового строя (в которых действовали табу, обычаи и традиции).

Если указать, в качестве примера, некоторые моральные нормы, чтобы понять их схожесть с правом, то это:

1. Не обращаться плохо с людьми или животными;
2. Нельзя пользоваться чужими ограничениями;
3. Терпение к различиям мыслей других людей;
4. Верность в рамках отношений;
5. Не кради;
6. Добросовестность и ответственность в работе и т.д.

Моральные нормы включают в себе высокие идеалы и сформировали модель достойного поведения людей в обществе. Мораль заложила в общество веками фор-

¹ Пиголкин А.С. Указ. соч.

мируемые представления о добре и зле. Для постижения идеи морали существует ее золотое и универсальное правило: «Не поступай с другими так, как не хочешь, чтоб поступали с тобой».

Общие черты между правом и моралью можно выразить следующие:

- являются универсальными и распространяются на всех членов общества;
- оба регулируют общественные отношения;
- исходят из социальной справедливости;
- представления о добре и зле.

Моральные нормы выражают защиту устоев и обычаев, сложившихся в обществе, ставят в приоритет мир должного поведения человека по отношению не только друг к другу, но и к семье, государству, обществу в целом. То есть для морали важны не какие-то частные отношения человека в определенной ситуации, а сам путь соблюдения гуманных принципов поведения человека.

Право и мораль очень часто идут рука об руку в процессе упорядочения отношений между людьми. Например, требования морали и права зачастую совпадают. Опираясь на одинаковые понятия о добре и зле, один и тот же поступок с позиции морали и права может либо осуждаться, либо поощряться. Например, понятие о справедливости является составляющей норм морали. Так и право воспринимает справедливость с тех же позиций, что и мораль. А именно представления о должных последствиях, как связи с действиями человека.

Вместе с тем, многие правовые нормы вытекают из моральных норм. Это, например, запрет убийства, защита животных, понятие о чести и т.д. Польский философ и социолог Мария Оссовская выделяет моральный принцип, согласно которому никто не должен быть судьей в собственном деле, что также является приемлемым с позиции права.

Если мораль воздействует на общественные отношения, требуя от человека соблюдения общественно устоявшихся принципов, то нравственность имеет не-

сколько иное действие. Этика, как философская наука, изучающая мораль и нравственность, отмечает, что объектом нравственности являются внутренние убеждения и принципы поведения человека, которыми он руководствуется в жизни, и которые согласуются с его собственными понятиями о совести, чести, мужестве, отзывчивости, долге, ответственности, справедливости и т.д.

На первый взгляд, эти два явления очень похожи, но на деле один и тот же поступок может отвечать моральным законам, а нравственным, оказывается, нет.

Чтобы отыскать наличие нравственности в действии (бездействии) важно не только его внешнее благородное, но и внутреннее состояние человека, побудившего его к действию (сострадание, любовь, сопереживание, богатство, выгода, слава). Спасать тонущего в холодной воде человека оказывается можно по разным побуждениям. Можно узнать в нем денежного магната и прыгать в воду, спасая его жизнь с корыстными надеждами, которые нравственность не допускает. Но жизнь человека была спасена под риском жизни собственной. Этот поступок будет отвечать ожиданиям общества и высоко оценен им, и, как следствие, будет отвечать требованиям морали. Однако, позиция нравственности здесь будет ослаблена, ибо в отличии от морали, она исходит из самой души человеческой и является собственной, персональной. Курьезно, что нравственность, при желании, можно исказить словами перед обществом, но совесть (как категория нравственности) едва ли даст возможность оправдаться перед собой лично. Получается, что каждый моральный поступок является нравственным (или наоборот, каждый нравственный является моральным), но не каждый безнравственный поступок является аморальным.

И. Кант вообще разделил все благие поступки на две категории: красивые и моральные. Красивые совершаются от любви, симпатии, желания славы. А вот основание моральных поступков иное. Они совершаются во имя чести, по чувству долга и ответственности. Далее Иммануил Кант объясняет, что красивые поступки

нельзя отметить полностью, они нужны, но на них не построить крепких общественных отношений.

Сложно вывести какую-то единую формулу на тему влияния нравственности на право, обособленно от морали. Видится, что на право они влияют в совокупности так же, как и развиваются в обществе. Мораль и нравственность в настоящем контексте рассуждения нужно рассматривать как мир должного и мир сущего.

Мораль и нравственность по отношению к праву регулируют более объемную сферу общественных отношений (любовь, честь, отзывчивость, сострадание, долг и т.п.), а право, в свою очередь, лишь наиболее важные из них (взаимоотношение между людьми, свободу, отношения с государством и т.д.).

Человек рождается и, уже развиваясь в обществе, априори получает знания от своих родителей, своего окружения об устоях своего общества, о представлениях добра и зла, справедливости, честности, долге, совести и т.д. Таким образом, мораль, действуя извне (через родителей, например), зарождает внутренние нравственные качества в человеке, формирует их. Но, нравственные приоритеты, как нам показывает человеческая история, менялись (например, во времена средневековья люди любили посещать публичные пытки и казни, в древнем Риме рабы считались говорящим орудием труда, но никак не человеком с какими-то там правами).

Наше рассуждение приводит к выводу, что эвентуальность в взаимовлиянии нравственности и морали состоит в том, что нравственность через воспитание, претерпевая изменения с течением времени, оказывает влияние на общественную мораль, в следствии чего она тоже меняется. Таким образом, имеет место быть суждение, что мораль зарождает и формирует нравственные начала в человеке, а нравственность, исходя из нутра людей, подвергаясь изменениям в процессе жизнедеятельности, может менять моральные убеждения, которые либо приживаются в обществе став её устоявшимся принципом, либо нет. Более того, мораль и нравственность всегда идут вместе по дороге эволюции с момента

их рождения. Что вчера было нормой для людей (например, посещение казней, отношение к рабам как к вещам) признавалось правом, то сегодня является аморальным и недопустимым, а значит делинквентным.

«Право и нравственность имеют также общее функциональное назначение: они формируют эталоны и стандарты поведения, составляющие, ценностно-нормативную ориентацию общества»¹.

Справедливо отметил Николай Игнатьевич Матузов, что «нравственные нормы безоговорочно осуждают любые формы нечестности, лжи, клеветы, обмана и т.д., тогда как право пресекает лишь наиболее крайние и опасные их проявления»².

Мораль и нравственность, являясь древнейшими регуляторами общественной жизни, до появления признаков государства, оказали сильнейшее влияние на формирование права. А в совокупности они служат общей цели согласованности интересов личности и общества, поддержанию порядка, взаимному обогащению. Если же рассматривать мораль и нравственность обособленно от права, то они выглядят более свободными по причине отсутствия строгой процедуры нормативной закрепленности и наложения санкций со стороны государства за нарушение их норм. Право возникло уже как необходимость использования устоявшейся системы моральных норм и правил в масштабах целого государства. Важно, что право под влиянием нравственности и морали постоянно бога-

¹ Право и нравственность: современные представления об их соотношении : частное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики» – Текст электронный // [сайт]. – 2018. – URL: https://revolution.allbest.ru/law/01083636_0.html (дата обращения 10.06.2022 г.).

² Матузов Н.И. Актуальные проблемы теории права. Саратов: Изд-во Саратов. Гос. Акад. Права, 2003. (творч. Наследие ученых СГАП) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4, Государство и право: Реферативный журнал. 2004. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/2004-03-005-matuzov-n-i-aktualnye-problemy-teorii-prava-saratov-izd-vo-saratov-gos-akad-prava-2003-510-s-tvorch-nasledie-uchenyh-sgap> (дата обращения: 12.06.2022).

теет. Расширяются его нравственные начала и, как следствие, оно оказывает позитивное влияние на государственную нормотворческую деятельность.

И получается, что право, являясь этической категорией, должно соответствовать моральным и нравственным принципам, которые стоят на позициях честности, добра и справедливости. Но, как показывает действительность, невозможно все моральные и нравственные нормы выразить в правовых нормах, ибо цель у них одна (социальное регулирование общественных отношений), а методы, через которые они достигают цели, разные. Право, преимущественно, действует через выражение и закрепление своих норм в законах, которые в результате становятся общеобязательными и формально определенными.

Но, вместе с тем, право находит свое сходство с моралью и нравственностью еще и в том, что может воздействовать на поведение людей и не писаными правилами, преимущественно через такие душевные состояния как сострадание, честь, долг, уважение, совесть и т.п. Им не ведом канцелярит и принуждение к обязанности их исполнения, ибо сформированы и существуют независимо от желания государства. Хорошо сказал Э.Ю. Соловьев, что среди правовых запретов не должно быть таких, которые толкали бы человека к безнравственным действиям.

Эти три этические категории уникальны еще и в том, что они фиксируют настоящее, существующее сегодня, и имеют дело с проблемами воли людей их ответственностью.

Любопытно, что во всем мире существуют институты, призванные вести контроль за соблюдением норм права и за возведением ее норм в законы, но не найти никаких специальных учреждений, контролирующих организаций за соблюдением и созданием норм моральных и нравственных. Но это совсем не мешает им отлично взаимодействовать друг с другом — «там, где закон не дает каких-либо предписаний, а нравственность оказывается не способна сдерживать проявления эгоизма, то на помощь должно приходить право со

своими средствами внешнего принуждения»¹.

В дальнейших наших рассуждениях можно опираться на то, что право возникло вследствие эволюции общества и желания людей регламентировать свою жизнь путем определения границ свободы каждой личности. Вероятно, что право нашло свое пристанище в стенах образованных государств, хотя оно и претерпевает трансформацию в законы, и именно они обеспечены силой государственного принуждения. Что право есть явление не политическое, а общественное, и от воли государственной власти оно не зависит. Основа права прочна как фундамент, который сформировали многовековая эволюция общественной морали и нравственность людей.

Занимательно, что существует мнение рассматривать право как меру не свободы личности, т.к. свобода — понятие весьма относительное и всегда ограничено свободой интересов других людей. И выходит, что быть не свободным (с данной точки зрения) представляет определенную ценность как для самого индивида, так и для общества в целом.

Обращая право в законы, государственная «машина» прежде всего должна исходить из того, что у права есть морально-нравственная основа, что строить структуру и требования государственных законов на основе права значит, что они должны быть справедливыми, гуманными.

А если законы стали не справедливыми и не гуманными? А что если государственный аппарат встал на защиту интересов обогащения правящей элиты, а не интересов общественных? История знает такие примеры. Есть ли у народа право на восстание и свержение предательского режима?

«Если государство есть продукт непримиримости классовых противоречий, если оно есть сила, стоящая над обществом и вовсе более и более

¹ Мельникова М.В. Право и нравственность — важнейшие формы социальной регуляции // Вектор науки Тольяттинского Государственного университета. 2013. № 1 (23). С. 202—204.

отчуждающая себя от общества, то ясно, что освобождение угнетенного класса невозможно не только без насильственной революции, но и без уничтожения того аппарата государственной власти, который господствующим классом создан и в котором это отчуждение воплощено»¹.

Также В.И. Ленин в книге «Государство и революция» размышляет о том, что укрепление и популяризация репрессивных мер только заставляет концентрировать революционные силы на разрушении и свержении государственного строя.

Соглашаясь с мнением немецкого юриста XVII в. Самуэля Пуфендорфа, мы придерживаемся мнения, что право на восстание относится к естественным правам и не требует отражения в позитивном праве (совокупность законов отдельного государства). Но, вместе с тем, известны случаи, когда право на восстание закреплялось в законодательных актах — впервые в декларации независимости США 1776 г., где сказано, что если правительство не в состоянии обеспечить безопасность народа, «то право и долг народа свергнуть такое правительство и создать новые гарантии обеспечения своей будущей безопасностью».

В современном мире такие нормы тоже можно отыскать. Например, ст. 20 основного закона ФРГ закрепляет, что всякому, кто попытается свергнуть настоящий демократический строй, немцы могут оказывать сопротивление, если исчерпаны другие правовые средства урегулирования конфликта.

Всеобщая декларация прав человека 1948 г. закрепляет также положение о том, что права человека должны соблюдаться для того, чтобы человеку не пришлось прибегать к восстанию против тирании и угнетения. Декларация, тем самым, допускает и признает возможность оказания сопротивления народа действующему не правовому режиму.

Обратившись к трудам ученых юристов, правоведов, философов XVI—XVII

веков, мы увидим, что вопрос сопротивления угнетающему политическому режиму актуален был и тогда:

Голландский юрист и государственный деятель XVI—XVII в.в. Гуго Гроций был приверженец мнения, что воле государственной власти повиноваться не следует, если их воля противна «естественному праву и божественным заповедям»². Это его мнение от того, что по естественной природе все «имеют право противиться причинению им насилия»³.

Женевский юрист XVII в. Жан Байбейрак, комментируя труд Гуго Гроция «Трактат о праве войны и мира» писал, что передача власти государю не лишает народ права забрать ее обратно, если государь использует власть в интересах, противоречащих интересам народа.

Иммануил Кант, напротив, противился каким-либо восстаниям, сопротивлениям, продиктованных правом. Право и закон в его трудах едины. И обосновывал свою точку зрения тем, что любое злоупотребление властью царя законно, ибо законы создаются им и подчинены его воле, а любой восставший должен признаваться изменником, посягнувшим на свое отечество.

«Убить тирана не только законно, но и правильно и справедливо»⁴, писал французский богослов Иоанн Солсберийский.

Подводя итог, нам удалось убедиться, что право, не имея письменности, возникло в результате желания общества упорядочить свою жизнь, обезопасить свой род от постоянно угрожающей опасности и положить конец бесполезным страданиям друг от друга, разграничив интересы. Как мы увидели, право начинало действовать через обычаи, обязательность соблюдения которых были обеспечены суровой волей

² Гуго Г. О праве войны и мира // https://www.civisbook.ru/docs/yandex.ru/docs/view?tm=1655205229&tld=ru&lang=ru&name=Groziy_Kn1.pdf&text=гуго%20гроций%20трактат%20о%20праве%20войны%20и%20мира&url (дата обращения: 14.06.2022).

³ Там же

⁴ Крестовская Н.Н. Цвиркун А.Ф. История политических и правовых учений: курс лекций. Харьков: Одиссей, 2002.

¹ Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 33. Государство и революция. – 5-е изд., институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – М.: Изд. полит. литературы, 1969.

вождя. Те правовые нормы, которые удовлетворяли требования общества, прижились и передавались от старшего к младшему, от одного поколения к другому.

Право черпает готовые модели должного поведения людей из эволюционного багажа представлений и знаний о добре и зле. Вопросы добра и зла есть предмет этики (мораль и нравственность). Таким образом, право вместе с моралью и нравственностью стоят на общих понятиях о чести, совести, добре, справедливости, долге, чести и т.п. Отличие можно отыскать лишь в их действии. Право воздействует на общество через общеобязательные для соблюдения законы, а мораль с нравственностью через неписанные правила, которые закладываются в человека посредством воспитания и заложенные в него представления, образы и понятия о том, что такое хорошо и что такое плохо. Морали и нравственности неведом канцелярит и принуждение исполнения своих норм. Принуждение возможно только в случае, если их понятия совпадают с понятиями, выраженных в государственных законах (убийство, кража, обман, оскорбление и т.п.).

Многовековая история права показала нам, что оно хорошо прижилось внутри государств, но не в любых, а только в правовых, где обеспечивается верховенство тех самых правовых принципов, сформированных на фундаменте моральных и нравственных заповедей. Когда законы имеют под собой только правовую основу и не искажаются политическими взглядами неграмотных чиновников, имеющими ведомственный подход к законотворчеству. Важно отличать право от закона и помнить, что право явление не политиче-

ское, а общественное, возникшее в обществе как результат желания людей навести порядок во взаимоотношениях между ними. Оно наличествует и развивается вне зависимости от государственной воли.

Библиография

1. Дубов, Г.В. Этика сотрудников правоохранительных органов : учебник для курсантов, слушателей и студентов системы образовательных учреждений правоохранительных органов / Г.В. Дубов. — Москва : Щит-М, 2002. — 524 с.
2. Крестовская, Н.Н., История политических и правовых учений : курс лекций / Н.Н. Крестовская, А.Ф. Цвиркун. — Харьков : Одиссей, 2002. — 448 с.
3. Матузов, Н.И. Актуальные проблемы теории права / Н.И. Матузов. — Саратов: Изд-во Саратов. Гос. Акад. Права, 2003. — 510 с.
4. Мелехин, А.В. Теория государства и права : учебник / А.В. Мелехин. — Москва : Маркет ДС, 2007. — 613 с. — ISBN 5-7958-0139-9
5. Мельникова, М.В. Право и нравственность – важнейшие формы социальной регуляции / М.В. Мельникова // Вектор науки Тольяттинского Государственного университета. — 2013. — № 1 (23). — С. 202—204.
6. Пашуканис, Е.Б. Общая теория права и марксизм : избранные произведения по общей теории права и государства / Е.Б. Пашуканис. — Москва : Наука, 1980. — 270 с.
7. Пиголкин А.С. Общая теория права : учебник для юридических вузов / А.С. Пиголкин. — Москва : МГТУ им. Н. Э. Баумана, 1996. — 378 с. — ISBN 5-7038-1288-7.
8. Спиридонов, Л.И. Теория государства и права : учебник / Л.И. Спиридонов. — Москва : Проспект, 2001. — 304 с. — ISBN 5-94569-013-9
9. Тагизаде, А.Д. Принцип законности в контексте развития и функционирования правового государства: философско-правовые аспекты / А.Д. Тагизаде // Гуманитарные и социальные науки. — 2012. — № 2. — С. 147—159.
10. Черданцев, А.Ф. Теория государства и права : учебник для вузов / Н.А. Черданцев. — Москва : Юрайт, 2002. — 427 с. — ISBN 5-94227-018-X

Законы периода централизации Русского государства о многозначимости термина «голова»

© Зюбанов Юрий Алексеевич,
кандидат юридических наук, доцент

Аннотация. В статье анализируется термин «голова», широко употребляемый в законах периода централизации Русского государства, а также в государственно-административной и военной деятельности.

Ключевые слова: голова, закон, период централизации, Русское государство.

Laws of the period of centralization of the Russian state on the ambiguity of the term "head"

© Zyubanov Yu.A.,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

Resume. The article analyzes the term "head" widely used in the laws of the period of centralization of the Russian state, as well as in state-administrative and military activities.

Keywords: the head, the law, the period of centralization, the Russian state.

«В коейждо стране законы и отчиная не приходят друг ко другу, но своего обычая кийждо закон держит; мы же православнии, закон истинный от бога приемше».

Стоглав

Законы Русского царства в период, непосредственно предшествовавший централизации, а также во время собирания земель и образования новой крупной державы в Восточной Европе (1547—1676 гг.), употребляют термин «голова» и его производные в различных значениях. Это время, когда законословие движется вперед. Происходит накопление юридической терминологии в количественном отношении от единичного к общему, создаются условия для перехода этого количества в качественное выражение. В истории русской уголовной юриспруденции этот этап почитается «первым». На данном отрезке времени еще не происходит обособления таковой «в отдельную дисциплину», законы лишь описывают уголовно-правовую практику с позиции христианских канон

и «нравоучительной морали»¹. Приумножение понятийного аппарата в законах отчасти происходит путем использования уже апробированных терминов в новых сферах деятельности. Для того чтобы наглядно представить такое движение и подтвердить данное утверждение, обратимся к нормативным актам той поры.

Как и в старину, глава — это единица исчисления людей и животных. Этим словом именуют наделенных властью должностных лиц, оно введено в документооборот, законотворчество и судопроизводство.

Под «головой» традиционно понимают единицу счета домашнего скота, других животных, и по головам производится исчисление людей. Каждая личность — это субъект права, обязанный нести повинно-

¹ Фельдштейн Г.С. Главные течения в истории науки уголовного права в России. Ярославль: Тип. Губ. правл., 1909.

сти, оплачивать всевозможные подати и отвечать за свои поступки. С каждой главы, т.е. с человека, взывается денежный налог либо поголовная дань. Взискивание вводимых сборов осуществляется со всякого торговца. Белозерская Уставная грамота 1488 г. предусматривает пошлыны с гостей, прибывающих на Белоозеро «с головы — по денге» (ст. 7)¹.

Судебник 1497 г. разрешает выдачу «правой грамоты» и «отпускной грамоты». Первый документ является судебным решением по искам холопов, а второй — письменным свидетельством об отпуске холопов на волю. Подобные индивидуальные акты записи гражданского состояния выдаются только за плату. Закон устанавливает твердые таксы с каждой такой «головы» (ст. 15, 17—18, 23, 40)². Аналогичный сбор за выдачу грамот содержит Судебник 1550 г. и Судебник 1589 г.

Уложение о судных делах от 11 января 1628 г. регулирует вопрос рассмотрения челобитных о возврате беглых крестьян, именуемых головами. Невыдача беглеца означает, что его новый хозяин обязан уплатить «за голову за всякую по четыре рубли» (ст. 6)³.

В период централизации слова «глава» и «голова» обретают новое значение в государственно-административной и военной деятельности. Головами именуют руководителей города или уезда, начальствующих чиновников, возглавляющих по своей должности определенный участок работы или службы. Такое право по руководству им предоставляется официально, в связи с чем они наделяются властными полномочиями.

При Иване IV в уездах во главе земств стояли выборные представители — «излюбленные головы». Губная Белозерская грамота (1539 г.) устанавливает в Белозер-

ском уезде особый порядок судопроизводства, вызванный резким усилением преступности. Предварительное расследование по разбойным делам производится письменно, после чего подлинность протокола удостоверяется «собственноручной подписью губного головы или другого избранного лица». Ненадлежащее исполнение обязанностей по отправлению правосудия влечет наказание «губных голов и других избранных людей»⁴.

Государь присылает в города различных должностных лиц, руководствуясь при этом административной надобностью. Так, «осадные головы, засечные головы, — это были чиновники в пограничных крепостях». Засечные «смотрели за укреплением границ, т.е. за устройством засек, сторожевых будок и т.д.». Осадный глава «был не кто иной, как комендант крепости». Острожный голова — начальник внутренней крепости, предназначенной для содержания преступников⁵.

В челобитной от 4 августа 1611 г. говорится о главе местной военной администрации Зарайского посада — осадного головы Неустроя Секирина. В Зарайске тогда имелся каменный Кремль, позволяющий выдерживать натиск превосходящих по силе войск противника, а осадный голова по своей должности возглавлял осажденные войска в том гарнизоне⁶.

Договор о признании королевича Владислава русским царем от 17 августа 1610 г. людей, несущих ратную службу, называет «головами стрелецкими», а их руководителя — головой стрелецкой⁷. Соборное Уложение 1649 г. непосредственным вожаком ратных людей почитает сотенного голову. У него в подчинении находится целая сотня воинов. Состоящий на государственной службе сотенный голова

¹ Кутафин О.Е., Лебедев В.М., Семигин Г.Ю. Судебная власть в России: история, документы. В 6 т. / Науч. консультант проекта Е.А. Скрипилев. Т. I. Начала формирования судебной власти / Отв. ред. Н.М. Золотухина. М.: Мысль, 2003. С. 170.

² Российское законодательство X—XX веков. Т. II. С. 56-57, 59.

³ Памятники русского права. Вып. пятый. М.: Госюриздат, 1959. С. 210.

⁴ Кутафин О.Е., Лебедев В.М., Семигин Г.Ю. Указ. соч. Т. I. С. 133, 172—173.

⁵ Беляев И.Д. Лекции по истории русского законодательства / Предисл. А.Д. Каплина / Отв. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2011. С. 632.

⁶ Памятники русского права. Вып. пятый. С. 140—141.

⁷ Кутафин О.Е., Лебедев В.М., Семигин Г.Ю. Указ. соч. Т. I. С. 248.

наделяется полномочиями по разрешению правовых споров в отношении бесхозного имущества (ст. 16, 26 гл. VII). Другая норма Уложения регулирует порядок назначения на должность головы в таможене, т.е. начальника таможи (ст. 6 гл. IX), а объезжий голова ведает вопросами корчемной и табачной монополии (ст. 17—19 гл. XXV)¹.

Новоторговый устав от 22 апреля 1667 г. регламентирует деятельность торговых голов в «царствующем граде Москве» и других городах «Великие России»². Закон предписывает по всем жалобам на действия «извозчиков товаров» и таможенных чиновников «давати суд и полную управу на Москве и по городам таможенным головам» (ст. 91)³.

С главным органом человека связано и челобитье, т.е. низкий поклон с прикосновением лбом к земле. Он используется при отправлении религиозных обрядов, в процессе молитвы и произнесении устных просьб. Данное вербальное обращение с поклоном находит реализацию и в письменной форме. В Русском государстве документ, изложенный на бумаге, именуют челобитной. На протяжении нескольких веков (XIV — нач. XVIII вв.) это письменное обращение, прошение, заявление или жалоба. Челобитье может быть и устным коллективным обращением. В Новгородской летописи (1398 г.) упоминается о том, как «били челом посадник Тимофей Юрьевич, посадник Юрий Дмитриевич, Василий Борисович и бояре, и дети боярские, и житьи люди, и купеческие дети, и все их воины». В этом же году «из нового городка вышедши князь белозерский и воеводы князя великого, и били челом воеводам новгородским и всем воинам»⁴.

Зачастую челобитная излагает сообщение о совершенном в отношении челобитчика преступлении, о нанесенной ему

обиде. Ее адресуют во властные органы, бьют им челом и просят свершить правосудие. По Двинской уставной грамоте (1397—1398 гг.) если «кто на кого челом бьет» означает привлечение к судебной ответственности (ст. 9)⁵. В тексте Губной Белозерской грамоты (1539 г.) обращение «били нам челом» (ст. 2) выражает ходатайство перед князем Иваном Васильевичем об оказании помощи в борьбе с преступностью, грабежами и разбоями⁶.

В челобитной «крестьянина Мелентья Федотова об управе на крестьянина Фому Леонтьева» (1613 г.) заявитель «бьет челом» и обращается к боярам и воеводам. Повод для обращения состоит в том, что у него в прошлом году во время военных действий с польскими интервентами казаки князя Семена Прозоровского забрали со двора гнедую кобылку, которую он обнаружил у крестьянина Леонтьева из соседнего села. Вероятно, анархически настроенные казаки отобрали эту лошадь и продали другому. По поводу данного самоуправства, а также с целью возвращения своей кобылы он пишет: «Великие Росейские державы Московского государства бояря и воеводы и вся земля! Смилуйтесь, пожалуйста, государи, велите мне дати с тем крестьянином свой государев земской суд и управу. Государи, смилуйтесь пожалуйте!»⁷

Челобитье — это и ходатайство о помиловании. С подобной просьбой к царю непосредственно обращаются как сами лихие люди, так и другие влиятельные лица. По указу «о помиловании осужденных к смертной казни» от 30 июля 1638 г. смертная казнь в отношении нескольких преступников заменена ссылкой в Сибирь. Основанием для подобного акта верховной власти является челобитье «великого господина святейшего Иосафа патриарха московского и всеа Руси»⁸.

В другой челобитной «московских тюремных сидельцев» от 2 октября 1641 г. «сидельцы розных всяких чинов людиш-

¹ Российское законодательство X—XX веков: Акты Земских соборов. В 9-ти томах. Т. III. М.: Юрид. лит. 1985. С. 94, 96, 99, 256.

² Памятники русского права. Вып. седьмой. М.: Госюриздат, 1963. С. 303.

³ Кутафин О.Е., Лебедев В.М., Семигин Г.Ю. Указ. соч. Т. I. С. 40.

⁴ Там же. С. 102.

⁵ Там же. С. 167.

⁶ Там же. С. 172.

⁷ Памятники русского права. Вып. пятый. С. 139.

⁸ Там же. С. 225—226.

ка» в количестве «больши пятисот» человек просят царя разрешить им просить милостыню у Никольских ворот в Кремле. Тогдашнее правительство не гарантировало питание лицам, находящимся под стражей, а потому все арестанты кормились подаванием. В результате рассмотрения настоящей челобитной была проявлена царская милость и арестантам разрешили скованными стоять и «милостину просить у Пречистые богородицы Казанские»¹.

Существовавший в государстве Челобитный приказ ведет работу с челобитными, непосредственно подаваемыми царю. Впоследствии Соборное Уложение 1649 г. отменяет прямое обращение с прошениями к государю. Царь рассматривает поступившие на его имя жалобы — челобитья, но только после рассмотрения таковых на местах. Учитывая их безмерное количество, запрещено, под страхом сурового наказания, подавать жалобы непосредственно на высочайшее имя, минуя низшие инстанции. В одном из своих указов 1718 г. царь Петр I отмечает, что «челобитчики непрестанно докучают о своих обидах, везде, во всяких местах, не дают покою»². Тем не менее, практика подачи жалоб непосредственно царю продолжается. Это объясняется в определенной мере недостаточной юридической грамотностью населения. Но основные причины — пороки организации суда, вера народа в «доброе» царя³.

Челобитной именуется волеизъявление и ходатайство народа, которое требует справедливого решения. Решение Земского Собора о воссоединении Украины с Россией от 1 октября 1653 г. является знаменательным событием воссоединения двух древних христианских государств. Этому способствуют общие исторические корни быта, культуры и законодательства имеющего христианскую основу. В Решении Собора говорится: «А гетмана Богдана

Хмельницкого для православные христианские веры и святых божиих церквей пожаловал бы великий государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Руси по их челобитью, велел их принятии под свою государскую высокую руку»⁴.

Термин «челобитная» в значении заявления, ходатайства, просьбы, жалобы, прошения надолго входит в правовой лексикон и употребляется вплоть до начала XVIII в. Постепенно он заменяется другими понятиями, но этот процесс растягивается на длительное время. В этот период выходят указы царя, в названии которых наравне с «челобитной» фигурируют слова «просьба», «жалоба» и «прошение». Так, в указе от 2 февраля 1700 г. «О неподаче просьб мимо присутственных мест государю, кроме важных государственных дел» лишь один раз в названии имеется слово «просьба», а в тексте, состоящем всего из 10 строк, по издавна заведенному порядку 12 раз употребляется старинный термин⁵.

При Сенате 9 апреля 1720 г. учреждается должность «ради приема челобитен», получившая в 1722 г. название рекетмейстера⁶. В обязанности такового входит прием жалоб в различные коллегии и канцелярии. Именным указом от 5 ноября 1723 г. «О форме суда» даже установлен образец формы челобитной⁷, а в 1730 г. предпринята не осуществленная на практике попытка учредить департамент, ведающий «делами юстиции и по челобитной»⁸.

Широкое употребление исследуемый термин обретает в официальной переписке должностных лиц той поры. Вот некоторые образцы его многозначного восприятия на поприще борьбы с преступностью достигающей порой угрожающих размеров. Не только правоохранители, но и ре-

⁴ Российское законодательство X—XX веков. Т. III. С. 458.

⁵ Кутафин О.Е., Лебедев В.М., Семигин Г.Ю. Указ. соч. Т. II. С. 157.

⁶ Воскресенский Н.А. Законодательные акты Петра I. М.; Л., 1945. Т. I. С. 338, 342.

⁷ Кутафин О.Е., Лебедев В.М., Семигин Г.Ю. Указ. соч. Т. II. С. 208.

⁸ Троцина К. История судебных учреждений в России. М., 1851. С. 213.

¹ Там же. С. 229—230.

² ПСЗ-I. Т. V. № 3261.

³ Кутафин О.Е., Лебедев В.М., Семигин Г.Ю. Судебная власть в России: история, документы. В 6 т. / Науч. консультант проекта Е.А. Скрипилев. Т. II. Период абсолютизма / Отв. ред. С.А. Колунтаев. М.: Мысль, 2003. С. 121.

гулярные войска активно подключаются к борьбе с преступностью. Такая ситуация складывается в период смутного времени, когда армии преступников в целях наживы осаждают целые города. В одном письменном документе «Отписке...» от 26 января 1609 г. сообщается, что 5 декабря 1608 г. «приходили к Нижнему воровские люди», а «мы с дворяны, и с головами, и с детми боярскими ... и со всякими служилыми людми, воров наголову побили и воевод воровских и языков поймали, больше трех сот человек». Затем в Нижегородском уезде у села Павлово «с ратными людми воров побили наголову и языков многих и знамена поймали». Позже и «под Москвою-деи воров побили наголову и наряд взяли». Вслед за этим воровские полки литовцев разбились под Ярославлем, где их «литву наголову врознь по дворам пьяных спячих побили». О другой победе над преступниками 15 марта 1609 г. была написана «Отписка царю соль-галичан ... о поголовном затем вооружении и выступлении в поход под Кострому». Галичане, собираясь идти воевать против литовских разорителей, «все головами своими» выбрали «своим ратным людям голову» сына боярина Черепова, который уже «головою к Костроме с нашими Усольскими ратными людми ходил»¹.

Летописец того времени пишет, что «как и в древности, враг наш дьявол, не желая видеть род человеческий в добре, вложил в людей лукавство, которое именуется лихоимством, и многих людей ввел в пагубу. В то время умножились разбои в земле Русской так, что не только по пустынным местам проезду не было, но и под Москвой были разбои великие». Царь Борис много раз посылает войска на разбойников, но «они же, разбойники, как звери зубами своими скрежещут на человека, противились посланным [войскам]». Регулярные войска сходятся с разбойниками под Москвой, где «разбойники же с ними бились, не щадя голов своих, и воеводу Ивана Федоровича Басманова убили». Ратные войска едва смогли их осилить

и пойманных разбойников царь «всех повелел перевешать»².

Акты смутного времени (1608 г.) в значении, означающем добросовестную службу, употребляют такое словосочетание: «И мы-де и всею душою рады все головами служити». Другое предложение из переписки (1605 г.) передает слова старца Филарета: «Бояре-де мне великие недруги, искали-де голов наших, а иные-де научили на нас говорить людей наших». Эти слова означают желание зла человеку, сочинение в отношении него клеветнических измышлений³.

Еще одно содержание исследуемого термина связано с судебным процессом. Рассмотреть какое-либо дело «с головы» это значит, с самого начала провести судебное разбирательство. Такие варианты пересуда, т.е. справедливого отправления судопроизводства устанавливают царские кодексы. Судебник 1497 г. в статье «О неправом суде» предусматривает отмену неправильного судебского решения и предоставляет истцу право повторного рассмотрения дела по существу — «а истцем суд с головы» (ст. 19)⁴. По Судебнику 1550 г. если «боярин, или дворецкой, или казначей, или дьяк просудится, а обвинит кого не по суду безхитростно, или список подпишет и правую грамоту даст, а обещется то в правду, и боярину, и дворецкому, и окольниковому, и казначею, и дьяку в том пени нет; а истцом суд з головы, а взятое отдати» (ст. 2)⁵. Кроме этого, одним из оснований возвращения дела на новое рассмотрение является некомпетентность судьи. Такое решение не имеет юридической силы и влечет возобновление судопроизводства «з головы» (ст. 66—67)⁶.

Отдельный закон XVI в., включающий нормы уголовного права, для того чтобы подчеркнуть свою важность, именуется производным словом от термина «голова»,

² Там же. С. 283.

³ Там же. С. 264, 303.

⁴ Российское законодательство X—XX веков. Т. II. С. 56.

⁵ Кутафин О.Е., Лебедев В.М., Семигин Г.Ю. Указ. раб. Т. I. С. 175.

⁶ Российское законодательство X—XX веков. Т. II. С. 112.

¹ Кутафин О.Е., Лебедев В.М., Семигин Г.Ю. Указ. соч. Т. I. С. 268—273.

т.е. «главный». По своему строению он структурирован на отдельные части, называемые главами. Это центральный нормативный акт, конституировавший систему церковного судопроизводства и закрепивший решение церковно-земского собора. Его именуют Стоглав (1551 г.) по числу глав, на которые разбит источник, а полное наименование «Сказание главам в настоящей сей книзе». В сто одной главе текста книги собраны положения «о святительском суде, по преданию святых апостол и святых отец, и по священным правилом, и по божественному уставу, по прежнему наложенному собору отеческому, и по учению, и по наказанию» (Российское законодательство X—XX веков. Т. II. С. 258—259).

Таким образом, в период централизации Русского царства продолжается накопление юридической терминологии путем использования апробированного и проверенного временем понятия «голова» в новых смыслах. Этот термин в значении живого человека охватывает еще больший круг лиц, в том числе: руководителей и начальников различных территориальных

образований; гражданских чиновников; военных и таможенных служащих; выборных представителей; беглых крестьян и заявителей. Данное слово широко употребляется в документообороте, законодательстве, судопроизводстве и официальной переписке.

Библиография

1. Беляев, И.Д. Лекции по истории русского законодательства. Предисл. А.Д. Каплина; отв. ред. О.А. Платонов / И.Д. Беляев. — М.: Институт русской цивилизации, 2011. — 896 с.
2. Кутафин, О.Е. Судебная власть в России: история, документы. В 6 т. — Науч. консультант проекта Е.А. Скрипилев. Т. I. Начала формирования судебной власти. — Отв. ред. Н.М. Золотухина / О.Е. Кутафин, В.М. Лебедев, Г.Ю. Семигин. — М.: Мысль, 2003. — 701 с.
3. Памятники русского права. Вып. пятый. М.: Госюриздат, 1959. — 667 с.
4. Российское законодательство X—XX веков: Законодательство Древней Руси. В 9-ти томах. Т. I. — М.: Юрид. лит., 1984. — 432 с.
5. Фельдштейн, Г.С. Главные течения в истории науки уголовного права в России / Г.С. Фельдштейн. — Ярославль: Тип. Губ. правл., 1909. — 693 с.

Исторический опыт становления правоохранительных функций в пунктах пропуска через государственную границу Российской империи

© Некрасов Александр Анатольевич,
доктор военных наук, профессор, ведущий
научный сотрудник Центра анализа проблем
пограничной безопасности

Аннотация. В статье исследуются основные этапы становления правоохранительных функций в пунктах пропуска через государственную границу Российской империи. В ней анализируются дефиниции, характеризующие правоохранительный характер деятельности по охране границы Империи. В работе выявлена зависимость содержания правоохранительной деятельности пограничников от военно-политической обстановки в России и прилегающих к ней странах.

Ключевые слова: правоохранительные функции, охрана границы, пункты пропуска, фискалы, пограничники, жандармы.

Historical experience of the formation of law enforcement functions at checkpoints across the state border of the Russian Empire

© Nekrasov A.A.,
doctor of military sciences, professor, leading re-
searcher at the Center for analysis of border security
problems

Annotation. The article examines the main stages of the formation of law enforcement functions at checkpoints across the state border of the Russian Empire. It analyzes the definitions that characterize the law enforcement nature of activities to protect the border of the Empire. The paper reveals the dependence of the content of law enforcement activities of border guards on the military-political situation in Russia and adjacent countries.

Keywords: law enforcement functions, border protection, checkpoints, fiscal officers, border guards, gendarmes.

В первой четверти XVIII в. в России в результате мер административного и экономического принуждения (стимулирования) произошел мощный экономический подъем Российской империи, который оказал влияние и на общественные отношения в пограничной сфере¹. Так, Пётр I в 1723 г. издал Указ, в котором предписывал «по всей польской границе, по большим дорогам учредить крепкие заставы и между тех больших дорог проезды лесом зарубить...». Содержание указа ориентировало

на главное — борьбу с контрабандой. Эти первые заставы стали прообразом *пунктов пропуска через границу*. Вместе с тем, практика тех же лет показывает, что вводимые форт-постные команды из числа военных формирований, высылаемые на разъезды, не только препятствовали проникновению контрабанды, но и одновременно выполняли задачу по охране границы и задержанию беглых людей. Пограничную службу несли сухопутные части, поселенные войска (ландмилиция) и казаки².

¹ Россия была провозглашена Империей 22 октября (2 ноября) 1721 г. по итогам Северной войны, когда по прошению сенаторов царь Пётр I Великий принял титулы Императора Всероссийского и Отца Отечества.

² Плеханов А.М. Отдельный корпус пограничной стражи России: Краткий исторический очерк. М., 1993. С. 135.

При Петре I появляется институт фискалов, ранее не известный в России. Так, в Именном указе, данном Сенату 2 марта 1711 г., говорилось: «учинить фискалов во всех делах, а как им быть придется известие»¹. М.А. Самелюк указывает, что «инструкция или наказ земским фискалам в губерниях и провинциях» была обнародована в конце 1719 г. Для выполнения поставленным перед ним задач «Земскому фискалу» следовало «накрепко разведывать», «проездивать явно и тайно» и «прилежно разведывать»².

В приграничных провинциях на «Земского фискала» возлагались также: задачи по выявлению фактов проникновения на территорию государства «подозрительных людей», «шпионов» и «лазутчиков чужестранных»; задачи по установлению случаев выезда из страны «тайно» и «без надлежащих пропусков»; и задачи по выявлению контрабанды. В этих случаях фискалу предписывалось принимать необходимые меры, чтобы «престеречь» и «помешать»³. При сборе информации фискалы использовали «доносителей» из числа местных жителей.

Таким образом, можно утверждать, что в охране границы стали применяться *контрразведывательные и оперативно-розыскные методы*.

В этот период учреждены ряд административных коллегий, регулировавших вопросы въезда и пребывания иностранных граждан в России. В 1718 г. была учреждена Коллегия иностранных дел⁴, которая занималась ведением иностранных дел: перепиской посольства, приездами курьеров и других иностранных граждан. В этом же году отдельные функции, регулирующие порядок въезда и нахождения ино-

странных граждан в России, были возложены на Петербургскую полицейскую канцелярию (1718—1783 гг.). *Появились правовые основы режима государственной границы, контроль за соблюдением которого осуществляли пограничные таможи*.

По Указу Елизаветы Петровны от 11 октября 1755 г. пограничным таможням вменялось в обязанность «делать отметки в паспортах» о пересечении границы. Чиновник таможни брал с купцов расписку, что они вернутся обратно в Отечество вместе со своими работниками. Самовольно отлучавшихся за границу поселян отдавали в солдаты, а негодных к службе — в крепостную работу, дворян предавали суду, а их имения конфисковались⁵. Следовательно, можно говорить о появлении *режимно-пропускной правоохранительной функции*.

Указ Екатерины II от 27 сентября 1782 г. «Об учреждении особой Таможенной пограничной цепи и стражи»⁶ положил начало созданию специальной стражи по охране границы, основу которой составляла вольнонаемная пограничная стража. В 1819 г. был утвержден Таможенный устав по Европейской торговле⁷. Проведенный анализ документа показал, что данный нормативный акт впервые законодательно закреплял за таможеней проверку паспортов лиц при пропуске их через границу. В нем определялось, что таможенники «при пропуске через границу людей рядового звания обязаны наблюдать, чтобы они имели указанные паспорта»⁸.

В 1826 г., спустя год после восстания декабристов в России, было создано «Третье Отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии», кото-

¹ Полное собрание законов Российской Империи с 1649 г. СПб, 1830. Т. IV. № 2330.

² Самелюк М.А. «Сыскати» и «разведати» — эволюция сближения (экскурс в исторические корни сыскологии) // Оперативник (сыщик). 2013. № 3 (36). С. 34.

³ Полное собрание законов Российской Империи с 1649 г.. СПб, 1830. Т. IV. № 3479.

⁴ Государственные учреждения в России в XVIII веке (законодательные материалы) : справ. пособие / подгот. к печати Чернов А.В. М., 1960. С. 132.

⁵ Некрасов А. А. Система пограничного контроля Российской Федерации и направления ее совершенствования: дис. ... д-ра воен. наук. М., 1999. С. 95.

⁶ Полное собрание законов Российской Империи с 1649 г. Т. XXI. № 1552.

⁷ Таможенный Устав 1819 г. // Свод законов Российской империи. Т. VI. СПб., 1842. Ст. 46.

⁸ Дмитриев С.С. Пограничная служба в России в первой половине XIX века // Пограничник. 1944. № 9. С. 41.

рое имело в своем составе четыре «экспедиции»¹. На «третью экспедицию» возлагалось выполнение *контрразведывательных функций*: надзор за пропуском иностранцев через границу, контроль за их пребыванием на территории Российской империи².

Законодательное оформление новой структуры было завершено царским указом от 28 апреля 1827 г. «Об учреждении Корпуса жандармов», согласно которому в каждой губернии вопросами охраны государственной безопасности ведал специально назначенный штаб-офицер (старший офицер) жандармерии³. Одной из функций жандармерии было осуществление контроля за въездом в империю и выездом за ее пределы.

Император Николай I в 1827 г. утвердил Положение об образовании в России пограничной таможенной стражи⁴, основанной на воинских началах. Это положило начало становлению специальной войсковой структуры, предназначенной для реализации в пределах пограничной черты империи широкого круга государственных функций, в том числе и непосредственной охраны государственной границы.

В этот период проходило становление такой правоохранительной функции как *осуществление контроля за соблюдением правовых норм, регламентирующих правила пересечения государственной границы и пропуска через нее лиц и транспортных средств, режима в пунктах пропуска*.

А с 1832 г. таможенная пограничная стража стала именоваться пограничной стражей, а с 1846 г. командиры пограничной стражи принимают участие в таможенном надзоре за границей и наблюдают

за деятельностью таможен (гражданских чиновников)⁵.

В дальнейшем с учетом внешнеполитической обстановки со стороны государства принимаются меры по усилению контроля за въездом иностранных граждан в Россию. Так, до 1871 г. осмотр паспортов лиц, въезжающих и выезжающих из России, возлагался исключительно на таможенное ведомство. С июня 1871 г., по указанию Александра II, в целях воспрепятствования въезда на территорию России лиц, участвующих в Парижской коммуне, были установлены временные правила, позволяющие осуществлять контроль за въездом и выездом иностранных граждан. В связи с этим в 14 таможенных учреждениях паспортный контроль был передан в ведение жандармерии⁶. Путем проверки паспортов в таможенных учреждениях у пересекающих границу лиц, проведения оперативно-розыскных мероприятий в приграничных районах жандармами выявлялись лица, находящиеся в розыске, нежелательные для въезда в Россию иностранцы, нелегальные эмигранты, а также переправленная через границу запрещенная литература.

Так, А.Г. Сизенко отмечает, что «основные функции жандармов регламентировались законом от 19 мая 1871 г. Главным в их деятельности по этому акту становится дознание, а также политическое следствие, переданное жандармерии от судебных следователей, институт которых был учрежден в 60-е годы»⁷.

В целях совершенствования контроля за иностранными гражданами в августе 1880 г. в составе Министерства внутренних дел вместо Третьего отделения был сформирован Департамент государственной полиции, а с 1883 г. — Департамент полиции, на который возлагалась задача по контролю въезда в Россию, выдаче паспортов, надзору за иностранными гражда-

¹ Полное собрание законов Российской Империи с 1649 г. Т. XXI. № 1552.

² Иванова Т.В. Совершенствование пограничного и таможенного надзора в пунктах пропуска через Европейскую границу Российской империи (1893—1914 гг.): историческое исследование : дис. ... канд. ист. наук. М., 2002. С. 59.

³ Там же. С. 61.

⁴ Положение об устройстве пограничной таможенной стражи на Европейской границе и штате оной. Указ Императора Николая I от 5 августа 1827 г. // Санкт-Петербургские сенатские ведомости. 1827. № 35. С. 1272—1277.

⁵ Боярский В.И. На стороже Руси стояти. Страницы истории пограничной стражи Российского государства. М., 1992. С. 84.

⁶ Некрасов А. А. Указ. соч. С. 83.

⁷ Сизенко А.Г. Спецслужбы России и СССР. От Приказа тайных дел до наших дней. Ростов н/Д, 2010. С. 90.

нами, приезжающими в Россию через западную границу¹. Постепенно складывался порядок, при котором на западном участке границы Российской империи от паспортного контроля и борьбы с политической контрабандой жандармы перешли к полномасштабному контролю в пунктах пропуска.

В конце XIX в. фактически завершилось формирование территории Российской империи, и была создана централизованная отлаженная система специальной охраны границы. *В пунктах пропуска на нее возлагалось выполнение разведывательных, контрразведывательных, оперативно-розыскных функций, а также контроля за режимом границы.*

К середине XIX в., а именно к моменту буржуазных реформ 60-х годов, российский сыск приобретает все атрибутивные признаки особого вида правоохранительной деятельности, институционализации которого завершается уже в первом десятилетии XX в.² В этот период происходит формирование пограничной стражи как относительно самостоятельной организации войскового типа со специальными функциями. Так, 15 октября 1893 г. вышли в свет указ Александра III Правительствующему сенату «О выделении Пограничной стражи из Таможенного управления в Отдельный корпус пограничной стражи» и утверждённое указом Правительствующего сената «Положение об управлении Отдельного корпуса пограничной стражи». Эти указы положили начало законодательской деятельности по определению места и роли Отдельного корпуса пограничной стражи (далее – ОКПС) в обеспечении безопасности государственной границы.

С образованием ОКПС, по мнению А.М. Плеханова, началось формироваться законодательство в области охраны границ Российской империи, в том числе ее правоохранительных основ. Главной обязанностью корпуса являлось «отвращение тайного провоза товаров по сухопутной и

морской границам европейской части России и Закавказья, по границам Великого княжества Финляндского и Закаспийской области, на правом берегу реки Пяндж и Амударьи»³. В интересах охраны государственной границы были созданы пограничные зоны, установлен пограничный режим и утверждены правила, регулировавшие порядок въезда, проживания и производства работ в пределах пограничных районов России. Помимо пограничного надзора на личный состав ОКПС были возложены обязанности по выполнению некоторых полицейских функций, военных задач, функций в политическом надзоре, несении службы по охране различных государственных учреждений и объектов, задержании на границе бродяг, дезертиров, беспаспортных, порубщиков леса и т.д.

Основным правовым актом, регламентирующим правоохранительные функции пограничников, стала принятая в 1912 г. «Инструкция службы чинов Отдельного корпуса пограничной стражи».

Согласно положениям названной Инструкции чинов ОКПС были обязаны⁴:

1. Не допускать водворение товаров и иных предметов из-за границы незаконными путями и способами.
2. Не допускать перехода границы незаконными путями и способами.
3. Задерживать товары и иные предметы, означенные в пункте один, а равно лиц, переходящих границу в нарушение пункта два и немедленно доставлять в упомянутых случаях товары, предметы и лица в подлежащие таможенные учреждения.

Таким образом, формы и способы службы подразделений и частей ОКПС отражали правоохранительный характер решаемых задач и изменялись адекватно изменениям обстановки на границах империи. Служба по охране границы осуществлялась корпусом в форме пограничного надзора. В гл. IV «Общий вид службы по пограничному надзору инструкции службы чинов ОКПС» она подразделялась на разведывательную и сторожевую, причём

¹ Свод законов Рос. империи. Т. I. Ч. I. Кн. V. СПб., 1892. Ст. 362.

² Матиенко Т.Л. Сыскная полиция Российской Империи (1866—1917) : монография. М., 2007.

³ Плеханов А. М. Указ. соч. С. 49—50.

⁴ Инструкция службы чинов Отдельного корпуса пограничной стражи. СПб., 1912. С. 298.

отмечалось, что «... разведывательная служба имеет особенно важное и руководящее значение в деле охраны границы». Разведывательная служба предполагала ведение агентурной и войсковой разведки, она «... исполнялась как чинами корпуса, так и, главным образом, при посредстве агентов и доносителей, услуги которых оплачивались особо назначенными для того средствами»¹.

Таким образом, получила свое закрепление *разведывательная правоохранительная функция*.

Способом действий, обеспечивающим соблюдение «правил пограничного режима», являлся контроль, который заключался в проверке документов на провозимый товар (таможенных ярлыков и квитанций) и наблюдении за транспортно-пассажирским потоком как в Российскую империю, так и из России. Контрольные действия осуществлялись посредством «службы контрольных постов, устраиваемых на больших дорогах, ведущих во внутрь края»².

Таким образом, за пограничниками в пунктах пропуска была окончательно закреплена *правоохранительная функция осуществления контроля за соблюдением правовых норм, регламентирующих правила пересечения государственной границы и пропуска через нее лиц и транспортных средств*.

Разведывательная служба осуществлялась посредством «разведывания агентурным путём и посредством чинов корпуса пограничной стражи»³, т.е. ведением войсковой и агентурной разведки.

Активная, хорошо законспирированная деятельность контрабандных групп, недостатки в организации работы с «оперативными источниками» (на что неоднократно указывал в своих приказах командир корпуса), требовали выработки специальных методических рекомендаций для чинов ОКПС по работе с агентурой. В этих целях 5 августа 1911 г. был разработан проект секретной «Инструкции чинам

ОКПС о ведении служебной агентуры по контрабандному промыслу» и утверждён приказом шефа пограничной стражи № 109. В данном правовом акте, наряду со специальными вопросами, касающимися агентурной работы, формулировались также общие положения разведывательной службы. Например, раскрывалось определение «секретные агенты» это: «... лица, обязанные за известное вознаграждение давать те или иные сведения, касающиеся контрабандного промысла»⁴. Специально указывалось, что агентура должна быть поставлена на прочные основания, а не носить случайный характер. Это требование было регламентировано также «Инструкцией службы чинов ОКПС». В ст. 52 говорилось: «Разведывание должно проводиться непрерывно и, по возможности, одними и теми же лицами в известных районах, дабы они лучше ознакомились со всей обстановкой дела»⁵.

Таким образом, за сотрудниками ОКПС были нормативно закреплены такие правоохранительные функции как:

добывание разведывательной информации в интересах обеспечения безопасности Российской империи в пограничной сфере (разведывательная правоохранительная функция);

защита жизни, здоровья, прав и свобод граждан, собственности, обеспечение безопасности общества и государства от преступных посягательств в местах пересечения границы (в пунктах пропуска) (правоохранительная функция ОРД).

Исследуя вопросы правоохранительной деятельности чинов ОКПС, нельзя не остановиться на такой существенной её особенности, как сбор информации на сопредельной территории. Офицеры ОКПС, из числа успешно зарекомендовавших себя в оперативно-розыскной деятельности на своей территории, могли осуществлять сбор разведывательных данных, выезжая

¹ Там же. С. 123.

² Там же. С. 126.

³ Там же. С. 129.

⁴ Парсуков В.А. Некоторые аспекты правового регулирования агентурной деятельности в Отдельном корпусе пограничной стражи Российской Империи // Оперативник (сыщик). М., 2015, № 1 (42). С. 6.

⁵ Инструкция службы чинов Отдельного корпуса пограничной стражи. СПб., 1912. С. 132.

за границу. Порядок осуществления разведывательных действий, характер собираемых сведений были определены «Инструкцией чинам отдельного корпуса пограничной стражи по разведке в пограничных иностранных государствах», утверждённой от 23 октября 1908 г. В ней определялась двадцатидневная полоса территории соседних государств для сбора данных обстановки. Офицеры ОКПС по заграничному паспорту, по легенде торговца или отдыхающего выполняли «личную разведывательную поездку». С пересечением границы, самостоятельно или через «закордонную агентуру» они осуществляли сбор информации о путях сообщения, телеграфной и телефонной сети, удобных мест для переправы через пограничные реки, об органах, осуществляющих охрану границы со стороны сопредельных государств. По возможности осуществлялся сбор информации о расположении военных гарнизонов, складах оружия и боеприпасов, интендантских складах¹.

В новой «Инструкция чинам Отдельного корпуса пограничной стражи по разведке в пограничных иностранных государствах» от 1 февраля 1912 г. ставилась помимо разведывательных задач также задача по осуществлению контрразведывательной работы — «борьбы со шпионством соседних государств».

Чины пограничной стражи должны были оказывать содействие чинам военного ведомства по получению негласным путем необходимых сведений, касающихся соседних армий (разведка), а также по борьбе со шпионажем соседних государств (контрразведка).

Содействие выражалось «в немедленном сообщении по команде случайно полученных сведений, касающихся жизни войск иностранных государств в пограничной полосе, а равно признаков усиления деятельности их войск, в доставлении сведений по определению каждый раз

предложенным отдельным задачам, в проверке сведений, имеющихся уже в распоряжении военного ведомства, в подыскании для военного ведомства агентов»².

Таким образом, за чинами ОКПС была закреплена *контрразведывательная правоохранительная функция*.

По мере возникновения и нарастания политических угроз безопасности Российской империи, экстремистских проявлений, способных вылиться в массовые насильственные действия, государственным структурам приходилось принимать адекватные меры, чтобы влиять на развивающиеся негативные процессы в плане их локализации и нейтрализации.

В связи с этим в деятельности пограничной стражи начала XX в. явно выделяется новая специфическая задача, которая с ростом революционных проявлений порой выступала на первый план. «С целью борьбы с агентами большевистской и других партий и организаций, запрещённых в стране, а также для воспрепятствования препровождению политической литературы оружия и боеприпасов, чинов ОКПС необходимо вовлечь в установленную по всей границе правильно распределённую и объединённую в своей деятельности пограничную агентуру, урегулировав вместе с сим легальный пропуск через границу по заграничным паспортам и легитимационным билетам», — требовал шеф пограничной стражи в одном из своих распоряжений³.

Таким образом, оперативно-розыскная деятельность ОКПС получила новое направление — борьба с терроризмом и политическим экстремизмом.

ОКПС вошел в историю, как специальный орган защиты государственных и общественных интересов на границе, осуществлявший пограничный надзор и нахо-

¹ Высотенко А.В. Исторический опыт обеспечения безопасности государственной границы Российской Империи Отдельным корпусом пограничной стражи : дис. ... канд. ист. наук. М., 2004. С. 147.

² Самелюк М.А. К происхождению и использованию термина «агент» и его синонимов в деятельности Отдельного корпуса пограничной стражи и Корчемной стражи // Оперативник (сыщик). 2009. № 4. С. 24—29.

³ Чернушевич М.П. Материалы к истории Пограничной Стражи: В 2 частях. СПб., 1900. Ч. 1. В. 1. 123 с.

дившийся на положении ведомства, приравненного к военному. В нормативных и правовых документах, регламентирующих деятельность ОКПС¹, была разработана принципиально новая концепция охраны границы².

Отмечается возникновение и развитие агентурной деятельности ОКПС, как существенной части будущей разведывательной, контрразведывательной и оперативно-розыскной деятельности. Нормы разработанных правовых актов, регулирующих эту деятельность, обобщили опыт не только предшествующих поколений пограничников, но и представителей военной разведки и смежных служб (в первую очередь чинов Отдельного корпуса жандармов)³.

Таким образом, в период возникновения пограничной охраны проходила и институционализация правоохранительной деятельности пограничных органов в пунктах пропуска через границу. Проведенный анализ показал, что в целом в период становления и развития пограничной охраны Российской империи в стране был создан достаточно высокий уровень правового обеспечения и сопровождения данного процесса.

Библиография

1. Боярский, В.И. На стороже Руси стояти. Страницы истории пограничной стражи Российского государства / В.И. Боярский. — М.: Издательство «Граница», 1992.
2. Высотенко, А.В. Исторический опыт обеспечения безопасности государственной границы Российской Империи Отдельным

корпусом пограничной стражи : дис. ... канд. ист. наук / А.В. Высотенко. — М., 2004.

3. Государственные учреждения в России в XVIII веке (законодательные материалы) : справ. пособие / подгот. к печати Чернов А.В. — М., 1960.

4. Дмитриев, С.С. Пограничная служба в России в первой половине XIX века / С.С. Дмитриев // Пограничник. — 1944. — № 9.

5. Иванова, Т.В. Совершенствование пограничного и таможенного надзора в пунктах пропуска через Европейскую границу Российской империи (1893—1914 гг.): историческое исследование : дис. ... канд. ист. наук / Т.В. Иванова. — М., 2002.

6. Матиенко, Т.Л. Сыскная полиция Российской Империи (1866—1917) : монография / Т.Л. Матиенко. — М., 2007. — 324 с.

7. Некрасов, А.А. Система пограничного контроля Российской Федерации и направления ее совершенствования : дис. ... д-ра воен. наук / А.А. Некрасов. — М., 1999.

8. Парсуков, В.А. Некоторые аспекты правового регулирования агентурной деятельности в Отдельном корпусе пограничной стражи Российской Империи / В.А. Парсуков // Оперативник (сыщик). — 2015. — № 1 (42).

9. Плеханов, А.М. Отдельный корпус пограничной стражи России: Краткий исторический очерк / А.М. Плеханов. — М.: Граница, 1993. —

10. Самелюк, М.А. «Сыскати» и «разведати» — эволюция сближения (экскурс в исторические корни сыскологии) / М.А. Самелюк // Оперативник (сыщик). — 2013. — № 3 (36).

11. Сизенко, А.Г. Спецслужбы России и СССР. От Приказа тайных дел до наших дней / А.Г. Сизенко. — Ростов н/Д, 2010.

12. Самелюк, М.А. К происхождению и использованию термина «агент» и его синонимов в деятельности Отдельного корпуса пограничной стражи и Корчемной стражи / М.А. Самелюк // Оперативник (сыщик). — 2009. — № 4. — С. 24—29.

13. Туганов, Ю.Н. Приграничное сотрудничество Российской Федерации в контексте обеспечения государственной безопасности / Ю.Н. Туганов // Военное право. — 2018. — № 6 (52). — С. 50—54.

14. Чернушевич, М.П. Материалы к истории Пограничной Стражи: В 2 частях / М.П. Чернушевич. — СПб., 1900. — 123 с.

¹ Правила об отдельном корпусе пограничной стражи, СПб, 1910 г.; Инструкция службы чинов ОКПС, СПб, 1912; Проект инструкции чинам Отдельного корпуса пограничной стражи о введении секретной агентуры по контрабандному промыслу, СПб, 1910 г.; Инструкция чинам отдельного корпуса пограничной стражи для работ по разведке и борьбе с иностранным шпионством пограничных иностранных государств, СПб, 1912.

² Сизенко А.Г. Спецслужбы России и СССР. От Приказа тайных дел до наших дней. Ростов н/Д, 2010. С. 256.

³ Парсуков В.А. Некоторые аспекты правового регулирования агентурной деятельности в Отдельном корпусе пограничной стражи Российской Империи // Оперативник (сыщик). 2015. № 1 (42). С. 6.

Становление и развитие российского законодательства об уголовной ответственности за преступления против порядка подчинённости и воинских уставных взаимоотношений

© Новокшонов Дмитрий Вячеславович,
кандидат юридических наук, доцент, полковник
юстиции, начальник кафедры уголовного
процесса и криминалистики факультета
(командного) Санкт-Петербургского военного
ордена Жукова института войск национальной
гвардии Российской Федерации

Аннотация. В работе исследуется историко-правовой аспект развития уголовной ответственности преступления против порядка подчинённости и воинских уставных взаимоотношений.

Ключевые слова: воинские уставные взаимоотношения, порядок подчиненности, уголовная ответственность военнослужащих.

Formation and development of Russian legislation on criminal liability for crimes against the order of subordination and military statutory relations

© Novokshonov D.V.,
Candidate of Law, Associate Professor, Colonel of
Justice, Head of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics of the Faculty (command)
St. Petersburg Military Order of the Zhukov Institute
of the National Guard of the Russian Federation

Abstract. The paper examines the historical and legal aspect of the development of criminal responsibility for crimes against the order of subordination and military statutory relationships.

Keywords: military statutory relationships, chain of command, the criminal liability of servicemen.

История отечественного законодательства и отдельных его отраслей, включая военное и уголовное, охватывает обширный многовековой период, начиная с образования Киевского государства, содержит богатый фактический материал¹.

Важнейшие этапы развития Вооруженных Сил России совпали с вехами коренных национальных преобразований и потрясений². Формирование военно-

уголовного законодательства отражает строительство Вооруженных Сил государства и решение им на том или ином этапе задачи по обеспечению боевой готовности и боевой способности войск. Как законодательство в целом появляется и развивается по мере возникновения и становления государства, так и военное право с его обязательной уголовно-правовой частью берет

¹ Чхиквадзе В. М. Советское военно-уголовное право. М., 1948. С. 48.

² Шеншин В.М. Самовольное оставление части или места службы, как преступление против порядка прохождения военной службы: уголовно-правовой

и криминологический аспекты : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2006.

свое начало с создания постоянного войска — важнейшего атрибута государства¹.

В период правления Ивана IV в России происходит создание централизованного государства, сопровождавшееся ликвидацией пережитков феодальной раздробленности. В числе других реформ, проведенных в это время, были и реформы, направленные на упорядочение устройства войска: было ограничено местничество, пагубно влиявшее при назначении лиц на командные должности (Указ 1550 года), в зависимости от величины земельного надела определено было количество вооруженных людей, которых должен был приводить помещик (Указ 1556 г.). В 1550 г. Иван IV образовал корпус регулярного войска из 3 тыс. стрельцов, впоследствии значительно увеличенный.

Было разработано и составлено общее уложение или устав этой службы, и 16 февраля 1571 г. он был утвержден царем в качестве «Боярского приговора о станичной и сторожевой службе». В XVI в. в системе общих уголовно-правовых постановлений, изложенных в судебниках, определенное место принадлежит преступлениям, субъектом которого может быть только начальствующее лицо в войске².

Дальнейшее развитие законодательства о воинских преступлениях против порядка подчиненности и воинских уставных взаимоотношений, получило в Соборном уложении 1649 г., (Уложение царя Алексея Михайловича)³. В главе 23 этого закона имелась ст. 3, которая запрещала стрельцам под страхом уголовного наказания оскорблять друг друга. Следует при этом отметить, что рассматриваемая норма находилась не в специальной гл. 7 «О службе всяких ратных людей Московского

государства», а в главе 23, носящей общий характер⁴.

В 1716 г., Петр I издал Воинский устав, состоявший из четырех частей. Часть II под названием «Артикул воинский с кратким толкованием» представляла собой военно-уголовный кодекс. В 1720 г. принимается Морской устав, являющийся приспособлением Артикула воинского к службе на военно-морском флоте.

Артикулы 27 и 28 предусматривали при этом уголовную ответственность за неисполнение «повеления» начальника умышленно и по неосторожности. Проводя принцип безусловного исполнения приказов, Воинский Артикул в то же время рассматривал солдата как слугу своего Отечества наравне с офицером, в связи с чем на сходстве служебного долга основывались взаимные отношения между старшими и младшими на всех ступенях военной иерархии.

Анализ указанных выше многочисленных норм, охранявших установленный порядок подчиненности и воинской чести военнослужащих, позволяет сделать вывод о том, что случаи нарушения этого порядка в то время имели место довольно часто, и законодатель был вынужден не только нормативно оформить систему рассматриваемых преступлений, но и предусмотреть достаточно жесткие наказания за их совершение (казнь простая, казнь квалифицированная — четвертование, колесование, шпицрутены и др.), которые являлись не только реальной карой; но и средством превенции подобных преступлений. В Артикуле воинском 1715 г., пожалуй, впервые в истории отечественного военного законодательства содержались нормы, являвшиеся, по сути, прообразом правовых

¹ Военно-уголовное законодательство : крат. учеб. курс / под ред. М.К. Кислицына. М.: Норма, 2002. С. 20.

² Новокшенов Д.В. Некоторые аспекты и особенности уголовно-правовой характеристики нарушений уставных правил взаимоотношений между военнослужащими // Военно-юридический журнал 2017. № 12. С. 9.

³ Первый Полный свод законов Российской империи в 45 томах. 1832 г. Т. 1. С. 260, 310.

⁴ Зателепин О.К. Становление и развитие системы преступлений в сфере уставных взаимоотношений между военнослужащими в российском военно-уголовном законодательстве до 1917 года // Актуальные проблемы борьбы с нарушением уставных правил взаимоотношений в Вооруженных Силах Российской Федерации : Материалы научно-практической конференции / Отв. ред. М.М. Корнеев. М., 1997. С. 59.

оснований предупреждения и пресечения воинских преступлений.

Воинский артикул Петра I, как видим, выполнял сугубо карательно-служебную функцию обеспечения успеха военно-политических акций первого русского императора, который не останавливался ни перед какими жертвами. По сути, Артикул нельзя назвать уголовным законом, в собственном смысле этого слова как выразителя воля народа. Он принимался царем-самодержцем и служил для него.

Военное, уголовное и уголовно-исполнительное законодательство петровского времени, как справедливо отмечает А.А. Толкаченко, было предназначено для достижения политических, военных и иных целей любой ценой¹. Н.А. Бердяев, характеризуя эту эпоху, писал: «Реформы Петра были совершенно неизбежны, но он совершал их путем страшного насилия над народной душой и народными верованиями. ... Приемы Петра были совершенно большевистские ...»².

Развитие военно-уголовного законодательства в последующий этап характеризовалось смягчением уголовных наказаний. Эта тенденция нашла свое выражение в Полевом Уголовном Уложении 1812 г., регулировавшем ответственность за все преступления военнослужащих, совершаемые ими в военное время. Однако общая тенденция гуманизации наказаний не затронула преступления о неповиновении и нарушении воинских обязанностей, что, по-видимому, было вызвано необходимостью усиления роли единоначалия на период военных действий.

В 1839 г. была предпринята попытка совершенствования военно-уголовного законодательства, что нашло свое выражение в принятии Устава военно-уголовного (пятая часть Свода Военных Постановлений), основу которого, впрочем, составили

Воинский Артикул и Полевое Уголовное Уложение³.

К несомненному достоинству Устава следует отнести установление уголовной ответственности начальника в ст. 321 за приказы, не относящиеся к службе «... и неприличные солдатскому званию ...» (причем нижние чины не подлежали ответственности за неисполнение таких приказов), а в ст. 331 — за «... слова, оскорбительные до чести подчиненных ...» в от данных им приказах.

До Октябрьской революции 1917 г.⁴ в России правовым основанием ответственности за воинские преступления служил Воинский устав о наказаниях 1869 г. (параллельно действовал Военно-морской устав о наказаниях). Он отражал военные реформы в России 1860—1870-х годов, основная цель которых состояла в создании массовой, боеспособной армии, отвечающей современным требованиям.

Вместе с тем законодатель, требуя беспрекословного исполнения приказаний начальника (ст. 3 Дисциплинарного Устава), накладывал на подчиненного обязанности по оценке действий во исполнение приказаний. Так, в ст. 69 Устава было указано: «Не почитается преступным ни деяние, учиненное во исполнение закона, ни деяние, учиненное во исполнение приказа, данного начальником, если приказ был дан по службе или почитался подчиненным за таковой и если подчиненный не сознавал преступности предписанного деяния»⁵.

В Особенной части Воинского устава о наказаниях 187 статей, если считать по общей нумерации (статьи 96—282), фактически их больше, поскольку некоторые статьи имеют одинаковые номера с допол-

³ Столетие военного министерства (1802—1902). Главное Военно-Судное Управление. Исторический очерк. Книга 1. Часть 1. С. 59—67.

⁴ Тер-Акопов А.А. говорит об «октябрьском (1917 г.) государственном перевороте». См.: Уголовное право Российской Федерации. Преступления против военной службы. С. 1,3.

⁵ Петухов Н.А., Шеншин В.М. Применение уголовной политики России на военно-служебных отношениях: пути выхода и дальнейшие направления нормативно-правового регулирования // Военно-юридический журнал. 2016. № 1. С. 7—12.

¹ Толкаченко А. А. Становление и развитие системы исполнения уголовных наказаний в России (военно-пенитенциарные аспекты). М., 1997. С. 21.

² Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 11—12.

нительными обозначениями. Для сравнения отметим, что в гл. 33 действующего УК РФ о преступлениях против военной службы всего 22 статьи¹.

Самостоятельный этап в истории военно-уголовного законодательства России образует советский период. Он характеризуется принципиально новым подходом к его конструированию, отказом от военно-уголовного права как самостоятельной отрасли права. Военно-уголовное законодательство формировалось как составная часть уголовного законодательства государства, опирающаяся на единые положения Общей части, основывающаяся на разделении воинских и общеуголовных преступлений, воинских преступлений и проступков².

Первые такие нормативные акты появились уже в конце 1917 — начале 1918 г.: Приказ Полевого штаба Главковерха по Петроградскому военному округу о введении гласных товарищеских судов³, декреты и постановления Совета рабочей и крестьянской обороны о дезертирстве, декрет ВЦИК и СНК «О местностях, объявленных на военном положении» и некоторые др.⁴

В декретах содержались уголовно-правовые нормы, как общего характера, так и специально касающиеся военнослужащих. Они были направлены на закрепление в армии нового социалистического правопорядка и пресечение преступных посягательств на обороноспособность Советского государства. Декретом II Всероссийского съезда Советов 26 октября 1917 г. была отменена смертная казнь на фронте. В Обращении СНК ко всем армейским организациям, военно-революционным ко-

митетам, всем солдатам на фронте от 11 ноября 1917 г. «О борьбе с буржуазией и ее агентами, саботирующими дело продовольствия армии и препятствующими заключению мира» сообщалось, что советская власть делает все для обеспечения солдат фронта необходимыми запасами, и в связи с этим армейские комитеты, которые попытаются поддержать врагов народа в их борьбе против советской власти, «должны быть немедленно распущены, а в случае сопротивления — арестованы»⁵.

Основными задачами уголовно-правовых норм, изданных в этот период, были охрана нового революционного правопорядка и воинской дисциплины в армии, борьба с контрреволюционерами, подрывающими безопасность новых воинских формирований.

С началом Гражданской войны и военной интервенции первостепенной задачей стало, создание массовой централизованной и высоко дисциплинированной регулярной рабоче-крестьянской армии. 29 мая 1918 г. был издан декрет «О принудительном наборе в рабоче-крестьянскую Красную Армию». Вскоре V Съезд Советов закрепил всеобщую воинскую повинность.

Первым актом, содержащим систематизированный перечень воинских преступлений, является Положение о революционных военных трибуналах, принятое 20 ноября 1918 г.,⁶ в котором среди прочих воинских преступлений называлось неисполнение боевых приказов.

Положением о штрафных частях 1919 г., а затем и Положением 1921 г. был определен порядок отбывания военнослужащими в штрафных частях за совершение преступлений военного характера, прежде всего дезертирство⁷.

¹ Новокшенов Д.В. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика преступлений против порядка подчиненности и воинских уставных взаимоотношений : монография. СПб.: Санкт-Петербургский военный институт войск национальной гвардии Российской Федерации; Белгород: ООО «ЭПИЦЕНТР», 2017. С. 15—18.

² Уголовное право Российской Федерации. Преступления против военной службы. М., 1999. С. 21.

³ СУ РСФСР. 1917. № 5. Ст. 87.

⁴ СУ РСФСР. 1918. № 99. Ст. 1015; 1919. № 9. Ст. 94; № 25. Ст. 287; 1920. № 26. Ст. 126.

⁵ Петухов Н.А., Шеншин В.М. Развитие российского законодательства об уголовной ответственности за самовольное оставление части (дезертирство): историко-правовой аспект // Военно-юридический журнал. 2017. № 10. С. 28—32.

⁶ СУ РСФСР. 1919. № 13. Ст. 132.

⁷ Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР. 1917—1952. М., 1953. С. 53-74.

Следующий этап развития военно-уголовного законодательства о преступлениях против порядка подчинённости и воинских уставных взаимоотношений характеризовался принятием 26 мая 1922 г. Уголовного кодекса РСФСР.

В УК РСФСР 1922 г. были предусмотрены: оскорбление подчиненным начальника или начальником подчиненного (ст. 201); неисполнение военным служащим законно отданного ему по службе приказа начальника (ст. 202); сопротивление исполнению отданного ему приказа (ст. 203). Вместе с тем рассматриваемые посягательства в среде равных друг другу военнослужащих все же имели место в Красной Армии, о чем свидетельствует то обстоятельство, что Военная коллегия Верховного Суда в циркуляре 1924 г. № 2 отмечала опасность и необходимость искоренения пережитков царской армии, денщикества и «солдатских присяг».

Эти преступления против порядка подчинённости и соблюдения воинской чести сохранены и в Положении о воинских преступлениях 1924 г., но изложены были в обратной последовательности: сопротивление исполнению приказа (ст. 2), неисполнение приказа (ст. 3) и оскорбление военнослужащего (ст. 4). Такое расположение данных составов преступлений более точно учитывало степень их общественной опасности и значение борьбы с ними для армии.

Значительное развитие нормы об ответственности за преступления против порядка подчинённости и соблюдения воинской чести получили в Положении о воинских преступлениях 1927 г.

Если раньше в законе говорилось об ответственности за оскорбление подчиненным начальника или начальником подчиненного, то положение о воинских преступлениях 1927 г., сохранив аналогичную норму, впервые установило, кроме того, уголовную ответственность за оскорбление одним военнослужащим другого, когда оскорбляющий и оскорбленный не состоят между собой в отношениях подчиненности или старшинства (ст. 6).

Таким образом, в положение о воинских преступлениях 1927 г. порядок под-

чинённости и соблюдения воинской чести получил более полную уголовно-правовую защиту.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 15 февраля 1957 г. «О внесении изменений и дополнений в Положение о воинских преступлениях» система преступлений против порядка подчинённости была дополнена составом угрозы насилием начальнику в связи с его служебной деятельностью (ст. 3¹ положения о воинских преступлениях).

Дальнейшее и наиболее широкое развитие система норм об ответственности за преступления против порядка подчинённости и соблюдения воинской чести получила в Законе об уголовной ответственности за воинские преступления 1958 г.

В УК РФ включены 22 статьи о воинских преступлениях, в уголовном кодексе РСФСР 1960 г. их было 35. В УК РФ декриминализированы угроза начальнику, объединены такие составы преступления, как неповиновение и неисполнение приказа (ст. 332).

Библиография

1. Ахметшин, Х.М. Квалификация воинских преступлений : учебное пособие / Х.М. Ахметшин. — М., 1977.
2. Военно-уголовное законодательство : Крат. учеб. курс / [Ахметшин Х.М., Зателепин О.К., Кислицын М.К. и др.]; под ред. М.К. Кислицына. — М.: Норма, 2002. — 417 с.
3. Зателепин О.К. Становление и развитие системы преступлений в сфере уставных взаимоотношений между военнослужащими в российском военно-уголовном законодательстве до 1917 года / О.К. Зателепин // Актуальные проблемы борьбы с нарушением уставных правил взаимоотношений в Вооруженных Силах Российской Федерации : Материалы научно-практической конференции / Отв. ред. М.М. Корнеев. — М., 1997.
4. Новокшенов, Д.В. Некоторые аспекты и особенности уголовно-правовой характеристики нарушений уставных правил взаимоотношений между военнослужащими / Д.В. Новокшенов // Военно-юридический журнал. — 2017. — № 12.
5. Новокшенов, Д.В. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика преступлений против порядка подчиненности и воинских уставных взаимоотношений : монография / Д.В. Новокшенов. — СПб.: Санкт-Петербургский военный институт войск национальной гвардии Российской Федерации; Белгород: ООО «ЭПИЦЕНТР», 2017. — 176 с.

6. Петухов, Н.А. Применение уголовной политики России на военно-служебных отношениях: пути выхода и дальнейшие направления нормативно-правового регулирования / Н.А. Петухов, В.М. Шеншин // Военно-юридический журнал. — 2016. — № 1. — С. 7—12.

7. Петухов, Н.А. Развитие российского законодательства об уголовной ответственности за самовольное оставление части (дезертирство): историко-правовой аспект / Н.А. Петухов, В.М. Шеншин // Военно-юридический журнал. — 2017. — № 10. — С. 28—32.

8. Толкаченко, А.А. Становление и развитие системы исполнения уголовных наказаний в России (военно-пенитенциарные аспекты) / А.А. Толкаченко. — М., 1997.

9. Чхиквадзе, В.М. Советское военно-уголовное право / В.М. Чхиквадзе. — М., 1948.

10. Шеншин, В.М. Самовольное оставление части или места службы, как преступление против порядка прохождения военной службы: уголовно-правовой и криминологический аспекты : дис. ... канд. юрид. наук / В.М. Шеншин. — СПб., 2006.

Регламентация военного плена в российских и иностранных воинских уставах на рубеже XVII—XVIII вв.

© **Познахирев Виталий Витальевич**, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, гуманитарных и социально-экономических дисциплин Частного учреждения образовательной организации высшего образования Университет «Реавиз», Санкт-Петербург

Аннотация. Особенности регламентации воинскими уставами эпохи Петра Великого вопросов военного плена никогда ранее не становились предметом специального исследования, хотя такая работа могла бы расширить наши представления о состоянии военного права в Европе на рубеже XVII—XVIII вв. Сказанное свидетельствует о новизне и актуальности настоящей статьи и предопределяет ее цель: реконструировать процесс эволюции отечественного законодательства о пленных в период петровских преобразований и сопоставить его основные положения с нормами отдельных иностранных воинских уставов. Методологическую основу работы составляют системный подход, а также историко-правовой и историко-сравнительный методы. В ходе исследования детально изучены положения таких документов, как «Устав прежних лет» (1700—1705 гг.), «Уложение или право воинского поведения генералам, средним и меньшим чинам и рядовым солдатам» (1701—1705 гг.), «Артикул краткий» (1706 г.), «Устав воинский» (1716 г.) и «Устав морской» (1720 г.). Анализируя содержание перечисленных актов, автор систематизирует выявленные им нормы, регламентирующие правовое положение пленников; классифицирует их по различным признакам; приходит к выводу, что на протяжении большей части Северной войны 1700—1721 гг. военный плен в России мог регулироваться одновременно несколькими воинскими уставами, действие которых распространялось как на всю армию, так и на ее отдельные соединения. Несмотря на внешнюю неупорядоченность такого подхода, он позволил в кратчайшие сроки отобрать, апробировать и окончательно закрепить в Уставах 1716 г. и 1720 г. самые прогрессивные идеи в исследуемой сфере, что обеспечило высокую эффективность правовой регламентации всей отечественной системы военного плена.

Ключевые слова: Артикул воинский, военное право, выкуп пленных, обмен пленными, картель, Петр I, публичный плен, Северная война 1700—1721 гг., частный плен.

Regulation of military captivity in Russian and foreign military statutes at the turn of the XVII—XVIII centuries

© **Poznakhirev V.V.**, PhD in Historical Sciences, Associate Professor of the Department of history, humanities, social and economic disciplines Private Institution Educational Organization of higher education «Reaviz» University, Saint Petersburg

Annotation. The specifics of the regulation of military statutes of the era of Peter the Great of issues of military captivity have never been the subject of special research before, although such work could expand our understanding of the state of military law in Europe at the turn of the XVII—XVIII. The above testifies to the novelty and relevance of this article and determines its purpose: to reconstruct the process of evolution of domestic legislation on prisoners of war during the Peter the Great reforms and compare its main provisions with the norms of certain foreign military statutes. The methodological basis of the work consists of a systematic approach, as well as historical-legal and historical-comparative methods. In the course of the study, we have studied in detail the provisions of such documents as: "The Statute of the previous years"

(1700—1705), "The Code or the right of military conduct for generals, middle and lower ranks and ordinary soldiers" (1701—1705), "The Article brief" (1706), "The Military Statutes" (1716) and the "Statutes of the Sea" (1720). Analyzing the content of the listed acts, the author systematizes the norms he identified regulating the legal status of prisoners. Author classifies them according to various characteristics; deduces that during most of the Northern War of 1700—1721, military captivity in Russia, could be regulated by several military regulations simultaneously, the effect of which extended to both the entire army and its individual formations. Despite the external disorder of this approach, it made it possible to select, test and finally fix it in the Statutes of 1716 and 1720 in the shortest possible time the most progressive ideas in the field under study, which ensured the high efficiency of the legal regulation of the entire domestic system of military captivity.

Keywords: cartel, Military article, military law, Northern War 1700—1721, Peter I, prisoner exchange, private captivity, public captivity, ransom of prisoners.

Уставы вооруженных сил всегда считались важнейшими источниками регулирования правовых отношений в сфере военной службы. Однако особое значение названные акты приобретали в периоды модернизации страны и реформирования ее армии и флота. Данное обстоятельство вполне объясняет тот факт, что российские воинские уставы начала XVIII в. даже столетия спустя остаются в центре внимания историков права, о чем говорят труды А.П. Зливко, Г.А. Ивакина, Л.М. Сатановой, С.В. Чибисова и многих других авторов¹.

В то же время особенности регламентации уставами именно вопросов военного плена еще никогда не становились предметом специального исследования, хотя речь идет о единственных по сути своей нормативных документах, определявших порядок приема военнопленных и правила их пребывания при действующей армии до эвакуации в тыл.

Сказанное со всей очевидностью свидетельствуют о новизне настоящей публикации и детерминирует ее основную цель: реконструировать процесс эволюции отечественного законодательства о пленных в период петровских преобразований и со-

поставить его основные положения с нормами отдельных иностранных воинских уставов.

Актуальность статьи мы видим в том, что она может способствовать как расширению наших знаний о состоянии военного права в Европе на рубеже XVII—XVIII вв., так и активизации работы по изучению юридических основ российской модели плена эпохи раннего Нового времени.

Как следует из анализа иностранной литературы, западноевропейские разработчики воинских уставов (артикулов) с давних пор уделяли плену самое серьезное внимание. Достаточно сказать, что из 24-х статей, составлявших Артикулы английского короля Ричарда II (1385 г.), интересующим нас вопросам отведено целых 8, т.е., 33%! Правда, большая их часть, так или иначе, связана с выкупом пленных. Вместе с тем мы находим здесь и такие положения, которые даже сегодня не утратили своей актуальности. Это относится, в частности, к требованиям: незамедлительно представлять всех пленников для допроса констеблю, либо главнокомандующему или даже самому королю; организовывать их надежную охрану, исключаящую бесконтрольное перемещение этих людей и сбор ими информации, могущей представлять интерес для врага (ст. 19); обеспечивать безопасность пленных путем нанесения на их одежду английской символики, т.е. креста св. Георгия (ст. 18) и пр. Кроме того, устав запрещал пленять священнослужителей и женщин, если ни те, ни другие не были вооружены (ст. 3), а также самовольно зачислять пленных в ря-

¹ Зливко А.П. Первые морские уставы России // Инновации и инвестиции. 2013. № 8. С. 53—55; Ивакин Г.А. Воинский устав Петра I 1716 года // Власть истории и история власти. 2017. Т. 3. № 3 (9). С. 395—402; Сатанова Л.М. Виды наказаний по законодательным актам периода правления царя Петра Великого // История государства и права. 2018. № 2. С. 18—22; Чибисов С.В. Условия разработки Воинского устава Петра I // Военно-юридический журнал. 2019. № 2. С. 29—32.

ды своих войск или каким-либо образом содействовать их незаконному освобождению (ст. 21)¹.

В противоположность Западной Европе, в России военный плен долгое время регулировался исключительно правовыми обычаями и актами текущего законодательства. Иными словами, своды военных установлений этот вопрос практически не затрагивали. Сказанное в полной мере относится к таким документам, как «Приговор царский о кормлениях и о службе» (1556 г.), «Боярский приговор о станичной и сторожевой службе» (1571 г.), «военные» разделы «Соборного Уложения» (1649 г.), т. е. его гл. VII («О службе всяких ратных людей Московского государства») и гл. XXIV («Указ о атаманах и о казаках»), а также иные подобные регламенты, вплоть до т. н. «Устава Вейде» (1698 г.). Единственным выявленным нами исключением является разве что ст. 328 «Устава ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки» (1607—1621 гг.), которая налагала запрет на самовольное взятие плененных «как случится войскам итить в дружней или в недружней земле»².

Таким образом, перечень интересующих нас нормативных правовых актов сводится к пяти следующим:

а) «Устав прежних лет», датируемый примерно 1700—1705 гг.³

б) «Уложение или право воинского поведения генералам, средним и меньшим чинам и рядовым солдатам», разработанное, предположительно, в 1701—1705 гг. для войск, находящихся под командованием Б.П. Шереметева (далее — «Уложение Шереметева»)⁴.

в) «Артикул краткий», составленный под руководством А. Д. Меншикова в 1706 г. и действовавший в корпусе, находящимся под его командованием⁵.

г) «Устав воинский» (включая «Артикул воинский») от 30 марта 1716 г.⁶

д) «Устав морской» от 13 января 1720 г.⁷

В ходе анализа указанных документов мы сочли целесообразным выделить в них относительно обособленные группы норм, регулирующих такие вопросы, как:

1. Организация управления военнопленными.

2. Соотношение публичного и частного плена.

3. Возможность обмена пленными или их выкупа.

4. Наличие обязанности пленять явно сдающегося противника.

5. Порядок и сроки представления пленных командованию.

6. Запреты на убийство и самовольное освобождение пленников, а равно на отнятие «у другого его пленного силою или инако».

7. Право пленника на переписку с родиной.

8. Требования к своим военнослужащим, находящимся в плену у врага.

Рассмотрим перечисленное несколько детальнее.

1. Как видно из отдельных положений Устава прежних лет (ст. 32, 36—37, 100) и Уложения Шереметева (ст. 100) *организация управления военнопленными* сформировалась в России уже начальном этапе Северной войны 1700—1721 гг. (во всяком случае, не позднее 1705 г.). По нашим оценкам, она представляла собой четырехуровневую систему, основными элементами которой выступали генерал-гевальдигер и генерал-аудитор. При этом первый осуществлял высшее руководство всеми находящимися при армии военно-

¹ Articles of War of Richard II, of 1385 // Winthrop W. Military law and precedents. Second ed., rev. and enl. Washington: G. P. O., 1920. P. 904—906.

² Устав ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки. В 2-х ч. Ч. 2. СПб.: Государств. Военная коллегия, 1781. С. 52.

³ Петр Великий. Военные законы и инструкции: (изданные до 1715 года). Ред. А.З. Мышлаевский / Сборник военно-исторических материалов. Вып. 12. СПб.: Воен.-тип., 1894. С. 75—81. С. 1—45.

⁴ Розенгейм И.П. Очерк истории военно-судебных учреждений в России до кончины Петра Великого. /

И.П. Розенгейм. СПб.: Тип. М. Этингера, 1878. С. 269—294.

⁵ Там же. С. 294—313.

⁶ Полное собрание законов Российской империи. СПб.: 1830. Т. 5. № 3006.

⁷ Там же. Т. 6. № 3485.

пленными. Именно на него возлагались обязанности по учету этих людей, а также их расквартированию, обеспечению пищей и содержанию под стражей. Генерал-аудитор, в свою очередь, непосредственно принимал, регистрировал и допрашивал пленников, после чего направлял их к генерал-гевальдигеру.

Два нижних уровня системы занимали полковые и ротные профосы. Однако лица эти играли скорее вспомогательную роль, поскольку на их попечение пленники передавались лишь тогда, когда обстоятельства не позволяли немедленно доставить их к генерал-аудитору.

Описанная выше модель управления в общих чертах совпадает с той, которая приведена в ст. 131 датского Военного устава 1683 г. и ст. 38 датского Регламента для органов военной юстиции, являвшегося составной частью названного Устава¹. Тем не менее, говорить о прямом заимствовании отечественным законодателем иностранного источника здесь не приходится. Хотя бы уже потому, что в России представленная выше система не отличалась статичностью. Иными словами, в ходе Северной войны происходило неоднократное перераспределение функций как между вышеозначенными лицами, так и между ними и генерал-профосом. Кроме того, необходимо иметь в виду, что уже в начале десятилетия XVIII в. организация управления военнопленными в русской армии и флоте стала определяться не уставами, а подзаконными актами, например, таким, как «Особая инструкция генерал-гевальдигеру, по которой надлежит поступать во время настоящей кампании», датированная 12 июня 1714 г.²

2. *Соотношение публичного и частного плена.* Невзирая на то, что к началу XVIII в. процесс этатизации военного пле-

на в Европе близился к своему завершению, публичный и частный плен еще какое-то время продолжали «сосуществовать» друг с другом. Это хорошо видно на примере ст. 130 упомянутого датского Военного устава, которая гласит буквально следующее: «Все пленные, взятые в захваченных городах и местностях, или в своих лагерях, принадлежат королю; но когда пленных приводят небольшие воинские части, они должны принадлежать командирам этих частей».

Данное положение в общих чертах воспроизведено в ст. 99 Устава прежних лет: «Все во взятых городах и местах и явных полевых боях взятые полоняники нам (т. е. «царю» — В. П.) токмо принадлежать имеют; а когда от малых подъездов полоняники приведены будут, то остаются тем, которые подъезд приводили». Однако уже в Уложении Шереметева (ст. 99) мы обнаруживаем ограничение прав тех, «которые подъезд приводили», ибо оставить себе пленников они теперь могли лишь с разрешения главнокомандующего.

Окончательное же упразднение в России частного плена ознаменовало принятие Военного устава 1716 г. Как гласит ст. 114 Артикула воинского, «всех пленных, которые при взятии городов в баталиях, сражениях, или где инде взяты будут, имеют немедленно оному, которой команду имеет, объявить и отдать. Никто ж да не дерзает пленного под каким-нибудь предлогом при себе удерживать, разве когда указ инако дан будет». В 1720 г. аналогичное требование появилось и в Уставе морском (§ 76 Книги V).

Правда, здесь следует обратить внимание на оговорку «разве, когда указ инако дан будет». Смысл ее в уставе не раскрыт и применяться она могла, надо полагать, в самых разных ситуациях. Однако, анализируя российскую практику XVIII в., мы приходим к выводу, что этой оговоркой законодатель создал правовую основу для существования в стране специфического института «квазичастного плена», чем-то похожего на институт интернированных гражданских лиц. Если говорить детальнее, то главными субъектами такого

¹ Artikels-Brev og Krigsrets-Instruction for Armeen under 9 Mart 1683. King Christian V. [Электронный ресурс] URL: https://h58.dk/Mil/Mill_Straffel_Retspl.pdf (дата обращения: 27.02.2022).

² Петр Великий. Военные законы и инструкции: (изданные до 1715 года). Ред. А.З. Мышлаевский / Сборник военно-исторических материалов. Вып. 12. СПб.: Воен.-тип., 1894. С. 75—81.

плена выступали нонкомбатанты, не подлежащие привлечению к труду и не могущие быть возвращены на родину по обстоятельствам военного времени. К их числу относились: овдовевшие жены, осиротевшие дети и прочие родственники военнослужащих, а равно сопровождавшие армию учителя, гувернеры, няни, маркитанты и т. п. В целях экономии бюджетных средств все они после регистрации передавались по акту «во услужение» российским офицерам и до окончания войны должны были содержаться «на коште» последних. При этом указанные лица сохраняли статус лично свободных людей и по заключению мирного договора подлежали обязательной репатриации, почему и считать их «частной собственностью» нет никаких оснований.

3. Возможностъ обмена или выкупа пленных.

3.1. В первую очередь отметим, что ни один из рассматриваемых здесь нами российских нормативных актов не содержит даже намек на выкуп пленников (как иностранных, так и собственных военнослужащих, находящихся во власти врага).

Для того, чтобы по достоинству оценить этот факт, следует вспомнить, что, хотя к началу XVIII столетия освобождение пленных за выкуп происходило в Европе уже относительно редко, едва ли не все воинские уставы раннего Нового времени еще допускали такую возможность. К примеру, норма о выкупе содержалась в польском Уставе 1698 г. (ст. 21)¹, в датском Уставе 1683 г. (ст. 180), и др.

Сказанное дает основания полагать, что здесь мы имеем дело не просто с явлением достаточно уникальным, а с *принципиальным отказом отечественного законодателя от обмена людей на деньги* (который, кстати, полностью подтверждается опытом Северной войны, а в Западной Европе был окончательно признан лишь в эпоху Великой французской революции).

3.2. Обмен собственно пленными ни один российский воинский устав также не предусматривал, что, на первый взгляд, резко контрастирует не только с иностранной практикой, но и с соображениями гуманизма.

Однако более детальное рассмотрение нормативных документов показывает, что отечественный законодатель игнорировал скорее эпизодические обмены, основанные на разовых соглашениях с противником. Что же касается заключения картелей, т. е. долговременных договоров о систематическом обмене пленниками, то этот аспект исследуемой проблемы мы находим вполне урегулированным. В подтверждение тому сошлемся на гл. 24 Воинского устава 1716 г., которая, наряду с прочим, вменяла генерал-аудитору и следующую обязанность: «Ежели между воюющими о размене пленных картель учинен имеет быть, то оной сего для купно с генералом во определенное место посылается. И надлежит ему с неприятелем договариваться и от неприятеля подписанной картель с собою привести».

В свете приведенной цитаты надо подчеркнуть, что на начальном этапе Северной войны Петр I был горячим сторонником скорейшей заключения картеля со Швецией. Однако после Полтавы государь, по некоторым причинам, охладел к этой идее и в дальнейшем неизменно отклонял все соответствующие предложения Стокгольма. Тем примечательнее выглядит тот факт, что несмотря на собственный неудачный опыт, Петр I счел необходимым предусмотреть такой договор, как говорится, «на перспективу» и этим заложил правовую основу для совершения Россией картеля с Пруссией в 1759 г., т. е. в разгар Семилетней войны 1756—1763 гг.

4. *Наличие обязанности пленять явно сдающегося противника.* Вопрос о том, обязан или не обязан солдат пленять врага, демонстрирующего намерение сдаться, большинство российских воинских уставов (как, впрочем, и большинство иностранных) просто обходили молчанием. Тем самым военнослужащему ясно дава-

¹ Króla Augusta II artykuły wojskowe z dnia 22 lutego 1698 r. // *Polskie ustawy i artykuły wojskowe: od XV do XVIII wieku.* Krakow: Drukarnia Uniwersytetu Jagiellonskiego, 1937. S. 292—297.

лось понять, что решение этого вопроса передано на его усмотрение.

Сама же мысль о введении прямого запрета на убийство сдающегося противника стала широко обсуждаться в Европе в Эпоху Возрождения, и к середине XVII в. она завоевала немало сторонников среди влиятельных богословов, правоведов и военачальников (к их числу, например, принадлежал Оливер Кромвель). Судя по некоторым данным, эта позиция аргументировалась необходимостью дать шанс на выживание простому солдату, который из-за своей ничтожной «выкупной стоимости» не представлял интереса для захватчика, а в более широком смысле — положить конец боевым действиям, основанным на принципе «пленных не брать».

И хотя, как уже упоминалось ранее, большинство европейских законодателей относилось к этой идее со скепсисом, она, очевидно, разделялась не только О. Кромвелем, но и какой-то частью российской военной элиты, почему и нашла себе место в одном из рассматриваемых здесь нами документов, а именно — в ст. 67 Уложения Шереметева («Когда во время полевого приступа или иного военного случая, неприятель покиня ружье станет просить пощады, то не должен, как начальник, так и солдат никакого повреждения чинить, под жестоким на теле наказанием, разве о том ему имянно приказано»).

5. *Порядок и сроки представления пленных командованию* регламентировались положениями ст. 100 Устава прежних лет, ст. 100 Уложения Шереметева, ст. 19 Артикула краткого, ст. 114 Артикула воинского и § 76 Книги V Устава морского. В сущности, названные нормы выглядят почти одинаково. Все они требуют представлять пленников главнокомандующему или, по крайней мере, лицу, возглавляющему отдельное соединение (часть), но, заметим, не непосредственному или иному прямому начальнику. Что же касается сроков представления этих людей, то здесь российский законодатель вполне обошелся тремя наречиями: «тотчас», «того ж часу» и «немедленно».

Сопоставляя сказанное с содержанием западноевропейских уставов, мы обнаруживаем, что одни из них также предписывают доставлять всех пленных к главнокомандующему. Но другие регулируют этот вопрос иначе. Например, ст. 21 польского Устава 1698 г. требует даже не представить, а лишь «доложить о нем (захваченном пленном — В. П.) своему командиру».

Еще большие различия между российскими и западными регламентами наблюдаются там, где речь заходит о сроках. Лишь датский Устав 1683 г. обязывает представить пленника командованию «до вечера» (ст. 131). Все остальные известные нам акты отводят на это не менее суток, а конкретнее, от 24 до 36 часов¹. Таким образом, в отношении сроков отечественное военное законодательство можно признать наиболее жестким. Однако в период становления молодой регулярной армии это было, по-видимому, совершенно необходимо. Кроме того, российское командование, несомненно, осознавало чрезмерность некоторых своих требований, почему и стремилось порой смягчить их в подзаконных актах. К примеру, ст. 31 упоминаемой выше Особой инструкции генерал-гевальдигеру от 12 июня 1714 г. отводила полковому и ротному профосам до 30 час. для передачи пленных вышестоящему командованию².

6. *Запреты на убийство и самовольное освобождение пленников, а равно на отнятие «у другого его пленного силою или инако»* были предусмотрены ст. ст. 101—102 Устава прежних лет, ст. ст. 101—102 Уложения Шереметева, ст. ст. 115—116 Артикула воинского и §§ 77–78 Книги V Устава морского.

Нормы перечисленных актов принципиально не отличались ни друг от друга, ни и от положений большинства совре-

¹ Stuke M. Der Rechtsstatus des Kriegsgefangenen im bewaffneten Konflikt. Tübingen: Mohr Siebrek Ek, 2017. S. 116.

² Петр Великий. Военные законы и инструкции: (изданные до 1715 года). Ред. А.З. Мышлаевский / Сборник военно-исторических материалов. Вып. 12. СПб.: Воен.-тип., 1894. С. 75—81.

менных им западноевропейских воинских уставов и, судя по всему, были призваны:

— обеспечить сохранение жизни пленников и скорейшее их представление своему командованию;

— предотвратить возможность совершения правонарушений, связанных с пленными (их обращение в свою «собственность», возвращение им свободы из корыстных побуждений и др.);

— исключить конфликты внутри воинских коллективов по поводу «принадлежности» пленников;

— не допустить необоснованного получения военным служащим вознаграждения «за приведенного пленного», взятого, в действительности, иным лицом.

7. *Право пленных на личную переписку* впервые упоминается в ст. 124 Артикула воинского 1716 г. («Никто из пленных да не дерзает письма свои сам запечатывать, и тайным образом оныя пересылать. Но должен, не запечатав комменданту вручить, которой в принадлежащее место отослать имеет»). Практически без изменений приведенная норма вошла и в Устав Морской 1720 г. (§ 80 Книги V).

Поскольку сказанное, на первый взгляд, не содержит ничего примечательного, считаем необходимым пояснить, что на уровне обычая право пленника на переписку существовало с незапамятных времен. При этом, с одной стороны, оно основывалось на принципе взаимности. С другой же — само являлось инструментом, обеспечивающим взаимность, т. к. власти воюющей державы смягчали или, наоборот, ужесточали режим содержания пленных противника, руководствуясь в т. ч. и той информацией, которую получали из писем своих соотечественников, находящихся во власти врага. Очевидно, что при определенных обстоятельствах такая практика могла привести к недоразумениям, взаимным упрекам и, как следствие, к репрессиям в отношении пленников, включая лишение (или ограничение) их права на переписку.

В этой связи воюющие державы нередко стремились придать рассматриваемому праву большую юридическую силу,

почему и вносили его в картели и иные двухсторонние соглашения. Вместе с тем, нам не удалось обнаружить подобной нормы ни в одном известном нам зарубежном воинском уставе или собрании инкорпорированных ордонансов рубежа XVII—XVIII вв. А это, в свою очередь, дает основания предполагать, что *российский Устав 1716 г. стал если и не первым, то, по крайней мере, одним из первых актов*, в котором право пленного на переписку с родиной получило закрепление на уровне национального законодательства.

8. *Требования к своим военным служащим, находящимся в плену у противника*, предусматривались не всеми уставами. Часть иностранных воинских регламентов обходила данный вопрос молчанием. И некоторое время отечественный законодатель разделял данную позицию, что видно из содержания таких ранних актов, как Устав прежних лет, Уложение Шереметева и Артикул краткий.

Другая часть зарубежных уставов, напротив, предписывала пленникам сохранять верность своему королю и могла содержать обещание не оставить этих людей без должного попечения (например, ст. 180 датского Устава 1683 г.). К их числу можно отнести и поздние отечественные регламенты, отличавшиеся, впрочем, куда более жесткими формулировками. Так, по смыслу Толкования к ст. 99 Артикула воинского 1716 г., каждый россиянин, имевший реальную возможность бежать из плена, но не пожелавший ею воспользоваться, приравнивался к перебежчику. Четыре года спустя такая же обязывающая норма была включена и в Устав морской (Толкование к § 66 Книги V). Однако кроме нее, здесь появилась и новелла (§ 7 Книги IV), запрещающая переходить на службу к противнику («Взятым в полон у неприятеля службы не принимать <...> под штрафом яко изменнику»). Причем данная новелла распространялась на всех военнопленных, включая поступивших на русскую службу иностранцев.

Завершая исследование, считаем необходимым обратить особое внимание на тот факт, что отечественные военные законы

начала XVIII в. и, в особенности, Устав 1716 г., вот уже не одно столетие удостоиваются самой высокой оценки со стороны не только российских, но и зарубежных ученых. Так, по мнению известного американского военного юриста и историка права Уильяма Уинтропа, «Воинские регламенты Голландской республики 1590 г., переизданные в 1705 г.; детально разработанный Устав Густава Адольфа 1621 г., Ордонансы Людовика XIV 1651 г. и 1665 г., Военные законы царя Петра Великого 1715 г. (1716 г. — В. П.), Терезианский уголовный кодекс императрицы Марии Терезии 1768 г. с более поздней «Нормой» — являются одними из наиболее известных систем европейского военного права» (Winthrop W. Op. cit. P. 18).

Резюмируя содержание настоящей работы, мы приходим к следующим выводам:

1. Воинские уставы, разработанные в России до 1721 г., стали первыми актами национального законодательства, заложившими правовые основы самой организации военного плена, а также порядка приема пленных противника и правил их пребывания при действующей армии до момента эвакуации в тыл. Корреспондируя в этом отношении некоторым зарубежным регламентам, они, в то же время, соответствовали политическому, социально-экономическому и военному контексту периода радикальной модернизации страны, а равно тогдашнему состоянию ее вооруженных сил.

2. На протяжении большей части Северной войны положение иностранных пленных в России могло регулироваться одновременно несколькими воинскими уставами, действие которых распространялось как на всю армию, так и на ее отдельные соединения. Несмотря на внешнюю неупорядоченность такого подхода, он позволил в кратчайшие сроки отобрать,

апробировать и окончательно закрепить в Уставах 1716 г. и 1720 г. самые прогрессивные идеи в исследуемой сфере, что обеспечило высокую эффективность правовой регламентации всей отечественной системы военного плена.

3. Российские воинские уставы не различали пленных ни по их служебному положению, ни по воинским званиям, ни даже по отношению к военной службе или любым иным признакам. Это создавало условия для равного обращения со всеми пленными, снижало вероятность совершения правонарушений в отношении названных лиц, а в конечном итоге позволяло поддерживать в собственных войсках должный уровень воинской дисциплины.

4. Отечественный законодатель видел в пленном не только возможный источник ценной информации, но и человеческую личность. Последнее нашло отражение в отсутствии института частного плена, отказе от выкупа, а также в регламентации правил переписки пленников, что в совокупности стало радикальным шагом на пути развития военного и международного гуманитарного права.

Библиография

1. Зливко, А.П. Первые морские уставы России / А.П. Зливко // Инновации и инвестиции. — 2013. — № 8. — С. 53—55.
2. Ивакин, Г.А. Воинский устав Петра I 1716 года / Г.А. Ивакин // Власть истории и история власти. — 2017. — Т. 3. — № 3 (9). — С. 395—402.
3. Розенгейм И.П. Очерк истории военно-судебных учреждений в России до кончины Петра Великого / И.П. Розенгейм. — СПб.: Тип. М. Этингера, 1878. — 376 с.
4. Сатанова, Л.М. Виды наказаний по законодательным актам периода правления царя Петра Великого / Л.М. Сатанова // История государства и права. — 2018. — № 2. — С. 18—22.
5. Чибисов, С.В. Условия разработки Воинского устава Петра I / С.В. Чибисов // Военно-юридический журнал. — 2019. — № 2. — С. 29—32.

«Артикул воинский» — памятник военного права, нормативно установивший основы единоначалия и централизации управления

© **Полунин Сергей Викторович**,
начальник кафедры конституционного и
административного права, Новосибирский
военный ордена Жукова институт имени
генерала армии И.К. Яковлева войск
национальной гвардии Российской Федерации,
полковник юстиции

© **Корнейчук Георгий Дмитриевич**,
курсант, Новосибирский военный ордена
Жукова институт имени генерала армии
И.К. Яковлева войск национальной гвардии
Российской Федерации

© **Ляхов Александр Васильевич**,
полковник юстиции, доцент, заместитель
начальника кафедры конституционного и
административного права, Новосибирский
военный ордена Жукова институт имени
генерала армии И.К. Яковлева войск
национальной гвардии Российской Федерации

Аннотация. В статье исследованы причины и условия проведения военного реформирования русской армии в начале XVIII века. Установлена степень влияния иностранного законодательства на формирование организационно-правовых основ функционирования русской армии. На основе структурно-функционального анализа правовых норм «Артикула воинского» были синтезированы основополагающие, базовые принципы построения и функционирования военной организации государства. Сделан вывод об историческом значении правовых реформ Петра I в реформировании русской армии и их влиянии на состояние современного отечественного воинского правопорядка.

Ключевые слова: Северная война, Пётр I, русская армия, военнослужащий, реформа, боеспособность, дисциплина, единоначалие, централизация управления, Артикул воинский, церковь, священнослужители.

«Military Article» is a monument of military law, which established the foundations of unity of command and centralization of management

© **Polunin S.V.**,
Head of the department of constitutional and
administrative law, Novosibirsk military order of Zhukov
institute named after General of the Army I.K. Yakovlev
of the national guard of the Russian Federation, Colonel
of justice,

© **Korneychuk G.D.**,
Cadet, Novosibirsk military order of Zhukov institute
named after General of the Army I.K. Yakovlev of the
national guard of the Russian Federation

© Lyakhov A.V.,

Deputy Head of the department of constitutional and administrative law, Novosibirsk military order of Zhukov institute named after General of the Army I.K. Yakovlev of the national guard of the Russian Federation, Colonel of Justice, Associate Professor

Annotation. The article examines the reasons and conditions for the military reform of the Russian army at the beginning of the XVIII century. The degree of influence of foreign legislation on the formation of the organizational and legal foundations of the functioning of the Russian army has been established. Based on the structural and functional analysis of the legal norms of the "Military Article", the fundamental, basic principles of the construction and functioning of the military organization of the state were synthesized. The conclusion is made about the historical significance of Peter I's legal reforms in the reform of the Russian army and their impact on the state of modern domestic military law and order.

Key words: The Northern War, Peter I, Russian army, soldier, reform, combat capability, discipline, unity of command, centralization of management, military article, church, clergy.

Проблема поддержания и укрепления воинской дисциплины, обеспечения высокого уровня боевого духа является предметом повышенного внимания со стороны военных специалистов, историков и юристов, при этом особый интерес представляют так называемые «переломные периоды». Таким периодам посвящены многочисленные исторические и историко-правовые исследования, среди которых следует отметить работы О.В. Азамова¹, А.Ф. Бочкова², С.Б. Глушаченко³, В.А. Дороничева⁴, С.Г. Лысенкова⁵ и других. В

период ведения войн — тяжелейших исторических периодов социальных потрясений — осуществлялась проверка эффективности существовавших правовых конструкций обеспечения боеспособности армии. Во время любой войны при примерно равенстве материальных ресурсов у воюющих сторон «победа будет [там], где лучше боевая подготовка, талантливее руководство и выше боевой дух»⁶. Военное время во все времена являлось причиной и условием динамичного изменения существовавших моделей укрепления боевого духа личного состава военной организации в целях адаптации к конкретным историческим, политическим, экономическим условиям ведения войны. Одним из таких «переломных периодов» в отечественной военной истории являлась Северная война.

22 февраля 1700 г. Россия в составе Северного союза объявила войну Швеции. Целью войны являлось обретение господства на Балтийском море, которое она утратила ещё во времена правления Ивана Грозного. Положительный исход войны принёс бы России значительное повышение авторитета государства на мировой арене, открыл бы новые возможности для развития международной торговли, обес-

¹ Азамов О.В. Деятельность государственных и военных органов по укреплению дисциплины в Русской армии: конец XVIII — первая половина XIX в. : дис. ... канд. истор. наук. М., 2009.

² Бочков А.Ф. Деятельность государственных и военных органов по укреплению дисциплины в Русской Армии: конец XVII — первая четверть XVIII в. : дис. ... канд. истор. наук. М., 2009.

³ Глушаченко С.Б. О мерах укрепления единоначалия в Красной Армии в предвоенный год: историко-правовой аспект // Военное право. 2020. № 5 (63). С. 31—39.

⁴ Дороничев В.А. Формирование института единоначалия в советских вооруженных силах в период военной реформы 1920-х годов : дис. ... канд. истор. наук. М., 2009.

⁵ Лысенков С.Г. Правовой статус военнослужащих в период Великой Отечественной войны: Историко-правовое исследование : дис. ... д-ра юрид. наук. СПб, 2005; Лысенков С.Г., Полунин С.В. Проблемы поддержания воинской дисциплины в Красной Армии в период Второй

мировой войны: историко-правовой аспект // Военное право. 2016. № 11. С. 23—32.

⁶ Бернард Лоу Монтгомери. Краткая история военных сражений. М., 2004. С. 7.

печив, тем самым, экономический рост. Объявляя войну, Пётр I рассчитывал на быстрый исход военных действий, поскольку Швеция была совсем не готова к войне: бушевал кризис, казна была пуста, у власти находился молодой и неопытный самодержец Карл XII. Но расчеты царя Петра оказались ошибочными ...

19 ноября 1700 г. произошло одно из первых сражений в Северной войне. Русская армия потерпела поражение под Нарвой. Было потеряно большое количество личного состава, боеприпасов, ружей и артиллерии. Битва, по современным данным, нанесла потери около 6—8 тыс. человек убитыми, утонувшими, бежавшими и пропавшими без вести со стороны русской армии и около 2 тыс. человек со стороны шведской. Русский историк В.О. Ключевский писал: «Двинутая под Нарву армия, численностью около 35 тыс., состояла большею частью из новобранцев под командой плохих офицеров и иностранных генералов, не пользовавшихся доверием», и как следствие, главнокомандующий-иностранец «первый отдался в плен и увлек за собой других иностранных командиров, испуганных озлоблением своей русской команды. Уцелевшие от боя, от голода и холода во время бегства русские ратники, по выражению современника, приплелись в Новгород, «ограбленные шведами без остатка», без пушек, палаток и всего своего скарба»¹. Не случайно это сражение вошло в русскую историю, как «Нарвская конфузия». «После Нарвы», — писал В.О. Ключевский, — «началась невероятная трата людей. Наскоро собираемые полки быстро таяли в боях, от голода, болезней, массовых побегов»².

Повышение боеспособности армии в сложившихся условиях выступало важнейшей государственной задачей. В начале XVII в. были предприняты первые попытки обновления военного законодательства. В 1702 г. фельдмаршалом Б. Шереметевым было подготовлено «Уложение или право

воинского поведения», которое было заимствовано из датских воинских артикулов и адаптировано к российским условиям. Применялось Уложение в подведомственных Шереметеву войсках при походе в Ливонию. В 1706 г. А. Меншиковым был подготовлен «Краткий артикул». Начиная с 1705 г., начали производиться массовые усиленные наборы в армию. Они нужны были не только для увеличения численности, но и для пополнения убыли от побегов, болезней³. Была установлена «всему новому войску одинаков[ая] форм[а], платья или мундир[ы]»⁴. Однако проблема повышения боеспособности русской армии не была решена. По подсчётам начальника Военно-юридической Академии П.О. Бобровского, во время Северной войны ежегодное количество бежавших в стопятидесятитысячной армии Петра Великого достигало от 10 до 20 тыс., то есть до 10 %⁵. Бобровский, со ссылкой на первоисточник — донесение Ч. Витворта от 18–29 августа 1708 г., обратил внимание на состояние боевого духа армии: «В неудачном Головинском бою, где часть армии потерпела поражение, с поля сражения бежали целые части: пехота Репнина, достигнув леса, бросилась в него, искать своего спасения; из восьми тысяч[ной] дивизии фельдмаршала Шереметьева уцелела только часть в 800 человек, прочие люди возвращались к своим частям по одиночке или погибли»⁶.

³ Там же. С. 223–224.

⁴ Первый император русский Пётр Великий: Преобразователь России / изд. ред. нар. ж-ла «Мирской странник». СПб.: Тип. брат. Пантелеевых, 1875. С. 67 // Президентская библиотека имени Б.Н. Ельцина [сайт]. URL: <https://www.prlib.ru/item/436751> (дата обращения: 11.01.2022).

⁵ Бобровский П.О. Бесѣда начальника Военно-юридической Академіи о значеніи военныхъ законовъ Петра Великаго для устроеной имъ регулярной арміи: Въ день 170 лѣтъ со времени подписанія манифеста объ Уставѣ Воинскомъ 1716 г. / С.-Петербургъ. Типографія В. С. Балашева, Екатеринин. Кап., 78. 1886. С. 15 // Оборонно-промышленный комплекс [сайт]. URL: <http://www.opklex.com/nauka/p/dorevoluyuczionnaya-rossiya.html> (дата обращения: 1.02.2022).

⁶ Там же.

¹ Ключевский В.О. Русская история. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2014. С. 219.

² Там же. С. 223.

Так началась одна из самых ключевых войн восемнадцатого столетия, показавшая слабые стороны русской армии, предопределившие необходимость немедленного реформирования русской армии как важнейшего государственного института. После первого этапа Северной войны Россия ощутила жизненно важную для государства необходимость принятия нового законодательного акта, который бы позволил «вывести» армию на принципиально новый качественный путь развития, который бы обеспечил необходимый для условий военного времени уровень боеспособности.

Справедливости ради, следует заметить, что проблема боеспособности русской армии обозначилась еще задолго до прихода к власти Петра Великого. Постоянной армии на Руси в рассматриваемый период истории еще не было, за исключением стрелецкого и пушкарского полков. Служба в этих полках была наследственной¹.

В допетровский период в отношении ратных людей стрелецкого и пушкарского полков действовал «Устав ратных, пушкарских и других дел, касающихся до военной науки» (1621 г.). В целом же основу правового регулирования функционирования русского войска составляло Соборное уложение 1649 г. Указанные документы, наряду с регламентацией военной службы; установлением, классификацией и нормативным закреплением воинских обязанностей и юридической ответственности за правонарушения, объективно не могли обеспечить необходимого уровня боеспособности армии. Фактическое создание регулярной армии актуализировало вопрос необходимости четкой правовой регламентации.

Северная война, а точнее её первые итоги, стала «лакмусовой бумажкой», продемонстрировавшей несостоятельность военного законодательства, его несоответствие потребностям государства в рас-

сматриваемый исторический период времени. В.О. Ключевский писал, что Северная война «указала порядок [проведения] реформы, сообщила ей темп и самые приёмы». Требовалось системное преобразование организационных, правовых, экономических, социально-политических основ функционирования военных организаций государства. «Преобразовательные меры следовали одна за другой в том порядке, в каком вызывали их потребности, навязанные войной. Она поставила на первую очередь преобразование военных сил страны»². Поражение русской армии позволило осознать реальный уровень боеспособности военной организации, вскрыть основные причины поражения.

В качестве проекта «армии нового типа» Петр избрал наиболее боеспособные модели армий европейских государств того времени. Итогом кропотливой работы стал принятый 26 апреля 1715 г. «Артикул воинский» (далее — «Артикул»). В Артикул вошли нормы военного законодательства лучших европейских армий того времени, в том числе: Военно-уголовные законы Дании 1683 г. «Christiani V, Königs in Dän nemark Artickuls Brief vor die Miliz za Lande»; Законы Голландии 1590 г. (в ред. 1705 г.) «Der Herren General Staate / der vereinigte Niederlande Artickuls-Brief vor dero Miliz za Lande»; Комментарии 1663—1686 гг. бранденбургского военного права и артикула «Friderici Wilhelrai des Grossen, Churf. zu Brandenburg Kriegs-Recht und Artickuls Brief»; Комментарии 1642–1665 гг. имперского военного артикула Фердинанда III и Леопольда I «Käysers Ferd: nandi III und Leopoldi I Artickuls-Brief»; Имперский военный артикул 1672 г. «Artickuls Brief der Reichs-Völker»³.

Содержание Артикула представляло собой результат систематизации отдельных положений законодательных актов

¹ Туганов Ю.Н. Правопорядок в вооружённых силах: от Петра I до реформ Александра II // Военное право. 2015. № 2 (34). С. 134.

² Ключевский В.О. Указ. соч. С. 222.

³ Бобровский П.О. Военное право в России при Пётре Великомъ. Ч.2. С. 90 / С. Петербург, 1882 г. // Оборонно-промышленный комплекс [сайт]. URL: <http://www.opklex.com/assets/upload/file/files/1886-вр.1.pdf> (дата обращения: 1.02.2022).

наиболее боеспособных армий того времени и их рецепции применительно к конкретному культурно-историческому периоду развития государства и условиям военного времени. При формировании правовых норм был учтён уже приобретённый опыт «уроков» Северной войны. Законодательный акт обладал чёткой структурой, внутренней согласованностью. Артикул содержал присягу и 24 главы, объединяющие 209 статей. Правовые нормы были снабжены комментарием для однообразного толкования и применения в юридической практике.

В Артикуле, исходя из логики построения правовой конструкции, тексту присяги было уделено особое внимание. Это объясняется тем, что военная присяга во все времена являлась не только торжественной, официальной клятвой воина на верность царю и Отечеству, но и выступала важнейшим элементом статуса военнослужащих (содержала их общие обязанности): «Я (имя рек) обещаюсь всемогущим богом служить всепресветлейшему нашему царю государю верно и послушно, что в сих постановленных, також и впредь поставляемых воинских артикулах, что оные в себе содержат будут, все исполнять исправно»¹.

В тексте присяги были закреплены правила взаимоотношений между начальниками и подчинёнными, строгого служебного подчинения (субординации): «А командирам моим, поставленным надо мною, во всем, где его царского величества войск, государства и людей благополучию и приращению касаетца, в караулах, в работах и в протчих случаях, должное чинить послушание, и весьма повелению их не противитца»². Каждый присягнувший клялся «... во всем так поступать,

как честному, послушному, храброму и неторопливому салдату надлежит»³. По своему нормативно-правовому содержанию присяга являлась гипотезой правовой нормы, диспозиция же и санкция находились в тексте самих артикулов. Например, рядовому за угрозу насилия, оскорбление «своего сержанта, фуриера, каптенармуса, или капрала», допущенное в походе или в карауле, полагалась смертная казнь либо жестокое наказание шпицрутенами (арт. 26).

Красной строкой через весь текст военной присяги прослеживались требования к солдату: быть верным, послушным и храбрым воином. Вопросам субординации и единоначалия законодателем было уделено достаточно много внимания. Из понятия о подчинённости «непосредственно вытека[ют]т поняти[я] о повиновении команд и об исполнении приказаний начальников», поэтому особо строгие санкции предусматривались за преступления, «проистекавшие из неповиновения приказаниям начальника»⁴.

Теоретик военного права П.О. Бобровский, исследуя становление и эволюцию военного законодательства при Петре Великом, отмечал: «Повиновение — основа военной дисциплины. Всё военное воспитание солдата должно быть направлено к развитию в них способности беспрекословно исполнять волю старшего, начиная от непосредственно стоящего над ним унтер-офицера и далее в иерархической постепенности военных чинов»⁵.

Единоначалие в армии не могло быть установлено без субординации — иерархической системы подчинённости. «Артикулом воинским» было закреплено требование «о точном соблюдении офицером данного ему приказа» (арт. 28). Нормы обязывали офицеров беспрекословно вы-

¹ Артикул воинский: съ краткимъ толкованіемъ и съ процессами / Напечатанъ повеленіемъ ея імператорскаго величества. Печатанъ третьимъ тиснениемъ. С.-Петербург: при Императорской Академіи наукъ, 1777. 146 с. // Президентская библиотека имени Б.Н. Ельцина [сайт]. URL: <https://www.prlib.ru/item/711004> (дата обращения: 15.12.2022).

² Там же.

³ Там же.

⁴ Бобровский П.О. Военное право въ Россіи при Пётре Великомъ. Ч.2. С. 216. СПб., 1882 г. // Оборонно-промышленный комплекс [сайт]. URL: <http://www.opklex.com/assets/upload/file/files/1886-вр.1.pdf> (дата обращения: 1.02.2022).

⁵ Там же. С. 216.

полнять данные им указы от своих командиров: «... долженствует оный офицер, которому указ дастся, по оному указу весьма поступать...» (толкование, арт. 28). Такая система подчинённости обеспечивала сосредоточение власти в одних руках и способствовала централизации военного управления. При этом законодательно был установлен запрет «непристойного рассуждения об указах» (арт. 29). Присутствие такой нормы объясняется стремлением укрепления субординации, поскольку обсуждение приказов наносило ущерб авторитету командира, органа военного управления и создавало предпосылки их невыполнения. «Подчинённый рассуждать не должен, когда начальник дал повеление действовать, так как на него одного падает ответственность за отданное им приказание»¹. Иного решения, по мнению П.О. Бобровского, и быть не могло «ибо начальнику принадлежит повелевать, а подчинённому послушно быть» (толкование, арт. 29)².

Наделив командира властными распорядительными полномочиями, Артикул установил ряд требований к офицерскому составу: «Должны офицеры салдат к работе побуждать и прилежно смотреть, чтоб все исправно было зделано» (арт. 51). В соответствии с артикулом 32, отдавая приказ, офицер мог «угрожения прибавить», однако при том ему следовало «воздержатся от всех поносных и чести касающихся слов», угнетающе действовавших на личное достоинство военнослужащего под угрозой наказания («на несколько время от чину отставлены быть»). То есть при формировании указанной правовой нормы законодателем был учтён менталитет русского человека.

Офицеру запрещалось отдавать приказы и распоряжения, не касающиеся военной службы под угрозой судебного наказания, поскольку «что к его величества службе не касается, то и должность салдатская того не требует чинить» (арт. 53). В свою очередь, положения Артикула да-

вали солдату право не выполнять приказ командира, не относящийся к службе.

Артикул наделил командира (начальника) распорядительной властью по отношению к подчинённым и, одновременно, возложил на него персональную ответственность за все стороны жизни своих подчинённых: «... оный офицер крепкий выговор получит, который над подчинёнными своими... смотреть не будет, и оных в их ленивстве не поправит» (арт. 56).

Согласно Артикулу, военнослужащие наделялись правом принесения жалоб на причинённую обиду или несправедливость — командиру «оного» (причинителя обиды). При этом челобитчику разрешалось указывать только то «что подлинно [было] учинено», запрещено было «прибавлять, чего доказать не может» (арт. 148). В свою очередь, под угрозой наказания, командир, принявший челобитную, был обязан «выслушать, и обиженному пристойное удоволение учинить» (арт. 147). Артикул устанавливал ответственность за подачу ложной жалобы. В случае «ежели [челобитчик] неправое челобитье учинит, то и он наказан будет, равно как и други» (арт. 148).

Законодательно были определены правовые инструменты укрепления воинской дисциплины: меры судебного и дисциплинарного воздействия на правонарушителя. В рассматриваемый период дифференциации на виды юридической ответственности не существовало, однако анализ правовых норм позволяет сделать вывод об установлении правовой возможности привлечения нарушителя дисциплины, выражаясь современной терминологией, к уголовной, дисциплинарной, материальной (имущественной) ответственности. Система наказаний рассматриваемого периода времени, на основании результатов исследования М.П. Розенгейма, предусматривала достаточно широкий диапазон санкций за правонарушения. К таковым относились:

1) наказания смертные³;

¹ Там же. С. 228.

² Там же. С. 230.

³ Наказания смертные имели разнообразные формы: колесования с оставлением тела на колесе, чет-

2) телесные наказания жестокие¹ и обыкновенные²;

3) ссылку на каторжные работы (на берегу или на галерах);

4) позорящие наказания тяжёлые³ и лёгкие⁴;

5) имущественные наказания⁵.

Для целей настоящего исследования представляет особый интерес группа наказаний, входящих в компетенцию командиров (начальников), свидетельствующих о нормативном закреплении дисциплинарной власти последних. «Наказания от своего офицера», согласно Артикулу, допускались форме обыкновенных телесных наказаний. По мнению военного судьи Петербургского военного округа полковника

вертования, сожжения, повешения, расстреливания, отсечения головы, в других неопределённых Артикулом формах — путём применения формулировок «предание смерти», «смертной казни» или «лишение живота». Прим. авторов.

¹ К жестоким телесным наказаниям были отнесены: прожжение языка, отсечение суставов, отсечение руки, отсечение двух пальцев правой руки, отрезание носа и ушей, разрывание ноздрей, наказание шпицрутеном или прогнание сквозь строй, наказание кнутом, арест у профоса, крепкое или жестокое заключение в тюрьме, лишение свободы. Прим. авторов.

² Обыкновенные телесные наказания осуществлялись в формах: наказание батогами, ношение ружья, сковывание рук и ног в железо, содержание на хлебе и воде, сажание на деревянную лошадь, хождение по деревянным кольям и т.п. Прим. авторов.

³ Формы тяжёлых позорящих наказаний: прибитие к виселице имени, преломление палачом шпаги виновного, объявление вором, за малодушие и трусость в бою или в осаде полки, роты, эскадроны подвергались коллективным позорящим наказаниям — лишению знамён и помещению отдельно от остальных частей (за лагерем) впредь до заслуги особенной храбростью. Прим. авторов.

⁴ Формы лёгких позорящих наказаний: выговор, частичное или полное извержение или отставление от чина, разжалование и продолжение службы в качестве рядового, лишение священнического достоинства, в отношении проституток — раздевание до гола и открытое изгнание профосом. Прим. авторов.

⁵ К имущественным наказаниям относились: вычет из жалованья, лишение «заслуженного жалованья» — для иностранцев, конфискация имущества, лишение имущества или пожитков, денежный штраф, возмещение убытков, обязанность вербовать солдат на свой счёт. Прим. авторов.

М.П. Розенгейма, эта категория наказаний составляла дисциплинарные взыскания, применяемые как судом, так и властью непосредственного начальника. К таковым наказаниям были отнесены: наказание батогами⁶, сажание на деревянную лошадь⁷, хождение по деревянным кольям⁸, содержание на хлебе и воде, посажение в железа⁹. Следует заметить, что нормами Артикула было предусмотрено указание на свободу выбора формы телесного наказания путём использования в правовой норме выражений: «по рассмотрению», «по вине» и т. п., или с использованием эпитетов: «телесное» или «на теле», «крепкое», «жестокое». Однако, данное расширительное толкование видов «наказаний от своего офицера» не означало его безграничную дисциплинарную власть над подчинённым.

Офицер должен был быть справедливым к своим подчинённым, поскольку «солдат такой же слуга отечеству, как и офицер, и на таком сходстве служебного долга [были] основаны взаимные отношения между старшими и младшими на всех ступенях военной иерархии»¹⁰. Наказание

⁶ Битье батогами — палками или толстыми прутьями с обрезанными концами. Батоги считались более легким наказанием, чем кнут. Прим. авторов.

⁷ Сажание на деревянную лошадь — это военное наказание осуществлялось при помощи приспособления, более похожего на коня. Тело коня делалось из досок, сбитых так, что оно становилось похожим на двухскатную крышу. Эту конструкцию ставили на ножки на высоте 6 футов над землей и в довершение приделывали имитацию лошадиной головы и хвоста. Жертве связывали руки и сажали ее верхом на «коня». Кроме того, к ее лодыжкам привязывали тяжелые мешки с песком. И в таком мучительном положении преступник должен был находиться многие часы, испытывая сильные боли. Прим. авторов.

⁸ Хождение по деревянным кольям — одно из самых болезненных телесных наказаний. Наказуемый разувался и босыми ногами начинал ходить по острым кольям, сделанным из дерева. Прим. авторов.

⁹ Содержание на хлебе и воде, а также «посажение в железа» (заковывание рук и ног в колодки или содержание в цепях) являлись разновидностями ареста. Арест с содержанием на хлебе и воде или «посажение в железа» были кратковременными — на несколько дней. Прим. авторов.

¹⁰ Бобровский П.О. Петръ Великий, как военный законодатель. СПб.: тип. Департамента Уделов,

допускалось только при наличии весомых причин. Так Артикулом предусматривалось требование к офицерам: «Никто из офицеров да не дерзает обретающихся под своею командою салдат без важных и пристойных притчин жестоко бить или уязвить. Кто против того преступит, воинскому суду представлен и потом, по изобретению дела, наказан будет» (арт. 33).

В случае, если подчинённый от телесного наказания погибал, то офицер подлежал юридической, а точнее имущественной ответственности в форме возложения на него обязанности вербовать солдат за свой счёт. К дисциплинарным полномочиям, кроме того, было отнесено право офицера ранить солдата, сопротивляющегося приказанию офицера идти в строй.

Наделение дисциплинарными полномочиями непосредственного начальника («своего офицера») стало важнейшим элементом военной реформы, способствовавшим повышению исполнительской дисциплины, укреплению авторитета командира, обеспечению оперативности в принятии решения о привлечении к ответственности подчинённого за незначительное правонарушение.

Артикулом были установлены требования к моральному облику офицерского состава, направленные на предупреждение правонарушений корыстной направленности, связанные со злоупотреблением должностным положением. А «кто из офицеров при выдаче жалованья, корму и провианту, возмет на излишнее число салдат и более, нежели он уреченное число имеет денег, [тот] чину своего лишится, [либо] на галеру сослан или живота лишен будет» (арт. 65). Такая же ответственность офицеров была установлена Артикулом за удержание, неполную выдачу или отъём жалования, провианта, вещевого имущества у солдат (арт. 66). Офицерам запрещалось отнимать у своих солдат «полученную

правом добыч[у]¹, под опасением жестокаго наказания, и возвращением взятого» (арт. 110). Таким образом, правовые нормы Артикула способствовали повышению авторитета командирского состава в глазах подчинённых, что, в свою очередь, не могло не сказаться положительно на их морально-психологическом состоянии.

Создатель одного из первых фундаментальных трудов по истории России «Истории государства Российского» Н.М. Карамзин писал: «Умный монарх в делах государственной пользы всегда найдет способ согласить волю митрополита или патриарха с волею верховною»². В результате проведения масштабных правовых реформ церковная власть была поставлена на службу государству. Создав Духовную коллегию — Святейший синод, Петр I фактически сосредоточил в своих руках всю полноту светской и духовной власти. «Петр объявил себя главою церкви, уничтожив патриаршество как опасное для самодержавия неограниченного»³. Данное нововведение способствовало абсолютизации власти монарха.

Священнослужители входили в состав русского войска ещё в допетровские времена. Священники помогали военным облегчить душевные страдания, что было необходимо в условиях боевой обстановки. Регулярные стрелецкие полки, являвшиеся прообразом регулярных войск, брали в походы приходских попов из своих слобод⁴. Исследователь института русского военного духовенства О.А. Овчаров определил в истории правового регулирования деятельности военного духовенства три периода: обычный (988—1647), уставной (1647—1716), становления (1716—

¹ Под добычей понималось захваченное у неприятеля имущество, которое находилось в его владении более 24 часов (см.: арт. 111). Прим. авторов.

² Карамзин Н. М. История государства Российского. М.: Изд-во Эксмо, 2003. С. 999.

³ Там же. С. 999.

⁴ Овчаров О.А. К истории становления правового института военного духовенства в России. Часть 1 // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2020. № 3 (272). С. 93.

1887. С. 48 // Оборонно-промышленный комплекс [сайт]. URL: <http://www.opklex.com/nauka/p/dorevolucionnaya-rossiya.html> (дата обращения: 1.02.2022).

1800)¹. До принятия «Артикула воинского» в войсках действовали другие военно-уголовные законы, взятые у иноземцев. Например, «Краткій артикуль», начинавшийся главой «О страхе Божьем» или «О Богобоязни»². Однако правовое положение военных священников определялось в основном каноническими нормами.

С принятием «Артикула воинского» были смещены акценты регламентации положения военных священников в пользу военного законодательства. Законодательством было уделено значительное внимание службе военного духовенства, взаимоотношениям во внутриорганизационной сфере воинских отношений. Была установлена иерархия полковых священников, определены их обязанности и ответственность. На священников фактически была возложена функция воспитания военнослужащих с опорой на духовную сферу — религию, духовно-нравственную основу менталитета русского человека. Н.М. Карамзин в своём труде писал: «... главная обязанность духовенства есть учить народ добродетели»³. По мнению П.О. Бобровского, Артикул требовал только того, чтобы полковые священники ревностно исполняли свою обязанность, молились Богу и наставляли в христианском вероучении свою паству — офицеров и солдат⁴.

Связующим звеном между священнослужителями и военнослужащими являлась военная присяга. Закреплённые требования присяги были наполнены сакральным смыслом: «... обещаюсь всемогущим Богом служить...», «... да поможет мне господь Бог всемогущий». Указанные словесные формулы придавали правовой

норме необходимый уровень возвышенности, помпезности, «превращая» присягу в святую клятву воина, наполняя её, тем самым, нравственным и идеологическим содержанием. Нарушитель присяги приравнивался к клятвопреступнику, следовательно, должен был быть наказан, наряду с юридическими санкциями, мерами порицания и моральной ответственности.

Были регламентированы периодичность богослужения, время для молитвы военнослужащих, а также установлены меры принуждения к исправному исполнению закреплённых Артикулом религиозных обязанностей. Духовная жизнь составляла часть службы военнослужащих, что было фактически закреплено в Артикуле: «Служба божия имеет отправлятися по вся утра и вечера и полдень ... с пением и молением, в лагерях» (арт. 9). Участие в богослужении являлось обязанностью солдат и офицеров. Все офицеры должны были личным примером демонстрировать подчинённым важность присутствия на службе Божьей. Все, от солдата до офицера, были обязаны оказывать уважение священникам, ни в коем случае не допускать ругательств и брани в их адрес: «Всем офицерам и рядовым надлежит священников любить и почитать. И никто да не дерзает оным как словом, так и делом досаду чинить, и презирать, и ругаться» (арт. 13). Артикулом была установлена юридическая ответственность за правонарушения в этой сфере: «Есть ли офицер без важной притчины при молитве присутствен не будет, тогда надлежит за каждую небытность по полтине штрафа с него в шпиталь брать» (арт. 10), «а когда он пьяным на службу явится, то может и во все рядовым учинен быть» (арт. 11). В свою очередь, военные священники сами «езде должны [были] прилежать к непорочной, трезвой и умеренной жизни» (арт.14). В случае нарушения требований последние подлежали наказанию и направлению к духовному суду. Установленная Петром I правовая регламентация деятельности военного духовенства обес-

¹ Овчаров О.А. Указ. соч. С. 91-96.

² Бобровский П.О. Военное право въ Россіи при Пётре Великомъ. Ч.2. С. 142 / С. Петербург, 1882 г. // Оборонно-промышленный комплекс [сайт]. URL: <http://www.opklex.com/assets/upload/file/files/1886-вр.1.pdf> (дата обращения: 1.02.2022).

³ Карамзин Н. М. Указ. соч. С. 999.

⁴ Бобровский П.О. Военное право въ Россіи при Пётре Великомъ. Ч.2. С. 197 / С. Петербург, 1882 г. // Оборонно-промышленный комплекс [сайт]. URL: <http://www.opklex.com/assets/upload/file/files/1886-вр.1.pdf> (дата обращения: 1.02.2022).

печила укрепление централизации военного управления.

Таким образом, Артикулом были законодательно закреплены: полномочия распорядительной власти командиров (начальников); дисциплинарные полномочия как средство обеспечения исполнительности и дисциплинированности подчинённых; персональная ответственность командного состава перед государством за все стороны жизни и деятельности своих подчинённых. Полная монополизация государственной власти путём подчинения церкви государству, укрепление вертикальных связей иерархической структуры военного управления способствовали сосредоточению государственного и военного управления в одном центре, а точнее в одних руках «его величества» Петра Великого. То есть, «Артикулом воинским» были закреплены важнейшие составляющие единоначалия и централизации военного управления. Введение в действие «Артикула воинского», продиктованного необходимостью повышения боеспособности военной организации государства, стало важнейшим элементом реформирования правовых основ построения и функционирования русской армии.

Современная система военного управления сформировалась на основе богатого исторического опыта. На всём протяжении становления и развития системы военного управления осуществлялся поиск наиболее эффективного механизма управления военной организацией государства. Эволюция указанной системы прошла путь от выборной, коллегиальной форм и до централизованного военного управления, основанного на субординации и единоначалии. В отечественной военной истории указанные принципы не раз подвергались сомнению (например, в начале 20-х, в конце 30-х годов прошлого столетия); в качестве альтернативы применялись принципы выборности командиров и коллегиальности управления. Однако, пройдя суровые испытания условиями военного времени, принципы единоначалия и централизации управления доказали свою эффективность,

безальтернативность и составили фундаментальные основы построения и функционирования военной организации государства современной России.

P.S.

Впервые принцип единоначалия был официально назван 24 января 1920 г. в приказе командующего Туркестанским фронтом М.В. Фрунзе, в связи с упразднением должности комиссаров при начальниках и командирах. Однако Петру I, как военному законодателю, принадлежит заслуга первоначального нормативно-правового закрепления важнейших составляющих компонентов выше обозначенных принципов.

Библиография

1. Азамов, О.В. Деятельность государственных и военных органов по укреплению дисциплины в Русской армии: конец XVIII — первая половина XIX в. : дис. ... канд. истор. наук / О.В. Азамов. — М., 2009. — 218 с.
2. Бернард Лоу Монтгомери. Краткая история военных сражений. — М., 2004. — 240 с.
3. Бочков, А.Ф. Деятельность государственных и военных органов по укреплению дисциплины в Русской Армии: конец XVII — первая четверть XVIII в. : дис. ... канд. истор. наук / А.Ф. Бочков. — М., 2009. — 244 с.
4. Глушаченко, С.Б. О мерах укрепления единоначалия в Красной Армии в предвоенный год: историко-правовой аспект // Военное право. — 2020. — № 5 (63). — С. 31—39.
5. Дороничев, В.А. Формирование института единоначалия в советских вооружённых силах в период военной реформы 1920-х годов : дис. ... канд. истор. наук / В.А. Дороничев. — М., 2009. — 210 с.
6. Лысенков, С.Г. Правовой статус военнослужащих в период Великой Отечественной войны: Историко-правовое исследование : дис. ... д-ра. юрид. наук / С.Г. Лысенков. — СПб., 2005. — 472 с.
7. Лысенков, С.Г. Проблемы поддержания воинской дисциплины в Красной Армии в период Второй мировой войны: историко-правовой аспект / С.Г. Лысенков, С.В. Полуниин // Военное право. — 2016. — № 11. — С. 23—32.
8. Овчаров, О.А. К истории становления правового института военного духовенства в России. Часть 1 // Право в Вооружённых Силах — военно-правовое обозрение. — 2020. — № 3 (272). — С. 91—96.
9. Туганов, Ю.Н. Правопорядок в вооружённых силах: от Петра I до реформ Александра II / Ю.Н. Туганов // Военное право. — 2015. — № 2 (34). — С. 130—140.

О функции обороны страны и ее новейшей трансформации в функцию суверенной государственности

© Шамаров Вячеслав Матвеевич,
доктор юридических наук, профессор, профессор
Российской академии адвокатуры и нотариата

© Шамаров Павел Вячеславович,
доктор политических наук, кандидат военных
наук, доцент, профессор кафедры политологии
Московского государственного
лингвистического университета, доцент кафедры
Военной академии Министерства обороны
Российской Федерации

Аннотация. В статье исследуется эволюция научных подходов отечественного академического сообщества к сущностному содержанию функции обороны страны с раннего советского периода до новейших времен демократической России; предложена соответствующая эмпирическая хронология данного сущностного изменения за последние столетие; сформулирована консолидированная авторская концепция суверенной государственности и раскрыто ее принципиальное содержание с учетом проводимой Российской Федерацией с 24 февраля 2022 г. на территории Украины специальной военной операции.

Ключевые слова: международное право, национальная безопасность, национальные интересы, функции государства, функция обороны страны, функция суверенной государственности, специальная военная операция, миротворческая деятельность

On the function of the country's defense and its latest transformation into the function of sovereign statehood

© Shamarov V.M.,
Professor of the Russian Academy of Advocacy and
Notaries, Doctor of Law, Professor

© Shamarov P.V.,
Professor of the Department of Political Science of
the Moscow State Linguistic Universte, Associate
Professor of the Department of the Military
Academy of the Ministry of Defense of the Russian
Federation, Doctor of Political Sciences, Candidate
of Military Sciences, Associate Professor.

Abstract. The article examines the evolution of the scientific approaches of the domestic academic community to the essential content of the country's defense function from the early Soviet period to the latest times of democratic Russia; the corresponding empirical chronology of this essential change for the last century is offered; the consolidated author's concept of sovereign statehood is formulated and its fundamental content is revealed, taking into account the special military operation carried out by the Russian Federation since February 24, 2022 on the territory of Ukraine.

Key words: international law, national security, national interests, state functions, national defense function, sovereign statehood function, special military operation, peacekeeping

В условиях кардинального слома сложившихся после завершения Второй мировой войны межгосударственных договоренностей, гарантий безопасности и глобального миропорядка; снижения эффективности системы коллективной безопасности¹, деятельности ООН и ОБСЕ; прогрессирующей вариативности, турбулентности и непредсказуемости развития международной обстановки, спровоцированной агрессивн-эгоцентричным внешнеполитическим курсом США и НАТО, в том числе в отношении нашей страны, как никогда актуализируется защита отечественных национальных интересов в рамках общепризнанных норм международного права² с задействованием всех возможностей системы обеспечения национальной безопасности Российской Федерации.

Как известно, в настоящее время под национальной безопасностью российского государства понимается состояние защищенности его национальных интересов от всего спектра возможных угроз, при котором в стране гарантируется выполнение следующих задач:

- реализация конституционных прав и свобод граждан;
- достойные качество и уровень их жизни;
- гражданский мир и согласие;
- социально-экономическое развитие;
- охрана государственных суверенитета, независимости и целостности³.

Думается, что с позиции универсально-обобщающего ракурса мировой истории последняя задача имеет самое непосредственное отношение к функции обороны страны, которая традиционно выступает в качестве фундаментальной первоос-

новы надежной и качественной социально-политической интеграции различных индивидуумов в единое национальное государство.

Одновременно считаем, что после начала специальной военной операции России на Украине в феврале 2022 г., предопределившей, по нашему мнению, «закат» спонсированного Западом процесса глобализации в пользу многополярной модели общемирового развития; интенсификацию важнейших международных социально-политических процессов и начало формирования принципиально новой архитектуры региональной и глобальной безопасности на справедливых принципах и подходах всеобщего мироустройства с равными гарантиями безопасности для всех, функция обороны страны не только не утратила своего международного, политико-правового и общественно-социального значения, но и претерпевает дальнейшее эволюционное развитие в соответствии с доминирующими политико-правовыми взглядами мирового сообщества. Одним из ключевых участников последнего традиционно является наше государство как в период его советского прошлого, так и на новейшем демократическом треке.

Особо подчеркнем, что мы не считаем в качестве подобных и идентичных такие разнородные понятия как «международное или мировое сообщество» и «исторический или консолидированный (коллективный) Запад»⁴ даже с учетом сложившегося после искусственного развала СССР концептуально-теоретического и политико-административного засилья в ООН, ОБСЕ, других влиятельных международных и региональных организациях системных трансатлантистов, провозгласивших свое пресловутое «моральное право» на выработку вектора развития всей человеческой цивилизации. При этом полагаем, что за последнее столетие принципиальное содержание функции обороны страны как в Советском Союзе, так и Российской Феде-

¹ Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», ст. 6—8, 17, 94—95.

² Послание Президента России Федеральному Собранию Российской Федерации 21 апреля 2021 г. // Официальный сайт Президента России / URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/65418> (дата обращения: 22.04.2021).

³ Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», п. 5.

⁴ Концепция внешней политики Российской Федерации (утв. Указом Президента России 30.11.2016 г.), п. 4.

рации изменялось не единожды в ходе ряда последовательных временных периодов.

Так, на *первом этапе (до начала Великой Отечественной войны)* функция обороны считалась в СССР одной из приоритетных в ряду других основных государственных функций (экономической, политической, правовой, социально-общественной, духовно-идеологической, фискальной или казначейской¹). Такое официальное позиционирование объективировалось жестким противоборством первой страны Советов с враждебным капиталистическим окружением и агрессивной политикой фашистских и ультраправых режимов в Германии, Италии, Испании, Японии и иных европейских странах-сателлитах Третьего Рейха. При этом защита социалистического Отечества интерпретировалась советским правительством и отечественным научно-экспертным сообществом того времени двояко: 1) как ключевая задача молодого государства рабочих и крестьян; 2) в качестве общенационального консолидирующего начала (или народного тренда) всего советского общества. Одновременно констатируем и выявленный нами в ходе исследования правовых источников раннего советского периода достаточно острый дефицит авторских классификаций самих функций государства.

Вместе с тем в научной литературе второго этапа (или послевоенного периода до 1960 г.) прослеживается, как мы считаем, тенденция обособления функций государства по ряду оснований, что, в свою очередь, предопределило вычленение внутренних и внешних функций. К примеру, основной внешней функцией государства как в работах известных советских ученых (например, И.В. Черноголовкин, М.И. Пискотин, А.А. Рогачев, М.И. Байтин, В.А. Владимиров), так и последующих российских правоведов, стала признаваться функция обороны страны, выявление которой, тем не менее, не всегда спо-

собствовало раскрытию ее содержания². В частности, по мнению Л.И. Спиридонова, внешняя военная функция (функция обороны) может в зависимости от характера государства быть как функцией обороны, так и функцией агрессии³.

В правовой науке общепринято формулировать указанную функцию в качестве «одного из направлений деятельности государства, имеющего содержанием выполнение комплекса мероприятий (военных, экономических, правовых, идеологических, организационных и иных) по защите его суверенитета, мирного труда и территориальной целостности»⁴. При этом само содержание функции обороны страны определяется действующей военной доктриной и толкуется научно-экспертным сообществом практически идентично:

- поддержание достаточного уровня обороноспособности страны;
- обеспечение национальной безопасности;
- защита независимости и территориальной целостности,
- организация противодействия враждебной и подрывной деятельности иностранных государств.

Можно согласиться с А.М. Лушниковым, что функция обороны страны и защиты ее границ не только включает в свое содержание разработку военной доктрины и оборонной стратегии, укрепление военной мощи и повышение боеготовности национальных вооруженных сил, но предполагает и широкое задействование дипломатических, политических, экономических, а в исключительных случаях и военных средств⁵, методов и механизмов. При этом считаем необходимым привести гео-

² Так, в отечественной учебной литературе отмечают функции государства без раскрытия их содержания такие теоретики права как: Н.А. Власенко, В.Б. Венгеров, В.М. Карельский, К.Р. Мурсалимов, А.Д. Перевалов, В.Н. Протасов, Е.Н. Романенкова, А.Г. Хабибулин и др.

³ Спиридонов Л.И. Теория государства и права. М., 1995. С. 47—48.

⁴ Мелехин А.В. Теория государства и права : учебник. М.: ООО «Маркет ДС Корпорейшин», 2007. С. 106.

⁵ Лушников А.М. Теория государства и права: элементарный курс. М.: Эксмо. 2010. С. 42.

¹ Шамаров В.М. Казначейская функция государства // Вестник Дипломатической академии МИД России. Международное право. 2021. №.2 (13). С. 198.

политическую формулу известного австрийского военного теоретика Карла фон Клаузевица, позиционировавшего войну в качестве продолжения политики государства, но только другими средствами (или в иной форме). Справедливость данного постулата отчетливо прослеживается и в ходе новейшей специальной военной операции России на территории пока еще враждебной Украины.

Вместе с тем оборона страны предполагает также динамичное и проактивное (в общем смысле, упреждающее) развитие военной мысли и науки, целевую разработку и внедрение в оборонной промышленности передовых технологий в интересах наращивания массовой поставки в войска новейших и высокоэффективных образцов вооружения и военной техники. При этом приходится констатировать, что все еще наличествующий в Вооруженных Силах определенный дефицит орбитальных космических и беспилотных летательных аппаратов, надежных средств закрытой войсковой связи, станций контрбатарейной борьбы, эффективных приборов ночного видения и индивидуальной защитной экипировки был выявлен не сегодня, а почти 15 лет тому назад — в ходе военного конфликта Грузии с Россией в течение «пятидневной войны» в Южной Осетии в 2008 г.¹

В рамках *третьего этапа (разрядка международной напряженности в 1960—1990 гг.)* многие теоретики права расширили состав внешних функций государства, в перечень которых были внесены родственные по содержанию с функцией обороны страны иные функции: «поддержания мирового порядка»², «участия в урегулировании международных конфликтов»³, «обеспечения мира и международной безопасности»⁴.

¹ Теория государства и права : учебник / под ред. А.В. Малько, Д.А. Липинского. М.: Проспект, 2016. С. 68.

² Малько А.В. Теория государства и права в вопросах и ответах. М.: Юристъ, 1999. С. 49.

³ Жинкин С.А. Теория государства и права : конспект лекций. Ростов на Дону: Феникс. 2003. С. 33.

⁴ Морозова Л.А. Теория государства и права : учебник / 3-е изд. М.: Эксмо, 2009. С. 121.

Со своей стороны, полагаем, что объективной предпосылкой научного признания отечественным академическим сообществом указанной функции выступили следующие геополитические процессы: массовая деколонизация; глобальное движение за мир во всем мире; результативная международная политика и практика в области разоружения и нераспространения ОМП; мощный общественный запрос (в том числе в США) в отношении прекращения войны во Вьетнаме и боевых действий в других горячих точках.

Все вышеперечисленное *в рамках четвертого этапа (1991—2021 гг.)* оказало, по нашей оценке, значимое влияние на содержание функции обороны страны, в которой стал превалировать такой подход военной стратегии государства как достаточная военная безопасность. На последнюю в существенной степени повлияла, как мы считаем, внешняя функция обеспечения мира и международной безопасности, предложенная профессором Л.А. Морозовой в виде «справедливого и демократического по своему характеру миропорядка», подразумевающего:

— демократизацию и либерализацию международного пространства;

— борьбу с международными организованной преступностью, наркобизнесом и терроризмом;

— урегулирование межнациональных, этнополитических и межконфессиональных конфликтов;

— защиту этнических и религиозных меньшинств⁵.

Вместе с тем считаем, что ученый, с одной стороны, достаточно широко трактует названную функцию (поскольку борьба с международными преступностью и наркотрафиком относится, как нам представляется, все же к правоохранительной функции государства), а, с другой, фактически не раскрывает содержание тезиса «обеспечение мира». Между тем под последним мы понимаем практические мероприятия мирового сообщества по предотвращению агрессии, сохранению и укреплению бесконфликтного существования

⁵ Морозова Л.А. Указ. соч. С. 121—122.

различных государств; усилия наднациональных (международных, региональных), общественных и неправительственных организаций и движений за доминирование во внешней политике суверенных акторов принципов равной и неделимой безопасности, рационально-прагматичного разоружения, нераспространения ОМП и др.

Вместе с тем констатируем, что в науке наличествует и другая точка зрения. В частности, Д.В. Березовский сводит содержание указанной функции исключительно к миротворческой деятельности, «участию в урегулировании международных конфликтов по решению Совета Безопасности ООН и в соответствии с международными соглашениями»¹. Приведенная авторская трактовка явно сужает, по нашей оценке, ее содержание, поскольку внешнее кризисное урегулирование может легитимно осуществляться и на основе двусторонних межгосударственных соглашений. К примеру, указанная практика без соответствующего международного мандата свойственна новейшему миротворчеству России как в пределах бывшего СССР, так и на Ближнем Востоке.

Одновременно заслуживает внимание и то обстоятельство, что отдельные теоретики права предприняли попытку объединить функции обороны страны и обеспечения мирового правопорядка в единую функцию обороны страны, обеспечения мира и поддержания миропорядка, в которой сопряжены защита независимости и территориальной целостности государства в условиях гарантированного выполнения последним своих международных обязательств².

Кроме того, считаем уместным подчеркнуть и сомнение ряда авторов в отношении классифицирования функций государства по различным основаниям, в том числе их научное деление на внутренние и

внешние. При этом в рамках теоретической идеи о феномене международной интеграции (как мы полагаем, в ходе общемирового процесса глобализации) такие исследователи предлагают классифицировать функции государства только по одному общему или глобальному критерию. Думается, что такая авторская «универсализация» может способствовать не только исчезновению среди функций государства функции его обороны, но и сращиванию содержания функции обороны страны с политической функцией государства³.

Достаточно уникальную авторскую позицию в изложенном вопросе занимает, по нашей оценке, профессор В.И. Червонюк, интегрирующий в охранительную функцию государства как его правоохранительную функцию, так и функцию обороны страны, а также включающий в последнюю участие государства в обеспечении мирового правопорядка⁴. Все это позволяет заключить, что исследователь сформулировал новый научный подход интегративно-логического сопряжения трех самостоятельных функций государства: а) правоохранительной, б) оборонной, в) обеспечения мирового правопорядка.

Наряду с этим отметим еще одну важную особенность охранительной функции, к содержанию которой указанным автором отнесена миротворческая деятельность государства и правомочность последнего на ее осуществление как по международному мандату соответствующих органов ООН (в нашем понимании, ее Совета Безопасности, а в исключительных случаях и Генеральной Ассамблеи), так и участие в миротворческих операциях регионального уровня по решению национального правительства того или иного суверенного государства, либо правомочной региональной организации (например, ОДКБ, СНГ, ЕС, АС и др.).

¹ Березовский Л.В. Функции государства // Теория государства и права: учебник / отв. ред. А.В. Малько. М.: Кнорус, 2012. С. 52—53.

² Чашин А.Н. Теория государства и права : учебник. М.: Дело и сервис. 2008. С. 127—132; Чистяков Н.М. Теория государства и права : учебное пособие. М.: Финансовая академия при Правительстве РФ, 2010. С. 77.

³ Теория государства и права : учебник для бакалавров / В.Н. Казаков, Р.В. Казаков, Ю.Н. Туганов, В.М. Шамаров Подольск: Московский областной гуманитарный университет, 2016. С. 110.

⁴ Червонюк В.И. Теория государства и права : учебник. М.: Инфра-М, 2009. С. 121—123.

Наряду с этим заслуживают внимания научные взгляды и других теоретиков права в отношении выделения в системе функций государства не просто функции обороны, а функции обеспечения суверенитета страны.

Напомним, что проблема национального суверенитета традиционно является предметом исследований различных отраслей науки, в том числе юридической и политической. Разделяя взгляды на суверенитет с позиции дефиниции, определяющей последний как «полную независимость государства в его внутренних делах и в ведении внешней политики»¹, в то же время отметим, что в юридической науке в содержании данной политико-правовой категории обособляют государственный, национальный и народный суверенитет.

Со своей стороны, полагаем, что национальный суверенитет — это уникальное политико-правовое свойство государственной власти, связанное с абсолютным верховенством последней внутри своей страны и независимость ее внешнеполитического курса от любых других наднациональных (международных, региональных) и суверенных акторов. Именно по этой причине государственный суверенитет является основным принципом международного права и межгосударственных отношений, нормативно закрепленный как в Уставе ООН, так и иных важнейших международных политико-правовых документах мирового сообщества.

Вместе с тем считаем, что обеспечение национального суверенитета в теории государства, как правило, не рассматривается в качестве функции государства. Редким исключением можно назвать исследовательские позиции отдельных отечественных ученых (например, В.К. Цечоев, А.Р. Швандерова, В.И. Власов, Г.Б. Власова) и авторский подход профессора В.В. Оксамытного.

Так, первые теоретики права выделяют три функции (по нашему мнению, подфункции) обеспечения суверенитета: внешнего, внутреннего и собственного су-

веренитета. При этом в функцию внешнего суверенитета ими включено, как мы считаем, весьма узкое содержание — только национальная оборона (или национальная безопасность) наряду с поддержанием внешних дипломатических отношений.

В свою очередь, по мнению В.В. Оксамытного, функция защиты государственного суверенитета от внешних посягательств предполагает:

- обеспечение национальной безопасности страны;
- охрану территориальной целостности государства;
- поддержание национальных Вооруженных Сил на должном и приемлемом для страны уровне;
- организацию национальной оборонной инфраструктуры (военная промышленность, гражданская инфраструктура и др.)².

Заметим, что в указанную инфраструктуру входят как собственно военные объекты, так и объекты двойного назначения, которые могут использоваться и в военных целях (автомобильные, железнодорожные и водные пути сообщений, пункты выгрузки, порты, переправы, системы электроснабжения и связи, гражданские аэродромы, трубопроводы, ремонтные и промышленные предприятия, топливозапасники, сооружения инженерного оборудования местности и др.).

Деление функций государства на внутренние и внешние, как считают многие отечественные эксперты, носит весьма условный характер³. Такая классификация уже априори предполагает наличие функции обороны страны, а в случае вычленения в системе функций государства функции обеспечения его суверенитета, функция обороны превращается в структурный элемент вышеназванной функции или, другими словами, в ее подфункцию.

В условиях глобальной эрозии международного права, растущей межгосудар-

¹ Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1988. С. 635.

² Оксамытный В.В. Теория государства и права: учебник. М.: ИМПЭ-ПАБЛИШ, 2004. С. 234.

³ Шамаров В.М. Актуальные проблемы современной российской теории права: монография. М.: Альфа-М, 2015. С. 73.

ственной конфликтности и геополитической напряженности вследствие эгоцентричного стремления трансатлантического сообщества любыми средствами сохранять свою мировую гегемонию¹ проблема обеспечения национального суверенитета Российской Федерации приобретает исключительное значение. При этом непрекращающиеся попытки Белого Дома позиционировать США на мировой сцене в качестве «посланника Господа на земле»², а также безостановочное расширение НАТО и ее инфраструктуры на Восток, вовлечение в орбиту альянса все новых стран, в том числе постсоветских и нейтральных³, беспрецедентное санкционное и консолидированное давление Запада на Россию в военной, военно-технической политической, дипломатической, информационной, экономической, финансовой, технологической и иных сферах объективно актуализирует, как мы считаем, *концепцию суверенной государственности*.

По нашему мнению, подлинная (а не мнимая) суверенная государственность не может являться частично-фрагментарной или неполно-выборочной, а должна быть единственно абсолютной, всесторонней и всеобъемлющей.

Представляется, что суверенная государственность предполагает не только свойственные национальному суверенитету верховенство правительства и органов власти на всей территории страны и в интересах преобладающего большинства ее населения (а не малочисленной компра-

дорской политической и экономической элиты, идентифицированной Президентом России спустя всего месяц после начала спецоперации в качестве «пятой колонны или национал-предателей»⁴, подверженных влиянию групповых и родственных интересов⁵); независимость и свободу российского народа в беспрепятственном определении приоритетов и модальностей своего исторического развития; гарантированную территориальную целостность и безусловную самостоятельность во внешнеполитической сфере, но также наличие:

— стратегической и системно-целевой прагматической ориентации, фактической (а не декларируемой) способности и готовности государственного руководства на безусловное и качественное обеспечение, продвижение и защиту за рубежом национальных интересов только своей страны;

— политической, правовой, идеологической, финансовой, экономической и иной государственной самодостаточности, и самостоятельности, обеспечивающих не слепое практическое заимствование иностранных шаблонов и клише, а действительную реализацию собственных национальных интересов и приоритетов;

— соответствующих государственных возможностей и ресурсов для эффективно-оперативной защиты «граждан Российской Федерации за пределами ее территории»⁶, в том числе в ходе организации федеральным центром отечественных миротворческих операций на страновом и региональном уровнях.

Последние, по нашему мнению, могут проводиться и с целью силового прекращения геноцида, тягчайших нарушений международного уголовного и гуманитарного права, преступлений против человечности и этнических чисток⁷, в первую оче-

¹ Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», п. 7, 9, 17.

² Выступление Президента Российской Федерации на Пленарном заседании Петербургского международного экономического форума // Российская газета. 2022. 17 июня.

³ Шамаров П.В. Миротворчество скандинавских стран: национальные и блоковые интересы взаимозависимых принципов международного права // Вестник Дипломатической академии МИД России. Международное право. 2021. №1 (12). С. 6—34; Шамаров П.В. Политико-правовая парадигма миротворческой практики Польши и прибалтийских государств // Представительная власть — XXI век. 2021. № 7—8 (190-191). С. 35—43.

⁴ Воропаева Е. Путин заявил о способности россиян отличить «патриотов» от «предателей» // РБК. 2022. 16 марта

⁵ Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», п. 45

⁶ Там же. П. 40 (5).

⁷ Шамаров П.В. Об универсальности определения геноцида: на примере деятельности Международного военного трибунала в Нюрнберге

редь затрагивающих за рубежом (например, на Украине и других недружественных республиках бывшего СССР) наших соотечественников, местного русского и русскоязычного населения. В этой связи напомним, что только благодаря активному миротворчеству современной России на территории Сирии, постсоветском и постюгославском пространствах от физического уничтожения были спасены миллионы мирных жителей, созданы необходимые условия для организации общенационального диалога и налаживания постконфликтной мирной жизни.

Считаем, что именно по данной причине в Указе Президента Российской Федерации от 21 февраля 2022 г. № 71 «О признании Донецкой Народной Республики» отечественным Вооруженным Силам предписано осуществлять на территории указанного суверенного актора «функции по поддержанию мира» [п. 4]¹. Это и составляет, по словам нашего Верховного Главнокомандующего, принципиальное содержание начавшейся 24 февраля 2022 г. специальной военной операции на Донбассе (или национально-государственной миротворческой операции России), ознаменовавшей, как мы считаем, *начало пятого (новейшего) эволюционного этапа функции обороны страны* в интересах достижения заявленных целей российской спецоперации:

— силовое прекращение восьмилетнего геноцида миллионов мирных русских и русскоязычных жителей со стороны киев-

ского режима, нелегитимного с точки зрения международного права² и обладающего, по нашей оценке, идентификационными чертами антинародной хунты, ориентированной на реализацию агрессивных, русофобских и антироссийских военно-политических установок англосаксонского сообщества, затяжной вооруженный конфликт с Россией, абсолютное запрещение русских идентичности, языка, истории и культуры;

— демилитаризация или надежная нейтрализация военного потенциала Украины, к которому относим и функционирование на ее территории 46-ти американских биологических лабораторий в интересах создания устойчивых к вакцинам штаммов боевых микробов и вирусов³. Реализация указанной программы является, по нашей оценке, не только источником биологической угрозы для всего человечества, но и вопиющим нарушением Конвенции Организации Объединенных Наций от 16 декабря 1971 года «О запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении». Такие противоправные деяния должны стать, как мы считаем, предметом беспристрастного и тщательного расследования в ООН;

— денацификация или ликвидация в республике как таковой фашисткой и расистской идеологии, неонацистских организаций и праворадикальных структур, их приспешников, одиозных лидеров и главарей;

— привлечение к справедливой уголовной ответственности тех украинцев и иностранцев-наемников, кто совершил против мирного населения и российских

// Вестник Дипломатической академии МИД России. Международное право. 2021. №2 (13). С. 28—29; Шамаров П.В. Международное миротворчество и уголовное правосудие ООН: политико-правовая корреляция и подобие // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21. вып. 3. С. 350—351. О квалификации различных категорий преступлений см.: Туганов Ю.Н., Аулов В.К., Быстров П.Г. Виды приговоров суда: процессуальные требования и варианты изложения. Сер. Уголовный процесс: судебное производство. М.: Юрлитинформ, 2012.

¹ Указ Президента Российской Федерации от 21 февраля 2022 года № 71 «О признании Донецкой Народной Республики» // Российская газета. 2022. 22 февраля.

² Шамаров П.В. Об универсальности определения геноцида: на примере деятельности Международного военного трибунала в Нюрнберге // Вестник Дипломатической академии МИД России. Международное право. 2021. №2 (13). С. 14—36.

³ Ставер А. Как американцы хотят «забыть» о собственных биологических лабораториях за рубежом // Информационный мультипортал KM.RU. 2022. 20 марта / URL: www.km.ru/world/2022/03/18 (дата обращения: 22.03.2022).

граждан на Донбассе многочисленные зверские, садистские и кровавые преступления. В частности, на 1 апреля 2022 г. Следственным комитетом Российской Федерации возбуждено порядка 600 уголовных дел. При этом потерпевшими были признаны свыше 42 тыс. чел., в том числе более 7,5 тыс. несовершеннолетних¹.

В заключение отметим, что Запад крайне встревоженно воспринимает положительную динамику спецоперации России и перспективы геополитического усиления последней, что оценивается в Вашингтоне, Лондоне и Брюсселе в качестве прямой угрозы неолиберальным демократиям, пресловутым «общечеловеческим ценностям made in the USA» и самому американоцентричному миропорядку, основанному на слепом отрицании в угоду «глобальному» американскому союзеру общепринятых норм и принципов международного права, в том числе государственного суверенитета.

Таким образом, сущностное содержание функции обороны страны как в Советском Союзе, так и Российской Федерации на протяжении последнего столетия эволюционировало в течение ряда временных периодов, начало последнего из которых объективировано военной спецоперацией России на Украине, обусловившей наряду с этим и политико-правовую актуализацию изложенной выше авторской концепции суверенной государственности. При этом отечественная спецоперация завершает эпоху тридцатилетнего однополярного мирового порядка (основанного не на принципах и нормах международного права, а «кулачном праве» Запада) и неолиберального трансатлантического «мира по понятиям», возникших в результате самораспада СССР и бескровной победы США и НАТО в холодной войне.

¹ Соколов К. Следственный комитет обвинил главу Минобороны Украины в геноциде русскоязычных жителей / URL:rbc.ru/politics/01/04/2022/62457 (дата обращения: 01.04.2022). См., также: Туганов Ю.Н. Правовые основы деятельности военных судов в период военного времени и в условиях боевой обстановки // Военно-юридический журнал. 2022. № 8.

Библиография

1. Березовский, Л.В. Функции государства / Л.В. Березовский // Теория государства и права : учебник / отв. ред. А.В. Малько. — М.: Кнорус, 2012. — С. 52—53.
2. Жинкин, С.А. Теория государства и права : конспект лекций / С.А. Жинкин. — Ростов на Дону: Феникс, 2003. — 218 с.
3. Лушников, А.М. Теория государства и права: элементарный курс / А.М. Лушников. — М.: Эксмо, 2010. — 267 с.
4. Малько, А.В. Теория государства и права в вопросах и ответах / А.В. Малько. — М.: Юрист, 1999. — 297 с.
5. Мелехин, А.В. Теория государства и права : учебник / А.В. Мелехин. — М.: ООО «Маркет ДС Корпорейшин», 2007. — 633 с.
6. Морозова, Л.А. Теория государства и права : учебник; 3-е изд. / Л.А. Морозова. — М.: Эксмо, 2009. — 414 с.
7. Оксамытный, В.В. Теория государства и права : учебник / В.В. Оксамытный. — М.: ИМПЭ-ПАБЛИШ, 2004. — 563 с.
8. Спиридонов, Л.И. Теория государства и права / Л.И. Спиридонов. — М., 1995. — 301 с.
9. Теория государства и права : учебник для бакалавров / В.Н. Казаков, Р.В. Казаков, Ю.Н. Туганов, В.М. Шамаров. — Подольск: Московский областной гуманитарный университет, 2016. — 534 с.
10. Теория государства и права : учебник / под ред. А.В. Малько, Д.А. Липинского. — М.: Проспект, 2016. — 324 с.
11. Туганов, Ю.Н. Виды приговоров суда: процессуальные требования и варианты изложения. Сер. Уголовный процесс: судебное производство / Ю.Н. Туганов, В.К. Аулов, П.Г. Быстров. — М.: Юрлитинформ, 2012. — 388 с.
12. Туганов, Ю.Н. Правовые основы деятельности военных судов в период военного времени и в условиях боевой обстановки / Ю.Н. Туганов // Военно-юридический журнал. — 2022. — № 8.
13. Чашин, А.Н. Теория государства и права : учебник / А.Н. Чашин. — М.: Дело и сервис, 2008. — 591 с.
14. Червонюк, В.И. Теория государства и права : учебник / В.И. Червонюк. — М.: Инфра-М, 2009. — 703 с.
15. Чистяков, Н.М. Теория государства и права : учебное пособие / Н.М. Чистяков. — М.: Финансовая академия при Правительстве РФ, 2010. — 228 с.
16. Шамаров, В.М. Актуальные проблемы современной российской теории права : монография / В.М. Шамаров. — М.: Альфа-М, 2015. — 192 с.
17. Шамаров, В.М. Казначейская функция государства / В.М. Шамаров // Вестник Дипломатической академии МИД России. Международное право. — 2021. — № 2 (13). — С. 195—201.
18. Шамаров, П.В. Миротворчество скандинавских стран: национальные и блоковые интере-

сы взаимозависимых принципов международного права / П.В. Шамаров // Вестник Дипломатической академии МИД России. Международное право. — 2021. — № 1 (12). — С. 6—34.

19. Шамаров, П.В. Политико-правовая парадигма миротворческой практики Польши и прибалтийских государств // Представительная власть — XXI век. — 2021. — № 7—8 (190—191). — С. 35—43.

20. Шамаров, П.В. Об универсальности определения геноцида: на примере деятельности Меж-

дународного военного трибунала в Нюрнберге / П.В. Шамаров // Вестник Дипломатической академии МИД России. Международное право. — 2021. — № 2 (13). — С. 14—36.

21. Шамаров, П.В. Международное миротворчество и уголовное правосудие ООН: политико-правовая корреляция и подобие / П.В. Шамаров // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. — 2021. — Т. 21. — Вып. 3. — С. 347—353.

Военно-административное право

Дисфункции военного управления: признание проблемы

© Глухов Евгений Александрович,
кандидат юридических наук, доцент, ФГКВОУ ВО
«Военный университет имени князя Александра
Невского» Минобороны России

Аннотация. В статье анализируются дефекты военного управления, вызванные повышенной степенью воинской дисциплины и исполнительности, чрезмерной регламентацией жизнедеятельности, чрезвычайно широким спектром обязанностей и ответственности воинских руководителей, отсутствием ранжирования данных обязанностей по степени важности, отклонением функционала некоторых должностных лиц от целей существования воинского формирования. Автор выявляет негативные последствия указанных факторов для достижения главной цели военной организации, а также предлагает некоторые меры по их минимизации.

Ключевые слова: военное управление, функции управления, организационные дефекты, самостоятельность и креативность, многозадачность, миссия организации, военная безопасность, планирование и отчетность, бюрократизм, правовое регулирование, качество управления, миссия.

Dysfunctions of military administration: recognition of the problem

© Glukhov E.A.,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Prince Alexander Nevsky Military University of the
Russian Ministry of Defense

Abstract. The article analyzes the defects of military management caused by an increased degree of military discipline and diligence, excessive regulation of life, an extremely wide range of duties and responsibilities of military leaders, the lack of ranking of these duties by degree of importance, the deviation of the functionality of some officials from the goals of the existence of a military formation. The author identifies the negative consequences of these factors for achieving the main goal of the military organization, and also suggests some measures to minimize them.

Keywords: military management, management functions, organizational defects, independence and creativity, multitasking, organization mission, military security, planning and reporting, bureaucracy, legal regulation, management quality.

Главным и исходным базовым параметром системы управления являются систематизированные и легализованные законом функции государственного управления. Термин "функция" определяется как наиболее типичные, однородные и четко выраженные виды (направления) деятельности управляющего субъекта, соответствующие содержанию, которые служат интересам достижения основных целей управляющего воздействия¹.

¹ Административное право / под ред. Л.Л. Попова. М.: «Юрист», 2002. С. 18.

Но применительно к конкретной сфере деятельности — это указание на предмет деятельности, на то, что субъект делает в определенной области и что он должен представить как результат своей деятельности. В управлении — это указание на то, в какой области и что делает субъект управления — орган, его подразделения, служащие системы государственной службы².

² Бученков Г.А. [и др.]. Систематизация и электронное кодирование функций и полномочий в системе публичного управления : монография /

Функции, реализуемые в конкретных видах управленческой деятельности, должны приводить к достижению поставленных перед организацией целей. В государственном управлении функции управления производны от общих функций государства как политического образования, обеспечены его властным характером. Все функции управления должны быть регламентированы для субъекта управления нормативными правовыми актами (это происходит обычно в виде установления правомочий и обязанностей субъекта управления), известны взаимодействующим с ним лицам¹ и обеспечены ресурсами для их исполнения.

Разделение управленческого труда между органами управления происходит в форме распределения функций между ними в соответствии с общими задачами организации путем письменного наделения полномочиями должностных лиц. Такая четкая регламентация компетенций вносит элемент предсказуемости и стабильности работы системы управления, достигается единообразие и согласованность действий всех сотрудников.

В зависимости от направленности и места воздействия можно выделить внутренние и внешние функции управления или социально-организационные (влияние государственных органов на объекты управления) и внутриорганизационные (управление внутри государственного управленческого аппарата)².

под ред. И.Л. Бачило, М.А. Лапиной. М.: Юстиция, 2016. С. 135—145.

¹ К сожалению, в современной российской реальности так происходит далеко не всегда. Например, на официальном сайте Минобороны России Перечень государственных услуг (функций) Минобороны России и органов военного управления, ответственных за их оказание URL: https://mil.ru/state_services/services_and_functios.htm не приведено ни одной функции, связанной, собственно, с обороной страны и поддержанием военной безопасности военными методами (дата обращения: 24.08.2022).

² Дикажев М.М., Беженцев А.А., Шевченко И.А. Задачи и функции управления служебной деятельностью сотрудников органов внутренних дел: анализ и перспективы прогресса // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2019. Т. 30. № 2. С. 54—59.

В военном праве вполне устоявшимся считается определение военного управления как организационной, исполнительской и распорядительской деятельности специально учрежденных государством военных органов, представляющей собой целенаправленное управленческое воздействие воинские формирования по непосредственному руководству их жизнью, бытом и боевой деятельностью, в интересах успешного и эффективного решения поставленных перед ними учебных, учебно-боевых и боевых задач военными методами и средствами³.

В теории управления и административного права не сложилось единого подхода к установлению перечня функций государственного управления. В 20-е годы XX века исследователи выделяли в качестве управленческих функций целеполагание, прогнозирование, программирование, планирование, мотивацию, координацию, контроль, регулирование⁴. Современные государствоведы к управленческим функциям относят: планирование, прогнозирование, организацию, координацию, регулирование, учет, анализ, контроль⁵.

В зависимости от этапов процесса управления к общим функциям управления, как правило, относят:

1) сбор и обработку (анализ) социальной информации;

2) прогнозирование, т.е. научное предвидение изменений в развитии каких-либо явлений или процессов на основе объективных данных и достижений науки;

³ Корякин В.М., Кудашкин А.В., Фатеев К.В. Военно-административное право (военная администрация): учебник. М., 2008; Военно-административное право (Военная администрация): учебник / М. М. Баранников, О. Г. Безбабнов, П.И. Гаврюшенко [и др.]; Российский государственный университет правосудия. М.: Российский государственный университет правосудия, 2022.

⁴ Солодкая М.С. Функции управления // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. 2008. № 9. С. 49—60.

⁵ Черникова А.Е. Функции управления и их характеристика // Инновационная наука. 2016. № 4-2. С. 100—102.

3) планирование, т.е. определение направлений, целей управленческой деятельности и способов, средств достижения этих целей;

4) организацию, т.е. формирование системы управления, упорядочение управленческих отношений между субъектом и объектом управления, определение прав и обязанностей, структуры органов, организаций, подбор и расстановку кадров и т.д.;

5) регулирование или распорядительство, т.е. установление режима деятельности по достижению целей и задач управления, регулирование поведения управляемых объектов, дачу директив, указаний, предписаний и др.;

б) координацию и взаимодействие, осуществляемые для достижения общих целей управления;

7) контроль и учет, состоящие в том, чтобы установить, соответствует или не соответствует фактическое состояние объекта управления заданному состоянию¹.

Управленческие функции имеют одну очень важную особенность: взаимное проникновение друг в друга. Это значит, что, к примеру, планирование не может нормально функционировать без организации и контроля, а организация без планирования, контроля и мотивации².

Естественно, в зависимости от конкретных сфер управленческой деятельности набор функций управления также может видоизменяться как по составу, так и по этапам.

Вместе с тем, важно принимать во внимание, что любая организация, ее структура и полномочия определяются в зависимости от цели самого ее создания. Целью создания Вооруженных Сил, например, является подготовка к вооруженной защите и вооруженная защита

Российской Федерации, целостности и неприкосновенности ее территории (ст. 1 Федерального закона от 31.05.1996 № 61-ФЗ «Об обороне»).

В менеджменте основную общую цель организации, которая и является причиной ее существования, обозначается термином «миссия». Миссия не должна зависеть от текущего состояния организации, форм и методов ее работы, так как в целом она выражает устремленность в будущее, показывая, на что будут направляться усилия, и какие ценности будут при этом приоритетными. Миссия как девиз формулируется ярко и образно для доступного и однозначного восприятия и усвоения³. Управление в этом ракурсе — это как раз деятельность по организации, поддержанию и развитию организации в соответствии с ее миссией и торможению регресса во всех его проявлениях.

В широком смысле целью военного управления представляется обеспечение обороны страны, а средством достижения указанной цели является военная организация. В узком смысле цель управления любым воинским формированием — обеспечить максимальную эффективность его потенциальных возможностей при решении поставленных перед ними задач, а также поддержания надлежащего уровня его боевой готовности.

Целью применения любых воинских формирований является выполнение поставленных частных задач мирного и военного времени: поддержать надлежащий уровень боевой готовности, подготовить специалистов в военном деле, своевременно обнаружить цели, обеспечить разведывательной информацией, организовать охрану, добиться победы над противником и т.п.⁴, которые, в конечном счете, все равно производны от главной миссии — обеспечить военную безопасность государства военными методами.

¹ Систематизация и электронное кодирование функций и полномочий в системе публичного управления: монография / Г.А. Бученков, Ю.А. Головин, Д.В. Карпухин и др.; под ред. И.Л. Бачило, М.А. Лапиной. М.: Юстиция, 2016.

² Айдынов Р.Э. Функции управления // Бизнес-образование в экономике знаний. 2017. № 1. С. 4—10.

³ Шутенко Н.Д. Феномен миссии в стратегическом целеполагании российских организаций // Социологические исследования. 2008. № 5. С. 84—90.

⁴ Глухов Е.А. Специфика военного управления: правовой аспект // Военное право. 2020. № 2. С. 35—42.

Соответственно, функции любой военной организации должны быть производны от вышеуказанной миссии всей военной структуры. Вместе с тем, воинские формирования, находясь в состоянии ведения боевых действий далеко не всегда, большую часть времени они заняты повседневной деятельностью по поддержанию своей боеготовности, ввиду указанного фактора их функции также отличаются (функции мирного времени и функции в чрезвычайных режимах).

Организационная структура воинских организаций создается на основе деления всех задач на серии четко определенных должностных обязанностей и функций. Каждой должности придается ответственность за выполнение определенной задачи и предоставляется необходимый инструмент управления. В руководящих документах обязанности должностных лиц определены таким образом, что все они являются частями общей задачи военной организации¹. Таким образом, функции управления находят свое практическое применение в служебных обязанностях управленческого персонала, в зависимости от направления служебной деятельности должностного лица и его иерархического положения.

Применительно к военной сфере к функциям управления можно отнести следующие:

- а) непрерывное добывание, сбор, изучение, отображение и анализ данных об обстановке;
- б) планирование;
- в) принятие решений на проведение конкретных мероприятий
- г) доведение задач до подчиненных войск (сил);
- д) организацию и поддержание взаимодействия;
- е) подготовку войск (сил) к военным действиям и непосредственное руководство ими;

¹ Глухов Е.А., Строков С.А. Излишние элементы профессиональной подготовки военнослужащих как бюрократизация военного управления // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2014. № 11. С. 119—125.

ж) организация работы по всестороннему обеспечению войск;

з) организация контроля и оказания помощи войскам (силам).

Содержание управления войсками, по мнению генерала армии М.А. Гареева, включает:

— непрерывное добывание, обработку и анализ данных об обстановке;

— уяснение задачи, оценку обстановки и принятие решения;

— доведение задач до подчиненных командующих (командиров), органов управления и войск;

— планирование операции и организацию взаимодействия;

— непрерывное, всестороннее обеспечение войск, поддержание их в необходимой боевой и мобилизационной готовности, в высоком морально-психологическом состоянии;

— организаторскую работу в войсках (силах) по контролю и оказанию помощи в выполнении всех мероприятий по подготовке боевых действий;

— боевую подготовку войск с учетом предстоящих конкретных боевых задач;

— управление войсками в ходе боевых действий².

Совершенно верно отметил экс-министр обороны С.Б. Иванов, что способность обеспечивать управление в режиме реального времени, адекватная реакция на происходящие процессы компенсирует недостатки ранее разработанных планов и даже огрехи в боевой подготовке войск³.

Кратко рассмотрев сущность функций военного управления, далее перейдем к анализу его *дисфункций*. Термин «дисфункция» был введен в научный оборот американским социологом Робертом Мертоном и является по сути зеркальным отображением понятия «функция управления». Функциями данный ученый назы-

² Гареев М.А. Система военного управления // Военно-промышленный курьер. 2004. 28 января.

³ Иванов С.Б. Проблемы современной системы военного управления и пути ее совершенствования с учетом новых оборонных задач и изменений характера будущих войн // Военная мысль. 2004. № 5. С. 53, 55.

вал «наблюдаемые последствия, способствующие адаптации и приспособлению данной системы»; дисфункциями, напротив, «являются объективные последствия, уменьшающие адаптацию и регулировку системы»¹.

По мнению А.П. Кузнецова, под дисфункциональной деятельностью государства следует понимать «негативную деятельность аппарата государственного управления, противоречащую целям и задачам, не соответствующую объективным потребностям общества и затрудняющую реализацию его функций»².

Профессор О.С. Сухарев пишет, что под дисфункцией следует понимать функциональное расстройство, неисполнение (частичное исполнение) функций либо ситуация, когда число функций превышает достаточное для работы объекта, вследствие чего они мешают друг другу и возникает эффект неисполнения каких-то функций. Избыточное число функций не может быть выполнено в силу неравномерного распределения самого главного ресурса — времени, а также недостаточного финансового обеспечения исполнения каждой функции (особенно если они избыточны)³.

То есть если выполнение какой-либо функции приносит вред достижению заданной цели, то такого рода деятельность становится дисфункциональной. Причем дисфункциональной такого рода деятельность является и тогда, когда не все, а лишь *некоторые* из её или его последствий препятствуют другой деятельности или выполнению другой функции⁴. Ведь

структура, настроенная для рационального и эффективного достижения одной цели, может быть совершенно нерациональной и неэффективной при достижении другой цели и даже мешать её реализации⁵.

Ключевыми элементами процесса и результата дисфункционализации государственного управления обоснованно считать явления, описываемые понятиями дезорганизации и разупорядочения⁶. Согласно позиции профессора А.И. Пригожина, дезорганизация есть нарушение правил Порядка, происходящее в следующих вариантах (по нарастающей):

— расшатывание Порядка, когда границы правил становятся неопределенными и размываются, и проблематично оценить следование им или отклонение от них;

— несоблюдение Порядка, когда некоторые правила не воспринимаются средой и переходят в разряд так называемого недействительного Порядка;

— дезинтеграция Порядка, когда одни участники взаимодействия следуют правилам, а другие нет или же руководствуются другими правилами;

— противоречивость Порядка, когда одни правила исключают другие, исполнение одного правила означает или влечет нарушение другого;

— разрушение Порядка, когда он отменяется фактически, отрицается самим поведением людей⁷.

Ниже рассмотрим дисфункции, характерные для управленческих процессов именно в военной сфере.

1. Стремление к поддержанию строгой воинской дисциплины ведет к одновременному снижению уровня самостоятельности, креативности, проявлению творческой инициативы.

¹ Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ, 2006. С. 146.

² Кузнецов А.П. Теневая экономика как порождение экономических дисфункций // Государственная политика противодействия коррупции и теневой экономике в России : Материалы Всероссийской научной конференции (Москва, 06.06.2007). М., 2007. С. 376.

³ Сухарев О. С. Функциональный подход в принятии решений: дисфункция и эффективность правил и систем // Управленец. 2021. Т. 12. № 1. С. 2—17.

⁴ Социологический словарь / Н. Аберкромби, С. Хилл, Б.С. Тернер. Под общ. ред. Ерофеева С.А. М.: Экономика, 2004.

⁵ Глухов Е.А. Эффективность бюрократического управления // Военное право. 2019. № 2. С. 72—77.

⁶ Понкин И.В. Дисфункциональное государство и дисфункциональное государственное управление // Право и образование. 2015. № 3. С. 17—28.

⁷ Пригожин А.И. Дезорганизация: Причины, виды, преодоление. М., 2007. С. 15.

Какие-либо шаги подчиненного без ведома и одобрения командира в армии практически всегда не одобряются и чреватые санкциями. Исполнительность (способность действовать чётко в соответствии с требованиями приказов) в армии ценится выше рассудительности и креативного мышления. Более того, само определение воинской дисциплины в ст. 1 ДУ ВС РФ основано на безоговорочной исполнительности, строгом и точном исполнении порядка и правил, без какой-либо инициативы.

Предоставляемая самостоятельность и разумная инициатива существует в повседневной армейской деятельности больше в теории, чем в реальности, поскольку вся воинская деятельность чрезвычайно скрупулезно регламентирована¹. Декларируя на словах права сотрудников выбирать собственные пути к достижению цели, на деле руководство ждет строгого следования заранее определенному алгоритму. Каждый, кто осмеливается отклониться от намеченного пути, делает это исключительно на свой страх и риск². Самостоятельность в принципе противоположна единообразию, так насаждаемому в военной среде. За инициативное действие военнослужащего почти всегда с равным успехом и вполне законно можно поощрить, а можно и наказать, поскольку такой военнослужащий, проявляя инициативу, практически всегда отступил от требований какого-либо нормативного правового акта или приказа, инструкции или алгоритма. Даже относящееся к своей компетенции решение нижестоящий командир должен предварительно утвердить у вышестоящего, что лишним раз подчеркивает его несамостоятельность.

Основной недостаток данного стиля управления заключается в том, что формируемая привычка к послушанию, ожи-

данию команды; высокий уровень исполнительности в системе военной службы не дает подчиненному права выбора средств и методов достижения конечной цели (все они также строго регламентированы ведомственными приказами), тем самым снижая творческую инициативу подчиненных. И если в менеджменте свобода действий подчиненного считается положительным качеством, стимулирующим творческую инициативу, самостоятельность при выборе подхода в работе, и, в конечном счете, инструментом повышения внутренней мотивации сотрудника, то на военной службе данные качества если и нужны, но все равно они перевешиваются безоговорочным подчинением и воинской дисциплиной. Дисциплина для руководителя постепенно становится непосредственной целью, хотя изначально она являлась лишь средством к достижению цели.

2. Непомерное расширение границ административного регламентирования, особенно в связи с его превращением из средства управления в самоцель.

Общепризнано, что военно-служебные отношения характеризуются повышенной степенью правового регулирования, формализацией и регламентированностью всех сторон деятельности их субъектов. В сфере военно-служебных отношений нормативными правовыми актами и приказами командиров на местах регламентируются практически любые мелочи, начиная от высоты размещения бирок в служебных помещениях, заканчивая порядком пользования смартфонами³.

Установление такой детальной регламентации объясняется желанием повысить управляемость военных организаций в иерархической структуре со многими уровнями управления, унификацией и

¹ Глухов Е.А. «Военнослужащий обязан проявлять разумную инициативу...»: трудности правоприменения // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2018. № 2. С. 100—106.

² Амбайл Т.М. Как убить творческую инициативу. Креативное мышление в бизнесе / пер. с англ. М. Альпина. Бизнес Букс, 2006.

³ В соответствии с п. 1.3 ст. 7 Федерального закона от 27.05.1998 № 76-ФЗ "О статусе военнослужащих" военнослужащим запрещается иметь при себе смартфоны при выполнении обязанностей.

централизацией системы военного управления¹.

Вместе с тем, регламентация воинских отношений не тождественна решению насущных вопросов в указной сфере отношений. Как верно замечал О. Бисмарк: «Имея плохие законы и хороших чиновников, можно править, но с плохими чиновниками даже лучшие законы не помогут нам». Правовые акты должны не просто приниматься, заполнять пробелы правового поля, но еще и быть адекватными назревшей проблеме и потребностям субъектов, быть подкреплены ресурсами и, в конечном счете, исполняться правоприменителем.

В военной же сфере зачастую издание приказа уже само по себе рассматривается как решение некоей проблемы, как исчерпывающие принятые меры. Причем насколько адекватно в новом приказе указаны направления деятельности должностным лицам относительно причины, послужившей причиной для издания приказа, — данный вопрос становится далеко не главным. Главное — сам факт реакции, т.е. издание приказа в ответ на правонарушение или случившуюся ситуацию. Сам факт издания приказа будет преподноситься (и что еще опаснее — даже восприниматься старшим начальством) как адекватная работа по управлению и наведению порядка.

К примеру, увеличилась в некоем воинском формировании количество ДТП с участием военнослужащих, сразу следует приказ: «провести дополнительную работу с водителями, провести осмотр личных автомобилей, запретить эксплуатацию личных автомобилей в праздничные дни». И все это в целях предупреждения и недопущения автопроисшествий². Причем совсем не важно, что указанные требования приказа не соответствуют закону, нару-

шают права большого круга подчиненных, что командование вторгается в неслужебную сферу жизни военнослужащих...

Будут ли подобные меры к предупреждению правонарушений в долгосрочной перспективе? И существует ли прямая причинно-следственная связь между причиной, послужившей изданию приказа, и предписаниями данного приказа? Полагаю, что нет. Проиллюстрировать неадекватность данной ситуации можно на примере с ребенком, который бежал, упал, в результате разбил себе коленку. А родители в целях недопущения подобного запретили ему бегать впредь навсегда. Меры, вроде бы, приняты, но фактически полезного результата (полноценного развития) от них не будет.

К сожалению, стремление к жесткой регламентации и унификации не учитывает и специфики функционирования отдельных воинских организаций. Так, например, нужны ли общеполковые вечерние поверки в тех воинских частях, где нет военнослужащих по призыву? Есть ли смысл вызывать издалека всех офицеров воинской части после рабочего дня, чтобы снова их увидеть и соблюсти ритуал (но за привлечение к такому мероприятию в дальнейшем всему личному составу по контракту положено предоставление времени отдыха за счет служебного времени).

3. Многозадачность и широчайший спектр обязанностей всех воинских руководителей влечет отсутствие у них компетенций в некоторых непрофильных сферах своей деятельности, упущение из виду части своих функций в определенный момент времени и невозможность качественно заниматься всеми служебными вопросами одновременно.

В ст. 75—86 УВС ВС РФ приведены общие обязанности всех командиров. Указанные 12 статей Устава содержат 69 абзацев, состоящих из множества общих функций, сформулированных в достаточно общем виде, но охватывающих широчайший спектр вопросов.

Так, любой командир отвечает: за постоянную боевую и мобилизационную го-

¹ Глухов Е.А. Принципы военного права в сфере военного управления // Военное право. 2022. № 1. С. 71—82.

² Глухов Е.А., Корякин В.М. О вмешательстве командования в частную жизнь подчиненных (на примере предупреждения дорожно-транспортных происшествий с участием военнослужащих) // Военное право. 2017. № 3. С. 38—48.

товность вверенной ему воинской части (подразделения); за успешное выполнение боевых задач; за боевую подготовку, воспитание, воинскую дисциплину, морально-психологическое состояние подчиненного личного состава и безопасность военной службы; за сохранность государственной тайны; за состояние обучения и усвоения учебных дисциплин; за внутренний порядок, состояние и сохранность вооружения, военной техники и другого военного имущества; за материальное, техническое, финансовое, бытовое обеспечение и медицинское обслуживание и т.д.

Указанный перечень сфер ответственности не является исчерпывающим. В каждом военном ведомстве издаются еще множество приказов, директив, указаний и распоряжений, раскрывающих и детализирующих общие положения об обязанностях командиров из УВС ВС РФ, дополняющих этот перечень. Так, например, всего лишь одно требование «организовывать учет и хранение вооружения и военной техники; своевременно истребовать и организовывать получение, хранение и учет военного имущества, его подвоз и выдачу подчиненным; предотвращать утрату, недостачу, порчу и хищение военного имущества; привлекать виновных лиц к ответственности» затрагивает сразу несколько больших отраслей военной деятельности, указанные вопросы регламентированы более чем пятьюдесятью нормативными актами разного уровня (а ведь это всего лишь один абзац из 69, и только из раздела общих обязанностей)¹. Но кроме общих обязанностей командир любого воинского формирования исполняет должностные обязанности, объем которых не менее обширен, привлекается к исполнению специальных обязанностей.

Вместе с тем, довольно часто издание нового приказа Министра обороны Российской Федерации или иного должностного лица приводит к возложению на

должностных лиц ранее для них не предусмотренных обязанностей и еще большему увеличению их служебной нагрузки.

В дополнение ко всему этому, в соответствии с принципом единоначалия командир (начальник) наделяется всей полнотой распорядительной власти по отношению к подчиненным, на него возлагается персональная ответственность перед государством *за все стороны жизни и деятельности* воинской части, подразделения и каждого военнослужащего (ст. 33 УВС ВС РФ). Такая емкая формулировка позволяет ставить в вину командиру любого уровня любое отклонение от образцового поведения, от запланированного состояния в подчиненном воинском формировании и в деянии любого подчиненного.

Таким образом, в отличие от т.н. «гражданского» руководителя государственного или коммерческого учреждения, который не отвечает за внеслужебную деятельность своих подчиненных, чья сфера ответственности замыкается лишь на производственных факторах, воинский начальник отвечает практически «за все и вся», начиная от пыли на подоконнике, заканчивая способностью поразить цель любым из своих подчиненных, в т.ч. и за их внеслужебное поведение².

Столь широчайший объем обязанностей и возложенных задач дает возможность (при желании) найти недостатки в деятельности практически любого воинского начальника, и, следовательно, наказать его в строгом соответствии с законом³. Это, в свою очередь, порождает естественное желание уклониться от возможной ответственности со стороны подчиненных путем выстраивания неформального дружеского общения с выше-

¹ Более детально и подробно данный вопрос раскрыт в статье: Глухов Е.А. Все ли обязанности в силах выполнить командир? // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2009. № 11. С. 24—28.

² Глухов Е.А., Чукин Д.С. Допустимость вмешательства командования в личную жизнь подчиненных // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2018. № 8. С. 90—103.

³ Глухов Е.А. Формулирование оснований привлечения военнослужащего к дисциплинарной ответственности // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2012. № 12. С. 5—12.

стоящим начальством¹, налаживание коррупционных связей, а также «очковтирательство»² и представление необъективных докладов об успешности своей деятельности, сокрытие происшествий и преступлений.

Обязанности воинских руководителей должны быть достижимы, исполнимы имеющимися в их распоряжении людскими и материальными ресурсами в пределах служебного времени. Достижение одних целей управления (выполнение одних должностных обязанностей) не должно мешать достижению других либо противоречить им.

4. Отсутствие ранжирования обязанностей и задач по их важности и приоритетности.

Широчайший спектр обязанностей военнослужащих, в т.ч. военных руководителей, не ранжирован по важности, первостепенности, приоритетности или каким-либо иным критериям. Де-юре, нет обязанностей более важных или менее важных. Все они вмещаются с формулировкой «обязан» или «отвечает за», причем разбросаны по различным нормативным правовым актам, начиная с федеральных законов, заканчивая приказом командира воинской части. Обязанность по поддержанию закрепленного вооружения в исправном состоянии и обязанность иметь опрятный внешний вид размещены в одном нормативном правовом акте, сформулированы с одинаковой степенью дискреции, за невыполнение столь разных по степени вреда последствиям обязанностей может наступать одинаковая по степени тяжести ответственность. В результате главная цель военной организации легко подменяется на второстепенную (например, совершенствование воинского мастерства подменяется подготовкой к параду).

¹ Глухов Е.А., Корякин В.М. Непотизм как форма проявления коррупции в системе военной службы // Право в Вооруженных Силах — военнопредметное обозрение. 2016. № 5. С. 2—10.

² Глухов Е.А. Причины очковтирательства в докладах военных руководителей и меры по их устранению // Военное право. 2016. № 4. С. 48—57.

Учитывая широчайший спектр обязанностей и сфер ответственности, воинские руководители строго в соответствии с законодательством могут тратить временные ресурсы подчиненных на второстепенные задачи, как-то: уборка территории, разучивание гимна, выработку и оттачивание строевых приемов и т.п. И все это может происходить в ущерб главным задачам — совершенствование воинского мастерства, обучение работе на вооружении и технике, отработке боевых задач.

Многозадачность и постоянное переключение внимания с одной проблемы на другую влечет и невозможность для руководителя качественного стратегического планирования, невозможность увидеть «леса за деревьями». А авральные стиль работы, как правило, перед проверкой вышестоящего штаба определенного направления деятельности, приводит к опусканию из внимания многих других насущных вопросов жизнедеятельности.

Необходимо напомнить, что именно боевая подготовка является основным видом подготовки соединений и воинских частей и составляет основное содержание повседневной деятельности войск (сил)³. Поэтому все виды воинской деятельности военнослужащего должны, прежде всего, способствовать поддержанию высокого уровня боевой готовности и боеспособности воинского формирования, в котором он проходит военную службу. Исходя из этого, один из основных принципов организации боевой подготовки — учить войска тому, что необходимо на войне. Это направление и должно быть приоритетным в организации всей деятельности любого воинского формирования, соответственно, указанная группа обязанностей должна быть выделена в приоритетном направлении.

Иные обязанности воинских руководителей также должны быть ранжированы по степени значимости и приоритетности

³ Официальный сайт Минобороны России URL: <https://encyclopedia.mil.ru/encyclopedia/dictionary/details.htm?id=3458@morfDictionary> (дата обращения: 26.08.2022).

в целях установления единообразного подхода для организации всей воинской деятельности, в общем, и оценки деятельности каждого командира в занимаемой должности, в частности.

5. Наделение воинских должностных лиц обязанностями, не связанными с целями существования военной организации (господство структуры над функцией).

Для удобства деятельности руководства организации в воинских структурах могут вводиться должности, чей функционал никак не связан с миссией военной организации. Это, например, могут быть должности военных спортсменов для участия в соревнованиях и тренировок, должности имиджмейкеров и пиарщиков, должности, связанные с учетом ДТП на личном транспорте и т.п.

Дисфункциональный характер вышеуказанных должностей заключается в том, что эти военнослужащие, сами не выполняя военных функций, но получая за это денежное довольствие и сопутствующие льготы, размывают для других граждан границу между защитником отечества и иным работником.

Кроме того, систематически многие сотни военнослужащих назначаются нештатными дознавателями, выполняя не военную, а правоохранительную функцию по установлению состава преступлений и оформлению данного процесса документально, тем самым отвлекаясь от выполнения своих прямых обязанностей¹.

Не проведено четкого и общепринятого критерия разграничения имеющихся в воинских структурах должностей на воинские и не воинские (гражданские). В результате одни и те же должности (например, должности преподавателей юридических дисциплин военных вузов) в различных военных ведомствах могут комплектоваться военнослужащими (Росгвардия) и гражданскими сотрудни-

ками (Вооруженные Силы). Отсюда правовая неопределенность функционала такого рода должностей применительно к задачам защиты Отечества военными методами².

6. Функции планирования и контроля превалируют над самим качеством проведения мероприятий, становится самодостаточной сферой деятельности руководящих должностных лиц.

Не отрицая положительных эффектов планирования, в современной армии данный процесс зачастую осуществляется только ради письменной фиксации самой деятельности, ради будущей отчетности.

И кроме планирования мероприятий, охватывающих целые воинские части или коллективы, письменного планирования своей деятельности требуют от большинства воинских должностных лиц. Каждый офицер должен иметь личный план, а их количество, вид и детализация может перерасти в гротескную форму. Это: план на месяц, на день, на период обучения и на год, план вступления в должность, план действий по тревоге и план подготовки к инспекции, план устранения недостатков, план проведения занятия и план информирования, план обслуживания техники и план выходного дня, планы работы по направлениям деятельности и т.п.

На составление, согласование, переделку, утверждение планов тратится довольно большое количество времени, да и бумаги. Естественно, что это время можно было потратить на работу с подчиненными, на реальное изучение вооружения и техники, на повышение своего профессионального мастерства и т.д.

Стандартная процедура планирования и принятия решений зачастую, проходя все необходимые инстанции и согласования, занимает столько времени, что само решение становится уже устаревшим и ненужным. Для описания этой ситуации

¹ Глухов Е.А., Кудашкин А.В. Многописание при оформлении мелких травм военнослужащих, или бюрократизм при проведении дознания // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2017. № 3. С. 99—108.

² Глухов Е.А., Епихин И.А. Переход на новый способ комплектования юридической службы Вооруженных Сил Российской Федерации // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2010. № 3. С. 82—88.

Р.Мертон ввел специальный термин — «бюрократический ритуализм», обозначающий такую поглощенность правилами и установлениями, которая ставит под угрозу достижение первостепенных целей организации¹.

Запланировав самому себе мероприятие путем фиксации его в письменном виде и утверждения данного плана у старшего начальника, должностное лицо в дальнейшем получает трудность, связанную с корректировкой запланированного мероприятия, даже если для этого существуют объективные причины. Ведь здесь необходимо снова идти к старшему начальнику, снова утверждать у него новый план, объяснять ему причины изменений и т.д. Система такой работы становится более косной и неповоротливой.

Еще более ненужным выглядит планирование с учетом того, что у каждого должностного лица имеются письменные должностные обязанности, которые он должен исполнять вне зависимости от наличия или отсутствия у него личного плана работы. Происходит канцеляристская подмена содержания формой, бюрократическая деформация сознания должностных лиц².

Что касается контроля, то эта функция обычно предполагает проверку выполнения установленных норм. Здесь усматривается, по крайней мере, два фактора, наносящие вред повышению эффективности управления. Во-первых, нормативы обуславливают поведение, нацеленное лишь на то, чтобы выполнить некие показатели, а не усовершенствовать саму внутреннюю деятельность. Многие нормативы устанавливаются потому, что они легко поддаются учету, а не для того чтобы адекватно отражать личностные или профессиональные достижения долж-

ностных лиц³. Сам процесс отчетности в ряде случаев становится важнее планируемого положительного эффекта от мероприятия.

Во-вторых, различного рода дежурные, проверяющие, контролирующие, инспектирующие лица весьма распространены в военных структурах. Все они с различной периодичностью и в разных формах обязаны докладывать возложившему на них функцию контроля командиру о результатах своей контрольной деятельности. Но доклад о том, что в ходе контроля никаких нарушений не выявлено, также не приветствуется, т.к. при столь широком объеме обязанностей и детальной регламентации огрехи всегда найти можно. Их отсутствие в докладе с большей вероятностью будет свидетельствовать о нежелании контролирующего лица сообщать о них наверх.

Функция контроля превращается в дисфункцию, если этот контроль осуществляется лишь формально, только для отчета и показа своей бурной контрольной деятельности. Такой контроль кроме расходования материальных средств и временных ресурсов пользы не принесет.

Желание проконтролировать любые мелочи также чревато снижением качества управления. И.К. Адизес справедливо отмечает: «Как это ни парадоксально, но чем больше вы контролируете, тем больше теряете контроль. Ужесточая его, вы дробите систему на мелкие части, а при этом выявляется все больше отклонений, которые нужно контролировать. Что происходит в итоге? По мере повышения подробности контроля система становится менее гибкой — а значит, менее восприимчивой к меняющимся потребностям...»⁴.

Сказанное полностью применимо к военной сфере. Сфера командирского контроля производна от его широчайших

¹ Мертон Р. Социальная структура и аномия // Социология преступности (Современные буржуазные теории) / Пер. с фр. Е.А. Самарской. М.: «Прогресс». 1966. С. 299—313.

² Глухов Е.А. Планы ради планов ... или о содержании и объемах личного планирования // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2015. № 7. С. 104—110.

³ Осипов В.С. Система государственного управления и возникновение дисфункциональных тенденций // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2016. № 2. С. 4—12.

⁴ Адизес И.К. Идеальный руководитель: Почему им нельзя стать и что из этого следует / пер. с англ. М., 2022. С. 70.

обязанностей, а потому гораздо шире, нежели у руководителя т.н. «гражданского» учреждения. Контроль военных командиров должен охватывать все стороны жизнедеятельности подчиненных, включая поведение их в ночное время, в отпуске, за пределами военной организации, в социальных сетях, в сфере хранения государственной и иной тайны, в сфере социальных и политических прав и т.д. И естественно, что проконтролировать все сферы жизни и деятельности каждого подчиненного практически невозможно, такого рода обязанность командира изначально невыполнима в полном объеме¹. В результате, воинские руководители осуществляют функцию контроля все более формально, ориентируясь не на качество управления, а на поддержание количественных показателей направлений деятельности в нужном русле и избежание наказания.

Разница между результативностью и качеством управления заключается в том, что результативность соотносит результаты с набором индикаторов, установленным руководством организации/правительством/министерством и др. (например, «К 2024 году доля современного оружия и техники в войсках составит почти 76 процентов²). Качество управления соотносит результаты с целями или задачами управления («создание надлежащего уровня боевой готовности»). В практике управления нередки случаи, когда показатели выполняются, а поставленные цели не достигаются. Поэтому при высокой результативности может наблюдаться низкое качество управления³.

И, конечно же, деятельность по контролю за подчиненными не должна под-

менять собой всю управленческую деятельность. Контроль необходим для выявления проблем, корректировки управляющего воздействия и оказания помощи.

Перечень дисфункциональных проявлений в военных организациях не ограничивается вышеперечисленными и наверняка может быть продолжен. Однако все они не могут быть рассмотрены в рамках настоящей статьи.

Подводя итог изложенному, нужно сделать акцент на острой потребности в преодолении имеющихся дисфункций управления. Для этого необходимо:

— признать наличие дисфункций в военном управлении и подключить военную науку к их изучению, а также минимизации;

— создать адекватную систему индикаторов достижения руководителями органов военного управления их главных целей; наладить каналы обратной связи о наличии проблем в данном направлении;

— провести экспертизу характера и объема обязанностей воинских руководителей на предмет точности их формулировок и исполнимости;

— поощрять самостоятельность и разумную инициативу, нормативно определить случаи и возможности отхода от установленных алгоритмов и процедур в целях более эффективного достижения заданных целей;

— снизить количество плановых и отчетных документов, более широко переводить документооборот в электронный формат;

В заключение отметим, что дисфункции управления являются серьезным фактором торможения прогресса в организации и введения в ней современных эффективных технологий.

Библиография

1. Адизес, И.К. Идеальный руководитель: Почему им нельзя стать и что из этого следует / пер. с англ. — М.: «Альпина Паблишер», 2022. — 272 с.
2. Административное право / под ред. Л.Л. Попова. — М.: «Юристъ», 2002. — 697 с.
3. Айдынов, Р.Э. Функции управления / Р.Э. Айдынов // Бизнес-образование в экономике знаний. — 2017. — № 1. — С. 4—10.

¹ Глухов Е.А. Военный бюрократизм: будет ли кто-то с ним бороться? // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2017. № 1. С. 111—117.

² Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 21.04.2021 // Рос. газ. 2021. 21 апреля.

³ Братченко С.А. Качество государственного управления: содержание понятия // Вестн. Института экономики Российской академии наук. 2020. № 6. С. 80—94.

4. Амбайл, Т.М. Как убить творческую инициативу. Креативное мышление в бизнесе / Т.М. Амбайл / пер. с англ. — М.: «Альпина Бизнес Букс», 2006. — 228 с.
5. Братченко, С.А. Качество государственного управления: содержание понятия / С.А. Братченко // Вестник Института экономики Российской академии наук. — 2020. — № 6. — С. 80—94.
6. Бученков, Г.А. [и др.]. Систематизация и электронное кодирование функций и полномочий в системе публичного управления: монография / Г.А. Бученков / под ред. И.Л. Бачило, М.А. Лапиной. — М.: «Юстиция», 2016. — 210 с.
7. Военно-административное право (Военная администрация): Учебник / М.М. Баранников, О.Г. Безбабнов, П.И. Гаврюшенко [и др.]; Российский государственный университет правосудия. — М.: Российский государственный университет правосудия, 2022. — 449 с.
8. Глухов, Е.А. «Военнослужащий обязан проявлять разумную инициативу...» трудности правоприменения / Е.А. Глухов // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2018. — № 2. — С. 100—106.
9. Глухов, Е.А. Военный бюрократизм: будет ли кто-то с ним бороться? / Е.А. Глухов // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2017. — № 1. — С. 111—117.
10. Глухов, Е.А. Все ли обязанности в силах выполнить командир? / Е.А. Глухов // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2009. — № 11. — С. 24—28.
11. Глухов, Е.А. Допустимость вмешательства командования в личную жизнь подчиненных / Е.А. Глухов, Д.С. Чукин // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2018. — № 8. — С. 90—103.
12. Глухов, Е.А. Излишние элементы профессиональной подготовки военнослужащих как бюрократизация военного управления / Е.А. Глухов, С.А. Строков // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2014. — № 11. — С. 119—125.
13. Глухов, Е.А. Многописание при оформлении мелких травм военнослужащих, или бюрократизм при проведении дознания / Е.А. Глухов, А.В. Кудашкин // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2017. — № 3. — С. 99—108.
14. Глухов, Е.А. Непотизм как форма проявления коррупции в системе военной службы / Е.А. Глухов, В.М. Корякин // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2016. — № 5. — С. 2—10.
15. Глухов, Е.А. О вмешательстве командования в частную жизнь подчиненных (на примере предупреждения дорожно-транспортных происшествий с участием военнослужащих) / Е.А. Глухов, В.М. Корякин // Военное право. — 2017. — № 3. — С. 38—48.
16. Глухов, Е.А. Переход на новый способ комплектования юридической службы Вооруженных Сил Российской Федерации / Е.А. Глухов, И.А. Епихин // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2010. — № 3. — С. 82—88.
17. Глухов, Е.А. Планы ради планов ... или о содержании и объемах личного планирования / Е.А. Глухов // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2015. — № 7. — С. 104—110.
18. Глухов, Е.А. Принципы военного права в сфере военного управления / Е.А. Глухов // Военное право. — 2022. — № 1. — С. 71—82.
19. Глухов, Е.А. Причины очковтирательства в докладах военных руководителей и меры по их устранению / Е.А. Глухов // Военное право. — 2016. — № 4. — С. 48—57.
20. Глухов, Е.А. Специфика военного управления: правовой аспект / Е.А. Глухов // Военное право. — 2020. — № 2. — С. 35—42.
21. Глухов, Е.А. Формулирование оснований привлечения военнослужащего к дисциплинарной ответственности / Е.А. Глухов // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2012. — № 12. — С. 5—12.
22. Глухов, Е.А. Эффективность бюрократического управления / Е.А. Глухов // Военное право. — 2019. — № 2. — С. 72—77.
23. Дикажев, М.М. Задачи и функции управления служебной деятельностью сотрудников органов внутренних дел: анализ и перспективы прогресса / М.М. Дикаев, А.А. Беженцев, И.А. Шевченко // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. — 2019. — Т. 30. — № 2. — С. 54—59.
24. Иванов, С.Б. Проблемы современной системы военного управления и пути ее совершенствования с учетом новых оборонных задач и изменений характера будущих войн / С.Б. Иванов // Военная мысль. — 2004. — № 5.
25. Корякин, В.М. Военно-административное право (военная администрация): учебник. / В.М. Корякин, А.В. Кудашкин, К.В. Фатеев. — М.: За права военнослужащих, 2008. — 496 с.
26. Кузнецов, А.П. Теневая экономика как порождение экономических дисфункций / А.П. Кузнецов // Государственная политика противодействия коррупции и теневой экономике в России: Материалы Всероссийской научной конференции (Москва, 06.06.2007). — М., 2007.
27. Мертон, Р. Социальная структура и аномия // Социология преступности (Современные буржуазные теории) / Пер. с фр. Е.А. Самарской; Р. Мертон. — М.: «Прогресс», 1966. — С. 299—313.
28. Мертон, Р. Социальная теория и социальная структура / Р. Мертон. — М.: АСТ, 2006. — 873 с.

29. Осипов, В.С. Система государственного управления и возникновение дисфункциональных тенденций / В.С. Осипов // Интеллект. Инновации. Инвестиции. — 2016. — № 2. — С. 4—12.

30. Понкин, И.В. Дисфункциональное государство и дисфункциональное государственное управление / И.В. Понкин // Право и образование. — 2015. — № 3. — С. 17—28.

31. Пригожин, А.И. Дезорганизация: Причины, виды, преодоление / А.И. Пригожин. — М., 2007. — 402 с.

32. Систематизация и электронное кодирование функций и полномочий в системе публичного управления : монография / Г.А. Бученков, Ю.А. Головин, Д.В. Карпухин и др.; под ред. И.Л. Бачило, М.А. Лапиной. — М.: «Юстиция», 2016. — 210 с.

33. Солодкая, М.С. Функции управления / М.С. Солодкая // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. — 2008. — № 9. — С. 49—60.

34. Сухарев, О.С. Функциональный подход в принятии решений: дисфункция и эффективность правил и систем / О.С. Сухарев // Управление. — 2021. — Т. 12. — № 1. — С. 2—17.

35. Черникова, А.Е. Функции управления и их характеристика / А.Е. Черникова // Инновационная наука. — 2016. — № 4-2. — С. 100—102.

36. Шутенко, Н.Д. Феномен миссии в стратегическом целеполагании российских организаций / Н.Д. Шутенко // Социологические исследования. — 2008. — № 5. — С. 84—90.

Обзор предложений по совершенствованию законодательства о материальной ответственности военнослужащих

© Кириченко Николай Сергеевич,
кандидат юридических наук, специалист
Договорно-правового департамента Федеральной
службы войск национальной гвардии Российской
Федерации

Аннотация. В рассматриваемой статье приведен обзор предложений по внесению изменений в Федеральный закон «О материальной ответственности военнослужащих», которые рассматривались автором более подробно в других статьях, опубликованных в различных научных журналах.

Ключевые слова: материальная ответственность военнослужащих, юридическая ответственность военнослужащих, совершенствование законодательства.

Review of proposals to improve legislation on the financial responsibility of military personnel

© Kirichenko N.S.,
specialist of the Contract and Legal Department
Federal Service of the National Guard Troops Of the
Russian Federation

Annotation. The article in question provides an overview of proposals to amend the Federal Law "On the Material Responsibility of Military Personnel", which were considered by the author in more detail in other articles published in various scientific journals.

Keywords: material responsibility of military personnel, legal responsibility of military personnel, improvement of legislation.

Материальная ответственность представляет собой один из видов юридической ответственности, к которой могут быть привлечены военнослужащие.

Несмотря на широкое рассмотрение данной темы в научной литературе¹, по-

¹ Грищенко Л.Л., Александрова Н.Г. Материальная ответственность сотрудников органов внутренних дел и военнослужащих за ущерб, причиненный государственному имуществу: сравнительно-правовой анализ // Военное право. 2022. № 1 (71). С. 83—87; Плеганский Д.О. Зарубежная практика привлечения военнослужащих к материальной ответственности // Военное право. 2021. № 2 (66). С. 307—312; Миронов В.С., Харионов С.С. Материальная ответственность военнослужащих: практические вопросы из анализа военно-судебной практики // Военное право. 2021. № 6 (70). С. 222—228; Военное право: монография в 3 т. / под общ. ред. А.Н. Савенкова, А.В. Кудашкина. — Т. II: Современное состояние военного права (институты военного права). М.: Центр правовых коммуникаций, 2021.

прежнему имеются актуальные вопросы, подлежащие научному анализу в данном правовом институте.

В настоящей статье сделан обзор предлагаемых изменений в Федеральный закон «О материальной ответственности военнослужащих», которые более подробно рассматривались в других работах автора.

Приостановление срока привлечения военнослужащих к материальной ответственности на период судебного разбирательства по гражданскому делу по иску командира (начальника) о привлечении военнослужащего к материальной ответственности².

² Кириченко Н.С. Проблема исчисления срока давности в вопросах материальной ответственности военнослужащих // Военная мысль. 2019. № 8. С. 122—130.

Невзирая на то, что судебный порядок привлечения военнослужащих к материальной ответственности осуществляется в порядке искового производства, определенном ГПК РФ, положения об общем сроке исковой давности, предусмотренные ч. 1 ст. 196 ГК РФ, предусматривающие окончание срока в день предъявления иска в суд, на дела о привлечении к материальной ответственности не распространяются. Трехлетний срок привлечения военнослужащих к материальной ответственности является специальным и этим сроком ограничивается весь процесс привлечения военнослужащего к материальной ответственности, вплоть до момента издания приказа командиром или вынесения решения военным судом.

Вместе с тем судебная практика показывает, что срок рассмотрения гражданского дела в суде может быть умышленно «затянут» ответчиком. Например, такой срок может быть увеличен на время болезни (которая иногда симулируется) ответчика либо многочисленными ходатайствами об отложении даты рассмотрения дела под различными предлогами, путем заявления различных ходатайств (об истребовании излишних доказательств, вызове максимального количества свидетелей и т.п.).

Таким образом, считаем необходимым изменить порядок исчисления срока привлечения военнослужащих к материальной ответственности и считать днем окончания его течения день подачи командиром искового заявления в суд.

Предоставления командиру (начальнику) права направления запросов в государственные и муниципальные органы, учреждения, предприятия, организации в рамках проведения административного расследования по факту причинения ущерба¹.

Из практики деятельности военных организаций можем констатировать, что поиск военнослужащего, уволенного с во-

енной службы и привлекаемого к материальной ответственности в судебном порядке, зачастую бывает затруднительным и похож на процедуру поиска судебными приставами-исполнителями должников по решениям судов либо их имущества. Однако в отличие от судебного пристава-исполнителя, полномочия которого на осуществление такого поиска (розыска) закреплены федеральным законодательством, орган военного управления такими полномочиями не обладает.

Установить место нахождения ответчика возможно, например, через Фонд пенсионного и социального страхования Российской Федерации (при условии, если ответчик имеет официальное место работы, где производятся отчисления в фонд), через банковские организации и др. Однако без наличия соответствующих полномочий получение органом военного управления таких сведений практически невозможно. Направление запросов на основании ст. 21 УПК РФ как органом дознания будет неправомерным, так как отсутствует материал проверки по признакам состава преступления.

Кроме того, в ходе проведения административного расследования по факту причинения материального ущерба также может возникнуть необходимость в истребовании различных документов либо информации в гражданских организациях, например, в медицинских учреждениях. Отсутствие соответствующих полномочий у командира воинской части зачастую также не позволяет это сделать. И получается, что воинские части, созданные в целях обороны и безопасности государства, фактически относящиеся к государственным органам, о чем также упомянул Верховный Суд Российской Федерации в п. 4 Постановления Пленума от 29 мая 2014 г. № 8 «О практике применения судами законодательства о воинской обязанности, военной службе и статусе военнослужащих», не имеют полномочий на получение сведений и документов, необходимых для возмещения материального ущерба, причиненного государству, который может составлять значительные суммы.

¹ Александрова Н.Г., Кириченко Н.С. К вопросу о необходимости расширения полномочий руководителя органа военного управления // Военный академический журнал. 2019. № 1 (21). С. 143—145.

Об узости объема полномочий должностных лиц, проводящих административное расследование или разбирательство, также указывали О.Л. Зорин и М.Н. Бакочич. Полагаем, что если не лицо, проводящее административное расследование, то командир воинской части должен быть наделен указанными полномочиями по направлению соответствующих запросов.

Включение положений, предусматривающих возможность уменьшения стоимости имущества, которому причинен ущерб, в процессе его естественной убыли (усушки, утруски, испарения и т.п.)¹.

Положения п. 2 ст. 6 Федерального закона «О материальной ответственности военнослужащих», согласно которым размер причиненного ущерба определяется с учетом степени износа имущества по установленным на день обнаружения ущерба нормам, но не ниже стоимости лома (утиля) этого имущества, по нашему мнению, подлежат уточнению, так как кроме износа, стоимость имущества может уменьшиться в процессе его естественной убыли.

Уточнение содержания понятия «командиры (начальники)», предусматривает право привлечения военнослужащих к материальной ответственности только командирами (начальниками, руководителями и их заместителями) структурных подразделений воинских частей (организаций), наделенными правом издания письменных приказов².

В соответствии с п. 1 ст. 8 Федерального закона «О материальной ответственности военнослужащих» ущерб, размер которого не превышает одного оклада месячного денежного содержания военнослужащего и одной ежемесячной надбавки за выслугу лет (двух окладов по воинской должности военнослужащего по призыву, одного оклада по воинской должности и

одного оклада по воинскому званию гражданина, призванного на военные сборы), возмещается по приказу командира (начальника) воинской части путем удержания денежных средств из денежного довольствия военнослужащего (денежных выплат гражданину). Приказ о возмещении ущерба, причиненного командиром (начальником) воинской части, издается вышестоящим в порядке подчиненности командиром (начальником) воинской части.

Анализ положений УВС ВС РФ позволяет сделать вывод о том, что именно командир воинской части отвечает за финансово-хозяйственную деятельность воинской части и именно он имеет право издания письменных приказов, в том числе о привлечении к материальной ответственности, которые будут основанием для производства денежных удержаний, а также именно командир имеет право подписи иска в суд либо уполномочивать на это другое лицо.

Однако, к командирам структурных подразделений и их заместителям могут быть отнесены, например, командиры рот (групп) и их заместители соответственно. Тем не менее, крайне сложно представить, чтобы командир роты воинской части издавал приказ о привлечении военнослужащего к материальной ответственности, так как это не относится к его полномочиям.

Таким образом, необходимо внести изменения в ст. 2 Федерального закона «О материальной ответственности военнослужащих» в виде уточнения, что правом привлечения к материальной ответственности обладают командиры (начальники, руководители и их заместители) структурных подразделений воинских частей (организаций), наделенные правом издания письменных приказов.

Дополнение основанием для привлечения военнослужащих к полной материальной ответственности за причинение ущерба по неосторожности имуществу, вверенному на основании документа (документов), подтверждающего (подтвер-

¹ Кириченко Н.С. О некоторых вопросах материальной ответственности военнослужащих // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2020. № 5 (274). С. 17—22.

² Кириченко Н.С., Корякин В.М. Новации законодательного регулирования материальной ответственности военнослужащих // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2020. № 6 (275). С. 17—25.

ждающих) получение этого имущества, в том числе для использования¹.

Согласно абз. второму ст. 5 Федерального закона «О материальной ответственности военнослужащих» военнослужащие несут материальную ответственность в полном размере ущерба в случаях, когда ущерб причинен по неосторожности военнослужащим, которому имущество было вверено на основании документа (документов), подтверждающего (подтверждающих) получение им этого имущества для обеспечения хранения, перевозки и (или) выдачи этого имущества либо производства финансовых расчетов.

Вместе с тем указанные положения, на наш взгляд, имеют противоречия. Полагаем, что их необходимо дополнить словами «для использования», так как основная часть имущества, в том числе инвентарное, передается военнослужащим именно для его использования.

Указание срока направления по новому месту военной службы военнослужащего документов, являющихся основанием для осуществления удержаний из его денежного довольствия, в случае его перевода к новому месту военной службы².

В соответствии с абз. первым п. 3 ст. 9 Федерального закона «О материальной ответственности военнослужащих» в случае перевода к новому месту военной службы возмещение (взыскание) ущерба военнослужащим (с военнослужащего), проходящим (проходящего) военную службу по призыву или контракту, привлеченным (привлеченного) к материальной ответственности и не возместившим (возместившего) причиненный ущерб, производится по новому месту службы в соответствии с документами, являющимися основанием для привлечения военнослужащего к материальной ответственности, а также документами, подтверждающими размер оставшейся задолженности, направленными к новому месту военной службы.

Однако, в указанной правовой норме не уточнен срок направления таких документов, что на наш взгляд является недостатком. Данная неопределенность в бу-

душем может стать причиной возникновения различных вопросов и противоречий, в связи с чем целесообразно ее устранить.

Следует установить порядок привлечения военнослужащего к материальной ответственности за причинение материального ущерба имуществу, закрепленному за другим военным ведомством³.

Опыт выполнения задач в условиях вооруженного конфликта на территории Чеченской Республики и на прилегающих к ней территориях Российской Федерации, отнесенных к зоне вооруженного конфликта, с декабря 1994 г. по декабрь 1996 г., а также выполнения задач в ходе контртеррористических операций на территории Северо-Кавказского региона с августа 1999 г. показал, что иногда военнослужащими одного ведомства причинялся материальный ущерб другому ведомству (например, военнослужащими внутренних войск МВД России повреждалось имущество Минобороны России) при временном использовании имущества либо при совместном выполнении боевых задач. При этом привлечение виновного в причинении ущерба военнослужащего к ответственности регламентировано Федеральным законом «О материальной ответственности военнослужащих», так как для этого имеются все обязательные условия (ущерб причинен военнослужащим при исполнении обязанностей военной службы имуществу Российской Федерации).

Вместе с тем вопрос возмещения ущерба в случае его причинения военнослужащим одного военного ведомства имуществу другого ведомства не урегулирован. Предлагается возмещать ущерб в таких ситуациях только в судебном порядке, внося соответствующие изменения в Федеральный закон.

Установить полную материальную ответственность за причинение материального ущерба в результате утраты ин-

¹ Там же.

² Там же.

³ Кириченко Н.С. К вопросу привлечения военнослужащих к материальной ответственности при выполнении ими некоторых служебно-боевых задач // Право в Вооруженных Силах — военнопредметное обозрение. 2020. № 9 (278). С. 3—6.

формации, составляющей государственную тайну¹.

Согласно п. 7 ч. 1 ст. 243 ТК РФ (который не распространяет свое действие на военнослужащих, за исключением положений об охране семьи, материнства и детства) за разглашение сведений, составляющих охраняемую законом тайну (государственную, служебную, коммерческую или иную) работник привлекается к материальной ответственности в полном размере причиненного ущерба.

В этой связи мы полагаем, что Федеральным законом «О материальной ответственности военнослужащих» целесообразно предусмотреть наступление материальной ответственности за причинение ущерба, причиненного в результате утраты информации, составляющей государственную тайну.

Включение положений предусматривающих, что административное расследование по факту причинения ущерба в результате признания незаконным приказа командира (начальника) будет назначаться и проводиться вышестоящим командиром (начальником) по отношению к издавшему отмененный приказ², а также включение положений, предусматривающих привлечение к материальной ответственности за причинение ущерба в результате издания незаконного приказа командира (начальника) должностных лиц, действия (бездействия) которых повлекли признание такого приказа незаконным (такие положения позволят исключить существующую правовую позицию судов, согласно которой в издании незаконного приказа виновен только командир (начальник) независимо от причин отмены приказа³.

Что касается возложения на вышестоящего командира (начальника) обязанно-

сти по назначению административного расследования, то считаем, что именно вышестоящий орган военного управления может провести более беспристрастное и качественное административное расследование, ведь виновным в издании незаконного приказа об увольнении, как указывалось ранее, может быть не только какое-либо должностное лицо воинской части (организации), допустившее ошибку, но и непосредственно командир (начальник) воинской части (организации), принявший решение, о незаконности которого (решения) ему докладывалось ранее.

Кроме того, на наш взгляд, к материальной ответственности за причинение материального ущерба в результате издания незаконного приказа об увольнении с военной службы (работы, службы) должны отвечать именно виновные в этом должностные лица без констатации «презюмции виновности» командира (начальника), издавшего приказ об увольнении.

Включение положений, предусматривающих возможность привлечения к материальной ответственности за ущерб в результате отмены незаконного приказа об увольнении со службы лица, имеющего специальное звание полиции⁴.

Учитывая, что в войсках национальной гвардии Российской Федерации в подчинении командиров (начальников), имеющих статус военнослужащего, наряду с военнослужащими и гражданским персоналом, проходят службу лица, имеющие специальное звание «полиции» (сотрудники), на наш взгляд, п. 4 ст. 4 Федерального закона «О материальной ответственности военнослужащих» необходимо дополнить положениями, предусматривающими наступление (установление размера) материальной ответственности за незаконное увольнение лиц, имеющих специальные звания.

Включение положений, предусматривающих исключительно ограниченную материальную ответственность для военнослужащих за причинение ущерба в период участия в боевых действиях, выполнение ими задач в условиях чрезвычайного

¹ Кириченко Н.С. О причинении военнослужащими материального ущерба государству вследствие утраты (разглашения) информации // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2020. № 7 (276). С. 39—42.

² Кириченко Н.С. К вопросу о материальной ответственности командира (начальника) за издание незаконного приказа об увольнении // Военное право. 2020. № 5 (63) С. 107—113.

³ Там же.

⁴ Там же.

или военного положения, вооруженных конфликтов, а также участия в деятельности по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности либо пресечению международной террористической деятельности за пределами территории Российской Федерации, за исключением случаев причинения ущерба в результате деяния, признанного преступлением вступившим в законную силу приговором суда¹.

По нашему мнению, участие военнослужащих в боевых действиях, выполнение ими задач в условиях чрезвычайного или военного положения, вооруженных конфликтов, а также участие в деятельности по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности либо пресечению международной террористической деятельности за пределами территории Российской Федерации, целесообразно считать смягчающим обстоятельством, в случае причинения ущерба воинской части (организации) при участии в указанных мероприятиях, в том числе предусматривающими исключительно ограниченную материальную ответственность, за исключением случаев причинения ущерба в результате деяния, признанного преступлением вступившим в законную силу приговором суда.

Наряду с предлагаемыми изменениями в Федеральный закон «О материальной ответственности военнослужащих» предлагается внести изменения в Бюджетный кодекс Российской Федерации в целях устранения противоречий, возникающих между указанным кодексом и Федеральным законом «О материальной ответственности военнослужащих» в части, касающейся отсутствия в Бюджетном кодексе правовых оснований для признания некоторых денежных сумм безнадежными к взысканию, которые предусмотрены Федеральным законом «О материальной ответственности военнослужащих»².

¹ Кириченко Н.С. О некоторых вопросах материальной ответственности военнослужащих // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2020. № 5 (274). С. 17—22.

² Корякин В.М., Кириченко Н.С. О противоречиях между Бюджетным кодексом Российской Федера-

Библиография

1. Александрова, Н.Г. К вопросу о необходимости расширения полномочий руководителя органа военного управления / Н.Г. Александрова, Н.С. Кириченко // Военный академический журнал. — 2019. — № 1 (21). — С. 143—145.
2. Военное право: монография в 3 т. / под общ. ред. А.Н. Савенкова, А.В. Кудашкина. — Т. II: Современное состояние военного права (институты военного права). — М.: Центр правовых коммуникаций, 2021. — 888 с.
3. Грищенко, Л.Л. Материальная ответственность сотрудников органов внутренних дел и военнослужащих за ущерб, причиненный государственному имуществу: сравнительно-правовой анализ / Л.Л. Грищенко, Н.Г. Александрова // Военное право. — 2022. — № 1 (71). — С. 83—87.
4. Кириченко, Н.С. К вопросу о материальной ответственности командира (начальника) за издание незаконного приказа об увольнении / Н.С. Кириченко // Военное право. — 2020. — № 5 (63) — С. 107—113.
5. Кириченко, Н.С. К вопросу привлечения военнослужащих к материальной ответственности при выполнении ими некоторых служебно-боевых задач / Н.С. Кириченко // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2020. — № 9 (278). — С. 3—6.
6. Кириченко, Н.С. Новации законодательного регулирования материальной ответственности военнослужащих / Н.С. Кириченко, В.М. Корякин // Право в Вооруженных силах — военно-правовое обозрение. — 2020. — № 6 (275). — С. 17—25.
7. Кириченко, Н.С. О некоторых вопросах материальной ответственности военнослужащих / Н.С. Кириченко // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2020. — № 5 (274). — С. 17—22.
8. Кириченко, Н.С. О причинении военнослужащими материального ущерба государству вследствие утраты (разглашения) информации / Н.С. Кириченко // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2020. — № 7 (276). — С. 39—42.
9. Кириченко, Н.С. Проблема исчисления срока давности в вопросах материальной ответственности военнослужащих / Н.С. Кириченко // Военная мысль. — 2019. — № 8. — С. 122—130.
10. Корякин, В.М. О противоречиях между Бюджетным кодексом Российской Федерации и Федеральным законом «О материальной ответственности военнослужащих» / В.М. Корякин, Н.С. Кириченко // Вестник военного права. — 2019. — № 4. — С. 22—25.
11. Миронов, В.С. Материальная ответственность военнослужащих: практические вопросы из анализа военно-судебной практики / В.С. Миронов, _____ и Федеральным законом «О материальной ответственности военнослужащих» // Вестник военного права. 2019. № 4. С. 22—25.

С.С. Харионов // Военное право. — 2021. — № 6 (70). — С. 222—228.

12. Плеганский, Д.О. Зарубежная практика привлечения военнослужащих к материальной от-

ветственности / Д.О. Плеганский // Военное право. — 2021. — № 2 (66). — С. 307—312.

Понятие правового регулирования деятельности войск национальной гвардии Российской Федерации, его пределы и принципы

© Сибгатуллин Фархад Саегалиевич,
адъюнкт Санкт-Петербургского военного ордена
Жукова института войск национальной гвардии
Российской Федерации.

Аннотация. В статье проанализированы определения понятий «правовое регулирование», «пределы правового регулирования», «принципы правового регулирования». Предложен авторский вариант определения понятия правовое регулирование деятельности Росгвардии. В статье рассмотрены основные принципы правового регулирования, а также дается определение пределов правового регулирования деятельности войск национальной гвардии Российской Федерации. Отмечается, что принципы правового регулирования могут выступать в качестве средств обеспечения беспрепятственности права.

Ключевые слова: войска национальной гвардии, правовое регулирование, пределы правового регулирования, принципы правового регулирования

The concept of legal regulation of the activities of the National Guard troops of the Russian Federation, its limits and principles

© Sibgatullin F.S.,
Associate of the St. Petersburg Military Order of
Zhukov Institute of the National Guard of the
Russian Federation

Abstract: The article analyzes the definitions of the concepts "legal regulation", "limits of legal regulation", "principles of legal regulation". The author's version of the definition of the concept of legal regulation of the activities of Rosgvardiya is proposed. The article discusses the basic principles of legal regulation, and also defines the limits of legal regulation of the activities of the National Guard troops. It is noted that the principles of legal regulation act as a means of ensuring the lawlessness.

Keywords: National Guard troops, legal regulation, limits of legal regulation, principles of legal regulation

На всех исторических этапах развития человеческого общества регуляторами общественных отношений выступают различные виды социального регулирования.

Система социального регулирования включает в себя нормативные и ненормативные регуляторы, способы и средства социального регулирования, а также сам объект регулирования, представленный общественными отношениями. К ненормативным регуляторам можно отнести стереотипы, стимулы, директивы, ценности, социальные роли и др. Нормы морали,

права, традиции и обычаи представляют собой нормативные регуляторы.

Особое место в системе социального регулирования занимает правовое регулирование, основным средством которого выступают нормы права. Понятие «правовое регулирование» является фундаментальной научной категорией, посредством которой осуществляется понимание процессов, происходящих в обществе и государстве. Данное понятие сочетает в себе такие категории, как пределы правового регулирования, принципы, правовой режим, механизм правового

регулирования, способы регулирования и др.

Следует отметить, что норма права хотя и основное, однако не единственное средство воздействия правового регулирования на поведение людей. Средствами регулирования выступают также индивидуальные предписания, властные веления, различные меры государственного принуждения и т.д.¹

В советский период развития юридической науки сформировалось несколько подходов относительно понятия «правовое регулирование», где наиболее популярными являются узкий и широкий подходы. Разграничение широкого и узкого подходов осуществляется, как правило, по предмету и средствам воздействия на общественные отношения.

В контексте широкого подхода под правовым регулированием понимаются «все формы воздействия права, осуществления правовых предписаний в конкретных действиях субъектов права, обеспечение исполнения всех предписаний, то есть само правомерное поведение, а также всё то, что создаёт основу и предпосылку для такого поведения и обеспечивает его»². Аналогичной точки зрения придерживался В.Г. Смирнов, который рассматривал правовое регулирование «в «широком смысле слова, куда относит все способы воздействия права на общественные отношения»³.

Представители узкого подхода «правового регулирования» считают, что его необходимо отличать от правового воздействия, поскольку предмет последнего шире и включает общественные отношения, которые урегулированы не только нормами права⁴. С.С. Алексеев с позиций узкого подхода считал, что правовое регулирование

отличается от других форм правового воздействия благодаря тому, что оно осуществляется для достижения целей, содержащихся в законодательном акте с помощью использования юридических средств⁵.

В правовом регулировании можно выделить ряд существенных признаков:

— носит государственно-властный характер;

— осуществляется посредством мер государственного принуждения;

— воздействует на общественные отношения;

— осуществляется с помощью юридических средств;

— обладает высокой степенью гарантированности.

Из анализа имеющихся в юридической литературе определений «правовое регулирование» можно рассматривать как обеспеченное государством сознательное нормативное правовое воздействие на общественные отношения, призванное регулировать поведение людей путем установления субъективных прав и возложения обязанностей, осуществляемое с помощью юридических средств с целью достижения целей, содержащихся в законодательном акте. В данном определении перечислены обязательные для правового регулирования телеологический, деятельностный и инструментальные компоненты данного понятия.

Предмет правового регулирования составляют только те общественные отношения, которые по своему характеру подвержены нормативному организационному воздействию и требуют правового регламентирования.

Несомненно, что в современной российской действительности, эффективное функционирование любого государственного органа невозможно без соответствующего информационного, материально-технического, кадрового и правового обеспечения. Росгвардия, как государственный орган правоохранительной направленности в

¹ Алексеев С.С. Восхождение к праву. Поиски и решения. М., 2001. С. 316.

² Пиголкин А.С. Формы реализации норм общенародного права // Сов. государство и право. 1963. № 6. С. 26.

³ Смирнов В.Г. Функции советского уголовного права. Л., 1965. С. 24.

⁴ Малько А.В. Механизм правового регулирования // Правоведение. 1996. № 6. С. 55.

⁵ Алексеев С.С. Право. Опыт комплексного исследования. М., 1999. С. 348.

этой связи также не является исключением.

Следует отметить, что правовое регулирование Росгвардии на этапе реформирования системы правоохранительных органов Российской Федерации в отечественной юридической науке является теоретико-правовой и практической проблемой. Несмотря на то, что с момента создания Росгвардии, прошло уже более пяти лет, в отечественной юридической науке отдельные аспекты правового регулирования деятельности войск национальной гвардии Российской Федерации в настоящее время разработаны недостаточно, а некоторые сферы находятся за пределами научного анализа.

Необходимо отметить, что правовое регулирование в сфере деятельности войск национальной гвардии имеет определенную динамику. Так, в практике деятельности войск национальной гвардии с одной стороны, можно выделить общественные отношения, которые не урегулированы нормами права, а с другой стороны, имеются общественные отношения, необходимость которых в правовом регулировании в настоящее время уже отпала.

Для становления и развития нормативной правовой базы Росгвардии исследование понятия пределов правового регулирования деятельности войск национальной гвардии имеет важное теоретическое и прикладное значение, и в условия формирования правового государства является особенно актуальной.

В контексте пределов правового регулирования деятельности войск национальной гвардии наиболее остро стоит проблема соотношения пределов законодательного и ведомственного правового регулирования.

Определение пределов правового регулирования деятельности Росгвардии усложняется тем обстоятельством, что в настоящее время в теории государства и права не сформировалось единой точки зрения относительно самого понятия «пределов правового регулирования». Ряд

ученых-правоведов считают, что под пределами правового регулирования следует понимать некую линию разграничения, которая отделяет сферу правового от неправового, обозначая пределы влияния права на сознание личности и его деяния. Другие же авторы считают, что пределы правового регулирования представляют собой обусловленные объективными и субъективными факторами границы государственного вмешательства в общественные отношения, осуществляемое посредством использования норм права.

Исходя из анализа имеющихся в юридической литературе определений, пределы правового регулирования деятельности Росгвардии можно определить, как детерминированный естественно-природными, социальными и субъективными факторами границы государственно-властного воздействия на основе норм права на общественные отношения, возникающие в результате деятельности Росгвардии по обеспечению государственной и общественной безопасности, защиты прав и свобод человека и гражданина.

На современном этапе государственного развития совершенствование нормативной правовой базы, регламентирующей деятельность Росгвардии, должно осуществляться в соответствии с принципами правового регулирования, в связи с чем возникает необходимость точного определения и классификации наиболее важных принципов правового регулирования деятельности войск национальной гвардии. Внедрение их в правотворческую практику позволит повысить эффективность работы как войск национальной гвардии, так и всей системы правоохранительных органов государства¹.

Принципы правового регулирования выступают в качестве основополагающих

¹ Военное право : монография в 3 т. / под общ. ред. А.Н.Савенкова, А.В. Кудашкина. — Т. III: Основные проблемы и перспективные направления военно-правовых исследований. М.: Центр правовых коммуникаций, 2022.

нормативных правовых начал правоприменительной деятельности и помогают военнослужащим и сотрудникам Росгвардии принимать верные решения в условиях пробельности права. В данном случае принципы правового регулирования выступают средствами обеспечения беспробельности права.

Принципы правового регулирования деятельности Росгвардии можно условно разделить на две группы: общие и частные. К общим принципам можно отнести принципы, которые характерны для правового регулирования деятельности всех государственных органов, частные же присущи лишь правовому регулированию деятельности правоохранительных органов, в том числе и Росгвардии.

В современных социально-политических и экономических условиях важным фактором в деятельности Росгвардии должно стать обеспечение приоритета закона в правовом регулировании деятельности войск национальной гвардии, поскольку законом регулируются наиболее важные отношения между государством, обществом и личностью. В связи с этим важную роль в правовом регулировании играет Конституция Российской Федерации, которая содержит в себе основные принципы организации и функционирования механизма государства, элементом которого являются и войска национальной гвардии.

Следует отметить, что в Конституции Российской Федерации не указана система федеральных органов исполнительной власти и не определен исчерпывающий перечень правоохранительных органов. Однако же, положения Конституции Российской Федерации косвенно содержат конституционные основы деятельности государственных органов исполнительной власти, включая войска национальной гвардии, которые детализируются в требованиях действующего законодательства. В связи с этим конституционно-правовые основы деятельности Росгвардии в государственном механизме реализации правоохранительной функции государства

занимают первоочередное значение.

Следует отметить, что с момента создания была проведена большая работа по формированию и укреплению правовой базы деятельности войск национальной гвардии по обеспечению государственной и общественной безопасности, защиты прав и свобод человека и гражданина¹.

В настоящее время значительная часть общественных отношений, относящихся к предмету правового регулирования деятельности Росгвардии, нашли свое отражение в законодательных актах Российской Федерации. Одним из основных законов, регулирующих деятельность войск национальной гвардии, является Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации», положения которого в целом соответствуют современным требованиям правового государства.

Порядок поступления на службу гражданских государственных служащих и предъявляемые к ним требования определяются Федеральным законом от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации». Но следует отметить, что указания на это в Законе о национальной гвардии не содержится, в отличие, например, от ч. 2 ст. 2 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342 -ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Статус военнослужащих войск национальной гвардии определяется в Федеральном законе от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ. «О статусе военнослужащих».

Подзаконные акты детализируют и конкретизируют требования норм законов относительно деятельности войск национальной гвардии, выступая при этом средством реализации законодательных норм. Здесь необходимо отметить такие нормативные правовые акты, как Указ Президента Российской Федерации от 5 апреля

¹ Холиков И.В., Бабайцева Е.С. Некоторые вопросы правового регулирования медицинского обеспечения войск национальной гвардии Российской Федерации // Военное право. 2020. № 2(60). С. 78—86.

2016 г. № 157 «Вопросы Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации», Указ Президента Российской Федерации от 30 сентября 2016 № 510 «О Федеральной службе войск национальной гвардии Российской Федерации», Указ Президента Российской Федерации от 10 ноября 2007 г. № 1495 «Об утверждении общевоинских уставов Вооруженных Сил Российской Федерации».

Следует также отметить, что полномочия военнослужащих и сотрудников Росгвардии, направления деятельности, цели и задачи, стоящие перед войсками национальной гвардии в целом ограничены законом. В настоящее время издаваемые в Росгвардии правовые акты преимущественно носят нормативный характер, посредством которых осуществляется реализация целей, задач и функций войск национальной гвардии, как федерального государственного органа в установленной сфере деятельности. Данные нормативные правовые акты в первую очередь нацелены на внешнюю сферу правоприменительной деятельности Росгвардии и связаны с обеспечением безопасности личности, общества и государства и с профилактикой правонарушений.

Кроме того, в ведомственных нормативных правовых актах Росгвардии конкретизируются задачи, компетенция и ответственность военнослужащих, сотрудников и гражданского персонала войск национальной гвардии в контексте внутрисистемных субординационных отношений, а также в рамках внесистемного взаимодействия с другими субъектами правоохранительных органов государства.

Также ведомственные нормативные правовые акты устанавливают для военнослужащих, сотрудников и гражданского персонала специальные полномочия и обязанности, запреты и ограничения при осуществлении правоохранительной деятельности.

Как правило, ведомственные нормативные правовые акты конкретизируют и детализируют, а также обеспечивают исполнение требований

положений нормативных актов, обладающих высшей юридической силой, а также осуществляется правоприменительная деятельность войск национальной гвардии с целью издания индивидуальных актов.

Современное состояние правового регулирования деятельности войск национальной гвардии характеризуются отсутствием руководящих документов, регламентирующих работу отдельных подразделений по различным направлениям деятельности, а также отсутствием нормативных правовых актов, регулирующих взаимодействие Росгвардии с другими государственными органами для решения задач по предназначению. Данное обстоятельство обусловлено, по нашему мнению, тем, что Росгвардия в настоящее время все еще находится на этапе своего становления.

Таким образом, проблемы правового регулирования общественных отношений, в контексте деятельности Росгвардии в настоящее время требуют внимания со стороны научного сообщества, а также пересмотра таких научных категорий как «правовое регулирование», «пределы правового регулирования», «принципы правового регулирования».

Изучение проблем правового регулирования сферы деятельности войск национальной гвардии обусловлено социальными условиями и потребностями общества и государства и должно осуществляться с целью совершенствования и оптимизации нормотворческой практики, что в свою очередь способствует повышению эффективности деятельности правоохранительного органа и решению задач по предназначению.

Библиография

1. Алексеев, С.С. Восхождение к праву. Поиски и решения / С.С. Алексеев. — М., 2001.
2. Алексеев, С.С. Право. Опыт комплексного исследования / С.С. Алексеев. — М., 1999.
3. Военное право: монография в 3 т. / под общ. ред. А.Н. Савенкова, А.В. Кудашкина. — Т. III: Основные проблемы и перспективные направления военно-правовых исследований. — М.: Центр правовых коммуникаций, 2022. — 712 с.

4. Малько, А.В. Механизм правового регулирования / А.В. Малько // Правоведение. — 1996. — № 6.

5. Пиголкин, А.С. Формы реализации норм общенародного права / А.С. Пиголкин // Сов. государство и право. — 1963. — № 6.

6. Смирнов, В.Г. Функции советского уголовного права / В.Г. Смирнов. — Л., 1965.

7. Холиков, И.В. Некоторые вопросы правового регулирования медицинского обеспечения войск национальной гвардии Российской Федерации / И.В. Холиков, Е.С. Бабайцева // Военное право. — 2020. — № 2(60). — С. 78—86.

Обзор нормативно-правового регулирования подходов к оценке состояния дисциплины в судебском корпусе и воинской дисциплины в Вооруженных Силах Российской Федерации

© Туганов Юрий Николаевич,
доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра исследования проблем правосудия Российского государственного университета правосудия; профессор Российской таможенной академии, заслуженный юрист Российской Федерации, академик РАЕН

© Аулов Владимир Константинович,
кандидат юридических наук, доцент, судья в отставке

Аннотация. В статье авторы исследуют нормативно-правовое регулирование подходов к оценке состояния дисциплины в судебском корпусе и воинской дисциплины в Вооруженных Силах Российской Федерации. Методика оценки состояния дисциплины в судебском сообществе излагается как иллюстрация эффективно функционирующей модели оценки состояния корпоративной дисциплины. Основным принцип построения указанной модели – прямое участие профессионального сообщества в формировании механизма оценки состояния дисциплины – мог бы быть взят за основу совершенствования нормативно-правового регулирования подходов к оценке состояния дисциплины в войсках с поправкой на единоначалие, как основной принцип строительства Вооруженных Сил, руководства ими и взаимоотношений между военнослужащими.

Ключевые слова: судебная система, вооруженные силы, оценка дисциплины, оценка состояния воинской дисциплины, судьи, военнослужащие.

Review of regulatory and legal regulation of approaches to assessing the state of discipline in the judicial corps and military discipline in the Armed Forces of the Russian Federation

© Tuganov Yu.N.,
Chief Researcher of the Center for the Study of Problems of Justice, Professor of the Department of Organization of Judicial and Law Enforcement Activities of the Russian State University of Justice, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences

© Aulov V.K.,
retired judge, Candidate of Law, Associate Professor, Honored Lawyer of the Trans-Baikal Territory

Abstract. In the article, the authors investigate the regulatory and legal regulation of approaches to assessing the state of discipline in the judicial corps and military discipline in the Armed Forces of the Russian Federation. The methodology for assessing the state of discipline in the judicial community is presented as

an illustration of an effectively functioning model for assessing the state of corporate discipline. The basic principle of the construction of this model – the direct participation of the professional community in the formation of a mechanism for assessing the state of discipline – could be taken as a basis for improving the regulatory regulation of approaches to assessing the state of discipline in the military, adjusted for unity of command, as the basic principle of the construction of the Armed Forces, their leadership and relationships between military personnel.

Keywords: judicial system, armed forces, discipline assessment, assessment of the state of military discipline, judges, military personnel.

В своей основе оценка состояния воинской дисциплины в Вооруженных Силах Российской Федерации основывается на сформулированной еще в Советском Союзе двухбалльной системе оценок «удовлетворительно» — «неудовлетворительно». Данный подход подвергается критике большей частью по причине отсутствия промежуточных оценок.

На первый взгляд, дифференциация оценки состояния такого сложного и многоаспектного явления, как воинская дисциплина всего по двум антагонистическим критериям представляется явно недостаточной. Ряд профессионалов ориентируется на поиск более совершенной модели оценки состояния правопорядка и воинской дисциплины. Предлагаются новые варианты решения задачи по поддержанию и укреплению воинской дисциплины на основе глубокого теоретического осмысления истинных причин, влияющих на основные параметры анализируемого явления¹.

В идеале такая модель должна быть универсальной в смысле возможности сравнения, адаптивной в смысле потенциала модернизации и объективной в смысле градации шкалы измеримости. Как прави-

ло эталонный вариант модернизации оценки состояния воинской обязательно включает и дополнительную градацию шкалы измеримости².

Следует отметить, что в других ведомствах при оценке дисциплины отказались от столько ограниченного и категоричного противопоставления возможных результатов административно-юрисдикционной деятельности по укреплению законности, правопорядка и (или) корпоративной этики.

Так, в соответствии со ст. 12.1 Закона Российской Федерации от 26 июня 1992 г. № 3132-I «О статусе судей в Российской Федерации» за совершение дисциплинарного проступка, то есть за совершение виновного действия или бездействия в результате которого были нарушены положения указанного Закона и (или) Кодекса судейской этики на судью может быть наложено дисциплинарное взыскание в виде: 1) замечания, 2) предупреждения, 3) понижения в квалификационном классе, 4) досрочного прекращения полномочий судьи³.

При этом дисциплинарная ответственность судьи наступает безотносительно того, совершен дисциплинарный проступок при исполнении служебных обязанностей либо во внеслужебное время. Состав дисциплинарного проступка судьи всегда является материальным. Юридическая ответственность наступает только лишь в

¹ См., напр.: Ичитовкин С.С. Состояние правопорядка и воинской дисциплины в войсках национальной гвардии Российской Федерации. Основные причины проявления правового нигилизма и инфантилизма у военнослужащих войск национальной гвардии Российской Федерации // Направления и перспективы развития образования в военных институтах войск национальной гвардии Российской Федерации : Сб. науч. ст. VIII Межвуз. науч.-практ. конф. с межд. участ. Новосибирск, 2017. С. 371—376; Мальцев Л.С. Деятельность органов военного управления по поддержанию и укреплению воинской дисциплины : автореф. дис. ... канд. социол. наук: 22.00.08. М., 1999 и др.

² Рытенок С.Ф. Актуальные проблемы совершенствования методики оценки состояния правопорядка и воинской дисциплины в Вооруженных Силах Российской Федерации // Научно-методический бюллетень Военного университета МО РФ. 2022. № 1. С. 83—96.

³ За исключением судьи Конституционного Суда Российской Федерации.

случае, если результатом стало умаление авторитета судебной власти и причинение ущерба репутации судьи (в том числе вследствие грубого нарушения прав участников процесса).

Однако такой вид диапазон измерений общественной опасности дисциплинарных проступков судей приобрел далеко не сразу.

Это произошло только лишь в 2018 г. — после вступления в силу Федерального закона от 29 июля 2018 г. № 243-ФЗ «О внесении изменений в Закон Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» и Федеральный закон «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации».

В исходной редакции Федерального закона от 15 декабря 2001 г. № 169-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» названная выше статья Закона Российской Федерации предусматривала два вида дисциплинарных взысканий: предупреждение и досрочное прекращение полномочий судьи. Данный факт позволяют провести (пусть во многом и условную) аналогию с существующим в настоящее время нормативно-правовым регулированием механизма оценки состояния воинской дисциплины в Вооруженных Силах Российской Федерации.

Через 12 лет после вступления Закона Российской Федерации в силу — в 2013 г. — нижний предел измерений общественной опасности дисциплинарного проступка был сдвинут. Перечень дисциплинарных взысканий, налагаемых на судью за его совершение, был дополнен замечанием¹.

Следует отметить, что построение сбалансированной шкалы измеримости дисциплинарных взысканий в судейской корпорации стало результатом большой аналитической работы Конституционного и Верховных судов Российской Федера-

ции. Значительный вклад в гармонизацию линейки оценки дисциплинарных проступков принадлежит правоприменительной практике Дисциплинарного судебного присутствия — специального судебного органа Российской Федерации, который действовал с 2010 по 2014 годы². В этот период Дисциплинарное судебное присутствие рассматривало дела по жалобам граждан, судейские полномочия которых досрочно прекращены решением Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации или решением квалификационной коллегии судей субъекта Российской Федерации за совершение ими дисциплинарных проступков на указанные решения квалификационных коллегий судей³.

Немаловажную роль в модернизацию института дисциплинарной ответственности судей сыграли также и органы судейского сообщества. Этот важнейший институт обеспечения независимости судей на

² См. об этом: Еремина С.Н., Джаникян М.В. Правовая природа Дисциплинарного судебного присутствия: проблемы взаимодействия трудового и гражданского процессуального права // Арбитражный и гражданский процесс. 2011. № 6. С. 2—6; Туганов Ю.Н., Аулов В.К. Краткий правовой анализ основных новелл проекта Федерального конституционного закона «О Дисциплинарном судебном присутствии» // Вестник Забайкальского государственного университета. 2009. № 6 (57). С. 99—105; Юдин А.В. Процессуальные аспекты функционирования дисциплинарного судебного присутствия // Вестник Высшего арбитражного суда Российской Федерации. 2010. №2. С. 40—46; и др.

³ П. 1 ч. 1 ст. 6 Федерального конституционного закона от 9 ноября 2009 г. № 4-ФКЗ «О Дисциплинарном судебном присутствии» (Утратил силу). Кроме того, Дисциплинарное судебное присутствие рассматривало обращения Председателя Верховного Суда Российской Федерации или Председателя Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации о досрочном прекращении полномочий судей за совершение ими дисциплинарных проступков в тех случаях, когда Высшей квалификационной коллегией судей Российской Федерации или квалификационными коллегиями судей субъектов Российской Федерации отказано в удовлетворении представлений председателей федеральных судов о прекращении полномочий судей за совершение ими дисциплинарных проступков (п. 2 ч. 1 той же статьи названного выше Закона).

¹ Изменения были внесены Федеральным законом от 2 июля 2013 г. № 179-ФЗ «О внесении изменений в Закон Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации».

практике доказал свою способность позитивного влияния на организационно-функциональные параметры судебной системы, включая блокирование процедуры привлечения судей к уголовной ответственности.

Например, уголовное дело в отношении судьи Верховного Суда Российской Федерации, кассационного суда общей юрисдикции, апелляционного суда общей юрисдикции, верховного суда республики, краевого или областного суда, суда города федерального значения, суда автономной области и суда автономного округа, федерального арбитражного суда, военного суда, районного суда, мирового судьи не может быть возбуждено без согласия Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации¹.

Решение же, принятое квалификационной коллегией судей по указанному вопросу, может быть обжаловано в судебном порядке либо в Высшую квалификационную коллегию судей Российской Федерации (в отношении решений квалификационных коллегий судей субъектов Российской Федерации) только лишь лицом, в отношении которого оно принято, а иными лицами — исключительно при наличии у них прямой заинтересованности².

Таким образом, возможность ревизии решения квалификационной коллегии судей об отказе в привлечении к дисциплинарной (уголовной) ответственности сведена к минимуму. Порядок обжалования решения в связи с необходимостью наложения более строгого дисциплинарного взыскания ограничен по кругу лиц.

Все перечисленное свидетельствует о признании законодателем за статусными сообществами права самостоятельно устанавливать внутренние регламенты оценки соответствия поведения своих членов не только корпоративным предписаниям (включая этические), но и общепринятым

правилам поведения. Другое дело, что далеко не всем профессиональным сообществам такое полномочие делегировано.

Специальная процедура привлечения к юридической ответственности судей и прямое участие в ней органов судейского сообщества (а, значит и участие в общей оценке состояния дисциплины судейского корпуса) закреплены в законодательстве *de jure*. Применительно к личному составу Вооруженных Сил Российской Федерации элементы такой процедуры в законодательстве присутствуют лишь фрагментарно. В своей совокупности они не оказывают существенного влияния на оценку состояния воинской дисциплины. В отличие от судейского корпуса, военнослужащие, сведенные в особые государственные воинские формирования, устранены от правовой оценки действий членов данного профессионального сообщества в случае нарушения ими законности, правопорядка и (или) корпоративной этики.

Достаточно отметить, что ни воинские коллективы, ни офицерские собрания, ни воинские должностные лица, каких-либо окончательных решений по уголовным делам не принимают.

Компетенция последних ограничена п. 2 ч. 1 ст. 40 УПК РФ. В качестве самостоятельного участника уголовного процесса начальники органов военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации, командиры воинских частей, соединений, начальники военных учреждений и гарнизонов прежде всего составляют сторону обвинения. В перечне ч. 1 ст. 447 УПК РФ военнослужащие отсутствуют.

Офицерское собрание содействует органам военного управления в решении вопросов по формированию нравственных основ, ценностных ориентиров и мировоззрения офицерского состава. Однако решения этой корпоративной организации защитников Отечества не порождают правовые последствия.

Деятельность собрания направлена на воспитание у офицеров ответственного отношения к исполнению воинского долга, высокой дисциплинированности и инициативы. Вследствие этого дисциплинарные

¹ Ст. 16 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» и п. 4 ч. 1 ст. 448 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

² П. 1 и 2 ст. 26 Федерального закона от 14 марта 2002 г. № 30-ФЗ «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации».

проступки могут быть рассмотрены и обсуждены на офицерских собраниях только лишь в целях общественного осуждения офицеров, их совершивших¹.

В конечном счете правовую оценку деяния военнослужащего при наличии признаков состава преступления, как правило, будут давать судьи военных судов. Иными словами, оценку состояния воинской дисциплины, пусть и опосредованно, также осуществляет указанная категория судей, поскольку оценка состояния воинской дисциплины соответствующими воинскими должностными лицами, является производной от правовой позиции военного суда.

Между тем наличие у судей военного опыта экзистенциального выбора между своим существованием и выполнением боевой задачи, гибелью людей и необходимостью уничтожения врагов — да и вообще какого-либо опыта прохождения военной службы — не является обязательным. Исключение военно-профессионального юридического ценза из требований к судьям военных судов представляется не совсем верным. Данным решением было устранено важное превентивное средство, препятствующие и профилактирующее нарушения социальной солидарности в Вооруженных Силах Российской Федерации при отправлении правосудия².

Несмотря на принципиальные противоречия между процессами принятия решений в обычной жизни, в ходе прохождения военной службы и в бою, правые алгоритмы оценки каждого из таких решений, не получили своей законодательной детализации. Практика устраняет такое рода противоречия назначением военно-уставных экспертиз³. В этих следственных

действиях к разрешению вопросов, поставленных следствием или судом, как раз и привлекаются субъекты, ценностно-смысловые основы личности которых сформированы военным экспириенсом.

Такой паллиатив не может быть равноценной заменой. Выводы экспертов во многом предопределены и ограничены постановкой вопросов. Вопросы формулируют участники уголовного процесса, на правосознание которых, систему их ценностей и смыслов, саморефлексия опыта своей военной службы влияния, в большинстве своем, не оказывает.

Таким образом оценка состояния правопорядка и воинской дисциплины может не соответствовать действительности, поскольку основывается на формальном принципе, является производной и детерминирована правовыми позициями сторонних структур — военной прокуратуры, военных следственных органов и судов.

В результате на степень погрешности существующей системы измерения состояния воинской дисциплины влияют и чисто организационно-функциональные параметры перечисленных правоохранительных органов — факторы, на которые командиры (начальники) повлиять не могут, и которые никак не связаны с реальным состоянием дисциплины.

В этом смысле показательным является существенный рост нарушений воинской дисциплины в Федеральной пограничной службе Российской Федерации сразу после создания специальной правоохранительной структуры, юрисдикция которой распространялась исключительно на этот федеральный орган исполнительной власти — и внерациональный возврат к исходным показателям сразу после упразднения Военной прокуратуры Федеральной пограничной службы России.

Стоит еще раз подчеркнуть условность прямых аналогий сравнения статуса судей и военнослужащих при сопоставлении ме-

¹ Приказ Министра обороны Российской Федерации от 27 января 2020 г. № 20 «Об утверждении Положения об офицерском собрании в Вооруженных Силах Российской Федерации».

² Леднева Т.В. Юридический ценз : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2012.

³ По вопросу назначения военно-уставных экспертиз существует разное мнение. См., напр.: Глухов Е.А. Военно-уставная судебная экспертиза — допустимое ли доказательство? // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2013. № 2

(188). С. 55—58; Ренер Н.А., Макарова О.А. Проблемы допустимости использования военно-уставных экспертиз по уголовным делам // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2016. № 5 (227). С. 106—110.

тодологии оценки состояния дисциплины судейского корпуса и воинской дисциплины в Вооруженных Силах Российской Федерации. В настоящей статье методика оценки состояния дисциплины в судейском сообществе излагается как иллюстрация эффективно функционирующей модели оценки состояния корпоративной дисциплины.

Основной принцип построения указанной модели — прямое участие профессионального сообщества в формировании механизма оценки состояния дисциплины — мог бы быть взят за основу совершенствования нормативно-правового регулирования подходов к оценке состояния дисциплины в войсках с поправкой на единоначалие, как основной принцип строительства Вооруженных Сил, руководства ими и взаимоотношений между военнослужащими. Экстраполяция данного принципа при модернизации системы оценки состояния воинской дисциплины и правопорядка могла бы нивелировать издержки двухбалльной системы оценок «удовлетворительно» — «неудовлетворительно».

В частности, более полному учету социальных последствий решений по уголовным делам в отношении военнослужащих мог бы способствовать возврат к позитивно зарекомендовавшему себя юридико-техническому приему согласования с вышестоящими командирами (начальниками) привлечения военнослужащих к уголовной ответственности. Подобный правовой ренессанс возможен при включении военнослужащих в перечень ч. 1 ст. 447 УПК РФ.

Способом учета мнения членов статусного сообщества военнослужащих при оценке состояния воинской дисциплины может быть возврат к парадигме действовавшего до 1989 г. Постановлении Президиума Верховного Совета СССР от 28 марта 1958 г. «О порядке привлечения к уголовной ответственности и ареста военнослужащих»¹.

¹ Особый порядок возбуждения уголовных дел и привлечения к уголовной ответственности в Советском Союзе действовал, начиная с 17 июня 1935 г., когда было принято совершенно секретное

Согласно этому документу при совершении общеуголовных преступлений вопрос о привлечении к уголовной ответственности решался в отношении:

— солдат и матросов — с согласия командира полка, командира корабля второго ранга (отдельной воинской части) и им равных, а в случаях совершения преступления или задержания преступника вне места дислокации части — с согласия ближайшего начальника гарнизона, пользующегося правами не ниже командира полка;

— сержантов, старшин и сверхсрочнослужащих — с согласия командира дивизии (командира корабля I ранга), корпуса, командующего армией (флотилией) и им равных;

— офицеров — с согласия Министра обороны СССР.

В случае совершения перечисленными категориями военнослужащих общеуголовных преступлений, а также дезертирства, они арестовывались и привлекались к уголовной ответственности на общих основаниях по решению военного прокурора с последующим уведомлением об этом соответствующего командира, если они находятся в момент ареста вне расположения части. При нахождении в части их арест и привлечение к уголовной ответственности производились с предварительным уведомлением соответствующего командира².

Генералы и адмиралы, при совершении ими преступлений, привлекались к уголовной ответственности по решению Генерального Прокурора СССР, согласованному с Советом Министров СССР³.

совместное постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) «О порядке согласования арестов».

² Торкунов М.А. Из истории привлечения военнослужащих к уголовной ответственности // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2005. № 5. С. 16—18.

³ Цитируется по: Постановление Президиума Верховного Совета СССР от 28.03.1958 | Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик [Сайт]: URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_5266.htm (дата обращения 13.04.2022).

Учет мнения членов особого государственного профессионального сообщества защитников Отечества при оценке воинской дисциплины и правопорядка в Вооруженных Силах Российской Федерации будет целесообразен и при уточнении особого порядка судебного разбирательства в порядке десятого раздела УПК РФ. В этом случае процессуальная экономия проявится явным образом в отношении военнослужащих или гражданского персонала Вооруженных Сил Российской Федерации, впервые совершивших преступление небольшой или средней тяжести. Согласно действующему законодательству, такие лица могут быть освобождены от уголовной ответственности судом с назначением судебного штрафа (ст. 76.2 УК РФ) — но только лишь после неизбежных для органов предварительного следствия материальных и временных издержек.

Наделение командира (начальника) правом на принятие решения о назначении своим подчиненным (при обстоятельствах, перечисленных в ст. 76.1 и 76.2 УК РФ) судебного штрафа еще до их привлечения к уголовной ответственности, сможет:

— повысить роль единоначалия, как основного принципа строительства Вооруженных Сил, руководства ими и взаимоотношений между военнослужащими;

— сократить финансовые издержки, связанные с тратами бюджетных средств на расследование преступлений небольшой или средней тяжести;

— уменьшить репутационные потери государственной власти, связанные со статистикой судимости в Вооруженных Силах;

— способствовать деятельному раскаянию виновных, которым судебный штраф мог быть устанавливаться в фиксированном размере не менее трех четвертей максимального размера штрафа, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части УК РФ;

— укрепить гарантии справедливости и повысить эффективность предупреждения преступлений.

Таким образом, обзор нормативно-правового регулирования оценки состоя-

ния воинской дисциплины позволяет сделать вывод о значительном потенциале модернизации системы оценки дисциплины в Вооруженных Силах Российской Федерации на основе положительно зарекомендовавших внутрикорпоративных моделей аналогичных систем оценки в иных статусных сообществах.

Библиография

1. Глухов, Е.А. Военно-уставная судебная экспертиза — допустимое ли доказательство? / Е.А. Глухов // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2013. — № 2 (188). — С. 55—58.

2. Еремина, С.Н. Правовая природа Дисциплинарного судебного присутствия: проблемы взаимодействия трудового и гражданского процессуального права / С.Н. Еремина, М.В. Джаникян // Арбитражный и гражданский процесс. — 2011. — № 6. — С. 2—6.

3. Ичитовкин, С.С. Состояние правопорядка и воинской дисциплины в войсках национальной гвардии Российской Федерации. Основные причины проявления правового нигилизма и инфантилизма у военнослужащих войск национальной гвардии Российской Федерации / С.С. Ичитовкин // Направления и перспективы развития образования в военных институтах войск национальной гвардии Российской Федерации : Сб. науч. ст. VIII Межвуз. науч.-практ. конф. с межд. участ. — Новосибирск, 2017. — С. 371—376.

4. Леднева, Т.В. Юридический ценз : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Т.В. Леднева. — Нижний Новгород, 2012. — 32 с.

5. Мальцев, Л.С. Деятельность органов военного управления по поддержанию и укреплению воинской дисциплины: автореф. дис. ... канд. социол. наук : 22.00.08 / Л.С. Мальцев. — М., 1999. — 23 с.

6. Ренер, Н.А. Проблемы допустимости использования военно-уставных экспертиз по уголовным делам / Н.А. Ренер, О.А. Макарова // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2016. — № 5 (227). — С. 106—110.

7. Рытенков, С.Ф. Актуальные проблемы совершенствования методики оценки состояния правопорядка и воинской дисциплины в Вооруженных Силах Российской Федерации / С.Ф. Рытенков // Научно-методический бюллетень Военного университета МО РФ. — 2022. — № 1. — С. 83—96.

8. Торкунов, М.А. Из истории привлечения военнослужащих к уголовной ответственности / М.А. Торкунов // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2005. — № 5. — С. 16—18.

9. Туганов, Ю.Н. Краткий правовой анализ основных новелл проекта Федерального конституционного закона «О Дисциплинарном

судебном присутствии» / Ю.Н. Туганов, В.К. Аулов // Вестник Забайкальского государственного университета. — 2009. — № 6 (57). — С. 99—105.

10. Юдин, А.В. Процессуальные аспекты функционирования дисциплинарного судебного

присутствия / А.В. Юдин // Вестник Высшего арбитражного суда Российской Федерации. — 2010. — № 2. — С. 40—46.

Военная служба. Социальные гарантии и статус военнослужащих

К вопросу о регистрации по месту жительства сотрудников, имеющих специальные звания

© Кириченко Николай Сергеевич,
кандидат юридических наук, специалист
Договорно-правового департамента Федеральной
службы войск национальной гвардии Российской
Федерации

© Александрова Наталья Геннадиевна,
кандидат юридических наук, доцент кафедры
кадрового, правового и психологического
обеспечения Академии Государственной
противопожарной службы МЧС России

Аннотация. Выполнение служебных задач сотрудниками многих правоохранительных органов, которые имеют специальные звания, зачастую сопряжено с необходимостью изменения места прохождения службы, в том числе с переездом в другой населенный пункт. При этом после такого переезда сотрудники и члены их семей могут столкнуться с проблемой, связанной с невозможностью регистрации по месту жительства по причине отсутствия жилого помещения, в котором можно зарегистрироваться. А ведь такая регистрация необходима для реализации многих социальных гарантий. В настоящей статье рассмотрены предложения, направленные на урегулирование данного вопроса.

Ключевые слова: регистрация по месту жительства, прописка сотрудников, специальная служба, специальное звание, социальные гарантии сотрудников

On the issue of registration at the place of residence of employees with special ranks

© Kirichenko N.S.,
specialist of the Contract and Legal Department
Federal Service of the National Guard Troops Of the
Russian Federation

© Alexandrova N.G.,
Candidate of Law, Associate Professor of the De-
partment of Personnel, Legal and Psychological
Support of the Academy of the State Fire Service of
the Ministry of Emergency Situations of Russia of
the Russian Federation

Abstract. The performance of official tasks by employees of many law enforcement agencies who have special ranks is often associated with the need to change the place of service, including moving to another locality. At the same time, after such a move, employees and their family members may face a problem related to the inability to register at the place of residence due to the lack of residential premises in which to register. But such registration is necessary for the implementation of many social guarantees. This article discusses proposals aimed at resolving this issue.

Keywords: registration at the place of residence, registration of employees, special service, special rank, social guarantees of employees.

В соответствии со ст. 2 Федерального закона от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» система государственной службы включает в себя государственную гражданскую службу, военную службу и государственную службу иных видов. Военная служба и государственная служба иных видов, которые устанавливаются федеральными законами, являются видами федеральной государственной службы.

К иным видам государственной службы можно отнести службу в органах внутренних дел, в войсках национальной гвардии Российской Федерации, в федеральной противопожарной службе Государственной противопожарной службы, в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации¹.

Как неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации в своих актах, военная служба представляет собой особый вид государственной службы, непосредственно связанный с обеспечением обороны страны и безопасности государства и, следовательно, осуществляемой в публичных интересах, а военнослужащие соответственно выполняют конституционно значимые функции².

¹ Военное право : монография в 3 т. / под общ. ред. А.Н. Савенкова, А.В. Кудашкина. Т. II: Современное состояние военного права (институты военного права). М.: Центр правовых коммуникаций, 2021.

² Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 26 декабря 2002 г. № 17-П «По делу о проверке конституционности положения абзаца второго пункта 4 статьи 11 Федерального закона «Об обязательном государственном страховании жизни и здоровья военнослужащих, граждан, призванных на военные сборы, лиц рядового и начальствующего состава органов внутренних дел Российской Федерации, Государственной противопожарной службы, сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы и сотрудников федеральных органов налоговой полиции» в связи с жалобой гражданина М.А. Будынина»; Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 20 октября 2010 г. № 18-П «По делу о проверке конституционности ряда положений статьи 18 Федерального закона «О статусе военнослужащих» и статьи 1084 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с запросом Ногайского районного суда Республики Дагестан».

Особый статус военнослужащего определяет и соответствующий порядок прохождения им военной службы, который также заключается в возможности переезда в другой субъект Российской Федерации в связи с изменением места прохождения военной службы, в том числе без согласия самого военнослужащего (по служебной необходимости). При этом после переезда в связи с изменением места военной службы у военнослужащего, проходящего военную службу по контракту, возникает вопрос о необходимости регистрации, в том числе членов его семьи, по месту жительства.

Согласно положениям ст. 2 Закона Российской Федерации от 25 июня 1993 г. № 5242-1 «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации»:

— регистрационный учет граждан Российской Федерации по месту пребывания и по месту жительства в пределах Российской Федерации — государственная деятельность по фиксации и обобщению предусмотренных указанным Законом сведений о регистрации граждан Российской Федерации по месту пребывания, регистрации граждан Российской Федерации по месту жительства, снятии граждан Российской Федерации с регистрационного учета по месту жительства в пределах Российской Федерации. Регистрационный учет граждан Российской Федерации имеет уведомительный характер и отражает факты прибытия гражданина Российской Федерации в место пребывания или место жительства, его нахождения в указанном месте и убытия гражданина Российской Федерации из места пребывания или места жительства;

— регистрация гражданина Российской Федерации по месту пребывания — постановка гражданина Российской Федерации на регистрационный учет по месту пребывания, то есть фиксация в установленном порядке органом регистрационного учета сведений о месте пребывания

гражданина Российской Федерации и о его нахождении в данном месте пребывания;

— регистрация гражданина Российской Федерации по месту жительства – постановка гражданина Российской Федерации на регистрационный учет по месту жительства, то есть фиксация в установленном порядке органом регистрационного учета сведений о месте жительства гражданина Российской Федерации и о его нахождении в данном месте жительства;

— место пребывания — гостиница, санаторий, дом отдыха, пансионат, кемпинг, туристская база, медицинская организация или другое подобное учреждение, учреждение уголовно-исполнительной системы, исполняющее наказания в виде лишения свободы или принудительных работ, либо не являющееся местом жительства гражданина Российской Федерации жилое помещение, в которых он проживает временно;

— место жительства — жилой дом, квартира, комната, жилое помещение специализированного жилищного фонда либо иное жилое помещение, в которых гражданин постоянно или преимущественно проживает в качестве собственника, по договору найма (поднайма), договору найма специализированного жилого помещения либо на иных основаниях, предусмотренных законодательством Российской Федерации, и в которых он зарегистрирован по месту жительства. Местом жительства гражданина, относящегося к коренному малочисленному народу Российской Федерации, ведущего кочевой и (или) полукочевой образ жизни и не имеющего места, где он постоянно или преимущественно проживает, в соответствии с настоящим Законом может быть признано одно из муниципальных образований (по выбору данного гражданина), в границах которого проходят маршруты кочевий данного гражданина.

Зачастую, регистрация по месту жительства, которая иногда в просторечии именуется «постоянная регистрация», необходима гражданам, в том числе военнослужащему и членам его семьи, для реализации их прав и социальных гарантий. Например, без регистрации по месту жи-

тельства будет невозможно принять участие в различных выборах в населенном пункте по месту прохождения военной службы, будет крайне сложно устроить детей в школу, детский сад или встать на учет в гражданское медицинское учреждение. Кроме того, в Москве ветераны боевых действий без такой «постоянной» регистрации не смогут получить «карту москвича», которая предоставляет ее владельцу широкий спектр льгот, в том числе бесплатный проезд в общественном транспорте.

С учетом характера военной службы, которая предусматривает необходимость выполнения задач, часто сопряженных с опасностью для жизни и здоровья военнослужащих, а также иными специфическими условиями прохождения военной службы, определяется особый правовой статус военнослужащих, объем и характер обязательств со стороны государства в отношении них, что требует от законодателя установления для лиц имеющих (либо имевших и выполнивших необходимый объем обязанностей по контракту) соответствующий статус, дополнительных мер социальной поддержки. Указанные вопросы широко рассмотрены в научных работах российских ученых, тем не менее, данная тема по-прежнему остается актуальной¹.

К таким мерам поддержки, в том числе, относится наличие у военнослужащего и членов его семьи возможности постоянной регистрации в населенном пункте по месту прохождения военной службы.

Указанное право закреплено пунктом 16 ст. 15.2 Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужа-

¹ См., например: Александрова Н.Г., Иванов В.Ю., Кириченко Н.С. О сроках обеспечения военнослужащих жилыми помещениями для постоянного проживания // Военное право. 2021. № 6 (70). С. 145—149; Миронов В.С., Харитонов С.С. О рассмотрении военными судами дел в сфере обеспечения военнослужащих-участников НИС жилыми помещениями // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2022. № 1 (294). С. 6—25; Военное право : монография : в 3 т. / под общ. ред. А.Н. Савенкова, А.В. Кудашкина. — Т. III. Основные проблемы и перспективные направления военно-правовых исследований. М.: Центр правовых коммуникаций, 2022.

щих», согласно которому военнослужащие — граждане, проходящие военную службу по контракту, не обеспеченные жилыми помещениями в населенных пунктах, в которых располагаются воинские части (организации, учреждения, органы), или в близлежащих населенных пунктах, и проживающие совместно с ними члены их семей до получения жилых помещений, в том числе служебных жилых помещений, жилых помещений в общежитиях, по нормам, установленным федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, по их желанию регистрируются по месту жительства по адресам воинских частей (организаций, учреждений, органов), в которых указанные военнослужащие-граждане проходят военную службу.

Вместе с тем Федеральным законом от 19 июля 2011 г. № 247-ФЗ «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» сотрудникам органов внутренних дел, равно как и лицам, проходящим службу в войсках национальной гвардии Российской Федерации и имеющим специальное звание полиции (на которых распорядятся действие указанного Федерального закона), не предоставляется право регистрации по месту жительства по адресам организаций, в которых сотрудники проходят службу, аналогично праву, предоставленному военнослужащим. Также, исходя из положений Федерального закона от 30 декабря 2012 г. № 283-ФЗ «О социальных гарантиях сотрудникам некоторых федеральных органов исполнительной власти и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», аналогичное право у сотрудников, имеющих специальные звания и проходящих службу в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, органах принудительного исполнения Российской Федерации, федеральной противопожарной службе Государственной противопожарной службы и таможенных органах Российской Федерации отсутствует.

При этом следует отметить, что очень часто с необходимостью перевода к новому месту службы для выполнения задач, возложенных законодательством, так же сталкиваются и сотрудники ранее перечисленных правоохранительных органов, имеющие специальные звания.

По нашему мнению, данная ситуация в некоторой степени ущемляет права сотрудников. Не сложно предположить, что возникновение у сотрудника затруднений в постоянной регистрации по месту жительства, необходимой для разрешения указанных выше жизненно необходимых вопросов, может в значительной мере отвлекать его от выполнения служебных задач. Ведь очень сложно положительно решить вопрос о постоянной регистрации в новом населенном пункте, в котором отсутствуют родственники или знакомые, имеющие в собственности жилое помещение и согласные зарегистрировать в нем сотрудника с членами его семьи (хотя такая регистрация в большей степени будет носить фиктивный характер).

Учитывая изложенное, мы считаем, что необходимо на законодательном уровне закрепить за сотрудниками, имеющими специальные звания, и членами их семей право регистрации по месту жительства по адресам организаций, в которых они проходят службу.

Полагаем, что это в значительной мере повисит уровень социальной защищенности сотрудников правоохранительных органов, имеющих специальные звания.

Библиография

1. Александрова, Н.Г. О сроках обеспечения военнослужащих жилыми помещениями для постоянного проживания / Н.Г. Александрова, В.Ю. Иванов, Н.С. Кириченко // Военное право. — 2021. — № 6 (70). — С. 145—149.
2. Военное право: монография в 3 т. / под общ. ред. А.Н.Савенкова, А.В. Кудашкина — Т. II: Современное состояние военного права (институты военного права). — Москва: Центр правовых коммуникаций, 2021. — 888 с.
3. Военное право : монография : в 3 т. / под общ. ред. А.Н. Савенкова, А.В. Кудашкина. — Т. III. Основные проблемы и перспективные направления военно-правовых исследований. — М.: Центр правовых коммуникаций, 2022. — 712 с.
4. Миронов, В.С. О рассмотрении военными судами дел в сфере обеспечения военнослужащих — участников НИС жилыми помещениями /

В.С. Миронов, С.С. Харитонов // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. —

2022. — № 1 (294). — С. 6—25.

Оспаривание увольнения с военной службы военнослужащих (по материалам военно-судебной практики)

© Малаханов Александр Викторович,
подполковник запаса, юрист

© Харитонов Станислав Станиславович,
полковник юстиции запаса, кандидат
юридических наук, профессор

Аннотация. В статье рассмотрены актуальные вопросы военно-судебной практики в сфере увольнения с военной службы военнослужащих.

Ключевые слова: военная служба, военнослужащий, прохождение военной службы по контракту, увольнение с военной службы

Challenging the dismissal from military service of military personnel (Based on the materials of military judicial practice)

© Malakhanov A.V.,
lawyer, reserve lieutenant colonel

© Kharitonov S.S.,
colonel of justice of the reserve, candidate of legal
sciences, professor

Abstract. The article deals with topical issues of military judicial practice in the field of dismissal of military personnel from military service.

Key words: military service, serviceman, military service under contract, dismissal from military service

*Законы нужны не только для того, чтобы
устрашать граждан, но и для того, чтобы
помогать им.*

Вольтер

Правоприменительная деятельность в сфере прохождения военной службы занимает значимую часть военно-административной (служебной) деятельности командиров (начальников). И, соответственно, проблемы правового регулирования прохождения военной службы в широком смысле понимания этого явления находится в центре внимания военных ученых-юристов при подготовке диссертаций, пособий, статей¹.

¹ См., напр.: Фатеев К.В. Организационно-правовые вопросы увольнения с военной службы граждан, проходящих ее по контракту в Вооруженных Силах Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000; Корякин В.М. Юридический справочник военнослужащего-контрактника: для солдат,

матросов, сержантов и старшин, проходящих военную службу по контракту. М. : За права военнослужащих, 2006; Глухов Е.А. Увольнения и перемещения личного состава при приведении воинских частей и органов военного управления в высшие степени боевой готовности // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2017. № 4(237). С. 101—111; Корякин В.М., Харитонов В.С. Некоторые вопросы квалификации преступлений за уклонение от прохождения военной службы // Военное право. 2020. № 4(62). С. 180—184; Свиных Е.А., Свиных О.Ю. О реализации военнослужащими, увольняемыми с военной службы, права на профессиональную переподготовку // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2020. № 12(281). С. 30—38; Туганов Ю.Н., Харитонов В.С. Освобождение от военной службы на постсоветском пространстве: отдельные

В то же время тема увольнения с военной службы военнослужащих присутствует в практике военных судов в значительном объеме.

Требуется понимания и следующий факт. Объективная реальность военной службы такова, что не всегда у командира (начальника) есть возможность изучить юридические тонкости процедуры увольнения подчиненных с военной службы, поэтому командирами допускаются типичные ошибки, которые нередко приводят к обращению уволенных с военной службы для восстановления справедливости в военный суд.

На некоторых таких часто встречающихся эпизодах в военно-судебной практике в сфере увольнения военнослужащих с военной службы остановимся далее.

1. Увольнение с военной службы военнослужащего, обеспеченного по месту службы служебным жилым помещением, до предоставления ему жилищной субсидии, его прав не нарушает.

Решением гарнизонного военного суда, оставленным без изменения апелляционным определением окружного военного суда, О. отказано в удовлетворении административного искового заявления, в котором он просил признать незаконными приказы воинских должностных лиц об увольнении с военной службы и исключении из списков личного состава воинской части до предоставления жилищной субсидии.

В обоснование судом приведены следующие доводы.

Из материалов дела следует, что О., проходивший военную службу по контракту, относится к категории военнослужащих, которые обеспечиваются служебным жилым помещением на весь срок военной службы.

По месту службы в Н. он на состав семьи из 4 человек обеспечен служебным жилым помещением, общей площадью 61,51 кв. м, и этим же составом семьи с июня 2017 г. поставлен на учёт нуждающихся в жилых помещениях в

избранном постоянном месте жительства в городе У. в форме жилищной субсидии.

В октябре 2017 г. жилищным органом с О. заключено соглашение о сдаче им жилого помещения в течение 4-х месяцев после перечисления средств жилищной субсидии на его банковский счёт. В ноябре 2020 г. в связи с признанием его ВВК ограниченно годным к военной службе, О. обратился по команде с рапортом об увольнении с военной службы после обеспечения жилищной субсидией. Приказами командующего войсками военного округа от 14 декабря 2020 г. и командира воинской части от 13 апреля 2021 г. он был уволен с военной службы по состоянию здоровья и исключён из списков личного состава воинской части с оставлением на учёте нуждающихся в жилых помещениях.

В соответствии с абз. вторым п. 1 ст. 23 Закона о статусе военнослужащих военнослужащие, общая продолжительность военной службы которых составляет 10 лет и более, состоящие на учёте в качестве нуждающихся в жилых помещениях в федеральном органе исполнительной власти или федеральном государственном органе, в которых федеральным законом предусмотрена военная служба, без их согласия не могут быть уволены с военной службы по достижении ими предельного возраста пребывания на военной службе, состоянию здоровья или в связи с организационно-штатными мероприятиями без предоставления им жилых помещений или жилищной субсидии, за исключением случаев, предусмотренных абз. третьим п. 1 ст. 23 упомянутого Закона. При желании указанных военнослужащих получить жилые помещения не по месту увольнения с военной службы они обеспечиваются жилыми помещениями по избранному месту жительства в порядке, предусмотренном п. 14 ст. 15 данного Закона.

Согласно п. 13 ст. 15 Закона о статусе военнослужащих граждане, уволенные с военной службы, общая

продолжительность военной службы которых составляет 20 лет и более, а при увольнении с военной службы по достижении ими предельного возраста пребывания на военной службе, по состоянию здоровья или в связи с организационно-штатными мероприятиями при общей продолжительности военной службы 10 лет и более, не обеспеченные на момент увольнения с военной службы жилищной субсидией или жилыми помещениями, не могут быть без их согласия сняты с учета в качестве нуждающихся в жилых помещениях по последнему перед увольнением месту военной службы и обеспечиваются жилищной субсидией или жилыми помещениями в порядке, предусмотренном настоящим Федеральным законом для военнослужащих.

Пунктом 14 ст. 15 Закона о статусе военнослужащих предусмотрено, что обеспечение жилым помещением военнослужащих-граждан, имеющих общую продолжительность военной службы 10 лет и более, при увольнении с военной службы по достижении ими предельного возраста пребывания на военной службе, состоянию здоровья или в связи с организационно-штатными мероприятиями и членов их семей при перемене места жительства осуществляется федеральными органами исполнительной власти и федеральными государственными органами, в которых предусмотрена военная служба, за счет средств федерального бюджета на строительство и приобретение жилого помещения, в том числе путём выдачи государственных жилищных сертификатов. Право на обеспечение жилым помещением на данных условиях предоставляется указанным гражданам один раз. Документы о сдаче жилых помещений Минобороны России (иному федеральному органу исполнительной власти или федеральному государственному органу, в которых федеральным законом предусмотрена военная служба) и снятии с

регистрационного учета по прежнему месту жительства представляются указанными гражданами и совместно проживающими с ними членами их семей при получении жилого помещения по избранному месту жительства.

Согласно требованиям п. 17 ст. 34 Положения о порядке прохождения военной службы, военнослужащий, общая продолжительность военной службы которого составляет 10 лет и более, нуждающийся в жилом помещении, без его согласия не может быть уволен с военной службы по достижении предельного возраста пребывания на военной службе, по состоянию здоровья или в связи с организационно-штатными мероприятиями без предоставления ему жилого помещения либо субсидии для приобретения или строительства жилого помещения по нормам, установленным жилищным законодательством, за исключением случаев, предусмотренных абз. 3 п. 1 ст. 23 Закона о статусе военнослужащих. Военнослужащий, изъявивший желание получить жилое помещение не по месту увольнения с военной службы, увольняется с военной службы и обеспечивается жилым помещением в соответствии с российским законодательством.

Содержание названных правовых норм в их взаимосвязи указывает на то, что перечисленные в них категории военнослужащих, изъявивших желание получить жильё не по месту увольнения с военной службы, не могут быть уволены без их согласия в случае необеспеченности жильём по месту прохождения военной службы.

Следовательно, непредоставление О. до увольнения с военной службы жилищной субсидии для приобретения жилья по избранному месту жительства при обеспеченности его по месту военной службы служебным жилым помещением, не является препятствием для его увольнения¹.

¹ См.: Обзор судебной практики 2-го Восточного окружного военного суда по рассмотрению гражданских и административных дел в

2. Суд апелляционной инстанции посчитал недоказанным наличие у административного истца оснований для увольнения с военной службы по семейным обстоятельствам.

Решением гарнизонного военного суда удовлетворено административное исковое заявление З., в котором он просил признать незаконными решения аттестационной комиссии Пограничного управления ФСБ России по Республике Тыва (далее – Управление) и начальника Управления об отказе в досрочном увольнении З. с военной службы по семейным обстоятельствам в связи с необходимостью ухода за несовершеннолетними детьми, которых он воспитывает без их матери (своей бывшей супруги).

При этом суд первой инстанции исходил из того, что несовершеннолетние дети З. (2008 г.р., и 2013 г.р.), проживающие совместно с ним на основании соглашения родителей от 5 марта 2021 г., нуждаются в ежедневном надлежащем присмотре и уходе за ними, которые он не может в полной мере осуществлять в связи с исполнением обязанностей военной службы.

Окружной военный суд решение гарнизонного военного суда отменил в связи с неправильным определением обстоятельств, имеющих значение для дела, и принял новое решение об отказе в удовлетворении административного иска, исходя из следующего.

Как следует из материалов дела, начальник Управления на основании решения аттестационной комиссии

Управления рапорт З. оставил без удовлетворения в связи с тем, что у детей З. есть мать (бывшая супруга З. — З-ва, брак расторгнут 9 апреля 2021 г., также проходившая военную службу по контракту в Управлении), которая не лишена родительских прав и ранее приказом начальника Управления была уволена с военной службы по этой же причине и по этому же основанию — в связи с необходимостью ухода за несовершеннолетними детьми по семейным обстоятельствам.

В соответствии с подп. «в» п. 3 ст. 51 Закона о воинской обязанности и военной службе военнослужащий, проходящий военную службу по контракту, имеет право на досрочное увольнение с военной службы в связи с необходимостью ухода за детьми, не достигшими возраста 18 лет, которых он воспитывает без матери. Оценка причин, которые могут служить основанием для досрочного увольнения военнослужащего с военной службы, является одной из основных задач аттестации военнослужащих (подп. «е» п. 2 ст. 26 Положения о порядке прохождения военной службы).

Как установлено судом, 5 марта 2021 г. между З. и его бывшей супругой (З-вой), также проходившей военную службу по контракту в Управлении, было заключено соглашение о проживании их детей совместно с З., согласно которому отец детей (З.) имеет право требовать от матери (З-вой) участия в решении вопросов, связанных с воспитанием и образованием детей, до момента увольнения его из Вооруженных Сил Российской Федерации. 9 апреля 2021 г. брак между З. и З-вой был расторгнут. 12 мая 2021 года бывшая супруга З. приказом начальника Управления была досрочно уволена с военной службы по семейным обстоятельствам, в связи с необходимостью осуществления ухода за детьми, не достигшими 18-летнего возраста. 13 мая 2021 г. З. обратился к начальнику Управления с рапортом о досрочном увольнении с военной службы по аналогичному основанию. 20 июля 2021

апелляционном порядке за второе полугодие 2021 года. URL: http://2vovs.cht.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=400; Апелляционное определение 2-го Восточного окружного военного суда 33а-308/2021 от 2 сентября 2021 года. URL: https://2vovs--cht.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=555247&delo_id=42&new=0&text_number=1; Решение Читинского гарнизонного военного суда 2а-121/2021 от 16 июня 2021 года. URL: https://gvs--cht.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=211556829&delo_id=41&new=0&text_number=1 (дата обращения 09.08.2022).

г. З. определил место жительства своих несовершеннолетних совместно с ним, но по месту его регистрации в г. Санкт-Петербурге, где они стали обучаться в общеобразовательной школе. При этом бывшая супруга З. зарегистрирована также в г. Санкт-Петербурге, по иному адресу.

Как пояснил в суде первой инстанции З., бывшая супруга не желает воспитывать и осуществлять уход за детьми, в чём он ей не препятствует. Ссылаясь на справку врача-психиатра от 6 апреля 2021 г., З. указал, что психологическое состояние З-вой заставляет его беспокоиться о состоянии здоровья его детей.

Вместе с тем, указанная справка врача, имеющаяся в материалах дела, помимо медицинского диагноза, каких-либо сведений о наличии препятствий у бывшей супруги З. заниматься воспитанием и уходом за детьми не содержит.

Каких-либо иных доказательств, подтверждающих, что бывшая супруга З. не может осуществлять уход за несовершеннолетними детьми, что она лишена родительских прав, признана недееспособной, материалы дела не содержат и З. суду не представлено.

При изложенных обстоятельствах, учитывая, что бывшая супруга административного истца была уволена с военной службы именно с целью осуществления ухода за несовершеннолетними детьми, не лишена родительских прав, а документального подтверждения невозможности её участия в воспитании детей, уходе за ними, в том числе по медицинским показаниям, З. не представлено, суд апелляционной инстанции пришёл к выводу об отсутствии у него на момент принятия аттестационной комиссией и начальником Управления оспариваемого решения права на увольнение с военной службы по указанному основанию¹.

¹ См.: Обзор судебной практики 2-го Восточного окружного военного суда по рассмотрению гражданских и административных дел в апелляционном порядке за второе полугодие 2021 года. URL: http://2vovs.cht.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=400 (дата обращения 10.08.2022).

3. Досрочное увольнение младших офицеров производится главнокомандующим видом Вооружённых Сил Российской Федерации, командующим войсками военного округа, должностными лицами им равными и выше.

Решением гарнизонного военного суда, оставленным без изменения окружным военным судом, оставлено без удовлетворения административное исковое заявление Ж., содержащее, среди прочего, требования о признании незаконным приказа командира воинской части о досрочном увольнении его с военной службы на основании подп. «в» п. 2 ст. 51 Закона воинской обязанности и военной службе, то есть в связи с невыполнением военным служащим условий соответствующего контракта.

Определением Кассационного военного суда названные судебные акты отменены по доводам кассационного представления военного прокурора в части отказа в удовлетворении данного требования административного искового заявления Ж., в этой части принято новое решение об удовлетворении заявления.

Из материалов дела следует, что оспоренный заявителем приказ о досрочном увольнении его с военной службы издал командующий армией, в адрес которого соответствующее представление с заключением аттестационной комиссии поступило от командира воинской части, где проходил службу Ж.

В силу положений абз. второго подп. «в» п. 8 ст. 34 Положения о порядке прохождения военной службы досрочное увольнение младших офицеров производится главнокомандующим видом Вооружённых Сил Российской Федерации, командующим войсками военного округа, должностными лицами им равными и выше.

Из буквального толкования данной нормы следует, что оспоренный приказ издан воинским должностным лицом, не

обладавшим необходимыми для этого полномочиями¹.

4. В целях увольнения военнослужащего по подп. «л» п. 2 ст. 51 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» его виновность в совершении административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 6.9 КоАП РФ, может быть установлена в порядке, предусмотренном для рассмотрения командиром материалов о дисциплинарном проступке.

Ш. в административном иске просил признать незаконным и отменить приказ командующего войсками военного округа об увольнении его с военной службы по подп. «л» п. 2 ст. 51 Закона о воинской обязанности и военной службе в связи с совершением административного правонарушения, связанного с потреблением наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача либо новых потенциально опасных психоактивных веществ. Решением гарнизонного военного суда, оставленным без изменения окружным военным судом, административный иск Ш. в этой части оставлен без удовлетворения.

Проверив решение в апелляционном порядке, окружной военный суд с ним согласился, указав следующее.

Содержащееся в апелляционной жалобе утверждение, что факт совершения истцом административного правонарушения, предусмотренного ст. 6.9 КоАП РФ, мог быть установлен только судом по результатам рассмотрения соответствующего дела об административном правонарушении, основано на ошибочном толковании норм КоАП РФ, регулирующих вопросы ответственности военнослужащих за совершение административных правонарушений.

¹ См.: Обзор судебной практики Кассационного военного суда по гражданским и административным делам во втором полугодии 2021 г., утв. Президиумом Кассационного военного суда 10 марта 2022 г. URL: https://vkas.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=20 (дата обращения 09.08.2022).

По делу установлено, что ходе проверочных мероприятий Ш. был подвергнут тестированию на предмет выявления в организме наркотических средств и психотропных веществ. Согласно химико-токсикологическому исследованию в отобранном у него биоматериале выявлено наличие наркотического средства.

Административная ответственность за потребление наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача установлена в ч. 1 ст. 6.9 КоАП РФ.

Должностными лицами военной комендатуры, уполномоченными согласно п. 109 ч. 2 и ч. 4 ст. 28.3 КоАП РФ рассматривать дела о таких административных правонарушениях, был составлен соответствующий протокол об административном правонарушении и возбуждено дело об административном правонарушении, предусмотренном ч. 1 ст. 6.9 КоАП РФ.

В соответствии с положениями ч. 1 ст. 2.5 КоАП РФ за совершение указанного административного правонарушения военнослужащие привлекаются к дисциплинарной ответственности.

Поэтому после выяснения всех обстоятельств совершения указанного административного правонарушения производство по делу об административном правонарушении в отношении Ш. было прекращено на основании ч. 2 ст. 24.5 КоАП РФ для привлечения его к дисциплинарной ответственности. Из содержания постановления о прекращении производства по этому делу видно, что Ш. без назначения врача употребил наркотическое вещество. В силу абзаца двадцатого п. 2 ст. 28⁵ Закона о статусе военнослужащих административное правонарушение, за которое военнослужащий в соответствии с КоАП РФ несет дисциплинарную ответственность, является и грубым дисциплинарным проступком.

После этого в отношении истца был составлен протокол о грубом дисциплинарном проступке, согласно

которому подтверждено событие и виновность Ш. в употреблении наркотического вещества без назначения врача, т.е. в совершении им административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 6.9 КоАП РФ. Данный протокол и приказ о привлечении к дисциплинарной ответственности за указанный грубый дисциплинарный проступок Ш. не обжаловал.

Таким образом, виновность истца в совершении административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 6.9 КоАП РФ, достоверно установлена в порядке, предусмотренном положениями п. 109 ч. 2, ч. 4 ст. 28.3 КоАП РФ и ст. 28⁹ Закона о статусе военнослужащих.

Поэтому наличие судебного постановления о назначении административного наказания не является обязательным и единственным условием признания военнослужащего виновным в совершении указанного административного правонарушения.

Данный вывод в полной мере соответствует положениям ч. 2 ст. 1.5 КоАП РФ, согласно которым вина лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, доказывается в порядке, предусмотренном этим Кодексом, и устанавливается не только вступившим в законную силу постановлением судьи, но и постановлением органа, должностного лица, рассмотревших дело.

При таких обстоятельствах суд первой инстанции пришел к правильному выводу о совершении истцом административного правонарушения, связанного с потреблением наркотических средств без назначения врача.

В суде первой инстанции с достаточной полнотой и тщательностью проверялись вопросы соблюдения командованием порядка досрочного увольнения истца с военной службы. При этом на основании исследованных и правильно оцененных доказательств суд первой инстанции пришел к обоснованному выводу об отсутствии таких нарушений порядка увольнения,

которые бы ставили под сомнение законность обжалуемого приказа об увольнении Ш. с военной службы по подп. «л» п. 2 ст. 51 Закона о воинской обязанности и военной службе¹.

Изложенные выше случаи, описанные в военно-судебных решениях, демонстрируют необходимость далеко не поверхностного знания правовых норм как военно-административного законодательства военнослужащими и командирами (начальниками).

Библиография

1. Глухов, Е.А. Увольнения и перемещения личного состава при приведении воинских частей и органов военного управления в высшие степени боевой готовности / Е.А. Глухов // *Право в Вооруженных Силах — Военно-правовое обозрение*. — 2017. — № 4(237). — С. 101—111.
2. Корякин, В.М. Юридический справочник военнослужащего-контрактника: для солдат, матросов, сержантов и старшин, проходящих военную службу по контракту / В.М. Корякин. — М.: За права военнослужащих, 2006.
3. Корякин, В.М. Некоторые вопросы квалификации преступлений за уклонение от прохождения военной службы / В.М. Корякин, В.С. Харитонов // *Военное право*. — 2020. — № 4(62). — С. 180—184.
4. Свиных, Е.А. О реализации военнослужащими, увольняемыми с военной службы, права на профессиональную переподготовку / Е.А. Свиных, О.Ю. Свиных // *Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение*. — 2020. — № 12(281). — С. 30—38.
5. Туганов, Ю.Н. Освобождение от военной службы на постсоветском пространстве: отдельные вопросы правового регулирования / Ю.Н. Туганов, В.С. Харитонов // *Военно-юридический журнал*. — 2021. — № 7. — С. 3—6.
6. Фатеев, К.В. Организационно-правовые вопросы увольнения с военной службы граждан, проходящих ее по контракту в Вооруженных Силах Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук / К.В. Фатеев. — М., 2000.

¹ См.: Обзор судебной практики гарнизонных военных судов по гражданским и административным делам за 1 полугодие 2021 года, утвержденный на заседании президиума 1-го Западного окружного военного суда 16 июля 2021 года. URL: http://1zovs.spb.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=284; (дата обращения 09.08.2022).

Морально-нравственное положение (статус) государственного служащего

© Мифтяхов Ринат Хайдарович,
аспирант Московского финансово-юридического
университета (МФЮА)

© Мифтяхова Эльмира Ринатовна,
судебный пристав-исполнитель ГУ ФССП
России по г. Москве

Аннотация. В работе раскрыты актуальные проблемы деятельности государственной службы Российской Федерации. Отмечается, что в условиях глобальной опасности в мире, в военной, правоохранительной и иной деятельности невозможно решать государственные задачи на высоком уровне без морально-нравственной подготовки государственных служащих. Государственные служащие не могут эффективно выполнять возложенные на них государственные задачи в условиях, когда нарушаются их социальные права, гарантированные государством, гуманитарные права и морально-нравственные права. В связи с этим, морально-нравственная подготовка играет важную роль в надлежащем выполнении должностных, служебных и иных обязанностей государственными служащими. Таким образом, государственные служащие должны иметь морально-нравственные права, определенные и закрепленные в нормативных правовых актах, регулирующих государственную службу в Российской Федерации. С этой целью требуется усовершенствовать нормативные правовые акты, подзаконные и иные акты, регулирующие военную службу, службу, относящуюся к правоохранительным органам, службу по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций и иных служб. Сделан вывод о том, что достижение данной цели представляется возможным на фоне совершенствования действующего законодательства.

Ключевые слова: глобальные проблемы, государственная служба, принципы, права, обязанности, ответственность, поведение, мораль, нравственность, нормативно-правовые акты.

Moral and moral position (status) of a civil servant

© Miftyakhov R.H.,
Postgraduate student of the Moscow Financial and
Law University MFUA

© Miftyakhova E.R.,
bailiff-executor of the GU FSSP of Russia for the
city of Moscow

Abstract. The paper reveals topical problems in the activities of the public service of the Russian Federation. It is noted that in the conditions of global danger in the world, in military, law enforcement and other activities, it is impossible to solve state problems at a high level without the moral and moral training of civil servants. Civil servants cannot effectively fulfill the state tasks assigned to them, in conditions where their social rights guaranteed by the state, humanitarian rights and moral rights are violated. In this regard, moral training plays an important role in the proper performance of official, official and other duties by civil servants. Thus, public servants must have moral rights, defined and enshrined in the regulatory legal acts regulating public service in the Russian Federation. To this end, it is necessary to improve the regulatory legal acts, by-laws and other acts regulating the military service, the service related to law enforcement agencies, the service for the prevention and elimination of emergencies and other services. It is concluded that the achievement of this goal is possible against the background of improving the current legislation.

Key words: global problems, public service, principles, rights, duties, responsibility, behavior, morality, ethics, normative legal acts.

Целью настоящей работы является исследование актуальных проблем законодательства в области административно-правового регулирования видов государственной службы Российской Федерации и составление предложений по внесению изменений в законодательство для совершенствования правового регулирования данной сферы. Кроме того, целью статьи является определение роли морально-нравственных отношений, которые выступают в качестве разновидности регулирования правового положения государственных служащих.

Новизна данной работы состоит в том, что она направлена на планомерное совершенствование действующего законодательства в рассмотренной сфере.

Известно, что законодательство нашей страны должно находиться в полном соответствии с принципами права и морали, что в полной мере относится к тем актам, которые регламентируют государственную гражданскую службу. Некоторое внимание на это обращено в Преамбуле Устава ООН.¹ Более детально данные аспекты впоследствии были освещены Л. Фуллером (1902—1978), который указывал на необходимость взаимосвязи морали и права и отмечал, что право будет настолько эффективно, насколько с его помощью можно на практике реализовать принципы справедливости. Более того, автор подчеркивал, что эффективность закона априори является условием справедливости, пусть и самым минимальным. В связи с этим, указанным автором, по сути, было введено понятие «внутренней морали права», а к числу ее принципов он относил всеобщность, открытость, ясность и понятность закона, отсутствие противоречий, предсказуемость юридического действия, а также такие принципы, как отсутствие невыпол-

нимых требований, постоянство во времени и соответствие между официальными действиями и декларируемым правилом. Автор отмечал, что только с помощью данных принципов можно создать такие законы, которые будут иметь выраженную моральную составляющую.² Данная точка зрения вполне коррелирует с общепризнанными принципами права, к которым на современном этапе развития относят такие принципы, как принцип всеобщности, законности, гуманизма, социальной справедливости и многие иные. Одновременно с этим, наряду с данными принципами стоит учитывать такие принципы, как принцип морали, принцип нравственности, принцип терпимости, а также принцип служебного поведения в государственной службе и принцип морально-нравственного и гуманного обращения к государственным служащим, попавшим в плен. Так, Декларация принципов терпимости (Утверждена резолюцией 5.61 Генеральной конференции ЮНЕСКО от 16 ноября 1995 г.)³ гласит, что под терпимостью в данном аспекте стоит понимать уважение, принятие и понимание многообразия культур, понимание существующих форм самовыражения.

В свою очередь, принципы государственной службы нашли свое закрепление в Международном пакте о гражданских и политических правах (принят 16 декабря 1966 г. Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН). Данный документ ратифицирован Указом Президиума Верховного Совета СССР от 18 сентября 1973 г. № 4812-VIII⁴. В данном документе сказано, что

² Философия права : Учебное пособие / Ш.Г. Сеидов. Пенза : Изд-во ПГУ, 2013.

³ Декларация принципов терпимости (Утверждена резолюцией 5.61 Генеральной конференции ЮНЕСКО от 16.11.1995. Провозглашена и подписана 16.11.1995).

⁴ Международный пакт о гражданских и политических правах (принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН). Документ ратифицирован Указом Президиума

¹ Устав Организации Объединенных Наций (ООН) (Сан-Франциско, 26. 06.1945 г.). Текст Устава опубликован в сборнике «Действующее международное право». Т. 1. Устав вступил в силу 24.10.1945 г. СССР ратифицировал настоящий Устав Указом Президиума Верховного Совета СССР от 20.08.1945 г.

особое значение для государственной службы приобретает уважение и соблюдение прав и свобод человека. Кроме того, указано, что в соответствии с Конвенцией № 87 Международной организации труда «Относительно свободы ассоциаций и защиты права на организацию» (принята в г. Сан-Франциско 9 июля 1948 на 31-ой сессии Генеральной конференции МОТ)¹, законодательные акты не могут приниматься в ущерб правам и гарантиям, которые в данной Конвенции определены. Более того, в документе сказано, что в каждой стране граждане должны иметь равный доступ к государственной службе, что получило свое развитие и в законодательстве нашей страны.

Так, в соответствии с п.4 ст. 15 Конституции Российской Федерации, общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. В соответствии с п. 4 ст. 32 Конституции Российской Федерации, все граждане Российской Федерации имеют равный доступ к государственной службе.

Основные принципы государственной службы нашли свое отражение в ст. 3 Федерального закона от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ «О системе государственной службы в Российской Федерации». К их числу законодатель отнес такие принципы, как законность, федерализм, приоритет прав и свобод человека и гражданина, открытость, единство, профессионализм, а также принцип защиты государственных служащих от неправомерного вмешательства в их деятельность. Практическая реализация данных принципов обеспечивается федеральными законами о том или ином виде государственной службы.

Полагаем, что на современном этапе развития правовое регулирование системы государственной службы приобретает осо-

бое значение. Известно, на государственных служащих возложена широкая совокупность задач, однако их выполнение едва ли представляется возможным без морально-нравственных прав. В связи с этим можно сделать вывод о том, что законодательство, которое регулирует данную сферу, должно в полной мере соответствовать правовым принципам, а также принципам морально-нравственного права.

Гуманитарные права государственных служащих образуют вид их правового положения. Этот статус предопределяет наличие определенных прав в период прохождения ими службы в условиях боевых действий или, например, в условиях чрезвычайной ситуации. Кроме того, они определяют правовое положение граждан, которые были уволены со службы, и правовое положение членов их семей. На этом фоне вполне целесообразно выделить такой дополнительный вид правового статуса (положения) государственных служащих, как морально-нравственные права. Стоит отметить, что необходимость в этом также обусловлена тем, что указание на это отсутствует в международных актах, что нельзя признать обоснованным, тем более, что те или иные аспекты морали и нравственности отражены в отечественном праве, например, в ГК РФ есть указание на моральный вред. По аналогии с этим, в законодательстве стоит закрепить моральные и нравственные права государственно-служащего. В подтверждение данного вывода можно привести точку зрения о том, что государственная служба тесно связана как с моралью, так и с нравственностью.

Одновременно с этим, это не должно умалять необходимость соблюдения всеми государственными служащими своих моральных обязательств, так как без этого едва ли можно говорить об эффективности такой службы и ее авторитете в обществе. Стоит отметить, что в основу формирования морально-нравственных прав государственных служащих может быть заложен Международный пакт о гражданских и политических правах, так как в нем особое

Верховного Совета СССР от 18.09.1973 № 4812-VIII с заявлением.

¹ Конвенция № 87 Международной организации труда «Относительно свободы ассоциаций и защиты права на организацию» (принята в г. Сан-Франциско 09.07.1948 на 31-ой сессии Генеральной конференции МОТ).

внимание уделено определенным морально-нравственным аспектам.

Анализ действующих на территории нашей страны нормативных правовых актов показывает, что в них не определен перечень морально-нравственных прав государственных служащих, о чем уже говорилось ранее. Во всех актах, в том числе, локального характера, они имеют вид обязанностей, однако обязанности едва ли могут выступать в качестве правового статуса государственных служащих. Это достаточно ярко прослеживается в ст. 18 Федерального закона от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации». В этой статье указано, что гражданский служащий обязан исполнять должностные обязанности добросовестно и проявлять уважение к нравственным традициям, обычаям народов. Очевидно, что в этом случае все морально-нравственные аспекты изложены именно с точки зрения обязанностей, а не прав. Аналогичная ситуация наблюдается в Типовом кодексе этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих¹, в котором особое внимание акцентировано не только на обязанностях, но и ответственности. Как следствие, правовой статус в этом случае не образуется, так как для его формирования нужны еще и права, а не только обязанности и ответственность.

В связи с этим возникает закономерный вопрос: какие моральные, а также нравственные права могут быть у государственных служащих?

Полагаем, что ответ на данный вопрос состоит в том, что кроме права на свободу вероисповедания, к их числу стоит отнести такие права, как право на ношение форменной одежды, знаков различия, право принимать пищу, входящую в меню и продукты питания, которые не оскорбляют и

не унижают морально-нравственные чувства верующих лиц. Так, на территории республики Дагестан государственных служащим, исповедующим ислам, запрещено носить мусульманские головные уборы, и они носят форменную одежду с гербом Российской Федерации и изображением православных крестов. Еще одним примером может являться то, что военнослужащие, обеспечивающиеся питанием, например, при направлении в командировку, сталкиваются с ситуацией, что в меню входят те продукты питания, которые оскорбляют чувства верующих. В связи с этим можно говорить о том, что морально-нравственные права государственных служащих сегодня подвергаются определенным нарушениям. Таким образом, стоит включить данные права в перечень морально-нравственных прав государственного служащего. Кроме того, к ним стоит добавить такие права, как право требовать от государства выполнения социальных и иных обязательств, право требовать уважения его морально-нравственных прав и право требовать не допущения какой-либо дискриминации в отношении него как государственного служащего и членов его семьи. Полагаем, что данные структурные элементы могут выступать в качестве основных элементов морально-нравственного статуса государственного служащего. Представляется вполне естественным, что данные права необходимо закрепить в тех или иных нормативно-правовых актах.

На основе анализа морально-нравственных прав, которые были предложены для введения в результате настоящего исследования, а также обязанностей и ныне существующей ответственности, можно сформулировать следующее определение морально-нравственного статуса государственных служащих: это правовой статус, который регулирует морально-нравственные отношения военнослужащих, а также сотрудников силовых структур и правоохранительных органов, государственных гражданских служащих при прохождении ими государственной службы, в ряде случаев и после прекращения

¹ Типовой кодекс этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих (одобрен решением президиума Совета при Президенте Российской Федерации по противодействию коррупции от 23.12. 2010) (протокол № 21).

таковой. Разновидностями правового положения государственных служащих должны являться должностные права, обязанности и ответственность, служебные, социальные, гуманитарные, морально-нравственные права, обязанности и ответственность. Только в данном случае правовой статус будет максимально полным и емким.

В результате проведенного исследования выявлена объективная необходимость в том, чтобы включить в правовой статус государственных служащих морально-нравственный статус и закрепить его на законодательном уровне. На этом фоне

стоит дополнить принципы государственной службы, включив в них принцип соблюдения морально-нравственных прав, принцип морально-нравственного и гуманного обращения к государственным служащим, принцип терпимости в государственной службе и принцип служебного поведения в государственной службе.

Библиография

Сеидов, Ш.Г. Философия права : учебное пособие / Ш.Г. Сеидов ; М-во образования и науки РФ, Федеральное гос. бюджетное образовательное учреждение высш. проф. образования "Пензенский гос. ун-т" (ПГУ). — Пенза: Изд-во ПГУ, 2013. — 158 с.

Правовые проблемы раздела между супругами жилого помещения, приобретенного по программе накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения военнослужащих

© Хараман Екатерина Егоровна,
юрист

Аннотация. В статье автор рассматривает вопрос раздела между супругами жилого помещения, приобретенного в период брака по программе накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения военнослужащих, анализирует основные правовые позиции, сформированные судами общей юрисдикции по данной проблеме, делает вывод о необходимости дополнительного правового регулирования в указанной сфере с учетом специфики жилищного обеспечения военнослужащих.

По мнению автора, данная тема остается актуальной, так как на законодательном уровне четкое правовое регулирование по рассматриваемому вопросу отсутствует, а судебная практика является противоречивой и неоднозначной.

Ключевые слова: военнослужащие, накопительно-ипотечная система жилищного обеспечения военнослужащих, имущество супругов, расторжение брака, бывшие супруги.

Legal problems of division between spouses of residential premises obtained under the program of accumulative mortgage system of housing provision for military personnel

© Kharaman E.,
Lawyer.

Abstract. In the current article the author examines the issue of the division between spouses of residential premises acquired during marriage under the program of the accumulative mortgage system of housing provision for military personnel, analyzes the main legal positions formed by courts of general jurisdiction on this issue, concludes that additional legal regulation in this area is necessary, considering the specifics of housing provision for military personnel.

According to the author, this topic remains relevant, since there is no clear legal regulation on the issue under consideration at the legislative level, and judicial practice is contradictory and ambiguous.

Keywords: military personnel, the accumulative-mortgage system of housing for military personnel, spouses' property, divorce, former spouses

Человек, его права и свободы, в соответствии с Конституцией Российской Федерации являются высшей ценностью, а признание, соблюдение и защита прав и свобод человека — это обязанность государства, осуществляемая уполномоченными на то органами и должностными лицами.

В соответствии со ст. 40 Конституции Российской Федерации каждый гражданин имеет право на жилище. Отдельным гражданам, нуждающимся в жилище, оно предоставляется бесплатно или за доступ-

ную плату из государственных, муниципальных и других жилищных фондов в соответствии с установленными законом нормами.

Военнослужащие относятся к категории граждан, которым государство гарантирует предоставление жилых помещений. Под правом военнослужащего на жилищное обеспечение следует понимать юридическую возможность реализовать конституционное право на жилище в установленной форме.

Правовую основу жилищного обеспечения военнослужащих составляют Жилищный кодекс Российской Федерации (ЖК РФ), Федеральный закон «О статусе военнослужащих», Федеральный закон «О накопительно-ипотечной системе жилищного обеспечения военнослужащих», а также иные законодательные акты и подзаконные нормативно правовые акты, в том числе ведомственного уровня¹.

Военнослужащие обеспечиваются жилыми помещениями посредством предоставления им арендованных жилых помещений, жилых помещений специализированного жилищного фонда, жилых помещений по договору социального найма, жилых помещений в собственность бесплатно, а также выделения денежных средств из федерального бюджета (в том числе в соответствии с Федеральным законом от 20 августа 2004 года № 117-ФЗ «О накопительно-ипотечной системе жилищного обеспечения военнослужащих»)².

Накопительно-ипотечная система жилищного обеспечения военнослужащих является относительно новой формой реализации права военнослужащих на обеспечение жилым помещением (Федеральный закон «О накопительно-ипотечной системе жилищного обеспечения военнослужащих» вступил в силу с 1 января 2005 г.), в связи с чем отдельные положения данной системы вызывают вопросы.

Одним из таких вопросов является вопрос раздела между супругами жилого помещения, приобретенного в период брака по программе накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения военнослужащих.

Рассматриваемая проблематика была предметом исследования ряда ученых-юристов³. Несмотря на это, вопрос о раз-

деле жилого помещения бывшими супругами, один из которых является участником накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения военнослужащих, все ещё остается открытым. На законодательном уровне четкое правовое регулирование по рассматриваемому вопросу отсутствует, а судебная практика является противоречивой и неоднозначной.

В правоприменительной деятельности существует несколько подходов к решению вопроса о разделе имущества, приобретенного участником накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения военнослужащих в период брака.

Первый подход заключается в том, что жилое помещение, приобретенное военнослужащим — участником накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения военнослужащих во время брака, не признается совместно нажитым имуществом и является собственностью военнослужащего.

Основой первого подхода является применение нормы, закрепленной в п. 2 ст. 34 Семейного кодекса Российской Федерации (СК РФ) и отнесение денежных средств, выделенных участнику накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения военнослужащих на приобретение жилых помещений, к денежным выплатам, имеющим

ли супругам военнослужащих коренных изменений // Военное право. 2018. № 6 (52). С. 109—114; Елсуков С.Н. О праве супруги (супруга) военнослужащего на жилое помещение, приобретенное в рамках накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения военнослужащих // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2010. № 4 (154). С. 26—28; Свиных Е.А., Свиных О.Ю. Правовой режим имущества, приобретенного в период брака участником накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения военнослужащих // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2017. № 12 (245). С. 41—46; Мананников Д.Ю. Актуальные правовые вопросы раздела жилого помещения бывшими супругами, один из которых является участником накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения военнослужащих (по материалам судебной практики) // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2019. № 12 (269). С. 32—39.

¹ Корякин В.М. Военно-административное право : учебник. М.: Юстиция, 2019. С. 347—348.

² Военно-административное право (Военная администрация) : Учебник / М.М. Баранников, О.Г. Безбабнов, П.И. Гаврюшенко [и др.]; Российский государственный университет правосудия. М.: Российский государственный университет правосудия, 2022.

³ Зайков Д.Е. Накопительно-ипотечная система жилищного обеспечения военнослужащих: ожидать

специальное целевое назначение.

Подобной позиции придерживаются некоторые юристы, полагая, что «право собственности на приобретенное военнослужащим-участником накопительно-ипотечной системы на средства целевого жилищного займа и ипотечного кредита, полученного в рамках программы по ипотечному кредитованию военнослужащих, возникает только у самого военнослужащего и не распространяется на супругу (супруга) военнослужащего как во время брака, так и после его расторжения»¹, а также что «сам факт приобретения жилого помещения в период брака не может являться основанием для включения в состав совместно нажитого имущества жилого помещения, приобретенного в рамках программы накопительно-ипотечной системы обеспечения жильем военнослужащих. Это связано с тем, что деньги, полученные из целевого жилищного займа, не относятся к семейному бюджету, следовательно, не делятся между супругами»².

Данный подход подтверждается также примерами имеющейся судебной практики. Обосновывая свою позицию, суды указывают на то, что источником предоставления участнику накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения военнослужащих целевого жилищного займа являются накопления для жилищного обеспечения (бюджетные средства, формируемые за счет средств федерального бюджета), учтенные на именном накопительном счете участника, следовательно, предоставляемый целевой жилищный заем участнику накопительно-ипотечной системы жилищного

обеспечения военнослужащих, не может быть признан доходом военнослужащего, и, соответственно, не может быть включен в состав совместного имущества супругов. Указанные средства носят строго целевой и специальный характер, поскольку могут быть выделены только военнослужащему — участнику накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения военнослужащих в рамках целевого жилищного займа для приобретения жилья по программе «Военная ипотека». Семейное положение и состав семьи военнослужащего-участника накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения военнослужащих правового значения не имеет. Получение целевого жилищного займа и условия кредитного договора, заключенного в рамках кредитного продукта, не предполагает какого-либо участия супруги военнослужащего-участника накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения военнослужащих, как в совершении сделки, так и в её последующем исполнении³.

Второй подход заключается в признании жилого помещения, приобретенного военнослужащим-участником накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения военнослужащих во время брака, совместно нажитым имуществом, являющимся общей совместной собственностью военнослужащего и его супруги (супруга).

К такому выводу пришла Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации в Определении от 15 сентября 2015 г. № 58-КГ15-11⁴, указав, что спорная квартира была приобретена военнослужащим в период

¹ Елсуков С.Н. О праве супруги (супруга) военнослужащего на жилое помещение, приобретенное в рамках накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения военнослужащих // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2010. № 4 (154). С. 26—28.

² Бершанская А.А. Некоторые проблемы раздела квартиры, приобретенной в рамках программы ипотечного кредитования для военнослужащих // Право. Общество. Государство : Сборник научных трудов студентов и аспирантов. Санкт-Петербург, 2020. С. 6—10.

³ Апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Краснодарского краевого суда от 20 сентября 2018 г. по делу № 33-30509/2018, Апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Липецкого областного суда от 20 апреля 2015 г. по делу № 33-997/2015.

⁴ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 15 сентября 2015 г. № 58-КГ15-11.

брака по договору купли-продажи, то есть по возмездной сделке, передача квартиры по акту приема-передачи, регистрация права собственности, оплата квартиры также состоялись в период брака. После досрочного увольнения военнослужащего-участника накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения военнослужащих с военной службы и исключения его из реестра участников накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения военнослужащих, предоставленная по договору целевого жилищного займа сумма (сумма первоначального взноса на приобретение квартиры, а также сумма, необходимая для погашения обязательства по ипотечному кредитному договору) подлежала возврату с уплатой процентов. Заемные обязательства по погашались заемщиком самостоятельно, за счет собственных денежных средств, относящихся к общему совместному имуществу супругов. Суд посчитал, что при таких обстоятельствах вывод о приобретении спорной квартиры по безвозмездной сделке не основан на законе. А, следовательно, квартира, приобретенная сторонами в период брака по возмездной сделке, в силу п. 1 ст. 34 СК РФ является их совместно нажитым имуществом.

24 января 2017 г. в Определении № 58-КГ16-25¹ Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации вновь пришла к выводу о том, что приобретенная сторонами в период брака квартира за счет участия одного из супругов в накопительно-ипотечной системе жилищного обеспечения военнослужащих является их совместной собственностью.

По мнению некоторых ученых, выводы судебной коллегии Верховного Суда Российской Федерации слабо аргументированы. Их уязвимость связана с уклонением судей от обсуждения вопроса о возможности признания денежных средств, выделенных военнослужащему как участнику накопительно-ипотечной

системы, денежными выплатами, имеющими специальное целевое назначение². Кроме того, одним из негативных последствий данного подхода является правовая неопределенность относительно последствий признания права общей совместной собственности на квартиру, приобретенную в рамках накопительно-ипотечной системы, в части исполнения обязанности по возврату выплаченных участнику накопительно-ипотечной системы сумм по договору целевого жилищного займа в случае его досрочного увольнения с военной службы³.

В развитие вопроса о разделе жилого помещения, приобретенного военнослужащим-участником накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения военнослужащих в период брака в 2018 г. Конституционным Судом Российской Федерации было вынесено Определение № 863-О/2018, в котором Конституционный Суд Российской Федерации указал, что государственные гарантии жилищных прав военнослужащих, оговоренные, в частности, в ст. 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих», направлены в итоге на обеспечение потребностей в жилище как непосредственно самих военнослужащих, так и членов их семей, что служит укреплению социальной базы исполнения гражданами обязанностей по защите Отечества и реализации тем самым требований ст. 40 (ч. 1) и 59 Конституции Российской Федерации на основе уважения и защиты государством семьи, материнства, отцовства и детства⁴.

Как уже отмечалось ранее, на законодательном уровне четкое правовое регули-

¹ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 24 января 2017 г. № 58-КГ16-25.

² Свининых Е.А., Свининых О.Ю. Правовой режим имущества, приобретенного в период брака участником накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения военнослужащих // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2017. № 12 (245). С. 41—46.

³ Зайков Д.Е. Накопительно-ипотечная система жилищного обеспечения военнослужащих: ожидать ли супругам военнослужащих коренных изменений // Военное право. 2018. № 6 (52). С. 109—114.

⁴ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 14 мая 2018 г. № 863-О/2018.

рование по вопросу раздела жилого помещения, приобретенного в период брака военнослужащим являющимся участником накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения военнослужащих отсутствует.

Попытка решить данный вопрос была предпринята законодателем в 2017 г. Проект Федерального закона «О внесении изменения в статью 36 Семейного кодекса Российской Федерации» (законопроект № 01/05/07-17/00068308) был размещен на Портале проектов нормативных актов в июле 2017 г.

Согласно вышеуказанному законопроекту, предлагалось ст. 36 СК РФ дополнить пунктом 4 следующего содержания:

«4. Имущество, приобретенное военнослужащим, проходящим военную службу по контракту, за счет участия в накопительно-ипотечной системе жилищного обеспечения военнослужащих в соответствии с Федеральным законом от 20 августа 2004 года № 117-ФЗ «О накопительно-ипотечной системе жилищного обеспечения военнослужащих», является его собственностью, за исключением приобретения в общую собственность имущества участниками накопительно-ипотечной системы, состоящими в браке между собой»¹.

Однако данный законопроект получил отрицательный отзыв в Совете при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства. По мнению Совета, данная идея нарушает конституционный принцип равенства прав и свобод человека и гражданина. Внесение изменений создаст необоснованные привилегии для одной из социальных групп (военнослужащих) и ставит их супругов в заведомо неблагоприятное положение².

¹ Проект Федерального закона «О внесении изменения в статью 36 Семейного кодекса Российской Федерации» // URL: <https://regulation.gov.ru/projects#npr=68308>.

² Мананников Д.Ю. Актуальные правовые вопросы раздела жилого помещения бывшими супругами, один из которых является участником накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения военнослужащих (по материалам судебной практики) // Право в Вооруженных Силах

Накопительно-ипотечная система жилищного обеспечения военнослужащих действует уже более 15 лет. За годы существования накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения военнослужащих государством проделана огромная работа, направленная на улучшение возможностей и максимизацию выгод военнослужащих³.

Её несомненным преимуществом перед другими формами обеспечения военнослужащих постоянным жилым помещением является то, что военнослужащий может приобрести постоянное жилье в начале прохождения военной службы, не дожидаясь наступления двадцатилетнего срока службы.

Что же касается права на обеспечение жилым помещением членов семьи военнослужащего, то накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения военнослужащих является единственной формой жилищного обеспечения военнослужащих, при которой состав семьи военнослужащего не учитывается, денежные средства начисляются только на военнослужащего.

Число военнослужащих, принимающих участие в программе накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения военнослужащих, с каждым годом растет. Участие в программе накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения военнослужащих для большинства военнослужащих является обязательным и лишь отдельные категории военнослужащих могут стать участниками накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения военнослужащих, изъявив такое желание [3].

В настоящее время накопительно-ипотечная система жилищного обеспечения военнослужащих не заменяет уже дей-

— военно-правовое обозрение. 2019. № 12 (269). С. 32—39.

³URL:https://www.rosvoenipoteka.ru/razdeli_podvala/1p/news/20_dekabrya_2019_goda_v_nacionalnom_centre_upravleniya_oboronoy_rf_sostoyalas_konferenciya_posvyashennaya_15-letiu_funkcionirovaniya_nakopitelnoipotechnoy_sistemi_jilishnogo_obespecheniya_voennoslujashih (дата обращения: 20.06.2022).

ствующие программы жилищного обеспечения военнослужащих, а является их дополнением. Но в будущем накопительно-ипотечная система жилищного обеспечения военнослужащих может остаться единственной формой обеспечения военнослужащих жилыми помещениями, предназначенными для постоянного проживания, что актуализирует дальнейшие исследования в данном направлении [4].

В связи с этим необходимость четкого правового регулирования вопроса о разделе жилого помещения, приобретенного в период брака военнослужащим являющимся участником накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения военнослужащих, с каждым годом будет только нарастать.

Решение данного вопроса возможно только путем установления на законодательном уровне порядка раздела жилого помещения между бывшими супругами, один из которых является участником накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения военнослужащих.

Библиография

1. Бершанская, А.А. Некоторые проблемы раздела квартиры, приобретенной в рамках программы ипотечного кредитования для военнослужащих / А.А. Бершанская // *Право. Общество. Государство. Сборник научных трудов студентов и аспирантов.* — СПб., 2020. — С. 6—10.
2. Военно-административное право (Военная администрация) : учебник / М.М. Баранников, О.Г. Безбабнов, П.И. Гаврюшенко [и др.]. — М.:

Российский государственный университет правосудия, 2022. — 449 с.

3. Военное право : монография в 3 т. / под общ. ред. А.Н. Савенкова, А.В. Кудашкина /— Т. II: Современное состояние военного права (институты военного права). — М.: Центр правовых коммуникаций, 2021. — 888 с.

4. Военное право : монография в 3 т. / под общ. ред. А.Н.Савенкова, А.В. Кудашкина. — Т. III: Основные проблемы и перспективные направления военно-правовых исследований. — М.: Центр правовых коммуникаций, 2022. — 712 с.

5. Елсуков, С.Н. О праве супруги (супруга) военнослужащего на жилое помещение, приобретенное в рамках накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения военнослужащих / С.Н. Елсуков // *Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение.* — 2010. — № 4 (154). — С. 26—28.

6. Зайков, Д.Е. Накопительно-ипотечная система жилищного обеспечения военнослужащих: ожидать ли супругам военнослужащих коренных изменений / Д.Е. Зайков // *Военное право.* — 2018. — № 6 (52). — С. 109—114.

7. Корякин, В.М. Военно-административное право : учебник / В.М. Корякин. — М.: Юстиция, 2019. — 562 с.

8. Мананников, Д.Ю. Актуальные правовые вопросы раздела жилого помещения бывшими супругами, один из которых является участником накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения военнослужащих (по материалам судебной практики) / Д.Ю. Мананников // *Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение.* — 2019. — № 12 (269). — С. 32—39.

9. Свиных, Е.А. Правовой режим имущества, приобретенного в период брака участником накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения военнослужащих / Е.А. Свиных, О.Ю. Свиных // *Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение.* — 2017. — № 12 (245). — С. 41—46.

Судебная, прокурорская, правоохранительная деятельность

Актуальные вопросы прокурорского надзора за исполнением законов по пресечению распространения в воинских коллективах наркотических средств и психотропных веществ

© Завидов Николай Геннадьевич,
кандидат юридических наук, ФГКВОУ ВО
«Военный университет имени князя Александра
Невского» Минобороны России

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы организации прокурорского надзора по пресечению незаконного оборота наркотиков в Вооруженных Силах Российской Федерации. Проведен анализ законодательства, в том числе ведомственной нормативной правовой базы Министерства обороны Российской Федерации, регламентирующего вопросы в указанной сфере. Дана оценка складывающейся наркоситуации в воинских коллективах, выявлены проблемы в этой области и выработаны меры, направленные на пресечение незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ в войсках.

Ключевые слова: органы прокуратуры, прокурорский надзор, противодействие незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ, Вооруженные Силы Российской Федерации, меры, направленные на пресечение распространения наркотиков в армейской среде.

Topical issues of prosecutorial supervision over the implementation of laws to curb the spread of narcotic drugs and psychotropic substances in military collectives

© Zavidov N.G.,
Candidate of Legal Sciences, of the Prince
Alexander Nevsky Military University of the
Russian Ministry of Defense

Annotation. The article discusses the issues of the organization of prosecutorial supervision for the suppression of drug trafficking in the Armed Forces of the Russian Federation. The analysis of legislation, including the departmental regulatory legal framework of the Ministry of Defense of the Russian Federation, regulating issues in this area is carried out. The assessment of the emerging drug situation in military collectives is given, problems in this area are identified and measures aimed at suppressing illicit trafficking of narcotic drugs and psychotropic substances in the troops are developed.

Key words: prosecutor's offices, prosecutorial supervision, countering illicit trafficking of narcotic drugs and psychotropic substances, the Armed Forces of the Russian Federation, measures aimed at suppressing the spread of drugs in the army environment.

Генеральная Ассамблея ООН определила, что незаконное производство наркотиков и незаконный спрос на них, злоупотребление ими и их незаконный оборот затрудняют экономический и социальный прогресс, представляют собой серьезную угрозу для безопасности и развития мно-

гих стран и народов, и борьба с ними должна вестись с помощью всех мер морального, юридического и организацион-

ного воздействия на национальном, региональном и международном уровнях¹.

Государственная антинаркотическая политика Российской Федерации на ближайшее десятилетие незаконный оборот наркотиков рассматривает как угрозу национальной безопасности государства². Российское общество осознает, что наркомания и совершаемые преступления в этой сфере наносят непоправимый вред как физическому, так нравственному здоровью граждан Российской Федерации.

Проблематику наркотизма, наркопреступности, «армию и наркотики» изучали Л.Н. Анисимов, Т.А. Боголюбова, Г.Н. Драган, Б.Ф. Калачев, А.В. Табаков, С.М. Мальков, В.Б. Ивасенко, Н.Н. Карпов, О.А. Косован, С.Н. Кирсанов, К.В. Харabet и др.

К настоящему времени на территории нашей страны сформировались три сегмента незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, которые складывались в течение нескольких периодов:

— с 1992 по 1996 гг. — незаконный оборот наркотических средств растительного происхождения, в том числе марихуаны и иных изготавливаемых из конопли препаратов, а также маковой соломы, основная часть которых поступала за счет культивации наркосодержащих растений внутри страны, а также поставки из соседних республик бывшего СССР;

— с 1996 по 1999 гг. — территориальная экспансия опиатов, основные объемы которых ввозились контрабандой из стран так называемого «Золотого полумесяца» (Афганистан, Пакистан, Иран) через территорию бывших среднеазиатских республик СССР и Казахстана, а также Закавказья;

— с 2000 г. — распространение синтетических наркотических средств, посту-

пающих, главным образом, из КНР, стран Европейского Союза, а также производимых внутри страны.

Полученные данные социологического опроса позволяют констатировать, что количество лиц, употребляющих наркотические средства регулярно или эпизодически, составляет 1,9 млн., возрастной интервал которых колеблется в пределах 18—28 лет, что соответствует в относительном измерении 1,3 % общей численности населения Российской Федерации³.

Не остались в стороне от негативного влияния наркомании и Вооруженные Силы Российской Федерации, которые в современных условиях выступают надежным гарантом стабильного и поступательного развития государства и общества.

Проведенное в Вооруженных Силах Российской Федерации А.С. Паршаковым исследование показало, что более половины (51 %) офицеров считают, что актуальность проблемы наркомании в армии высока⁴.

Проникновение наркотиков в армейскую среду как угроза национальной безопасности выражается в снижении боеспособности соединений, частей и подразделений, ухудшении количественно-качественных показателей мобилизационных ресурсов. Создается опасность применения военнослужащими вооружения и военной техники под воздействием наркотиков.

Следует согласиться с мнением экспертов, что «особую остроту проблеме придает то, что наркозависимые лица могут оказаться среди военнослужащих, выполняющих боевые задачи в составе частей и соединений постоянной готовности, имеющих на вооружении средства дальнего огневого поражения, в том числе ядерное, химическое и биологическое оружие, и от их действий

¹ Декларация о борьбе против незаконного оборота наркотиков и злоупотребления наркотическими средствами: резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1984 г. № 39/142.

² О Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 года : Указ Президента Российской Федерации от 9 июля 2010 г. № 690.

³ Там же.

⁴ См.: Паршаков А.С. Отдельные аспекты исследования латентной преступности военнослужащих в сфере незаконного оборота наркотиков // Военное право. 2020. № 3 (61). С. 240—254.

могут пострадать сотни и даже тысячи людей»¹.

В этих условиях уполномоченными органами предпринимаются действия по пресечению распространения в воинской среде наркомании и правонарушений в упомянутой сфере. Так, в отдельные нормативные законодательные акты внесен ряд изменений, которыми предусмотрено увольнение военнослужащих с военной службы вследствие положительного теста на наличие в организме наркотических средств, психотропных веществ и их метаболитов, а также в связи с совершением ими административного правонарушения, указанной категории².

В дополнении к этому в составе Главного военно-политического управления Министерства обороны Российской Федерации создана группа, координирующая работу центральных органов военного управления в данной сфере, а также введена «Система профилактики немедицинского потребления и незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ». Кроме того, как профилактическая мера воздействия во всех войсковых частях ежегодно проходит месячник «Армия против наркотиков»³. Аналогичная работа по предупреждению этих правонарушений организована и проводится в других войсках и органах — Росгвардия, Пограничные органы ФСБ России и др.

¹ См.: Песчанских Г.В., Плешаков А.А., Черкудинов Д.А. Влияние распространения наркомании и наркопреступности в армейской среде на рост количества преступлений экономической и коррупционной направленности, совершаемых в армии и на флоте // Наркоконтроль. 2017. № 2. С. 8—12.

² О воинской обязанности и военной службе : Федеральный закон от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ; О статусе военнослужащих : Федеральный закон от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ.

³ Об организации работы по противодействию незаконному потреблению наркотических средств и психотропных веществ в Вооруженных Силах Российской Федерации : приказ Министра обороны Российской Федерации от 11 декабря 2017 г. № 764.

Однако, несмотря на проводимые предупредительно-профилактические мероприятия, наркоситуация в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках оценивается как негативная, что свидетельствует о прямом отражении существующей в обществе проблемы наркомании и требует принятия дополнительных правовых и организационных мер. Нельзя забывать, «что военнослужащий-наркоман является потенциальным источником угрозы утраты или хищения оружия. Это идеальный объект вербовки со стороны террористических и экстремистских организаций в целях проведения диверсионно-террористических актов на стратегически важных объектах, захвата оружия, боеприпасов, боевой техники»⁴.

Исследования С.В. Маликова (2004) показали, что в период 1980—1985 гг., на которые пришлось широкомасштабные боевые действия советских войск в ДРА, уровень преступности (как и людских потерь) среди военнослужащих ограниченного контингента советских войск (ОКСВ) постоянно повышался на фоне распространения в ряде воинских частей самогонварения, пьянства и наркомании. На почве пьянства и наркомании совершалось каждое третье преступление, в том числе 40—50 % неуставных взаимоотношений⁵.

На основе изучения преступности военнослужащих в условиях вооруженного конфликта немеждународного характера С.Э. Гавето к негативным факторам отнес совершение преступлений, в том числе против мирного населения, в состоянии алкогольного или наркотического опьянения⁶.

Высокий уровень наркопреступности сохраняется не первый год, а в ее структуре и динамике выявлены

⁴ См.: Песчанских Г.В., Плешаков А.А., Черкудинов Д.А. Указ. соч.

⁵ См.: Маликов С.В. Военно-полевая криминалистика. М., 2008. С. 392—426.

⁶ См.: Гавето С.Э. Расследование преступлений, совершаемых военнослужащими в условиях вооруженного конфликта : дис. ...канд. юрид. наук. М., 1999. С. 184, 199.

негативные тенденции. Например, растет причастность к незаконному потреблению наркотических средств практически всех категорий военнослужащих (офицеры, прапорщики, военнослужащие по контракту и призыву). Большинство преступлений, 84 % (всего в 2021 г. зарегистрировано 255 наркопреступлений), совершается в Вооруженных Силах Российской Федерации. В частности, в 2021 г. в войсках зарегистрировано 214 таких преступления (+ 23,7 %, в 2020 г. — 173), что составляет 3,2 % от всех зарегистрированных преступлений¹.

Надо отметить, что официальная статистика не дает полного представления о масштабах реального злоупотребления наркотиками, так как количество зарегистрированных наркопотребителей в значительной степени отличается от их реального количества в десятки раз. Это объясняется общей латентностью наркопотребления.

Результаты исследования проблем латентной преступности (на протяжении с 2001 по 2010 гг.) под руководством С.М. Иншакова относят преступления в сфере незаконного оборота наркотиков (прежде всего преступления, предусмотренные статьями 228, 228-1 УК РФ) к категории особо высоколатентных (коэффициент латентности более 50)².

О распространенности в войсках различных нарушений закона указанной направленности свидетельствуют и результаты надзорных мероприятий. В 2021 г. органами военной прокуратуры во взаимодействии с органами безопасности в войсках, территориальными органами МВД России выявлено 2 195 (+ 8,2 % — 2 029) таких нарушений, виновные лица привлечены к ответственности³. Проку-

рскими проверками установлены каналы поступления наркотиков. В основном военнослужащие приобретают наркотики у проживающих рядом с воинскими частями местных жителей, привозят из отпусков или отправляют бандеролью.

В 2021 г. из незаконного оборота в армии и на флоте правоохранительными органами изъято свыше 25 кг (+ 52 — свыше 13 кг) наркотиков⁴.

В последние годы, как уже указывалось, «традиционные» наркотики (марихуана, гашиш и др.) стали замещаться синтетическими, например, дезоморфином, амфетамином, ЛСД, Спайсом, JWH и др., которые все чаще проникают в воинские коллективы.

Имеются и объективные факторы, способствующие активному проникновению наркотиков в армейскую среду. Основываясь на проведенных ранее научных исследованиях, выделим наиболее важные из них: дислокация воинских частей и подразделений в так называемых «зонах наркориска», то есть в регионах, где давно налажено производство местных наркотических средств, в основном каннабиноидного ряда; расположение в приграничных районах страны, в том числе Ростовской, Оренбургской и Калининградской областях, а также в Ставропольском, Краснодарском, Хабаровском и Приморском краях и ряд других портовых и пограничных городах Российской Федерации⁵.

Как показывает практика, к наиболее распространенным нарушениям указанного вида законодательства относятся:

— незаконное приобретение, хранение, перевозка, изготовление, употребление наркотических средств, психотропных веществ (ст. 282 УК РФ);

— незаконное производство, сбыт или пересылка наркотических средств, психотропных веществ (ст. 282.1 УК РФ);

¹ См.: О состоянии правопорядка в поднадзорных войсках, воинских формированиях и органах. Статистический сборник // Главная военная прокуратура. 2021. С. 3—15.

² Теоретические основы исследования и анализа латентной преступности: монография / под ред. С.М. Иншакова. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2011. С. 10, 20.

³ См.: Статистический сборник Главной военной прокуратуры. 2021.

⁴ Там же.

⁵ См.: Харабет К.В. Противодействие наркотизму и наркопреступности в военной организации государства. М.: За права военнослужащих, 2010. С. 140—141.

— нарушение правил оборота наркотических средств, психотропных веществ (ст. 282.2 УК РФ);

— осуществление хозяйственной деятельности, связанной с оборотом наркотических средств и психотропных веществ, без лицензии¹;

— ненадлежащее исполнение воинскими должностными лицами служебных обязанностей по предупреждению, выявлению и пресечению правонарушений, связанных с незаконным оборотом и употреблением наркотических средств, психотропных веществ и их немедицинским потреблением, в т.ч. сокрытие этих фактов.

В последние годы чаще наркотические средства реализуются через интернет, Skype, Viber, что требует принятия командованием дополнительных мер по выявлению и пресечению подобных фактов.

Наиболее действенными мероприятиями по профилактике наркомании в войсках являются:

— ежедневные телесные осмотры личного состава с целью своевременного установления лиц, предрасположенных к потреблению наркотических средств;

— внезапные проверки кладовых и прочих подсобных помещений с целью обнаружения признаков употребления и хранения военнослужащими наркотических средств;

— контроль за получением личным составом посылок и бандеролей от родственников, друзей и знакомых;

— обучение командиров подразделений и младших командиров (с привлечением медицинских работников) методикам выявления лиц, предрасположенных к потреблению наркотиков;

— проведение по уголовным делам названной категории открытых судебных процессов.

Однако перечисленные меры исполняются не всеми должностными лицами. Кроме того, анализ результатов прокурорской работы свидетельствует, что в отдельных воинских частях нарушаются ве-

домственные нормативные правовые акты — приказ Министра обороны Российской Федерации от 11 декабря 2017 г. № 764, и работа по выявлению и устранению причин, способствующих немедицинскому потреблению наркотиков, надлежащим образом не организована. Склонные к потреблению наркотических средств и психотропных веществ военнослужащие не выявляются. С личным составом индивидуально-воспитательная и предупредительно-профилактическая работа проводится не должным образом.

Следует согласиться с мнением К.В. Харабета, что «на снижение эффективности работы на данном направлении деятельности также влияют:

— упущения при организации и проведении призыва граждан на военную службу, «барьерные» функции призывных и медицинских комиссией не реализуются;

— недооценка командованием особой опасности наркомании для поддержания стабильного морально-психологического климата в воинских коллективах, укрепления боевой готовности частей и соединений;

— недостатки в организации службы войск, выражающиеся в слабом контроле за личным составом, низкой требовательности к подчиненным должностным лицам, отсутствии должной принципиальности и настойчивости в выявлении и пресечении фактов употребления военнослужащими наркотиков, привлечении виновных к установленной законом ответственности»².

Необходимо еще указать и на невыполнение отдельными командирами, начальниками медицинских служб воинских частей требований УВС ВС РФ, возлагающих обязанности по предотвращению распространения наркомании в воинском коллективе на должностных лиц.

Основными формами прокурорского реагирования по противодействию незаконному обороту наркотических средств и

¹ См.: О лицензировании отдельных видов деятельности : статьи 12, 13 : Федеральный закон от 4 мая 2011 г. № 99-ФЗ.

² См.: Харабет К.В. Современная наркоситуация в Вооруженных Силах: общая характеристика, основные тенденции, проблемы противодействия // Наркоконтроль. 2017. № 2. С. 29—36.

психотропных веществ являются представлением об устранении нарушений закона, постановлением о возбуждении производства об административном правонарушении, предостережением о недопустимости нарушения закона.

Если выявленные нарушения содержат признаки преступления, выносится мотивированное постановление о направлении материалов в следственный орган или орган дознания для решения вопроса об уголовном преследовании.

В действительности наиболее распространенным и важным актом прокурорского реагирования является представление об устранении нарушений закона, которое вносится по результатам прокурорских проверок.

Практика прокурорского надзора показывает, что на исполнение законов влияет качество подготовленных документов. Документы прокурорского реагирования, в которых отсутствуют анализ причин и условий выявленных нарушений закона, предложения, необходимые для их устранения, не способствуют укреплению правопорядка.

Таким образом, законодательными органами и иными инстанциями по разработке системы нормативного правового регулирования противодействия незаконному обороту наркотиков лишь в основном сформирована необходимая нормативная правовая база, регламентирующая эту деятельность. Для решения проблемы в целом

по снижению наркопреступности в воинских коллективах необходима комплексная совместная деятельность командования, военных прокуроров, следственных органов, органов безопасности в войсках, органов внутренних дел, а также надлежащим образом организованная надзорная работа в указанной сфере.

Библиография

1. Гавето, С.Э. Расследование преступлений, совершаемых военнослужащими в условиях вооруженного конфликта : дис. ...канд. юрид. наук / С.Э. Гавето. — М., 1999.
2. Маликов, С.В. Военно-полевая криминалистика / С.В. Маликов. — М., 2008.
3. Паршаков, А.С. Отдельные аспекты исследования латентной преступности военнослужащих в сфере незаконного оборота наркотиков / А.С. Паршаков // Военное право. — 2020. — № 3 (61). — С. 240—254.
5. Песчанских, Г.В. Влияние распространения наркомании и наркопреступности в армейской среде на рост количества преступлений экономической и коррупционной направленности, совершаемых в армии и на флоте / Г.В. Песчанских, А.А. Плешаков, Д.А. Черкудинов // Наркоконтроль. — 2017. — № 2. — С. 8—12.
5. Теоретические основы исследования и анализа латентной преступности : монография / под ред. С.М. Иншакова. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2011.
6. Харабет, К.В. Противодействие наркотизму и наркопреступности в военной организации государства : монография / К.В. Харабет. — М.: За права военнослужащих, 2010.
7. Харабет, К.В. Современная наркоситуация в Вооруженных Силах: общая характеристика, основные тенденции, проблемы противодействия / К.В. Харабет // Наркоконтроль. — 2017. — № 2. — С. 29—36.

Служебная тайна в области обороны vs принцип гласности судопроизводства

© Зайков Денис Евгеньевич,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры «Теория права, гражданское право и гражданский процесс» Юридического института ФГАОУ ВО «Российский университет транспорта»

Аннотация. Введение института служебной тайны в области обороны явилось одним из важных шагов на пути совершенствования информационной безопасности государства. Вместе с тем, его полноценная и эффективная реализация требует полноценного внедрения в существующие правоотношения. Проблемные вопросы возникают при рассмотрении судами дел, содержащих сведения, составляющие служебную тайну в области обороны, в связи с наличием принципа гласности судопроизводства. Автор анализирует соответствующее правовое регулирование и предлагает пути устранения имеющихся недостатков.

Ключевые слова: служебная тайна в области обороны, информация, суды, принцип гласности судопроизводства, закрытое судебное заседание.

Official secrecy in the field of defense vs the principle of transparency of legal proceedings

© Zaikov D.E.,

Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of "Theory of Law, Civil Law and Civil Procedure" of the Law Institute of the Russian University of Transport

Abstract. The introduction of the institute of official secrets in the field of defense was one of the important steps towards improving the information security of the state. At the same time, its full and effective implementation requires full implementation into existing legal relations. Problematic issues arise when courts consider cases containing information constituting official secrets in the field of defense, due to the existence of the principle of transparency of proceedings. The author analyzes the relevant legal regulation and suggests ways to eliminate the existing shortcomings.

Keywords: official secrets in the field of defense, information, courts, the principle of transparency of proceedings, closed court session.

В современном мире, где информация играет главенствующую роль, в условиях новых вызовов и глобальных угроз особое значение приобретает информационная безопасность в области обороны страны. Состояние такой информационной безопасности характеризуется увеличением масштабов применения отдельными государствами и организациями информационных технологий в военно-политических целях, в том числе для осуществления действий, противоречащих международному

праву, направленных на подрыв суверенитета, политической и социальной стабильности, территориальной целостности Российской Федерации и ее союзников и представляющих угрозу международному миру, глобальной и региональной безопасности¹.

¹ П. 15 Доктрины информационной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 5 декабря 2016 г. № 646.

При этом если вопросы безопасности сведений, составляющих государственную тайну, имеют всестороннее нормативно-правовое регулирование¹, что позволяет обеспечивать сохранение указанной конфиденциальной информации, то регламентация безопасности служебной информации ограниченного распространения длительное время являлась пробельной и фрагментарной как на федеральном, так и ведомственных уровнях², что негативно сказывалось на состоянии ее защищенности.

Частично указанная проблема была решена путем создания нового правового института — служебной тайны в области обороны³.

Так, Федеральный закон от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне» (далее — Закон об обороне) был дополнен статьей 3.1 «Служебная тайна в области обороны», согласно п. 1 которой служебную тайну в области обороны составляют сведения, которые образуются при осуществлении полномочий органами государственной власти Российской Федерации, функций органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления и организациями по организации и выполнению мероприятий в области обороны, распространение которых может нанести вред при выполнении указанных мероприятий.

Пунктом 6 ст. 3.1 Закона об обороне определено, что сведения, составляющие служебную тайну в области обороны, являются информацией ограниченного доступа и не подлежат разглашению.

Лица, получившие доступ к информации, содержащей сведения, составляющие

служебную тайну в области обороны, в связи с исполнением служебных или профессиональных обязанностей, обязаны соблюдать конфиденциальность такой информации и не разглашать указанные сведения без согласия соответствующих органов государственной власти Российской Федерации, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления и организаций, предоставивших данные сведения⁴.

Полномочиями по утверждению перечней сведений, подлежащих отнесению к служебной тайне в области обороны наделены руководители федеральных органов исполнительной власти и федеральных государственных органов, в которых федеральным законом предусмотрена военная служба⁵. Основанием для отнесения сведений к служебной тайне в области обороны является их соответствие перечням сведений.

Безусловно, объем сведений, которые подлежат отнесению к служебной тайне в области обороны, в различных госорганах различается, что обусловлено спецификой выполняемых функций.

Так, Перечень сведений Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации, подлежащих отнесению к служебной тайне в области обороны, утвержденный приказом Росгвардии от 27 декабря 2021 г. № 480, содержит 60 пунктов.

Перечень сведений Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, подлежащих отнесению к служебной тайне в области обороны, утвержденный приказом МЧС России от 29 декабря 2021 г. № 940, включает 22 пункта.

Перечень сведений Вооруженных Сил Российской Федерации, подлежащих отнесению к служебной тайне в области обороны, утвержденный приказом Министра обороны Российской Федерации от 17 января 2022 г. № 22 (далее — Перечень

¹ См., напр.: Закон Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5485-1 «О государственной тайне»; Перечень сведений, отнесенных к государственной тайне, утвержденный Указом Президента Российской Федерации от 30 ноября 1995 г. № 1203.

² См., напр.: Травников Н.О. Проблемы закрепления института служебной тайны в российской правовой системе // Российский юридический журнал. 2019. № 1. С. 22—30.

³ Федеральный закон от 11 июня 2021 г. № 172-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об обороне».

⁴ Пункт 7 ст. 3.1 Закона об обороне.

⁵ Перечни сведений подлежат опубликованию в открытом доступе.

Минобороны России), состоит из 689 пунктов¹.

Подобное наполнение Перечня Минобороны России позволяет сделать вывод, что преобладающий объем информации о деятельности Вооруженных Сил Российской Федерации предполагается отнести к служебной тайне в области обороны. Насколько такой подход обоснован с учетом того, что именно в Вооруженных Силах Российской Федерации обращается самый значительный массив сведений в сфере обороны, а актуальность рассматриваемого правового института сложно переоценить?

Для ответа на этот вопрос необходим всесторонний анализ, в том числе имеющейся практики обращения в Вооруженных Силах Российской Федерации служебной информации ограниченного распространения, требований законодательства Российской Федерации в части открытого доступа к соответствующим сведениям, соотношения возможных позитивных и негативных последствий от закрытия такой информации, а также практического влияния принятых решений на усложнение функционирования Вооруженных Сил Российской Федерации и их структурных элементов².

Вместе с тем, наиболее значимым является обеспечение защиты служебной тайны в области обороны, особенно во взаимоотношениях с третьими лицами.

Так, в качестве одной из причин введения института служебной тайны в области обороны указывалось следующее: «В средствах массовой информации периодически распространяется излишне конкретная информация, относящаяся к обороне, особенно в части изменения показателей боевого потенциала Вооруженных Сил Российской Федерации, создания новых образцов вооружения и военной техники, их ожидаемых тактико-технических харак-

теристик, перемещениях войск (сил), финансового состояния и хозяйственной деятельности воинских формирований и т.д. Нередко указанную информацию можно встретить в судебных постановлениях, находящихся в открытом доступе, поскольку в соответствии с процессуальным законодательством в закрытых судебных заседаниях рассматриваются только дела, в материалах которых содержатся сведения, составляющие государственную или иную охраняемую законом тайну, к которым служебная тайна в области обороны пока не отнесена»³.

С учетом изложенного одной из важных задач по обеспечению безопасности информации ограниченного доступа является защита служебной тайны в области обороны при рассмотрении дел в судах, которая с учетом процессуального принципа гласности судопроизводства подлежит решению с учетом следующих направлений:

— форма проведения судебного заседания (открытое или закрытое);

— размещение текстов судебных актов (постановлений) на официальных сайтах судов в сети «Интернет».

Указанные отношения регулируются как нормами процессуального права⁴, так и Федерального закона от 22 декабря 2008 г. № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» (далее — Закон № 262-ФЗ). Однако специфика применения указанных положений при рассмотрении судами дел, содержащих сведения, составляющие служебную тайну в области обороны, приводит к различным направлениям развития судебной практики.

Так, в связи с введением института служебной тайны в области обороны и в

¹ Проект указанного приказа Министра обороны Российской Федерации изначально содержал 813 пунктов.

² См.: Зайков Д.Е. Служебная тайна в области обороны // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2022. № 5. С. 37.

³ Заключение Комитета Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по обороне от 12 мая 2021 г., утвержденное решением № 203/1 по проекту федерального закона № 1144924-7 «О внесении изменений в Федеральный закон «Об обороне» (по вопросу служебной тайны), внесенному Правительством РФ // СПС «Гарант».

⁴ См., напр.: ст. 10 ГПК РФ, ст. 11 АПК РФ, ст. 11 КАС РФ.

целях учета особенностей его применения при рассмотрении дел военными судами заместителем Председателя Верховного Суда Российской Федерации в письме от 28 апреля 2022 г. № 7-ВС-2091/22 (далее — письмо-1) разъяснено следующее:

«При рассмотрении в военных судах дел, содержащих сведения, составляющие служебную тайну в области обороны, при наличии доказательств и других материалов, содержащих такие сведения, необходимо решить вопрос о необходимости проводить их исследование в закрытых судебных заседаниях в соответствии с п. 1 ч. 2 ст. 241 УПК РФ, ч. 2 ст. 10 ГПК РФ, ч. 2 ст. 11 КАС РФ и ч. 1 ст. 24.3 КоАП РФ, о чем выносить соответствующие определения или постановления.

В закрытых судебных заседаниях должны рассматриваться также материалы о применении к военнослужащим дисциплинарного ареста.

На интернет сайтах судов не должны размещаться тексты судебных решений, содержащие информацию, относящуюся к служебной тайне в области обороны».

Вопрос о наличии оснований для рассмотрения дел в закрытом судебном заседании в связи с наличием в материалах дел сведений, составляющих служебную тайну в области обороны, по общему правилу разрешается судом только на основании соответствующего ходатайства лица, участвующего в деле¹. Такими основаниями являются доказательства и другие материалы, которые содержат соответствующую информацию ограниченного доступа. При этом суд подобный вывод может

¹ Согласно п. 8 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 13 декабря 2012 г. № 35 «Об открытости и гласности судопроизводства и о доступе к информации о деятельности судов» (далее — Постановление Пленума ВС РФ № 35) в случае, если обстоятельства, с которыми закон связывает возможность рассмотрения уголовного дела в закрытом судебном заседании, будут установлены в ходе разбирательства уголовного дела в открытом судебном заседании, суд вправе по своей инициативе разрешить вопрос о проведении разбирательства дела в закрытом судебном заседании, о чем выносится соответствующее определение (постановление).

сделать только по результатам непосредственного исследования указанных материалов, на которых в правом верхнем углу первой страницы, а также на первой странице сопроводительного письма должны содержаться пометка «Для служебного пользования» со ссылкой на пункт перечня сведений, соответствующего госоргана, уполномоченного на его издание, а также номер экземпляра. Относимость сведений, содержащихся в документе, к сведениям, составляющим служебную тайну в области обороны, определяется исполнителем и должностным лицом, подписывающим или утверждающим документ в соответствии с перечнем сведений².

Вызывает вопросы разъяснение, содержащееся в письме-1, в части безусловности рассмотрения материалов о применении к военнослужащим дисциплинарного ареста в закрытых судебных заседаниях. Федеральный закон от 1 декабря 2006 г. № 199-ФЗ «О судопроизводстве по материалам о грубых дисциплинарных проступках при применении к военнослужащим дисциплинарного ареста и об исполнении дисциплинарного ареста» подобного положения не содержит и оснований наличия указанного исключения из общего правила не видится.

Аналогичная ситуация складывается и с позицией, выраженной в письме-1 в части наличия запрета на размещение текстов судебных решений, содержащих информацию, относящуюся к служебной тайне в области обороны на официальных сайтах судов в сети «Интернет». Данное положение прямо противоречит ч. 6 ст. 15 Закона № 262-ФЗ, в силу которой при размещении в сети «Интернет» текстов судебных актов, предусматривающих положения, которые содержат сведения, составляющие государственную или иную охраняемую законом тайну, эти положения исключаются из текстов судебных актов³.

² См.: п. 2 Правил обращения со сведениями, составляющими служебную тайну в области обороны, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 26 ноября 2021 г. № 2052 (далее – Правила).

³ См. также п. 32 Постановления Пленума ВС РФ № 35.

Вместе с тем, если под указанные разъяснения подвести расширенное толкование п. 1 ч. 5 ст. 15 Закона № 262-ФЗ, в силу которого не подлежат размещению в сети «Интернет» тексты судебных актов, вынесенных по делам, затрагивающим безопасность государства, включая в ее содержание служебную тайну в области обороны, то все встает на свои места.

Стоит указать, что другое разъяснение по вопросам особенностей применения института служебной тайны в области обороны при рассмотрении дел арбитражными судами и судами общей юрисдикции были даны первым заместителем Председателя Верховного Суда Российской Федерации в письме от 22 мая 2022 г. № 4-ВС-2529/22 (далее — письмо-2):

«Разбирательство в судах дел, содержащих сведения, составляющие служебную тайну в области обороны, может проводиться в закрытом судебном заседании (либо соответствующей его части) в порядке и по основаниям, предусмотренным соответствующим процессуальным законодательством.

При размещении текстов судебных актов, содержащих информацию, относящуюся к служебной тайне в области обороны, на официальных сайтах судов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», следует учитывать нормы Федерального закона от 22 декабря 2008 г. № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации», согласно которым сведения, составляющие государственную или иную охраняемую законом тайну, исключаются из текстов судебных актов (ч. 6 ст. 15)».

Разъяснения, содержащиеся в письме-2, также даны Верховным Судом Российской Федерации, однако кардинальное различие с письмом-1 по поводу размещения судебных постановлений, вынесенных в закрытом судебном заседании, налицо.

При этом изложенная в письме-2 позиция, в свою очередь, противоречит абзацам 4—5 п. 27 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 8 октября 2012 г. № 61 «Об

обеспечении гласности в арбитражном процессе»: «По смыслу законодательства о государственной тайне и в силу п. 1 ч. 5 ст. 15 Закона № 262-ФЗ судебные акты, принятые по делам, при рассмотрении которых исследовались сведения, составляющие государственную тайну, и иные сведения, затрагивающие безопасность государства, не подлежат опубликованию в сети «Интернет». При этом вместо текстов судебных актов, выносимых по таким делам, размещается документ с текстом «Судебный акт принят в закрытом судебном заседании».

Судебные акты, принятые по делам, при рассмотрении которых исследовались сведения, составляющие коммерческую или иную охраняемую законом тайну, также не подлежат размещению в сети «Интернет».

Таким образом, в настоящее время в судебной системе отсутствует единый подход по отдельным вопросам защиты служебной тайны в области обороны при рассмотрении дел в судах, что создает предпосылки как для несанкционированного ее разглашения, так и нарушения принципа гласности судопроизводства. Данная проблема должна быть разрешена путем принятия Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации об обеспечении принципа гласности с разъяснениями особенностей судопроизводства с применением института служебной тайны в области обороны.

В указанных условиях важнейшая роль по недопущению разглашения служебной тайны в области обороны при рассмотрении дел в судах отводится представителям органов военного управления, воинских частей и организаций, которые в целях обеспечения защиты указанной информации ограниченного доступа при наличии оснований должны заявлять ходатайства о рассмотрении дел в закрытых судебных заседаниях.

Библиография

1. Зайков, Д.Е. Служебная тайна в области обороны // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2022. — № 5. — С. 32—39.
2. Травников, Н.О. Проблемы закрепления института служебной тайны в российской правовой системе // Российский юридический журнал. — 2019. — № 1. — С. 22—30.

Оценка эффективности надзорной деятельности органов прокуратуры

© Махьянова Римма Мубаракновна,
кандидат юридических наук, доцент 25 кафедры
ФГКВОУ ВО «Военный университет имени
князя Александра Невского» Минобороны
России

Аннотация. На основе ретроспективного анализа научно-практической литературы и надзорной практики органов прокуратуры в настоящей статье в целях повышения квалификации прокурорских работников, развития организации и деятельности прокуратуры и усовершенствования процесса осуществления надзорной деятельности: выделены основные критерии оценки эффективности надзорной деятельности органов прокуратуры; предложены другие аспекты, способствующие повышению качества и результативности надзорной деятельности.

Ключевые слова: надзорная деятельность органов прокуратуры; тактика надзорной деятельности; этапы надзорной деятельности; эффективность надзорной деятельности; критерии оценки эффективности надзорной деятельности.

Evaluation of the effectiveness of the supervisory activities of the Prosecutor's Office

© Makhyanova R.M.,
Candidate of Law, Associate Professor of the 25th
Department of the Prince Alexander Nevsky
Military University of the Russian Ministry of
Defense

Annotation. Based on a retrospective analysis of the scientific and practical literature and supervisory practice of the prosecutor's office in this article, in order to improve the skills of prosecutors, develop the organization and activities of the prosecutor's office and improve the process of supervisory activities: the main criteria for evaluating the effectiveness of supervisory activities of the prosecutor's office are highlighted; other aspects that contribute to improving the quality and effectiveness of supervisory activities are proposed.

Keywords: supervisory activity of the prosecutor's office; tactics of supervisory activity; stages of supervisory activity; effectiveness of supervisory activity; criteria for evaluating the effectiveness of supervisory activity.

В данной публикации надзорная деятельность органов прокуратуры рассматривается как самостоятельный и последовательный прокурорско-надзорный процесс, связанный с организацией, проведением и реализацией результатов проверок исполнения законов вне уголовно-правовой сферы.

Термин «эффективность» часто употребляется в общественно полезной деятельности и не нуждается в детальном толковании.

Любая общественно полезная деятельность имеет определенную цель, достижение которой предполагает использование передовых технологий, усовершенствованных методов и способов действий. Это означает использование знаний, как научных, так и практических. Данный процесс является постоянным и способствует дальнейшему повышению эффективности конкретной целенаправленной деятельности.

Не является исключением и надзорная деятельность органов прокуратуры, основ-

ной целью которой является обнаружение, устранение и пресечение всевозможных нарушений законности и способствующих им обстоятельств посредством проведения проверок и реализации их результатов в установленном законом порядке.

Цель ориентирует субъектов деятельности, мобилизует их творческий, психологический, энергетический и материально-технический потенциал для предстоящей созидательной деятельности. В понятии «цель» интегрируются познавательная и преобразовательная материальная стороны практики, что предполагает не только знание законов, но и разработку адекватных им форм использования¹.

Достижение поставленных целей и получение ожидаемых результатов характеризуется как результативная и успешная деятельность и дает основание полагать о том, что понятия «эффективность» и «результативность» тесно взаимосвязаны и неразделимы одно от другого. Эффективность, ее достижение, предполагает наличие конкретного результата, полученного в процессе осуществляемой деятельности. Однако воздержимся здесь от более детального раскрытия содержания взаимосвязи указанных понятий.

Таким образом, эффективная деятельность подразумевает под собой достижение ожидаемого результата, поставленной цели, успеха.

Представляется, что определить, насколько эффективна (результативна) или неэффективна та или иная деятельность, возможно лишь с помощью оценки такой деятельности.

В этих целях в различных отраслях деятельности на постоянной основе разрабатываются различные модели эффективности деятельности, в основном, связанные с производством различных товаров, оказанием услуг, а также по оценке эффективности деятельности отдельных должностных лиц².

¹ Цитленок В.С. Основы теории эффективности системы социалистического труда. Томск, 1985. С 35.

² См., например: постановление Правительства Российской Федерации от 11.02.2021 № 161 «Об утверждении требований к региональным и

Нуждается в обязательной оценке и деятельность прокурора, в особенности, связанная с реализацией одной из основных функций прокуратуры — надзорной. Здесь речь идет о проведении прокурорских проверок в целях обеспечения верховенства закона.

Термин «оценить» означает, в том числе, установить качество, степень, уровень чего-нибудь, которые выступают в роли самостоятельных оценочных критериев эффективности деятельности. Вопросы определения эффективности прокурорского надзора были предметом научно-прикладных исследований, проводимых учеными в разное время³.

Так, в исследовании 1968 г. учеными и практиками указывается на пересечение науки криминологии и теории прокурорского надзора и утверждается о том, что теория прокурорского надзора, разрабатываемая методика оценки его эффективности, использует приемы, применяемые при

муниципальным программам в области энергосбережения и повышения энергетической эффективности и о признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации и отдельных положений некоторых актов Правительства Российской Федерации»; Бахарев Г.А., Кандыбко Н.В. Экономическая эффективность и закупки оборонной продукции : монография. М., 2010; Указ Президента Российской Федерации от 04.02.2021 № 68 «Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации и деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации».

³ Некоторые тенденции совершенствования прокурорского надзора / Тадж. гос. ун-т им. В.И. Ленина. Лаборатория по проблемам прокурорского надзора при юрид. фак. Душанбе: Ирфон, 1968. (Определение эффективности прокурорского надзора», разработанное совместно с А.Д. Берензоном и В.К. Звирбулем. С. 62—81); Проблемы эффективности прокурорского надзора [д-р юрид. наук К.Ф. Скворцов, канд. юрид. наук В.Т. Михайлов, д-р юрид. наук, проф. С.Г. Березовская и др.]; Под ред. д-ра юрид. наук К.Ф. Скворцова; Всесоюз. ин-т по изучению причин и разраб. мер предупреждения преступности. М.: Юрид. лит., 1977; Теоретические основы эффективности прокурорского надзора за исполнением законов : монография / А.Ю. Винокуров, Ю.Е. Винокуров. М.: Изд-во Моск. гуманит. университета, 2008.

проведении криминологических исследований. По их мнению, эффективность является единственно действительным показателем «качества прокурорского надзора». В указанном научном труде предлагается активно использовать общественных помощников прокурора, расширив их полномочия путем принятия специального документа. Ученые также высказывают позицию о взаимосвязи понятий «эффективность» и «результативность». Под эффективностью прокурорского надзора ими понимается уровень результативности всей надзорной деятельности конкретной отдельно взятой прокуратуры. Об эффективности прокурорского надзора свидетельствуют следующие критерии: своевременность и полнота выявляемых нарушений закона, причин и условий им способствующих. Авторами предложена примерная методика оценки эффективности прокурорского надзора в рамках указанных критериев, которая требует дальнейшей доработки¹.

Несколько лет спустя вышла коллективная монография, посвященная проблемам эффективности прокурорского надзора, в которой авторами осуществлен комплексный подход к решению указанной проблемы.

Выделены ее основные аспекты (социально-политический, экономический, правовой, организационный, информационный, технический и некоторые другие) и ряд проблем, основные из которых, определение понятия критериев, конкретных показателей, методики измерения и оценки эффективности прокурорского надзора, выявление факторов, влияющих на его эффективность, разработка и внедрение научных рекомендаций, направленных на повышение эффективности прокурорской деятельности и т.п. Авторами сделан вывод о том, что в целях измерения и оценки эффективности прокурорского надзора в каждой из его отраслей и в каждом из его направлений необходимо разработать специфические коэффициенты и методики. Определены факторы, влияющие, как на

повышение, так и на снижение эффективности прокурорского надзора. Среди них правовые, организационные, информационные, процедурные, работа с кадрами, научно-методическая помощь, материально-технические и иные факторы².

Такой же комплексный подход к исследованию вопросов эффективности прокурорского надзора за исполнением законов прослеживается в монографическом издании постсоветского периода.

Авторами по аналогии предыдущего монографического исследования выделены основные направления и предпосылки повышения эффективности прокурорского надзора, среди которых совершенствование действующего законодательства в части расширения полномочий прокуратуры, организационные, проверочные и контрольно-проверочные мероприятия выделены в самостоятельные стадии, облекаемые в форму прокурорско-надзорного процесса с определением его основных характерных черт. В указанном труде выделены предпосылки повышения эффективности прокурорского надзора за исполнением законов (добросовестное отношение прокурора к исполнению служебных обязанностей, его четкое ориентирование в социально-экономических, политических и иных процессах, происходящих в государстве, знание прокурором законодательства и практики исполнения законодательства, информационная осведомленность прокурора, владение тактикой и методикой прокурорского надзора за исполнением законов и др.)³.

Авторы также поддерживают позицию ученых предыдущего исследования и утверждают, что эффективность выступает в роли основной оценочной категории прокурорского надзора за исполнением законов, а качество является одной из основных оценочных категорий данной отрасли надзора, категории «эффективность» и «результативность» взаимосвязаны. Также авторами сформулировано опреде-

² Проблемы эффективности прокурорского надзора. С. 3, 30.

³ Теоретические основы эффективности прокурорского надзора за исполнением законов: монография

¹ Некоторые тенденции совершенствования прокурорского надзора. С. 62—81.

ление понятия эффективности прокурорского надзора за исполнением законов, под которой ими понимается соотношение целей, поставленных перед ним, и результатов их достижения. Предлагаются критерии оценки эффективности прокурорского надзора за исполнением законов по четырем уровням целей; определены основные направления повышения эффективности прокурорского надзора за исполнением законов (всего 8). Предложенные направления касаются вопросов выявления нарушений закона, предупреждения правонарушений, совершенствования руководства надзорной деятельностью (со стороны вышестоящих прокуратур), совершенствование методического обеспечения, профессионального мастерства прокурорских работников, подбора и расстановки кадров, научного обеспечения прокурорского надзора за исполнением законов.

Также авторами определены предпосылки (предварительные условия) повышения эффективности прокурорского надзора за исполнением законов, среди которых, «мастерское владение тактикой и методикой прокурорского надзора за исполнением законов»¹.

Таким образом, учеными, как в более раннем периоде времени, так и в современное время основное внимание уделено вопросам: 1) профессионализма прокурорских работников (знание действующего законодательства, примерное исполнение должностных обязанностей, постоянное совершенствование научных знаний и практических навыков, знание социальной, экономической и политической обстановки в стране и др., включая организацию и деятельность органов прокуратуры); 2) обеспечения качества осуществляемой надзорной деятельности (здесь подразумеваются ее этапы — выявление, устранение и предупреждение нарушений законов, способствующих им обстоятельств).

Разделяя такую позицию, следует отметить, что повышение эффективности прокурорского надзора в целом предполагает достижение результативности и качества каждого отдельно взятого направле-

ния надзора. Невозможно добиться эффективности надзорной деятельности в целом за счет резкого ее повышения на одном направлении надзора и значительного снижения на других.

В этих целях учеными предлагается сбалансированное совершенствование всех направлений прокурорского надзора².

Анализ действующего законодательства о прокурорском надзоре и организационно-распорядительных документов Генерального прокурора Российской Федерации дает основание полагать о том, что основу надзорной деятельности составляют прокурорские проверки по направлениям надзора³.

В документах Генерального прокурора Российской Федерации наряду с требованием повышения результативности и эффективности прокурорского надзора на конкретном направлении надзора предписывается оценивать и качество проведенных проверок, и внесенных по их результатам актов прокурорского реагирования⁴.

По нашему мнению, качество проверок зависит от качества каждого совершаемого надзорного действия, которое должно быть обоснованным, логичным, последовательным и целесообразным применительно к условиям конкретной складывающейся ситуации.

Учитывая последовательный процесс совершения надзорных проверочных действий, представляется целесообразным их систематизировать в единую систему, состоящую из последовательных этапов, раскрывающих процесс проведения проверки и реализации ее результатов (например: проведение проверки; принятие мер

² Там же. С. 32.

³ Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации»; приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 07.12.2007 № 195 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина». П. 1.

⁴ Приказ Генпрокуратуры России от 16.01.2014 № 6 «Об организации надзора за исполнением законов администрациями учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания, следственных изоляторов при содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений». Пункты 1.15, 2.2

¹ Там же.

прокурорского реагирования; контроль за выполнением требований прокурора, изложенных в документах реагирования). Более детально об этом нами написано ранее¹.

Таким образом, принимая во внимание все направления повышения эффективности прокурорского надзора, предложенные ранее учеными и практиками в своих фундаментальных исследованиях, представляется целесообразным дополнить указанный перечень и выделить другие аспекты, основанные на результатах надзорной практики и анализа действующего законодательства о прокурорском надзоре.

Как мы отмечали выше, надзорная деятельность (ее основа — прокурорские проверки) нуждается в более четкой правовой регламентации. На наш взгляд, это должен быть самостоятельный законодательный акт, регулирующий проверочную деятельность прокурора. Такой подход позволит решить проблему качества прокурорских проверок и принятия по их результатам целесообразных мер реагирования.

Основными отправными точками здесь будут выступать упорядоченный процесс проводимых проверок и их участники (прокурор, лица, участвующие в проведении проверки по требованию прокурора (специалисты, эксперты, должностные и иные заинтересованные лица). Деятельность всех субъектов проверки (включая, в первую очередь ее основного субъекта — прокурорского работника) должна быть четко изложена в соответствующем нормативном правовом акте.

Некоторыми учеными, исследовавшими проблемы совершенствования теории прокурорского надзора, предложено считать прокурорский надзор за исполнением законов прокурорско-надзорным процессом, связанным с выявлением, устранением правонарушений и восстановлением нарушенных прав².

В.В. Долежан в своем научном исследовании надзорный процесс описывал более широко, начиная с изучения и анализа поступающей в органы прокуратуры информации о нарушении законов, включая вопросы обжалования действий прокурора, заканчивая его оценкой результативности прокурорского реагирования³.

Другие ученые полагают, что надзорный цикл — это взятый в единичном виде надзорный процесс, носящий замкнутый характер, начинающийся с выявления нарушения законов и обстоятельств, им способствующих, и кончающийся установлением результативности прокурорских актов реагирования на выявленные нарушения законов, а надзорный процесс — это собственно надзорная деятельность прокуроров, направленная на выявление, устранение и предупреждение нарушений законности⁴.

Мы поддерживаем такую позицию в части, касающейся самостоятельной правовой регламентации вопросов, связанных с проведением прокурорских проверок и реализацией их результатов.

К следующему аспекту, повышающему эффективность надзорной деятельности, по нашему мнению, следует отнести тактику, которая в силу своей недостаточной исследованности в настоящее время (а именно ее теоретических и методологических основ) не используется прокурорами в надзорной практике.

Указанный вопрос нами рассмотрен ранее⁵.

Разработка и реализация тактики при осуществлении надзорной деятельности будет способствовать обновлению форм и методов прокурорских проверок, позволит повысить их качество, совершенствовать

³ Долежан В.В. Проблемы компетенции прокуратуры : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.11. М., 1991.

⁴ Берензон А.Д. Правовое регулирование общенадзорной деятельности прокуроров // Совершенствование правового регулирования прокурорского надзора в СССР : Сб. научных трудов. М., 1978. С. 112.

⁵ Махьянова Р.М. Влияние тактики на повышение эффективности надзорной деятельности органов военной прокуратуры // Военное право. 2020. № 3. С. 199—202.

¹ Махьянова Р.М. Тактический аспект надзорной деятельности органов прокуратуры : монография. М.: ВУ, 2022. С. 38—48.

² Ломовский В.Д. Прокурорско-надзорный процесс : учебное пособие. Тверь, 1997. С. 7.

надзорные действия прокурорских работников и повысить уровень их профессиональной подготовки.

Оценка используемой тактики надзорной деятельности (или тактическая обоснованность) является, на наш взгляд, одним из существенных факторов, влияющих на достижение результативности, качества проводимых проверок и повышение эффективности надзорной деятельности как по конкретным направлениям надзора, так и в целом.

Кроме того, в соответствии со ст. 40.4 Федерального закона от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации». Ст. 40.4. базовым нормативным документом, регламентирующим вопросы организации и деятельности прокуратуры Российской Федерации, каковым является эффективность является одним из принципов организации и деятельности прокуратуры.

В этой связи, в целях развития законодательства о прокурорском надзоре и повышения эффективности прокурорского надзора, представляется целесообразным определить основные критерии оценки надзорной деятельности и требования, предъявляемые при этом к прокурорским работникам, закрепив их в правовом акте Генерального прокурора Российской Федерации.

Библиография

1. Берензон, А.Д. Правовое регулирование общенадзорной деятельности прокуроров / А.Д. Берензон // Совершенствование правового

регулирования прокурорского надзора в СССР : Сб. научных трудов. — М., 1978.

2. Бахарев, Г.А. Экономическая эффективность и закупки оборонной продукции : монография / Г.А. Бахарев, Н.В. Кандыбко. — М.: 2010.

3. Долежан, В.В. Проблемы компетенции прокуратуры : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.11 / В.В. Долежан. — М., 1991.

4. Ломовский, В.Д. Прокурорско-надзорный процесс : учебное пособие / В.Д. Ломовский. — Тверь, 1997.

5. Махьянова, Р.М. Влияние тактики на повышение эффективности надзорной деятельности органов военной прокуратуры / Р.М. Махьянова // Военное право. — 2020. — № 3.

6. Махьянова, Р.М. Понятие «Тактическая обоснованность»: теоретический аспект / Р.М. Махьянова // Морской сборник. — 2021. — № 4.

7. Махьянова, Р.М. Тактический аспект надзорной деятельности органов прокуратуры : монография / Р.М. Махьянова. — М.: ВУ, 2022.

8. Некоторые тенденции совершенствования прокурорского надзора / Тадж. гос. ун-т им. В.И. Ленина. Лаборатория по проблемам прокурорского надзора при юрид. фак. — Душанбе: Ирфон, 1968.

9. Проблемы эффективности прокурорского надзора [д-р юрид. наук К.Ф. Скворцов, канд. юрид. наук В.Т. Михайлов, д-р юрид. наук, проф. С.Г. Березовская и др.] / Под ред. д-ра юрид. наук К.Ф. Скворцова ; Всесоюз. ин-т по изучению причин и разраб. мер предупреждения преступности. — М.: Юрид. лит., 1977.

10. Теоретические основы эффективности прокурорского надзора за исполнением законов : монография / А.Ю. Винокуров, Ю.Е. Винокуров. — М.: Изд-во Моск. гуманитар. университета, 2008.

11. Цитленок, В.С. Основы теории эффективности системы социалистического труда / В.С. Цитленок. — Томск 1985.

Организационная основа профилактики правонарушений коррупционного характера в войсках национальной гвардии Российской Федерации

© Назарова Ирина Сергеевна,

Кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры конституционного и административного права факультета (командного) Санкт-Петербургского военного ордена Жукова института войск национальной гвардии Российской Федерации

© Шеншин Виктор Михайлович,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России им. Героя Российской Федерации генерала армии Е.Н. Зиничева; доцент кафедры уголовного и административного права Санкт-Петербургского государственного морского технического университета

Аннотация. В представленном исследовании дается авторская интерпретация дефиниции «профилактика коррупции». Под организационной основой противодействия коррупции исследователи предлагают понимать «законодательно и структурно определенную совокупность органов, должностных лиц, институтов гражданского общества, наделенных полномочиями в области противодействия коррупции». Уточняется перечень задач, возлагаемых на антикоррупционные подразделения. В рамках статьи авторы делают вывод о том, что законодатель ставит знак тождества между понятиями «коррупционное правонарушение» и «коррупция»; предупреждение коррупции включено законодателем в качестве элемента в два направления противодействия коррупции – в профилактику коррупции и борьбу с ней; логически неверно указывать предупреждение правонарушений после их выявления. Легальное определение противодействия коррупции изложено в новой редакции.

Ключевые слова: профилактика коррупции; организационная основа противодействия коррупции; гражданское общество; предупреждение коррупции; коррупционное правонарушение.

Organizational basis for the prevention of corruption offenses in the troops of the National Guard of the Russian Federation

© **Nazarova I.S.**,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Constitutional and Administrative Law of the Faculty (command) St. Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard of the Russian Federation

© **Shenshin V.M.**,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the St. Petersburg University of the Ministry of Emergency Situations of Russia. Hero of the Russian Federation General of the Army E.N. Zinicheva; Associate Professor of the Department of Criminal and Administrative Law of the St. Petersburg State Maritime Technical University

Abstract. In the presented study, the author's interpretation of the definition of "prevention of corruption" is given. Under the organizational basis of anti-corruption, researchers propose to understand "a legislatively and structurally defined set of bodies, officials, civil society institutions with powers in the field of anti-corruption." The list of tasks assigned to anti-corruption units is being clarified. Within the framework of the article, the authors conclude that the legislator puts a sign of identity between the concepts of "corruption offense" and "corruption"; the prevention of corruption is included by the legislator as an element in two areas of combating corruption – in the prevention of corruption and the fight against it; it is logically incorrect to indicate the prevention of offenses after their detection. The legal definition of anti-corruption is set out in a new edition.

Keywords: prevention of corruption; organizational basis for combating corruption; civil society; prevention of corruption; corruption offense.

В настоящее время актуальность названной темы исследования неуклонно возрастает в Российской Федерации, что обусловлено общей политикой нашей страны, приоритетными задачами обеспечения национальной безопасности, вытекающими из основных тенденций конституционного реформирования. Антикоррупционные аспекты деятельности присущи всем без исключения органам публичной власти, включая Федеральную службу войск национальной гвардии Российской Федерации.

Законодателем профилактика коррупции упоминается в ст. 1 Федерального закона «О противодействии коррупции» как одно из направлений деятельности по противодействию коррупции.

В свою очередь, под противодействием коррупции понимается деятельность федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, институтов гражданского общества, организаций и физических лиц в пределах их полномочий:

а) по предупреждению коррупции, в том числе по выявлению и последующему устранению причин коррупции (профилактика коррупции);

б) по выявлению, предупреждению, пресечению, раскрытию и расследованию коррупционных правонарушений (борьба с коррупцией);

в) по минимизации и (или) ликвидации последствий коррупционных правонарушений.

Антикоррупционная профилактика без лишних оговорок может быть названа

ключевым направлением деятельности по противодействию коррупции¹. Она же была признана целью Национальной стратегии противодействия коррупции, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 13 апреля 2010 г. № 460. Приоритет применения мер предупреждения коррупции получил также нормативное закрепление в качестве одного из основных принципов противодействия коррупции (ст. 3 Федерального закона «О противодействии коррупции»).

Представляется, что профилактика в большей степени является медицинским термином, который в рамках обозначенной проблематики может быть интерпретирован в самом общем виде как «совокупность предупредительных мероприятий, направленных на сохранение и укрепление нормального состояния, порядка»². Применительно к коррупции можно говорить, в первую очередь, об обеспечении соблюдения антикоррупционных стандартов (правил) поведения, а потом уже о выявлении и последующем устранении причин коррупции. Аналогичного мнения придерживается и С.Н. Шишкарёв, указывающий, что ключевую роль в профилактике коррупции играет *предупреждение формирования совокупности условий*, способствующих развитию коррупции, а не их последующее выявление и устранение.

¹ Шишкарёв С.Н. Правовой вектор российской антикоррупционной политики: противодействие или все же борьба? // Вестник Московского университета МВД России, 2010. № 1. С. 171—172.

² Толковый словарь Ожегова [Электронный ресурс] // Академик. Словари и энциклопедии на Академике. Режим доступа - <https://dic.academic.ru> (дата обращения – 07.04.2020).

Итак, приоритетным профилактическим направлением должно стать именно внедрение в повседневную жизнь нашего общества антикоррупционных правил поведения, что, к сожалению, не нашло отражения в предложенной законодателем дефиниции. По этой причине, возможно, и произошло смещение общего центра тяжести с формирования благоприятной среды для реализации антикоррупционных правил и стандартов поведения в сторону выявления условий, способствующих появлению коррупционных или коррупциогенных актов.

Опираясь на приведенные выше аргументы, сформулируем собственное определение профилактики коррупции как *стратегически приоритетного направления государственной политики по противодействию коррупции, представляющего собой деятельность органов государственной власти и местного самоуправления, институтов гражданского общества, организаций и физических лиц в пределах их полномочий по внедрению и обеспечению в Российской Федерации выполнения антикоррупционных стандартов поведения, а также по выявлению и последующему устранению причин коррупции.*

Как мы уже неоднократно отмечали, коррупция является мультиаспектным социальным явлением, серьезной системной проблемой, характерной не только для Российской Федерации, но и для большинства стран мира¹.

Следует согласиться с точкой зрения А.И. Лариковой, В.М. Реуф, С.В. Лунина², Б.А. Оконова³ относительно того, что традиционная карательная антикоррупци-

онная политика эффективна лишь в рамках борьбы с коррупцией, но нерезультативна в вопросах минимизации распространения коррупции без применения профилактических мер. По справедливому замечанию авторов, все больше и больше стран обращаются к новым средствам и методам борьбы с коррупцией, или, попросту говоря, средствам «предотвращения».

Опыт зарубежных стран позволяет большинству исследователей сходиться во мнении, что эффективное искоренение коррупции должно строиться не только на идеях «анти» и «против», а на полноценном внедрении и обеспечении выполнения антикоррупционных правил поведения на территории государства. Именно профилактика коррупции как основа общегосударственной политики по противодействию коррупции является наиболее зарекомендовавшим себя ориентиром эффективного снижения уровня этого опасного социального явления.

С одной стороны, профилактическая доминанта в сфере противодействия коррупции в нашей стране провозглашена основными антикоррупционными документами. С другой стороны, как мы уже отметили, Россия, взяв курс на профилактику как основу искоренения коррупции, не в полной мере встала на этот путь, что выражается в законодательной дефиниции профилактики как борьбы хоть и не с коррупционными актами, но с условиями, им способствующими, вместо создания благоприятной среды для формирования общества, чуждого коррупции.

Следует отметить, что в чистом виде семантическая⁴ неточность в легальной интерпретации профилактики коррупции послужила причиной преобладания карательной составляющей в рамках, казалось бы, профилактического подхода к противодействию коррупции. Это не могло не отразиться и на формируемой в последующих статьях рамочного закона нацио-

¹ Капустина Е.Г. Профилактика нарушений законности и противодействие коррупции в органах государственной власти // Закон и право, 2018. № 11. С.

² Ларикова А.И., Реуф В.М., Лунина С.В. Правовое обеспечение профилактики коррупции в рамках государственной службы // International Journal of Humanities and Natural Sciences, 2019. Vol.12-4 (39). С. 88.

³ Оконов Б.А. Коррупция: сущность, проблемы профилактики и перспективы противодействия // Вестник Института комплексных исследований аридных территорий. 2014. Т. 2. № 2 (29). С. 93—95.

⁴ Семантика — значение, смысл языковой единицы (морфемы, слова, словосочетания и т.п.). См.: Словарь Ефремовой [Электронный ресурс] // Академик. Словари и энциклопедии на Академике. Режим доступа - <https://dic.academic.ru> (дата обращения – 07.04.2020).

нальной системе профилактики коррупции как совокупности нормативных, организационных и методологических основ.

Так, например, ст. 5 Федерального закона «О противодействии коррупции» устанавливает так называемые «организационные основы противодействия коррупции». Действующее законодательство не содержит дефиниции термина «организационные основы».

Организация (от франц. *organization*, от позднелат. *organize* — сообщаю стройный вид, устраиваю) — объединение людей, совместно реализующих некоторую программу или цель, и действующих на основе определенных процедур и правил¹. Основа — то главное, на чем зиждется, строится что-нибудь, что является сущностью чего-нибудь²; внутренняя часть предмета, которая служит опорой остальным частям, каркас. В этом смысле термин «основа» чаще всего употребляется только в единственном числе.

Можно сделать вывод, что под *организационной основой противодействия коррупции* следует понимать законодательно и структурно определенную совокупность органов, должностных лиц, институтов гражданского общества, наделенных полномочиями в области противодействия коррупции.

Ввиду обозначенных семантических особенностей нам представляется целесообразным уточнение наименования ст. 5 Федерального закона «О противодействии коррупции»: «Организационная основа противодействия коррупции».

В числе основных структурных элементов организационной основы противодействия коррупции законодатель называет:

- а) Президента Российской Федерации;
- б) Федеральное Собрание Российской Федерации;

в) Правительство Российской Федерации;

г) органы государственной власти и органы местного самоуправления;

д) органы по координации деятельности в области противодействия коррупции;

е) Генерального прокурора Российской Федерации и подчиненных ему прокуроров;

ж) Счетную палату Российской Федерации.

Анализ приведенного перечня, с нашей точки зрения, не только не охватывает всего круга субъектов, фактически вовлеченных в деятельность по противодействию коррупции, но и противоречит сформулированной федеральным законодателем дефиниции противодействия коррупции как деятельности федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, институтов гражданского общества, организаций и физических лиц. Если включение граждан в перечень субъектов противодействия коррупции является спорным, как минимум, по той причине, что их деятельность в обозначенном направлении может носить несистематический характер либо в принципе отсутствовать, то отнесение институтов гражданского общества к числу постоянных участников антикоррупционного общественного процесса является обязательным ввиду того, что сам факт институционализации того или иного субъекта гражданского общества преследует общественно значимые цели и направлен на систематическую деятельность в избранной сфере.

Вторым субъектом деятельности по противодействию коррупции, требующим обязательного включения в текст рассматриваемой статьи Федерального закона «О противодействии коррупции», являются подразделения кадровых служб федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления по

¹ Философский энциклопедический словарь [Электронный ресурс] // Словари и энциклопедии на Академике. Режим доступа – dic.academic.ru (дата обращения — 20.04.2020 г.).

² Толковый словарь Ушакова [Электронный ресурс] // Словари и энциклопедии на Академике. Режим доступа – dic.academic.ru (дата обращения — 20.04.2020 г.).

профилактике коррупционных и иных правонарушений (должностные лица кадровых служб указанных органов, ответственных за работу по *профилактике* коррупционных и иных правонарушений).

С одной стороны, можно возразить: названные подразделения и должностные лица все же упоминаются в тексте ст. 5 Федерального закона «О противодействии коррупции». Так, в соответствии с ч. 4.1. рассматриваемой статьи, правоохранительные органы, иные государственные органы, органы местного самоуправления и их должностные лица обязаны информировать подразделения кадровых служб по профилактике коррупционных и иных правонарушений (должностных лиц кадровых служб, ответственных за работу по профилактике коррупционных и иных правонарушений) о ставших им известными фактах несоблюдения государственным или муниципальным служащим ограничений и запретов, требований о предотвращении или об урегулировании конфликта интересов либо неисполнения обязанностей, установленных в целях противодействия коррупции.

С другой стороны, сам контекст, в котором упоминаются названные подразделения, указывает на их, скорее, вспомогательный, нежели основной характер. Аналогично законодателем упомянуты и компетентные органы иностранных государств, которые по объективным причинам не могут быть включены в круг субъектов противодействия коррупции как направления внутренней национальной политики.

Вместе с тем, подразделения кадровых служб по профилактике коррупционных и иных правонарушений (должностные лица кадровых служб, ответственные за работу по профилактике коррупционных и иных правонарушений), вне всякого сомнения, являются первичным структурным элементом системы противодействия коррупции на государственной и муниципальной службе. Несмотря на чрезвычайную важность выполняемых названными подразделениями и их

должностными лицами функций, законодателем необоснованно мало внимания уделено определению их статуса, круга полномочий, квалификационных требований к лицам, претендующим на замещение должностей, связанных с выполнением функций в сфере противодействия коррупции среди государственных и муниципальных служащих, и их легальному наименованию.

Единственным нормативным правовым актом, содержащим более или менее исчерпывающий перечень функций, возложенных на подразделения кадровых служб по профилактике коррупционных и иных правонарушений (должностных лиц кадровых служб, ответственных за работу по профилактике коррупционных и иных правонарушений), можно назвать Типовое положение о подразделении федерального государственного органа по профилактике коррупционных и иных правонарушений, утвержденное Указом Президента Российской Федерации от 15 июля 2015 г. № 364. В соответствии с п. 5 названного Положения, задачами антикоррупционного подразделения являются:

а) формирование у государственных служащих нетерпимости к коррупционному поведению;

б) профилактика коррупционных правонарушений в государственном органе;

в) разработка и принятие мер, направленных на обеспечение соблюдения государственным служащим антикоррупционных стандартов поведения;

г) осуществление контроля:

— за соблюдением государственным служащим запретов, ограничений и требований, установленных в целях противодействия коррупции;

— за соблюдением антикоррупционного законодательства в организациях, созданных для выполнения задач, поставленных перед государственным органом, а также за реализацией в них мер по профилактике коррупционных правонарушений.

Приведенный перечень задач, возложенных на подразделения кадровых служб по профилактике коррупционных и иных правонарушений (должностных лиц кад-

ровых служб, ответственных за работу по профилактике коррупционных и иных правонарушений), является закрытым, но при этом, на наш взгляд, содержит серьезные неточности, требующие устранения.

Первой задачей, стоящей перед антикоррупционными подразделениями, является «формирование нетерпимости к коррупционному поведению», которое стало предметом достаточно глубокого исследования П.А. Кабанова¹. Как ни странно, помимо конкретной задачи, стоящей перед первичными структурными антикоррупционными подразделениями, «формирование нетерпимости к коррупционному поведению» закрепляется в ст. 6 Федерального закона «О противодействии коррупции» в качестве конкретной профилактической меры. Современные толковые словари под «задачей» понимают «то, что требует исполнения, разрешения»².

При этом «мера» интерпретируется как «средство для осуществления чего-нибудь, мероприятие». Возникает замкнутый круг, когда перед антикоррупционным подразделением стоит задача по «формированию нетерпимости к коррупционному поведению», которая должна быть достигнута конкретной профилактической мерой, состоящей в том самом «формировании нетерпимости к коррупционному поведению». При этом, как справедливо отмечает П.А. Кабанов, легальное определение рассматриваемого термина в российском законодательстве отсутствует. Тем не менее, сравнительно-правовой анализ ряда региональных нормативных правовых актов позволил П.А. Кабанову выделить следующие возможные средства формирования нетерпимости к коррупционному поведению³:

а) дополнительное антикоррупционное образование; правовое воспитание; анти-

коррупционная пропаганда; организация и обеспечение работы горячей линии по вопросам противодействия коррупции;

б) антикоррупционное просвещение;

в) антикоррупционное воспитание; антикоррупционное образование; антикоррупционное просвещение.

Анализ федерального и регионального антикоррупционного законодательства позволяет сделать вывод, что формирование нетерпимости к коррупционному поведению как специфическая задача в сфере противодействия коррупции достигается путем осуществления антикоррупционного воспитания, являющегося, безусловно, специальным видом правового воспитания, под которым понимается целенаправленная деятельность государства, а также общественных структур, средств массовой информации, трудовых коллективов по формированию высокого правосознания и правовой культуры граждан⁴.

Традиционными элементами правового воспитания являются: правовая пропаганда, правовое обучение, повседневный правовой опыт и самообразование. При этом, как отмечает П.А. Кабанов, все перечисленные элементы антикоррупционного воспитания преследуют более широкую цель — «формирование антикоррупционного мировоззрения» как «устойчивой системы антикоррупционных взглядов, идей, принципов, ценностных ориентиров, определяющей поведение людей и основанного на нем правомерного антикоррупционного поведения». В этой связи формирование нетерпимости к коррупционному поведению не может законодательно признаваться ни самостоятельной целью, ни самостоятельной мерой в сфере противодействия коррупции.

В свете сказанного считаем возможным согласиться с П.А. Кабановым в том, что задачей антикоррупционной деятельности в целом, и подразделений кадровых служб по профилактике коррупционных и иных правонарушений (должностных лиц кадровых служб, ответственных за работу по профилактике коррупционных и иных

¹ Кабанов П.А. Формирование нетерпимости к коррупционному поведению как юридически не определенная правовая категория и ее содержание // Актуальные проблемы экономики и права, 2019. Т. 13. № 1. С. 1007—1026.

² Толковый словарь Ожегова [Электронный ресурс] // Академик. Словари и энциклопедии на Академике. Режим доступа - <https://dic.academic.ru> (дата обращения – 07.04.2020).

³ Кабанов П.А. Указ. соч. С. 1018.

⁴ Матузов Н.И, Малько А.В. Теория государства и права: учебник. М.: Юрист, 2004. С. 121.

правонарушений), в частности, должно быть легально закреплено «формирование ... антикоррупционного мировоззрения»¹. Данную идею поддерживают и другие исследователи. При этом профилактическими мерами по достижению обозначенной задачи должны стать правовая пропаганда и правовое обучение, поскольку названные меры, в отличие от правового опыта и самообразования, поддаются планированию и реализации на общегосударственном уровне.

Следующая неточность определении перечня возлагаемых на антикоррупционные подразделения задач связана с ранее обозначенной семантической неточностью в нормативно-правовом закреплении понятия «профилактика коррупции». Профилактика коррупции нами была определена как стратегически приоритетное направление государственной политики по противодействию коррупции, представляющее собой деятельность органов государственной власти и местного самоуправления, институтов гражданского общества, организаций и физических лиц в пределах их полномочий по внедрению и обеспечению в Российской Федерации выполнения антикоррупционных правил поведения, а также по выявлению и последующему устранению причин коррупции. В этой связи вторую задачу подразделений по профилактике коррупции мы предлагаем

¹ Нам трудно согласиться с предложенной П.А. Кабановым формулировкой задачи по противодействию коррупции как «формирование в обществе антикоррупционного мировоззрения и основанного на нем правомерного поведения». В общей теории права под правомерным поведением понимается общественно необходимое, желательное или допустимое с точки зрения интересов государства поведение граждан и коллективов, состоящее в соблюдении (исполнении), осуществлении норм права. При этом отличительной особенностью любого поведения — правомерного или неправомерного — является воля субъекта права. Гегель определял человека как «ряд его поступков». Безусловно, различные субъекты могут оказывать влияние на поведение гражданина, но не формировать его. Формируется поведение исключительно волей самого индивида. (См. подробнее: Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права: учебник. М.: Юрист, 2004. С. 206—207).

сформулировать как разработку и принятие мер по внедрению и обеспечению выполнения государственными служащими антикоррупционных правил поведения, а также по выявлению и последующему устранению причин коррупции в государственном органе».

Сказанное позволяет уточнить перечень задач, возлагаемых на антикоррупционные подразделения, следующим образом:

а) формирование в государственном органе антикоррупционного мировоззрения;

б) разработка и принятие мер по внедрению и обеспечению в выполнении государственными служащими антикоррупционных правил поведения, а также по выявлению и последующему устранению причин коррупции в государственном органе;

в) осуществление контроля за соблюдением государственными служащими в период прохождения государственной службы и после увольнения с государственной службы запретов, ограничений и требований, установленных в целях противодействия коррупции;

г) осуществление контроля за соблюдением антикоррупционного законодательства в организациях, созданных для выполнения задач, поставленных перед государственным органом, а также за реализацией в них мер по профилактике коррупционных правонарушений.

В целях выполнения обозначенных задач на подразделения кадровых служб по профилактике коррупционных и иных правонарушений (должностных лиц кадровых служб, ответственных за работу по профилактике коррупционных и иных правонарушений) возложены следующие функции:

а) обеспечение соблюдения антикоррупционных стандартов поведения;

б) принятие мер по выявлению и устранению причин и условий, способствующих возникновению конфликта интересов на государственной службе;

в) обеспечение деятельности комиссии по соблюдению требований к служебному поведению государственных служащих и урегулированию конфликта интересов;

г) оказание консультативной помощи по вопросам, связанным с применением антикоррупционного законодательства, а также с подготовкой сообщений о фактах коррупции;

д) обеспечение соблюдения в государственном органе законных прав и интересов федерального государственного гражданского служащего, сообщившего о ставшем ему известном факте коррупции;

е) обеспечение реализации обязанности уведомлять обо всех случаях обращения каких-либо лиц в целях склонения их к совершению коррупционных правонарушений;

ж) осуществление проверки:

— достоверности и полноты сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, а также иных сведений, представленных гражданами, претендующими на замещение должностей федеральной государственной гражданской службы;

— достоверности и полноты сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, представленных федеральными государственными гражданскими служащими в соответствии с законодательством Российской Федерации;

— соблюдения запретов, ограничений и требований, установленных в целях противодействия коррупции;

— соблюдения гражданами, замещавшими должности федеральной государственной гражданской службы, ограничений при заключении ими после увольнения трудового договора и (или) гражданско-правового договора в случаях, предусмотренных федеральными законами;

з) подготовка в пределах своей компетенции проектов нормативных правовых актов по вопросам противодействия коррупции;

и) анализ сведений:

— о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, представленных гражданами, претендующими на замещение должностей федеральной государственной гражданской службы;

— о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, представленных федеральными государственными гражданскими служащими в соответствии с законодательством РФ;

— о соблюдении запретов, ограничений и требований, установленных в целях противодействия коррупции;

— о соблюдении гражданами, замещавшими должности федеральной государственной гражданской службы, ограничений при заключении ими после увольнения трудового договора и (или) гражданско-правового договора в случаях, предусмотренных федеральными законами;

к) участие в пределах своей компетенции в обеспечении размещения сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера на официальном сайте федерального государственного органа в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», а также в обеспечении предоставления этих сведений общероссийским средствам массовой информации для опубликования;

л) организация в пределах своей компетенции антикоррупционного просвещения;

м) осуществление иных функций в области противодействия коррупции в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Приведенный перечень функций, выполняемых антикоррупционными подразделениями, является открытым и, на наш взгляд, содержит ряд особенностей, позволяющих сформировать более полное представление о роли, отведенной специальным антикоррупционным подразделениям в нелегком деле противодействия коррупции.

Вновь обратимся к определению противодействия коррупции, сформулированному федеральным законодателем. Под противодействием коррупции понимается «деятельность:

а) по *предупреждению коррупции*, в том числе по выявлению и последующему устранению причин коррупции (профилактика коррупции);

б) по выявлению, *предупреждению*, пресечению, раскрытию и расследованию

коррупционных правонарушений (борьба с коррупцией);

в) по минимизации и (или) ликвидации последствий коррупционных правонарушений».

Из приведенного легального определения можно сделать ряд важных выводов:

1) законодатель ставит знак тождества между понятиями «коррупционное правонарушение» и «коррупция». Об этом мы рассуждали ранее, придя к выводу, что понятие «коррупция» шире механического перечисления коррупционных правонарушений;

2) предупреждение коррупции включено законодателем в качестве элемента в два направления противодействия коррупции — в профилактику коррупции и борьбу с ней;

3) логически неверно указывать предупреждение правонарушений после их выявления.

В этом свете предложенное нами ранее определение профилактики коррупции как стратегически приоритетного направления государственной политики по противодействию коррупции, представляющего собой деятельность по внедрению и обеспечению в Российской Федерации выполнения антикоррупционных стандартов поведения, а также по выявлению и последующему устранению причин коррупции, призвано разрешить имеющееся смысловое противоречие. Приведенное определение позволяет отграничить профилактику коррупции как социально вредного явления, от предупреждения совершения правонарушений коррупционного характера как конкретных проявлений коррупции.

В свою очередь, термин «борьба», интерпретируемый современными толковыми словарями как «физическое сопротивление кому-либо, чему-либо», «усилия, деятельность, направленные на преодоление, искоренение чего-либо», предполагает столкновение с конкретными поведенческими актами — правонарушениями коррупционного

характера как проявлениями коррупции. В этом свете сформулированное нами ранее определение правонарушения коррупционного характера и его видов позволяет интерпретировать борьбу с коррупцией следующим образом: «предупреждение, выявление, пресечение, расследование и раскрытие¹ правонарушений коррупционного характера».

На наш взгляд, в сформулированной нами интерпретации термин «борьба с коррупцией» позволяет охватить весь спектр коррупциогенных правонарушений, а также дисциплинарные проступки, которые, как нам кажется, в действующей формулировке определения противодействия коррупции остались не охвачены ни профилактикой, ни борьбой.

Через призму сказанного, с учетом конституционных поправок 2020 г., считаем возможным уточнить и легальное определение противодействия коррупции, изложив его следующим образом: «деятельность органов публичной власти (федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления), институтов гражданского общества, организаций и физических лиц в пределах их полномочий:

а) по внедрению и обеспечению в Российской Федерации выполнения антикоррупционных правил поведения, а также по выявлению и последующему устранению причин коррупции (профилактика коррупции);

¹ Раскрытие преступления — это деятельность по расследованию преступления, направленная на получение информации, необходимой и достаточной для вывода следователя о том, имело ли место событие преступления, и кто его совершил. Процессуальным моментом, с которым следует связывать раскрытие преступления, является момент вынесения следователем постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого. В этой связи момент раскрытия преступления совпадает или наступает позже начала расследования. (См. подробнее: Чебурёнков А.А. Соотношение раскрытия и расследования преступлений // Вестник Мордовского университета, 2006. № 1. С. 28.)

б) по предупреждению, выявлению, пресечению, расследованию и раскрытию правонарушений коррупционного характера (борьба с коррупцией);

в) по минимизации и (или) ликвидации последствий правонарушений коррупционного характера».

В этом свете возложенные на антикоррупционные подразделения функции могут быть отнесены ко всем трем направлениям противодействия коррупции. Так, в рамках профилактики коррупции на антикоррупционные подразделения возложены функции по созданию условий и оказанию помощи в реализации государственными служащими антикоррупционных стандартов поведения (предупреждение возникновения конфликта интересов; обеспечение деятельности комиссий по соблюдению требований к служебному поведению и урегулированию конфликта интересов; оказание консультативной помощи по вопросам применения антикоррупционного законодательства, создание условий для уведомления о получении подарка в связи с протокольными мероприятиями, служебными командировками и другими официальными мероприятиями и т.п.).

В рамках борьбы с коррупцией антикоррупционные подразделения осуществляют сбор сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера¹; оказывают помощь в подготовке сообщений о фактах коррупции; создают условия для надлежащего уведомления обо всех случаях склонения к совершению коррупционных правонару-

шений² или возникновения конфликта интересов³; осуществляют анализ представляемых государственными служащими сведений и проводят антикоррупционные проверки^{4,5}; направляют запросы в сторонние организации в ходе проведения антикоррупционных проверок; организуют заседания комиссий по соблюдению требований к служебному поведению и урегу-

² См., например, п. 7 Порядка уведомления о фактах обращения в целях склонения к совершению коррупционных правонарушений, регистрации таких уведомлений и организации проверки содержащихся в них сведений в войсках национальной гвардии Российской Федерации (приказ Росгвардии от 6 февраля 2017 г. № 40 «Об утверждении Порядка уведомления о фактах обращения в целях склонения к совершению коррупционных правонарушений, регистрации таких уведомлений и организации проверки содержащихся в них сведений в войсках национальной гвардии Российской Федерации».

³ См., например, п. 5 Порядка уведомления военнослужащими войск национальной гвардии Российской Федерации, лицами, проходящими службу в войсках национальной гвардии Российской Федерации и имеющими специальные звания полиции, о возникновении личной заинтересованности при исполнении должностных (служебных) обязанностей, которая приводит или может привести к конфликту интересов (приказ Росгвардии от 13 февраля 2017 г. № 48 «Об утверждении Порядка уведомления военнослужащими войск национальной гвардии Российской Федерации, лицами, проходящими службу в войсках национальной гвардии Российской Федерации и имеющими специальные звания полиции, о возникновении личной заинтересованности при исполнении должностных (служебных) обязанностей, которая приводит или может привести к конфликту интересов».

⁴ Указ Президента Российской Федерации от 21 сентября 2009 г. № 1065 «О проверке достоверности и полноты сведений, представляемых гражданами, претендующими на замещение должностей федеральной государственной службы, и федеральными государственными служащими, и соблюдения федеральными государственными служащими требований к служебному поведению».

⁵ Арутюнян Т.И. Методика проведения занятия со слушателями курсов повышения квалификации офицерского состава (группа офицеров кадровых и организационно-строевых подразделений) войск национальной гвардии Российской Федерации по теме: «Антикоррупционная проверка. Осуществление подразделениями кадровых служб антикоррупционных проверок» // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии, 2019. № 4 (9).

¹ Указ Президента Российской Федерации от 18 мая 2009 г. № 559 «О представлении гражданами, претендующими на замещение должностей федеральной государственной службы, и федеральными государственными служащими сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера»; Указ Президента Российской Федерации от 18 мая 2009 г. № 560 «О представлении гражданами, претендующими на замещение руководящих должностей в государственных корпорациях, фондах и иных организациях, лицами, замещающими руководящие должности в государственных корпорациях, фондах и иных организациях, сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера».

лированию конфликта интересов, в ходе которых могут быть установлены факты совершения дисциплинарных проступков, административных правонарушений или преступлений, о чем незамедлительно информируются правоохранительные органы¹ и т.п.

В рамках минимизации и (или) ликвидации последствий правонарушений коррупционного характера антикоррупционные подразделения принимают меры к урегулированию конфликта интересов; обеспечению соблюдения законных прав и интересов государственного служащего, сообщившего о ставшем ему известном факте коррупции и т.п.

В свете сказанного нам представляется необоснованно узким легальное наименование антикоррупционных подразделений, указывающее лишь на одно из обозначенных направлений деятельности — профилактику. По нашему мнению, более корректным наименованием для подразделений и лиц, осуществляющих полномочия по противодействию коррупции на государственной службе, является «подразделения кадровых служб по противодействию коррупции (должностные лица кадровых служб, ответственные за работу по противодействию коррупции)».

Следующим важным вопросом, требующим разрешения на законодательном уровне, является зависимое положение антикоррупционных подразделений и должностных лиц. По нашему мнению, на антикоррупционное подразделение возложена некая координирующая роль в области реализации мероприятий по противодействию коррупции в государственном органе. В свою очередь, начальник кадрового подразделения является должностным лицом, чья деятельность также непосредственно связана с коррупционными рисками. В этой связи нахождение антикоррупционного подразделения в непосредственной подчиненности лица, чья должность

является коррупционно опасной, может негативно отразиться на качестве реализуемых мероприятий и подчинить деятельность антикоррупционного подразделения узко кадровым интересам.

В пользу наделения антикоррупционных подразделений независимостью в войсках национальной гвардии говорит и ряд объективных фактов. Так, частью 1 ст. 8 Федерального закона «О противодействии коррупции» обязанность по подаче сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера возложена на всех лиц, претендующих на замещение должностей государственной службы. До принятия Федерального закона от 22 декабря 2014 г. № 431-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам противодействия коррупции» эта обязанность была возложена только на граждан, претендующих к назначению на коррупционно опасные должности государственной службы, установленные специальными перечнями.

Внесенные изменения негативно отразились на работе кадровых подразделений субъектов войск национальной гвардии. Учитывая специфику работы кадровых подразделений и подразделений организационно-мобилизационных и комплектования, на практике возник вопрос о том, кому принадлежат полномочия по осуществлению сбора, анализа, проверки и учета справок о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера в отношении граждан, поступающих на военную службу по контракту для назначения на должности солдат, сержантов и старшин. Возложение обязанности по работе с обозначенной категорией граждан на кадровые подразделения выглядит очевидным в свете отсутствия у должностных лиц подразделений организационно-мобилизационных и комплектования специальной подготовки по организации работы по противодействию коррупции, в том числе полученной в рамках освоения программ дополнительного профессионального образования, реализуемых Российской академией народного хозяйства и государственной службы при Пре-

¹ См. п. 35—36 Положения о комиссиях по соблюдению требований к служебному поведению федеральных государственных служащих и урегулированию конфликта интересов, утв. Указом Президента Российской Федерации от 1 июля 2010 г. № 821.

зиденте Российской Федерации. Вместе с тем, организация работы по приему справок о доходах у обозначенной категории лиц фактически парализует работу должностных лиц кадрового подразделения по противодействию коррупции.

Еще одним серьезным аргументом в пользу выделения самостоятельных антикоррупционных подразделений является тот факт, что в субъектах войск национальной гвардии отсутствуют специальные подразделения по противодействию коррупции: должность ответственного исполнителя (техника) по учету сведений о доходах военнослужащих была введена на уровне соединений и округов, а в воинских частях подобная должность отсутствует. Более того, само наименование указанной должности говорит об ограниченности ее функционала лишь сбором сведений о доходах, что противоречит существующим реалиям, когда на плечи ответственного исполнителя (техника) по учету сведений о доходах военнослужащих ложится не только груз обеспечения реализации всего комплекса антикоррупционных мероприятий в штабе округа или соединения, но и координация и контроль деятельности должностных лиц кадровых подразделений нижестоящих субъектов войск национальной гвардии.

Резюмируя сказанное, нам представляется обоснованным выделение самостоятельных подразделений по противодействию коррупции (например, групп по противодействию коррупции в воинских частях и соединениях, отделений по противодействию коррупции — в округах и территориальных органах войск национальной гвардии Российской Федерации). Немаловажно и законодательное закрепле-

ние квалификационных требований к лицам, претендующим на должности в обозначенных структурных подразделениях, в числе которых, безусловно, должно быть наличие высшего юридического образования.

Библиография

1. Арутюнян, Т.И. Методика проведения занятия со слушателями курсов повышения квалификации офицерского состава (группа офицеров кадровых и организационно-строевых подразделений) войск национальной гвардии Российской Федерации по теме: «Антикоррупционная проверка. Осуществление подразделениями кадровых служб антикоррупционных проверок» / Т.И. Арутюнян // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. — 2019. — № 4 (9).
2. Кабанов, П.А. Формирование нетерпимости к коррупционному поведению как юридически не определенная правовая категория и ее содержание / П.А. Кабанов // Актуальные проблемы экономики и права. — 2019. — Т. 13. — № 1.
3. Капустина, Е.Г. Профилактика нарушений законности и противодействие коррупции в органах государственной власти / Е.Г. Капустина // Закон и право. — 2018. — № 11.
4. Ларинова, А.И. Правовое обеспечение профилактики коррупции в рамках государственной службы / А.И. Ларинова, В.М. Реуф, С.В. Лунин // International Journal of Humanities and Natural Sciences. — 2019. — Vol.12-4 (39).
5. Матузов Н.И, Малько А.В. Теория государства и права : учебник / . – М.: Юрист, 2004.
6. Оконов, Б.А. Коррупция: сущность, проблемы профилактики и перспективы противодействия / Б.А. Оконов // Вестник Института комплексных исследований аридных территорий. — 2014. — Т. 2. — № 2 (29).
7. Шишкарев, С.Н. Правовой вектор российской антикоррупционной политики: противодействие или все же борьба? / С.Н. Шишкарев // Вестник Московского университета МВД России. — 2010. — № 1.

Уголовное право, уголовный процесс, криминология
и криминалистика

Применение правил назначения уголовного наказания
(по материалам военно-судебной практики)

© Власов Сергей Юрьевич,
юрист

© Харитонов Станислав Станиславович,
кандидат юридических наук, профессор

Аннотация. Рассмотрены некоторые примеры из судебной практики военных судов по уголовным делам, касающимся вопросов применения общих начал и отдельных специальных правил назначения наказания.

Ключевые слова: уголовные наказания; военнослужащие; военно-судебная практика.

Application of the Rules for Imposing Criminal Punishment
(Based on the Materials of Military Judicial Practice)

© Vlasov S.Yu.,
lawyer

© Kharitonov S.S.,
candidate of legal sciences, professor

Annotation. Some examples from the judicial practice of military courts in criminal cases concerning the application of general principles and certain special rules for sentencing are considered.

Key words: criminal penalties; military personnel; military judicial practice.

*Жестокость характерна для законов,
продиктованных трусостью,
ибо трусость может быть энергична,
только будучи жестокой.*
К. Маркс

Анализ практики назначения военными судами уголовного наказания показывает, что при назначении наказания военными судами не всегда правильно применяется закон, в соответствии с требованиями которого конкретному лицу должно быть выбрано индивидуальное наказание, кое будет способствовать решению задач и осуществлению целей наказания: восстановление социальной справедливости, исправление осужденного и предупреждение совершения им новых преступлений. Наказание должно назначаться с учетом всех положений

Общей части УК РФ. При этом приоритетным является принцип справедливого наказания в пределах, предусмотренных соответствующей статьей Особенной части УК РФ.

Говоря о гуманизации наказания, согласимся с позицией существования закономерностей применительно к изучению уголовного права в социально-историческом аспекте, которые сыграли «... существенную роль в появлении диверсифицированной системы мер уголовно-правового характера. Первая из них заключается в том, что по мере

гуманизации социальных отношений и изживания стереотипов репрессивного мышления происходит не только постепенное падение жестокости наказаний, но и ослабление жесткости связи «преступление и наказание» за счет внедрения альтернативных уголовному наказанию методов воздействия на преступное поведение. Данными закономерностями можно объяснить появление таких мер уголовно-правового характера, как условное осуждение, принудительные меры воспитательного воздействия, судебный штраф»¹.

С учетом особого правового статуса военнослужащих, влияющих на решение о применении к ним уголовных наказаний, указанным проблемам военные юристы традиционно уделяют значительное внимание².

¹ См.: Андрианов В.К., Пудовочкин Ю.Е. Закономерности развития и функционирования системы мер уголовно-правового характера // Журнал российского права. 2021. № 7. С. 94—109.

² См., например: Воробьев А.Г. Особенности применения статьи 64 УК РФ при назначении уголовного наказания в виде ограничения по военной службе // Право в Вооруженных силах — военное правовое обозрение. 2011. № 7. С. 102—104; Воробьев А.Г. Актуальные вопросы назначения уголовного наказания в виде ограничения по военной службе по совокупности преступлений в практике военных судов // Право в Вооруженных Силах — военное правовое обозрение. 2011. № 3 (165). С. 117—118; Воробьев А.Г. Становление и развитие уголовного наказания в виде ограничения по военной службе в российском уголовном праве // Право в Вооруженных Силах. 2009. № 8 (146). С. 37—41; Зателепин О.К. К вопросу о необходимости сохранения ареста в отношении военнослужащих как уголовного наказания // Право в Вооруженных Силах — военное правовое обозрение. 2005. № 4. С. 17—22; Зюбанов Ю.А. Система наказаний в древнерусском уголовном судопроизводстве // Российское правосудие. 2016. № 11. С. 18—27; Зюбанов Ю.А. Генезис российской науки уголовного права : монография. М.: Юрлитинформ, 2020; Корякин В.М., Харитонов В.С. Некоторые вопросы квалификации преступлений за уклонение от прохождения военной службы // Военное право. 2020. № 4 (62). С. 180—184; Лобов Я.В. Освобождение осужденных военнослужащих от отбывания наказания : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999; Мелешко П.Е. Бланкетность норм главы 33 Уголовного Кодекса Российской Федерации, действующих по кругу лиц, как условие применения обратной силы уголовного закона // Право в Вооруженных Силах

Представляется, что и судебная практика демонстрирует зачастую разное понимание, разную трактовку тех или иных правовых предписаний военными судьями в этой области.

На некоторых интересных решениях из последней по времени судебной практики хотелось бы остановиться подробнее.

Причинение потерпевшему тяжкого вреда здоровью, предусмотренного в качестве признака состава преступления, не может быть учтено судом при назначении наказания в качестве наступивших в результате действий виновных тяжких последствий.

Приговором гарнизонного военного суда, оставленным без изменения по результатам рассмотрения дела в апелляционном порядке, П¹ и П² осуждены к лишению свободы по п. «а» ч. 3 ст. 111 УК РФ за причинение потерпевшему

— военное правовое обозрение. 2012. № 1 (175). С. 4—12; Моргуленко Е.А., Бударин Р.В. Воинское должностное лицо как субъект преступлений против военной службы // Научная дискуссия: вопросы юриспруденции. 2016. № 11 (50). С. 117—121; Смирнов Д.В. Условия освобождения военнослужащих от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа: вопросы возмещения ущерба и заглаживания причиненного вреда // Военное право. 2020. № 3. С. 261—270; Смирнов Д.В. Квалификация взяточничества (решение спорных моментов уголовно-правовой квалификации военными судами) // Право в Вооруженных Силах — военное правовое обозрение. 2021. № 9 (290). С. 56—64; Туганов Ю.Н., Харитонов В.С. Судебная деятельность: некоторые вопросы квалификации преступлений за насильственные действия в отношении командира (начальника) // Военно-юридический журнал. 2020. № 9. С. 19—23; Шарпов С.Н. Современное военно-уголовное право в системе права: проблемы институализации // Право в Вооруженных Силах — военное правовое обозрение. 2021. № 7 (288). С. 26—33; Шарпов С.Н. О необходимости «мобилизации» Уголовного кодекса Российской Федерации // Право в Вооруженных Силах — военное правовое обозрение. 2022. № 4 (297). С. 67—74; Шарпов С.Н. Военно-уголовное право в системе права: объективация дивергенции // Право в Вооруженных Силах — военное правовое обозрение. 2022. № 5 (298). С. 67—76; Шупленков В.П. Вопросы теории и практики назначения наказания за воинские преступления : дис. ... канд. юрид. наук. М. 1973, и др.

тяжкого вреда здоровью группой лиц из хулиганских побуждений.

Кассационный военный суд изменил состоявшиеся судебные решения по следующим основаниям.

В соответствии с ч. 2 ст. 63 УК РФ, если отягчающее обстоятельство предусмотрено соответствующей статьей Особенной части УК РФ в качестве признака преступления, оно само по себе не может повторно учитываться при назначении наказания.

При назначении наказания обоим осужденным за совершение указанного преступления суд учел тяжесть наступивших последствий от их совместных преступных действий.

Тем самым суд вопреки положениям ч. 2 ст. 63 УК РФ учел причинение осужденными потерпевшему тяжкого вреда здоровью, который сам по себе является тяжкими последствиями и признаком состава преступления, предусмотренного ст. 111 УК РФ.

Кроме того, назначая наказание П², суд признал в качестве отягчающего обстоятельства, в соответствии с п. «г» ч. 1 ст. 63 УК РФ, его особо активную роль в совершении данного преступления, оставив без внимания, что данное отягчающее наказание обстоятельство указанному лицу не вменялось. Не содержится указание на его особо активную роль в совершении преступления и при описании события преступления в обвинительном заключении.

При таких обстоятельствах Кассационный военный суд исключил из приговора указание на наступление в результате действий П² и П¹ тяжких последствий, а также на особо активную роль в совершении преступления П² и смягчил назначенное обоим осужденным наказание¹.

При назначении осужденному, содержащемуся под стражей до судебного разбирательства, штрафа в качестве основного вида наказания суд, учитывая срок содержания под стражей, смягчает назначенное наказание или полностью освобождает осужденного от отбывания (исполнения) этого наказания.

Приговором гарнизонного военного суда, оставленным без изменения апелляционным постановлением окружного военного суда, Ю. осужден по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 335 УК РФ (нарушение уставных правил взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности) и ч. 2 ст. 349 УК РФ (нарушение правил обращения с оружием и предметами, представляющими повышенную опасность для окружающих, повлекшее по неосторожности смерть человека), к окончательному наказанию в соответствии с ч. 2 ст. 69 УК РФ в виде лишения свободы на срок 2 года 11 месяцев в колонии-поселении со штрафом в размере 65 000 руб.

Назначенное Ю. по ч. 1 ст. 335 УК РФ наказание в виде штрафа в размере 65 000 руб. судом постановлено исполнять самостоятельно.

Рассмотрев дело в кассационном порядке, Кассационный военный суд изменил судебные решения по следующим основаниям.

Из материалов дела видно, что в период предварительного следствия Ю., обвиняемый в совершении указанных выше преступлений, с 18 апреля 2019 г. по 12 марта 2020 г. содержался под стражей.

В соответствии с требованиями ч. 5 ст. 72 УК РФ при назначении осужденному, содержащемуся под стражей до судебного разбирательства в качестве основного вида наказания штрафа суд, учитывая срок содержания под стражей, смягчает назначенное наказание или полностью освобождает осужденного от отбывания (исполнения) этого наказания.

¹ См.: Обзор судебной практики Кассационного военного суда по уголовным делам, делам об административных правонарушениях в первом полугодии 2021 г., утвержден Президиумом Кассационного военного суда 01.09.2021 г. URL: https://vkas.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=19 (дата обращения 25.07.2022).

Между тем, назначив Ю. за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 335 УК РФ, наказание в виде штрафа суд, вопреки вышеуказанным требованиям Уголовного закона, вопрос о смягчении назначенного ему этого наказания или об освобождении осужденного от его отбывания не рассмотрел. Данный вопрос оставлен без внимания и судом апелляционной инстанции.

В связи с изложенным суд кассационной инстанции смягчил назначенное осужденному наказание в виде штрафа до 30 000 руб.¹

Начало срока наказания исчисляется со дня вступления приговора в законную силу.

Приговором гарнизонного военного суда Н. осужден за совершение преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 228 УК РФ (незаконные приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также незаконные приобретение, хранение, перевозка растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества) к лишению свободы на срок 3 года с отбыванием наказания в исправительной колонии общего режима.

Окружной военный суд изменил приговор в части исчисления срока наказания по следующим основаниям.

Согласно материалам уголовного дела, Н. не задерживался в связи с данным делом. В ходе предварительного следствия в отношении него избрана мера пресечения в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении. Гарнизонный военный суд изменил избранную Н. меру пресечения на заключение под стражу и в приговоре указал на исчисление срока

наказания с 12 ноября 2020 г., то есть со дня постановления приговора.

Вместе с тем, данный вывод суда первой инстанции является ошибочным.

Согласно ч. 3 и ч. 3¹ ст. 72 УК РФ начало срока наказания исчисляется со дня вступления приговора в законную силу, а время содержания лица под стражей засчитывается в срок наказания в виде лишения свободы со дня заключения виновного лица под стражу до вступления приговора в законную силу. В соответствии с п. «б» ч. 1 ст. 58 УК РФ один день содержания осужденного под стражей до вступления приговора в законную силу засчитывается за полтора дня отбывания наказания исправительной колонии общего режима.

Таким образом, срок наказания Н. следовало исчислять со дня вступления приговора в законную силу с зачетом в срок отбывания наказания времени его содержания под стражей с момента фактического заключения под стражу с 12 ноября 2020 г. до вступления приговора в законную силу².

Ошибочное назначение наказания по совокупности приговоров в порядке ст. 70 УК РФ привело к изменению приговора.

Приговором гарнизонного военного суда П. и О., наряду с иными лицами, осуждены каждый по п. «а» ч. 2 ст. 166 УК РФ (незаконное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения, совершенное группой лиц по предварительному сговору) к наказанию в виде лишения свободы на 1 год 6 месяцев.

На основании ст. 70 УК РФ по совокупности приговоров П. и О. к назначенному наказанию частично присоединено неотбытое каждым из них наказание по приговору Корсаковского городского суда Сахалинской области от 2

¹ См.: Обзор судебной практики Кассационного военного суда по уголовным делам, делам об административных правонарушениях в первом полугодии 2021 г., утвержден Президиумом Кассационного военного суда 01.09.2021 г. URL: https://vkas.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=19 (дата обращения 25.07.2022).

² См.: Обзор судебной практики 1-го Восточного окружного военного суда и подведомственных ему гарнизонных военных судов по уголовным делам, делам об административных правонарушениях и материалам о грубых дисциплинарных проступках за первое полугодие 2021 года (Извлечение). URL: http://files.sudrf.ru/1682/docum_sud/doc20210729-073909.pdf (дата обращения 25.07.2022).

сентября 2020 г. и окончательно назначено наказание каждому в виде лишения свободы.

Вместе с тем, преступление, в совершении которого были признаны эти осужденные виновными приговором гарнизонного военного суда (имевшее место в ночь на 9 июля 2020 г.) было совершено ими до их осуждения 2 сентября 2020 г. Корсаковским городским судом, а, следовательно, множественность совершенных ими преступлений представляла собой совокупность преступлений.

Таким образом, с учетом положений ст. 17 УК РФ и разъяснений, данных в п. 45, 52 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания», П. и О. следовало назначать окончательное наказания в соответствии с ч. 5 ст. 69 УК РФ, как лицам, совершившим другое преступление до вынесения приговора по первому делу, с применением общих правил назначения наказания по совокупности преступлений (в силу категорий преступлений, входящих в совокупность — ч. 3 ст. 69 УК РФ).

Применение иных правил назначения окончательного наказания судом первой инстанции представляло собой существенное нарушение требований уголовного закона, повлекшее изменение приговора.

Окружной военный суд исключил из приговора гарнизонного военного суда указание о назначении окончательного наказания по совокупности приговоров в порядке ст. 70 УК РФ и назначил окончательное наказание осужденным О. и П. по совокупности преступлений, по правилам ч. 5 ст. 69 УК РФ и в порядке, установленном ч. 3 названной статьи¹.

¹ См.: Обзор судебной практики 1-го Восточного окружного военного суда и подведомственных ему гарнизонных военных судов по уголовным делам, делам об административных правонарушениях и материалам о грубых дисциплинарных проступках за первое полугодие 2021 года (Извлечение). URL: http://files.sudrf.ru/1682/docum_sud/doc20210729-073909.pdf (дата обращения 25.07.2022).

В случае применения ст. 64 УК РФ ссылка на нее в резолютивной части приговора обязательна.

К. осужден приговором гарнизонного военного суда за совершение преступления, предусмотренного п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ (превышение должностных полномочий с применением насилия или с угрозой его применения), к лишению свободы сроком на 3 года условно с испытательным сроком 3 года без указания о лишении права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью.

В соответствии со ст. 297 УПК РФ приговор суда должен быть законным, обоснованным и справедливым. Приговор признается законным, обоснованным и справедливым, если он постановлен в соответствии с требованиями УПК РФ и основан на правильном применении уголовного закона.

Указанные требования не были соблюдены в полной мере при назначении К. наказания.

В силу разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации, изложенных в п.35 постановления от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания», в случае применения ст.64 УК РФ ссылка на нее в резолютивной части приговора обязательна.

Поскольку суд первой инстанции, обосновав в описательно-мотивировочной части приговора свой вывод о назначении К. наказания без применения в отношении него предусмотренного санкцией п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ обязательного дополнительного вида наказания, фактически данную норму закона не применил, то окружной военный суд исправил указанную ошибку путем внесения соответствующего изменения в резолютивную часть приговора².

² См.: Обзор судебной практики 1-го Восточного окружного военного суда и подведомственных ему гарнизонных военных судов по уголовным делам, делам об административных правонарушениях и материалам о грубых дисциплинарных проступках за первое полугодие 2021 года (Извлечение). URL:

Не приведение судом первой инстанции обоснований необходимости лишения осужденного воинского звания повлекло изменение приговора.

Гарнизонным военным судом П. осужден за совершение преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ (мошенничество), к лишению свободы на срок 5 лет в исправительной колонии общего режима, с лишением в соответствии со ст. 48 УК РФ воинского звания «майор».

Апелляционным определением окружного военного суда приговор изменен, судом исключено указание о назначении осужденному дополнительного наказания в виде лишения воинского звания.

В обоснование принятого решения суд апелляционной инстанции указал следующее.

В силу требований п. 4 ст. 307 УПК РФ описательно-мотивировочная часть обвинительного приговора должна содержать мотивы решений всех вопросов, относящихся к назначению уголовного наказания. Согласно ст. 48 УК РФ за совершение тяжкого или особо тяжкого преступления суд может лишить виновного воинского звания, с учетом его личности.

В силу разъяснений в п. 12 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания», помимо тяжести преступления, должны быть учтены и другие, указанные в ст. 60 УК РФ, обстоятельства.

Вместе с тем, суд, приведя смягчающие обстоятельства и положительные данные о личности, послужившие основанием для не назначения П. дополнительных наказаний, предусмотренных ч. 4 ст. 159 УК РФ, одновременно указал о необходимости лишения осужденного воинского звания «майор» в соответствии со ст. 48 УК РФ,

однако каких-либо мотивов принятого решения не привел.¹

Суд, назначая условное осуждение, должен возложить на условно осужденного с учетом его возраста, трудоспособности и состояния здоровья исполнение определенных обязанностей.

Приговором гарнизонного военного суда З. осужден за совершение преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 228 УК РФ (незаконное приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также незаконные приобретение, хранение, перевозка растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества), на основании которой, с применением ст. 64 УК РФ, ему назначено наказание в виде лишения свободы сроком на 2 года. В соответствии со ст. 73 УК РФ назначенное наказание определено считать условным, с испытательным сроком 2 года, в течение которого осужденный должен доказать поведением свое исправление.

С учетом всех обстоятельств по делу, характера и тяжести совершенного преступления суд обоснованно пришел к выводу о необходимости назначения З. наказания, не связанного с реальным лишением свободы, т.е. с применением ст. 73 УК РФ.

Вместе с тем, назначая наказание, суд не принял во внимание положения ч. 5 ст. 73 УК РФ, согласно которой суд, назначая условное осуждение, возлагает на условно осужденного с учетом его возраста, трудоспособности и состояния здоровья исполнение определенных обязанностей, среди которых в том числе: не менять постоянного места жительства, работы, учебы без уведомления

¹ См.: Обзор судебной практики гарнизонных военных судов по уголовным делам за первое полугодие 2021 года, утв. на заседании президиума 1-го Западного окружного военного суда 16 июля 2021 г. URL: http://1zovs.spb.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=283 (дата обращения 04.03.2022).

специализированного государственного органа, осуществляющего контроль за поведением условно осужденного, не посещать определенные места и т.д.

Указанное полностью согласуется и с правовой позицией Верховного Суда Российской Федерации, изложенной в п. 61 Постановления Пленума от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания».

В связи с неправильным применением уголовного закона флотский военный суд в апелляционном порядке изменил приговор суда первой инстанции, дополнив резолютивную часть приговора пунктом 3 следующего содержания: «В соответствии с ч. 5 ст. 73 УК РФ возложить на З. обязанность в период испытательного срока не менять постоянного места жительства, работы, учебы без уведомления специализированного государственного органа, осуществляющего контроль за поведением условно осужденного»¹.

По смыслу закона, под явкой с повинной следует понимать добровольное сообщение лица о совершенном им или с его участием преступлении, сделанное в письменном или устном виде, а согласно п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ явка с повинной признается обстоятельством, смягчающим наказание.

По приговору гарнизонного военного суда О., являющийся воинским должностным лицом — начальником отделения кадров части, признан виновным в получении через посредника Ч. трех взяток в значительном размере: 30 000 руб., 40 000 руб. и 55 000 руб., и осужден: по ч. 2 ст. 290 УК РФ к штрафу в размере 600 000 руб.; дважды по ч. 3 той же статьи к штрафу в размере, соответственно, 900 000 руб. и 1 000 000 руб. В соответствии со ст. 48 УК РФ по

ч. 3 ст. 290 УК РФ он лишен воинского звания.

На основании ч. 3 ст. 69 УК РФ окончательное наказание О. по совокупности преступлений назначено путем частичного сложения наказаний в виде штрафа в размере 1 100 000 руб. с лишением воинского звания.

В соответствии с п. «а» ч. 1 ст. 104¹, ч. 1 ст. 104² УК РФ у О. конфискованы деньги в размере полученных взяток.

Рассмотрев данное дело по кассационной жалобе стороны защиты, флотский военный суд изменил данный приговор по следующим основаниям.

Из приговора следует, что в качестве доказательства вины О. в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 290 УК РФ, гарнизонный военный суд сослался на протокол явки с повинной осужденного О. от 15 апреля 2019 г. о получении при посредничестве Ч. денежных средств от К. за оказание содействия в назначении последнего на вышестоящую воинскую должность.

В соответствии со ст. 142 УПК РФ под явкой с повинной следует понимать добровольное сообщение лица о совершенном им или с его участием преступлении, сделанное в письменном или устном виде. Согласно п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ явка с повинной признается обстоятельством, смягчающим наказание.

Однако указанная явка с повинной О. обстоятельством, смягчающим наказание, судом не признана, и мотивы, по которым суд не принял во внимание протокол явки с повинной в качестве смягчающего наказание обстоятельства, в приговоре не приведены.

С учетом этого, суд кассационной инстанции счел необходимым в соответствии с п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ признать явку с повинной О. в качестве обстоятельства, смягчающего наказание за преступление, предусмотренное ч. 3 ст. 290 УК РФ, смягчив наказание как за данное преступление, так и по

¹ См.: Обзор судебной практики рассмотрения уголовных дел и дел об административных правонарушениях гарнизонными военными судами, подведомственными Северному флотскому военному суду, в I полугодии 2021 года URL: http://severnoyfvvs.mrm.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=327 (дата обращения 10.08.2022).

совокупности преступлений на основании ч. 3 ст. 69 УК РФ на 100 000 руб.¹

В заключение полагаем возможным отметить, что изложенные выше из обзоров военных судов примеры доказывают, что применительно к ст. 297 УПК РФ принцип справедливости назначаемого наказания достигается тогда, когда приговор будет постановлен в соответствии с процессуальным законодательством и основан на правильном применении уголовного закона, а не на субъективном толковании норм закона.

Библиография

1. Андрианов, В.К. Закономерности развития и функционирования системы мер уголовно-правового характера / В.К. Андрианов, Ю.Е. Пудовочкин // Журнал российского права. — 2021. — № 7. — С. 94—109.
2. Воробьев, А.Г. Актуальные вопросы назначения уголовного наказания в виде ограничения по военной службе по совокупности преступлений в практике военных судов / А.Г. Воробьев // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2011. — № 3 (165). — С. 117—118.
3. Воробьев, А.Г. Особенности применения статьи 64 УК РФ при назначении уголовного наказания в виде ограничения по военной службе / А.Г. Воробьев // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2011. — № 7. — С. 102—104.
4. Воробьев, А.Г. Становление и развитие уголовного наказания в виде ограничения по военной службе в российском уголовном праве / А.Г. Воробьев // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2009. — № 8 (146). — С. 37—41.
5. Зателепин, О.К. К вопросу о необходимости сохранения ареста в отношении военнослужащих как уголовного наказания / О.К. Зателепин // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2005. — № 4. — С. 17—22.
6. Зюбанов, Ю.А. Генезис российской науки уголовного права : монография / Ю.А. Зюбанов. — М. Юрлитинформ. — 2020. — 440 с.
7. Зюбанов, Ю.А. Система наказаний в древнерусском уголовном судопроизводстве / Ю.А. Зюбанов // Российское правосудие. — 2016. — № 11. — С. 18—27.
8. Корякин, В.М. Некоторые вопросы квалификации преступлений за уклонение от прохождения военной службы / В.М. Корякин,

В.С. Харитонов // Военное право. — 2020. — № 4 (62). — С. 180—184.

9. Лобов Я.В. Освобождение осужденных военнослужащих от отбывания наказания : дис ... канд. юрид. наук / Я.В. Лобов. — М., 1999.

10. Мелешко, П.Е. Бланкетность норм главы 33 Уголовного Кодекса Российской Федерации, действующих по кругу лиц, как условие применения обратной силы уголовного закона / П.Е. Мелешко // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2012. — № 1 (175). — С. 107—109.

11. Моргуленко, Е.А. Воинское должностное лицо как субъект преступлений против военной службы / Е.А. Моргуленко, Р.В. Бударин // Научная дискуссия: вопросы юриспруденции. — 2016. — № 11 (50). — С. 117—121.

12. Моргуленко, Е.А. Командиру о борьбе с неуставными отношениями / Е.А. Моргуленко // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2003. — № 6. — С. 4—12.

13. Смирнов, Д.В. Условия освобождения военнослужащих от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа: вопросы возмещения ущерба и заглаживания причиненного вреда / Д.В. Смирнов // Военное право. — 2020. — № 3. — С. 261—270.

14. Смирнов, Д.В. Квалификация взяточничества (решение спорных моментов уголовно-правовой квалификации военными судами) / Д.В. Смирнов // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2021. — № 9 (290). — С. 56—64.

15. Туганов, Ю.Н. Судебная деятельность: некоторые вопросы квалификации преступлений за насильственные действия в отношении командира (начальника) / Ю.Н. Туганов, В.С. Харитонов // Военно-юридический журнал. — 2020. — № 9. — С. 19—23.

16. Шарапов, С.Н. Военно-уголовное право в системе права: объективация дивергенции / С.Н. Шарапов // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2022. — № 5 (298). — С. 67—76.

17. Шарапов, С.Н. О необходимости «мобилизации» Уголовного кодекса Российской Федерации / С.Н. Шарапов // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2022. — № 4 (297). — С. 67—74.

18. Шарапов, С.Н. Современное военно-уголовное право в системе права: проблемы институализации / С.Н. Шарапов // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2021. — № 7 (288). — С. 26—33.

19. Шупленков В.П. Вопросы теории и практики назначения наказания за воинские преступления : дис ... канд. юрид. наук / В.П. Шупленков. — М., 1973.

¹ См.: Обзор судебной практики по уголовным делам (материалам), рассмотренным гарнизонными военными судами, подведомственными Балтийскому флотскому военному суду.

Уголовно-правовые и организационные средства противодействия ограничению конкуренции в условиях цифровизации экономики

© Овчаров Артем Валерьевич,

научный сотрудник сектора уголовного права,
криминологии и проблем правосудия ИГП РАН

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению ряда вопросов, связанных с уголовно-правовой защитой свободной конкуренции в условиях цифровизации экономики. Автором дается общая картина произошедшего в последние годы внедрения цифровых инноваций в различные сферы экономической жизни и делается вывод о том, что данные новшества, наряду с положительными результатами влекут и определенные риски, а именно появление новых способов посягательств на свободную конкуренцию. В статье называются эти способы и делается вывод о том, что существующая формулировка ст. 178 УК РФ не позволяет охватить все случаи рассматриваемых посягательств в условиях цифровизации экономики.

Ключевые слова: уголовная ответственность, преступление, государство, ограничение конкуренции, уголовно-правовая защита, цифровизация экономики, картель, соглашение, ограничивающее конкуренцию.

Criminal-legal and organizational means of countering the re- striction of competition in the conditions of digitalization of the economy

© Ovcharov A.V.,

research fellow of sector of criminal law, criminology
and justice issues of the Institute of State and
Law of RAS, PhD in Law.ru

Abstract: The article is devoted to the consideration of a number of issues related to the criminal protection of free competition in the conditions of digitalization of the economy. The author gives a general picture of the introduction of digital innovations in various spheres of economic life in recent years and concludes that these innovations, along with positive results, entail certain risks, namely the emergence of new ways of encroaching on free competition. The article names these methods and concludes that the existing wording of Article 178 of the Criminal Code of the Russian Federation does not allow to cover all cases of the considered encroachments in the conditions of digitalization of the economy.

Keywords: Criminal liability, crime, state, restriction of competition, criminal legal protection, digitalization of the economy, cartel, agreement restricting competition.

Свободная конкуренция является необходимым условием любых рыночных отношений, а потому защита свободной конкуренции имеет первостепенное значение для успешного функционирования экономической системы любого современного государства¹. В связи с этим защита

конкуренции должна осуществляться во всех сферах экономической деятельности и любые новые процессы, происходящие в экономике государства, автоматически нуждаются в недопущении посягательств на свободную конкуренцию.

Одним из таких новых процессов является цифровизация экономики. Актив-

¹ См.: Корякин В.М. Противодействие коррупции в сфере государственных закупок для нужд обороны

и военной безопасности : монография. М.: Юрлитинформ, 2014.

ное внедрение цифровых инноваций представляет широкие возможности для ускорения социально-технологического развития. Цифровой трансформации подвергаются огромное количество сегментов экономической деятельности. Это и природа рынков, и технологии производства, и логистика, и масштабы капитала, и работа с человеческим ресурсом. Все большее значение приобретают технологии, связанные с обработкой и анализом данных, новые модели управления и бизнес-стратегии, а также модернизированные каналы доступа к разным рынкам.

Продолжает рост доля электронной коммерции (E-commerce), обеспечивающая получение потребителями необходимых товаров и возможность существования многих отраслей бизнеса. Доля E-commerce в ВВП России за 2021 г. заметно увеличилась и если в 2020 г. составляла 2,5 %, то в 2021 — 3,4 %.¹

Стремительное развитие демонстрирует и ИТ-рынок, который за период с 2021 г. вырос на 17 % по сравнению с 2020 г. (в большей степени за счёт роста цен на услуги ИТ-компаний). В 2021 г. продолжилось активное развитие российского рынка облачных услуг. Согласно данным международных исследовательских компаний, среднегодовые темпы его роста составляют более 20 %, при этом к 2025 г. 11 % всех облачных услуг будут представлены решениями PaaS — моделью предоставления облачных вычислений, при которой потребитель получает доступ к использованию информационно-технологических платформ: операционных систем, систем управления базами данных, связующему программному обеспечению, средствам разработки и тестирования, размещённым у провайдера. В условиях стремительных темпов цифровизации формируется высокий спрос на технологии, предусматривающие внедрение искусственного интеллекта для оказания услуг в государственном секторе, оптимизацию,

доступность и простоту сервисов для пользователей².

Национальная программа «Цифровая экономика» дополнена тремя федеральными проектами: «Развитие кадрового потенциала», «Цифровые услуги и сервисы онлайн» и «Обеспечение доступа в интернет за счет развития спутниковой связи». Выделение новых федеральных проектов должно повысить эффективность реализации значимых национальных показателей, в том числе повышение качества и удобства государственных и муниципальных услуг, наличие широкополосного доступа в интернет на всей территории Российской Федерации и наличие образовательных программ для разных возрастных групп.

Цифровые технологии продолжают свое развитие и в тарифной сфере. Так, с марта 2021 г. начал работать «федеральный тарифный светофор», который автоматически анализирует ошибки региональных органов регулирования при установлении тарифов. Они заполняют электронные шаблоны-таблицы с параметрами тарифного решения, а система красным цветом выделяет ошибки, зеленым — корректные значения. К 14 июля «светофор» позволил отменить на предварительном этапе около 40 тарифных решений. Сейчас сервис проводит анализ по 10 параметрам³, а к 2023 г. планируется, что сервис будет анализировать тарифные решения по 100 параметрам.

Цифровизация в тарифной сфере может сократить операционные расходы, частично расходы на персонал, почтовые расходы, связанные с установлением тарифов. При внедрении эталонов или в целом цифровизации процесса можно будет меньше людей задействовать на типовые задачи, тем самым повысив производительность труда. Также цифровизация в тарифной сфере позволит обеспечить прозрачность тарифных решений, снизив влияние субъективного фактора.

Цифровая экономика дает новые возможности для развития экономики, совре-

¹ Ежегодный отчет Data Insight «Интернет-торговля в России 2021», 2022 г.

² Доклад ФАС России о состоянии конкуренции в Российской Федерации за 2021 год. М., 2022. С. 23.

³ См. там же. С. 24.

менный уровень обмена информацией. Вместе с цифровой трансформацией в условиях минимальных транзакционных издержек они делают рынки многосторонними, взаимосвязанными и глобальными. Однако, кроме положительных тенденций данный процесс также несет и определенные риски, в том числе и риски ограничения конкуренции.

Одной из особенностей цифровых рынков является то, что в большинстве случаев они являются глобальными. Российским участникам необходимо конкурировать и с иностранными участниками, в том числе — с транснациональными цифровыми корпорациями. В условиях конкуренции постоянно совершенствующихся технологий очевидной является разница возможностей субъектов малого и среднего предпринимательства (далее также — МСП) и цифровых гигантов, когда разработках таких технологий требует большое количество ресурсов. Эксперты отмечают, что крупные поглощения, произведенные цифровыми платформами в некоторых секторах экономики, приводят к значительному снижению темпа инвестиций в стартапы в тех же секторах. Например, в результате поглощений компаниями Facebook или Google инвестиции «снижаются на более, чем 40 %, а число сделок падает более, чем на 20 %, в течение трех лет следующих за поглощением»¹.

В условиях конкуренции доминирующих на рынке платформ и малых предприятий последние сталкиваются с проблемой привлечения инвестиций, поскольку венчурные инвесторы неохотно вкладываются в стартапы, конкурирующие с доминирующей платформой, или являются частью вертикально интегрированного рынка, подверженного влиянию доминирующей платформы. Вследствие этого снижаются темпы внедрения инноваций на рынке субъектами малого и среднего предпринимательства, что препятствует развитию МСП. При этом развитие небольших компаний в сфере ИТ в составе крупных экосистем может способствовать повышению уровня конкурентоспособности россий-

ских компаний на глобальных рынках, в связи с чем государство должно обеспечить одинаковую возможность развития для всех участников рынка.

Следует сказать, что ФАС России уже имеет определенный опыт рассмотрения дел о нарушении конкуренции на цифровых рынках, в том числе и в отношении транснациональных корпораций, представленных во многих странах мира (это дела в отношении Booking.com, Apple, Google LLC).

В октябре 2021 г. судами подтверждена законность принятых ФАС России решения и предписания по навязыванию агрегатором Booking.com для гостиниц и иных средств размещения условий о паритете цен и номеров. В рамках исполнения предписания паритет цен отменен, что обеспечило возможность гостиницам предлагать более выгодные условия размещения для путешественников и благоприятно повлияет на развитие туризма. Принятие решения послужило также основанием для наложения административного штрафа на Booking.com в размере более 1,3 млрд руб., подлежащих уплате в федеральный бюджет².

Кроме того, ФАС России рассматривало дело в отношении Apple по заявлению АО «Лаборатория Касперского» в связи с ограничением инструментов для разработки приложений родительского контроля, в результате чего большая часть функционала приложений сторонних разработчиков была утрачена. ФАС России наложила на компанию Apple оборотный штраф в размере 906 млн. руб.³ В 2021 г. ФАС России возбудила ряд дел, связанных с реализацией недобросовестного поведения на цифровых рынках, в частности, дело в отношении Google LLC в связи с установлением компанией в условиях использования You Tube и условиях использования Google LLC непрозрачных правил блокировки (удаления) аккаунтов (контента) пользователей без предупреждения

¹ См. там же. С. 25.

² <https://fas.gov.ru/news/31001?ysclid=16wafgwm4f84767507> (Дата обращения 16.08.2022).

³ <https://fas.gov.ru/news/32061?ysclid=16w9ttjnzo552336464> (Дата обращения 10.08.2022).

(уведомления), что приводит к произвольной блокировке аккаунтов и каналов на сервисе You Tube¹.

В деле о злоупотреблении доминирующим положением ООО «Яндекс» антимонопольный орган установил, что в результате продвижения Яндексом своих сервисов в поисковой выдаче с помощью различных интерактивных 27 обогащенных ответов (колдунщиков, объектных ответов и т.д.) данные сервисы получают необоснованные конкурентные преимущества по сравнению с сервисами третьих лиц, не обладающих такими возможностями. Впоследствии в рамках судебного разбирательства ФАС России, ООО «Яндекс» и заявители по делу заключили мировое соглашение, в рамках которого Яндекс признал обоснованность выданного ФАС России предупреждения и выполнил его положения, тем самым были обеспечены конкурентные условия. Также «Яндекс» внес 1,5 млрд руб. в Российский фонд развития информационных технологий, которые были направлены на продвижение российских программных ИТ-продуктов в сети Интернет².

Все вышеизложенное свидетельствует о том, что вопросы, связанные с злоупотреблениями в сфере ограничения конкуренции на цифровых рынках, остаются актуальными. Развитие цифровых рынков напрямую взаимосвязано с вопросом о совершенствовании антимонопольного регулирования в указанной области. Необходимость создания эффективных механизмов защиты потребителей от злоупотреблений со стороны цифровых монополий является важной задачей государства.

В связи с этим, можно сделать вывод о том, что конкурентные отношения подлежат защите всеми отраслями права, в том числе и правом уголовным.

Следует сказать, что наличие специальных составов, предусматривающих ответственность за посягательства на свободную конкуренцию, не является россий-

ским изобретением. В уголовно-правовой литературе отмечалось, что большинство иностранных государств установили в уголовных законах ответственность за нарушение конкуренции и каждый из установленных запретов уникален и имеет отличия от схожих норм других стран, что, безусловно, определяется сложившимися рыночными отношениями и соответствующим уровнем развития³.

Например, в Германии уголовная ответственность за ограничение конкуренции предусмотрена § 298 Уголовного кодекса Германии, согласно которому недопустимы конкурсные предложения, основанные на противоправных соглашениях, в том числе неформальные предложения договора, имеющие признаки конкурса его участников⁴.

Наиболее же глубоко, по мнению ряда исследователей, правовые механизмы защиты конкуренции на уровне уголовного закона разработаны в США, где преступными являются не только установление картельных сговоров, но и монополизация рынка, а также другие виды злоупотребления доминирующим положением на рынке, а равно согласованные и скоординированные действия⁵.

Российское уголовное законодательство предусматривает ответственность за нарушение конкуренции в ст. 178 УК РФ, согласно которой наказуемым является ограничение конкуренции путем заключения между хозяйствующими субъектами-конкурентами ограничивающего конкуренцию соглашения (картеля), запрещенного в соответствии с антимонопольным законодательством Российской Федерации, если это деяние причинило крупный ущерб гражданам, организациям или государству либо повлекло извлечение дохода в крупном размере (ч. 1 ст. 178 УК РФ).

³ См.: Жабагинов Р.А. Об уголовной ответственности за нарушение антимонопольного законодательства зарубежных стран // Российский следователь. 2019. № 6. С. 76.

⁴ См.: Жалинский А.Э. Современное немецкое уголовное право. М., 2006. С. 504—505.

⁵ См.: Клепицкий И.А. Уголовно-правовая охрана конкуренции в США и Европейском сообществе // Законодательство. 2005. № 8. С. 73—80.

¹ Доклад ФАС России о состоянии конкуренции в Российской Федерации за 2021 год. М. 2022. С. 26.

² <https://fas.gov.ru/news/31238?ysclid=16waj5yfgp605056047> (Дата обращения 11.08.2022).

Санкция за такое деяние предусмотрена в виде штрафа в размере от трехсот тысяч до пятисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до двух лет, либо принудительных работ на срок до трех лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до одного года или без такового, либо лишения свободы на срок до трех лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью до одного года либо без такового.

Квалифицирующими признаками деяния являются его совершение с использованием служебного положения, сопряженные с уничтожением или повреждением чужого имущества либо с угрозой его уничтожения или повреждения, при отсутствии признаков вымогательства и причинившие особо крупный ущерб либо повлекшие извлечение дохода в особо крупном размере.

В этом случае наказание предусмотрено в виде принудительных работ на срок до пяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового либо лишения свободы на срок до шести лет со штрафом в размере до одного миллиона рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до пяти лет или без такового и с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок от одного года до трех лет или без такового (ч. 2 ст. 178 УК РФ).

Деяния, предусмотренные ч. 1 или 2 рассматриваемой статьи, совершенные с применением насилия или с угрозой его применения, наказываются принудительными работами на срок до пяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок от одного года до трех лет либо лишением свободы на срок до семи лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок от одного года до трех лет (ч. 3 ст. 178 УК

РФ).

Кроме того, рассматриваемая статья содержит три примечания. Так, доходом в крупном размере она признает доход, сумма которого превышает пятьдесят миллионов рублей, а доходом в особо крупном размере — двести пятьдесят миллионов рублей. Под крупным ущербом понимается ущерб, сумма которого превышает десять миллионов рублей, а особо крупным ущербом — тридцать миллионов рублей.

Вместе с тем статья говорит, что лицо, совершившее преступление, предусмотренное ею, освобождается от уголовной ответственности, если оно первым из числа соучастников преступления добровольно сообщит об этом преступлении, будет активно способствовать его раскрытию и (или) расследованию, возместит причиненный этим преступлением ущерб или иным образом загладит причиненный вред и если в его действиях не будет содержаться иного состава преступления.

Подобная законодательная конструкция ставит целый ряд вопросов, связанных с юридико-техническими недостатками нормы, но пусть это будет предметом отдельного исследования. Обратим внимание на то, что, на наш взгляд, в условиях цифровизации экономики является главной проблемой ст. 178 УК РФ как уголовно-правового инструмента защиты свободной конкуренции.

Анализ диспозиции рассматриваемой нормы позволяет сделать вывод, и на это указывалось в научной литературе, о том, что из всех возможных соглашений хозяйствующих субъектов, которые могут ограничивать конкуренцию, законодатель выбрал только картельный сговор¹. Норма является бланкетной, а потому для раскрытия понятия «картель» обратимся к профильному законодательству.

Согласно ст. 11 Федерального закона от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конку-

¹ См.: Смирнов Р.Ю., Лопаткин П.Е. Ограничение конкуренции (ст. 178 УК РФ): технико-юридические аспекты конструирования и применения нормы // Актуальные проблемы уголовного права на современном этапе (вопросы дифференциации ответственности и законодательной техники). 2021. № 10. С. 28.

ренции» запрещаются картельные соглашения, под которыми понимаются соглашения между хозяйствующими субъектами-конкурентами, то есть между хозяйствующими субъектами, осуществляющими продажу товаров на одном товарном рынке, или между хозяйствующими субъектами, осуществляющими приобретение товаров на одном товарном рынке, если такие соглашения приводят или могут привести к ряду последствий, а именно:

1) к установлению или поддержанию цен, тарифов, скидок, надбавок, доплат или наценок;

2) к повышению, снижению или поддержанию цен на торгах;

3) к разделу товарного рынка по территориальному принципу, объему продажи или покупки товаров, ассортименту реализуемых товаров либо составу продавцов или покупателей (заказчиков);

4) к сокращению или прекращению производства товаров;

5) к отказу от заключения договоров с определенными продавцами или покупателями (заказчиками).

Таким образом, сфера применения ст. 178 УК РФ строго ограничена деянием в виде картельного сговора, а данное деяние не всегда соотносится с появившимися в условиях цифровизации экономики новыми способами посягательств на свободную конкуренцию, как например, в сфере осуществления государственных и муниципальных закупок. Рассмотрим эти способы. Прежде всего, это использование как легальных, так и нелегальных аукционных роботов. Это программные модули, позволяющие автоматически подавать ценовые предложения на электронных аукционах от имени участника аукциона до заданного таким участником предела ценового предложения. В ряде случаев подобные модули интегрируются в интерфейс электронных торговых площадок, как, например, аукционный робот ЗАО «Сбербанк-АСТ», режим автоторга РСТ-Тендер и многие другие.

После успешного формирования и подачи заявки на участие в открытом аукционе в электронной форме участнику аукциона становится доступна возможность,

обеспечивающая участие аукционных роботов в торгах от его имени. Во время проведения торгов активированные аукционные роботы подают предложения о цене контракта в автоматическом режиме до заданного участником аукциона предела в определенные отрезки времени, выстраивание тактики подачи ценовых предложений одним участником торгов на основании информации о настройках аукционного робота другим участником торгов в случае предварительной договоренности и обмена информацией между ними, безусловно, является посягательством на свободную конкуренцию¹.

Вместе с тем, известны случаи создания и использования нелегальных аукционных роботов для реализации схемы «торпеда» или «таран». Такие роботы могут функционировать через прокси-серверы (авторизация происходит через входящий ай-пи; аутентификация без ввода пароля) и при помощи программ-проксификаторов, что усложняет обнаружение цифровых следов, необходимых для доказывания использования подобных программ. Схема «таран» («торпеда»)² является широко распространенным способом совершения антимонопольных нарушений.

Кроме того, совершение ряда антиконкурентных деяний происходит с неправомерным получением доступа к определенного рода информации, связанной с торгами, и разглашении такой информации, а также с созданием и использованием анти-

¹ См.: Тенишев А.П., Тесленко А.В. Уголовно-правовая охрана конкуренции в условиях развития цифровых технологий // Закон. 2019. № 6. С. 124—131.

² «Таран» или «торпеда» при осуществлении государственных закупок представляют собой следующее. Два участника аукциона, изображая активную торговлю между собой, резко опускают цену (до 90 % от первоначальной цены контракта). Добросовестные участники торгов теряют интерес к аукциону. Третий участник на последних секундах аукциона делает ставку незначительно ниже ставки добросовестного участника или начальной (максимальной) цены контракта. Далее участники, занявшие первое и второе место, отказываются от подписания контракта. Таким образом, контракт заключается с третьим участником, который незначительно отклонился от начальной цены.

конкурентных ботов — специальных аккаунтов, созданных для того, чтобы автоматически обрабатывать и отправлять сообщения, основной задачей которых является "сведение" участников, желающих заключить антиконкурентное соглашение.

Таким образом, рассматриваемые деяния не всегда будут образовывать картельный сговор, а, следовательно, в ряде случаев совершение того или иного, хотя и общественно-опасного деяния останется за рамками применения уголовной репрессии. В этой связи следует сказать, что антимонопольное законодательство запрещает ограничение конкуренции не только посредством картельного сговора, но и посредством согласованных действий хозяйствующих субъектов-конкурентов (ст. 11.1 Закона о защите конкуренции). Это могут быть согласованные действия по установлению или поддержанию цен (тарифов), скидок, надбавок (доплат) и (или) наценок; повышению, снижению или поддержанию цен на торгах; сокращению или прекращению производства товаров и т.п. В научной литературе указывалось, что, хотя такие действия и могут привести к причинению ущерба или извлечению дохода в крупном размере, законодатель не признает за ними общественной опасности [5. С. 66].

Вышеизложенное, на наш взгляд, позволяет сделать вывод о том, что, если уж законодатель пошел по пути криминализации соглашений, посягающих на свободную конкуренцию, то было бы целесооб-

разным криминализировать всю совокупность деяний подобного рода, а не ограничиваться картельным сговором.

Библиография

1. Жабагинов, Р.А. Об уголовной ответственности за нарушение антимонопольного законодательства зарубежных стран / Р.А. Жабагинов // Российский следователь. — 2019. — № 6.
2. Жалинский, А.Э. Современное немецкое уголовное право / А.Э. Жалинский. — М., 2006. С. 504—505.
3. Клепицкий, И.А. Уголовно-правовая охрана конкуренции в США и Европейском сообществе / И.А. Клепицкий // Законодательство. — 2005. — № 8. — С. 73—80.
4. Корякин, В.М. Противодействие коррупции в сфере государственных закупок для нужд обороны и военной безопасности : монография / В.М. Корякин. — М.: Юрлитинформ, 2014.
5. Ларина, Л.Ю. О совершенствовании нормы об уголовной ответственности за ограничение конкуренции / Л.Ю. Ларина // Актуальные проблемы развития антимонопольного законодательства : Сборник научных докладов по итогам Всероссийской научно-практической конференции к 30-летию антимонопольного регулирования в России, Ханты-Мансийск, 20 октября 2021 г. — Шадринск: ООО «Шадринский Дом печати», 2021.
6. Смирнов, Р.Ю. Ограничение конкуренции (ст. 178 УК РФ): технико-юридические аспекты конструирования и применения нормы / Р.Ю. Смирнов, П.Е. Лопаткин // Актуальные проблемы уголовного права на современном этапе (вопросы дифференциации ответственности и законодательной техники). — 2021. — № 10.
7. Тенишев, А.П. Уголовно-правовая охрана конкуренции в условиях развития цифровых технологий / А.П. Тенишев, А.В. Тесленко // Закон. — 2019. — № 6. — С. 124—131.

Отдельные вопросы оперативно-розыскной деятельности и криминалистики

© Суденко Владимир Егорович,

кандидат юридических наук, доцент, доцент
Юридического института Российского
университета транспорта, почётный работник
сферы образования Российской Федерации

Аннотация. Раскрываются проблемные вопросы, имеющиеся в оперативно-розыскной деятельности и криминалистике, и соотношение этих двух научных направлений, важнейших в деле борьбы с преступлениями. Кратко осуществлён генезис науки «Оперативно-розыскная деятельность», сходство и отличия её предмета и содержания от предмета и содержания науки «Криминалистика». Показаны особенности понятия и времени раскрытия преступления в оперативно-розыскной деятельности, в криминалистике и в уголовном процессе и значение этих определений. Приводятся некоторые причины возможных недостатков в преподавании дисциплины оперативно-розыскная деятельность в гражданских высших и средних специальных учебных учреждениях.

Ключевые слова: наука оперативно-розыскной деятельности; криминалистика; преступление; раскрытие преступления.

Certain issues of operational-search activity and criminalistics

© Sudenko V.E.,

Associate Professor of the Law Institute of the
Russian University of Transport, Candidate of
Legal Sciences, Associate Professor, Honorary
Worker of Education of the Russian Federation

Annotation. The problematic issues that exist in the operational-search activity and forensic science, and the ratio of these two scientific areas, the most important in the fight against crime, are revealed. The genesis of the science "Operative-investigative activity", the similarities and differences of its subject and content from the subject and content of the science "Criminalistics" are briefly carried out. Some shortcomings in the teaching of the discipline "Operative-investigative activity" in civil higher educational institutions. The features of the concept and time of solving a crime in operational-investigative activities, as well as in forensics and criminal proceedings, and the meaning of these definitions are shown. Some reasons for possible shortcomings in teaching the discipline of operational-search activity in civil higher and secondary specialized educational institutions are given.

Key words: science of operational-investigative activity; crime leaf; a crime; disclosure of the crime.

Рассматривая оперативно-розыскную деятельность и определяя её как специальную науку, мы вполне обоснованно полагаем, что её основная цель заключается в борьбе с преступлениями посредством проведения гласных и негласных мероприятий оперативно-розыскного характера. В связи с этим, особенность оперативно-розыскной науки заключается в её тесной связи с наукой криминалистика, так же нацеленной на борьбу с преступлениями

посредством использования криминалистической и иной техники, предназначенной для выявления и фиксации источников доказательств, криминалистической тактики по производству отдельных следственных действий в процессе расследования преступлений, и, кроме того, криминалистической методики раскрытия и расследования отдельных видов преступлений.

Наука «Оперативно-розыскная деятельность» разрабатывает и обобщает оперативно-розыскные методы и мероприятия, выявляет неизвестные ранее виды и способы совершения преступлений, тем самым обогащает криминалистическую тактику и методику. Оперативно-розыскная деятельность применяет многие положения криминалистики, особенно криминалистической техники и тактики проведения отдельных следственных и иных действий, в решении стоящих перед нею задач. Сказанное подтверждает тесную связь этих двух отраслей науки.

Отметим, что не всегда оперативно-розыскная деятельность считалась отдельной самостоятельной наукой. Некоторые относили данную деятельность к криминалистике, полагая, что именно криминалистика является теоретической основой оперативно-розыскной деятельности, в том числе основой, как гласных, так и негласных мероприятий оперативно-розыскного характера, проводимых оперативными работниками органов дознания. Почти столетие назад подобного мнения придерживался Е.У. Зицер¹.

Другие авторы, как теоретики, так и практики, обходили вопрос о природе и теоретических основах оперативно-розыскной деятельности, при этом, однако, упоминали об оперативно-розыскных мероприятиях, проводимых по поручению следователя работниками милиции и сочетаемых со следственными действиями².

Р.С. Белкин и А.С. Соколов доказывали, что действительно криминалистика является основой как уголовно-процессуальной, так и оперативно-розыскной деятельности. А.И. Васильев указывал, что некоторые оперативно-розыскные мероприятия и методы, которые так или иначе отделены от уголовно-процессуальных действий, должны относиться к специальной дисциплине³. Несколько позднее он приходит к конкрет-

ному выводу, что «оперативно-розыскные действия, используемые для предупреждения, обнаружения, пресечения преступлений, а также в процессе расследования, составляют особую дисциплину»⁴.

По словам Р.С. Белкина, приведённым в учебнике «Криминалистика», результатом усилий учёных того времени была сконструирована довольно прочная основа (фундамент) науки оперативно-розыскной деятельности, и обоснована необходимость построения предмета оперативно-розыскной деятельности как отдельной науки, отличного от предмета науки криминалистика, но, тем не менее, одновременно и тесно связанного с нею⁵.

При анализе и исследовании оперативно-розыскной деятельности в последней четверти прошлого столетия, многие авторы всё же продолжали относить, да нередко и в наше время относят оперативно-розыскную деятельность к криминалистике, либо просто обходят стороной вопрос об отнесении оперативно-розыскной деятельности к отдельной науке⁶. Думается, что это следует отнести к отрыву отдельных авторов подобных сочинений от действительно практической деятельности по борьбе с преступлениями, в том числе путём проведения оперативно-розыскных мероприятий, хотя вполне возможно, что они просто не желают посредством своих научных воззрений поспособствовать преодолению имеющихся проблем в деятельности органов дознания, которые не относятся к их процессуальной деятельности.

С изданием 10 января 2012 г. приказа № 5 Минобрнауки России, внесшего изменения в существующую на то время номенклатуру научных специальностей в отрасли «Юридические науки» и образовавшего новую научную специальность 12.00.12 — «Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность». Одновременно с этим сокращён объём научной специаль-

¹ См.: Зицер Е. У. Криминалистика. Кн. 1: Техника, и тактика расследования преступлений. М., 1935. С. 6.

² Шаламов М.П. Криминалистика. М., 1959. С. 328—329.

³ Васильев А.Н. Криминалистика. М., 1963. С. 275.

⁴ Васильев А.Н. Криминалистика. М., 1980. С. 11.

⁵ См.: Белкин Р.С. Криминалистика. М., 1974. С. 14.

⁶ См.: Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. М.: Наука, 1968—1970. Т. 2. С. 14; Lupinskaya P.A. Доказывание в советском уголовном процессе. М., 1966. С. 20.

ности 12.00.09 — «Уголовный процесс». Однако и это не привело к признанию и использованию большинством теоретиков криминалистики и процессуалистами широкого применения положений науки оперативно-розыскной деятельности для криминалистики и доказывания в уголовном судопроизводстве. Причину этого можно объяснить недостаточной, по нашему мнению, доступностью к специальной литературе по оперативно-розыскной деятельности учёных и преподавателей гражданских высших учебных и средне специальных учебных заведений, а также несовершенством программ по дисциплине оперативно-розыскная деятельность в таких учебных заведениях.

По нашему мнению, основная причина заключается в том, что преподаватели, ведущие дисциплину «Оперативно-розыскная деятельность», в своём большинстве не являются бывшими или действующими оперативными работниками соответствующих подразделений МВД России или ФСБ России, а узнают о ней из средств массовой информации, телевидения, либо из опубликованного закона «Об оперативно-розыскной деятельности», который раскрывает только общедоступные понятия и положения данной отрасли научного знания, глубоко не вдаваясь в подробности особенно негласных методов, сил и средств оперативной деятельности.

При рассмотрении проблемных вопросов раскрытия преступлений, выдвижения и проверки следственных версий, подготовки и реализации тактических операций многие теоретики в сфере криминалистики и уголовного процесса всё же обращаются к научным аспектам оперативно-розыскной деятельности, особое внимание уделяя комплексному характеру раскрытия преступлений. При этом криминалистику интересует содержательный аспект проблемы раскрытия преступления, требующий ответа на то, что необходимо установить для признания преступления раскрытым.

В этой связи попытаемся раскрыть, что же означает понятие «раскрытие преступления», и каково его содержание. По данному вопросу имеются различные суж-

дения, порой зависящие от той отрасли правовой науки, к которой относится автор той или иной концепции. По мнению И.И. Карпеца и Ю.В. Калинина, для оперативно-розыскной деятельности преступление считается раскрытым после установления оперативно-розыскными методами, способами и средствами виновного в совершении преступления лица¹. Но здесь следует иметь в виду не абсолютно точно действительно виновного лица, а «якобы виновного», поскольку такие предположения о виновности должны в дальнейшем подтвердиться в процессе производства следственных действий, однако они могут и не подтвердиться.

А.К. Гаврилов высказывает мнение, что преступление будет считаться раскрытым после предъявления лицу обвинения, основанного на имеющемся объёме данных о виновности в совершении преступления конкретного обвиняемого лица².

Подобного мнения придерживался и профессор В.А. Образцов, который считал, что основанием окончания предварительного расследования и составления обвинительного заключения является установление всех обстоятельств предмета доказывания³. И.М. Лузгин, С. Остроумов, С. Панченко признавали преступление раскрытым после окончания предварительного расследования уголовного дела, рассмотрения его в суде с вынесением приговора и вступления приговора по данному делу в законную силу⁴. Только после этого преступление считается раскрытым.

Приведённые последние три точки зрения о раскрытии преступления связаны с процессуальными решениями конкретно-

¹ См.: Карпец И.И. Проблемы преступности. М., 1969. С. 152; Калинин Ю.В. О понятии раскрытия преступления // Вопросы криминалистической методологии, тактики и методики расследования. М., 1973. С. 35—36.

² Гаврилов, А. К. Раскрытие преступления. Свердловск, 1975. С. 50.

³ Образцов В.А. Криминалистическая квалификация преступлений. Красноярск. 1988. С. 16.

⁴ Лузгин И.М. Расследование как процесс познания. М., 1969. С. 16; Остроумов С., Панченко С. Критерии оценки раскрытия преступлений // Соц. законность. 1976. № 9. С. 61.

го характера, к которым относятся принятие следователем (дознавателем) решения о возбуждении уголовного дела или принятии уже возбужденного дела к своему производству, проведение предварительного расследования, составление обвинительного заключения, затем рассмотрение дела в суде и вступления в силу приговора суда. необходимо добавить, что и оперативно-розыскное мнение о раскрытии преступления в определённой степени означает наличие повода и оснований для возбуждения уголовного дела в соответствии с требованиями УПК РФ, если оно ещё не возбуждено, и дальнейшее его расследование, приводящее к рассмотрению данного уголовного дела в суде, вынесение приговора и вступление его в силу.

Может возникнуть и нередко возникает вполне резонный вопрос: определение криминалистического понятие раскрытия преступления необходимо ли, если да, то для чего? Полагаем, что это необходимо для верного ориентирования в дальнейших этапах расследования, осуществления криминалистически значимых действий, их структуры и содержания. Важно установление момента раскрытия преступления и для производства оперативно-розыскных мероприятий по поиску доказательств и их закреплению, а также для практики и теории оперативно-розыскной и процессуальной деятельности, в результате чего возможны качественные изменения процесса и содержания доказывания.

В результате раскрытия преступления с точки зрения оперативно-розыскного смысла, оперативно-розыскная деятельность должна перерасти и перерастает из инициативной в подчинённую предварительному расследованию посредством выполнения отдельных поручений следствия (следователя или дознавателя) направлена в это время на выявление оперативно-розыскными методами и средствами виновных в преступлении лиц, новых источников доказательств и других важных и необходимых для целей расследования данных.

Раскрытие преступления в его оперативно-розыском понятии применительно к теории оперативно-розыскной деятель-

ности вполне соответствует цели криминалистического его определения. При этом, если так называемые «очевидные» преступления содержат данные о виновном лице, а потому не нуждаются в его установлении, то для «неочевидных» преступлений это основная проблема и главный вопрос относительно раскрытия и дальнейшего расследования преступления.

Подходя к решению этого важнейшего для раскрытия преступления вопросу, отметим, что орган дознания и следователь на самом первом этапе расследования могут только предполагать виновного в совершении данного преступления. Такое предположение о виновности того или иного конкретного лица основывается, как правило, на возникшем в отношении него подозрении, что именно данное лицо совершило преступление, что влечёт появление такой фигуры, как подозреваемый.

В то же время, в последнее время некоторые авторы пишут, что такое лицо является заподозренным в преступлении лицом, но никак не подозреваемым. По нашему мнению, действительно такое лицо «заподозрено» в совершении преступления, но оно пока не является участником уголовного процесса, которым может быть подозреваемый. На данном этапе для следствия и дознания появляется именно заподозренное в совершении преступления лицо.

Отметим, что профессор Л.М. Карнеева обозначает термином «заподозренный» лишь субъективное отношение следователя к лицу, совершившему данное преступление, но никак не положение такого лица в уголовном процессе¹. Подозреваемым становится заподозренное лицо лишь при наличии оснований, названных в ст. 46 УПК РФ. Обращаясь к оперативно-розыскной деятельности, заметим, что термин «заподозренный» имеет место при реализации оперативно-розыскных мероприятий в отношении конкретного лица, и об этом пишет Л.М. Карнеева.

¹ Карнеева Л.М. Привлечение к уголовной ответственности. Законность и обоснованность. М. 1971. С. 61.

В криминалистическом значении применение к конкретному лицу термина «заподозренный» возможно после производства неотложных (первоначальных) следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий. Таким образом в оперативно-розыском понятии раскрытие преступления считается достигнутым при появлении заподозренного лица, а последующие следственные действия, наряду с оперативно-розыскными мероприятиями, направлены уже на доказывание, вплоть до предъявления виновному, по мнению следствия, лицу обвинения.

Когда говорится о криминалистическом понятии раскрытия преступления, то следует иметь в виду, что под раскрытием преступления понимается деятельность, нацеленная на получение информации, на основе которой могут быть выдвинуты версии о причастности конкретного лица (лиц) к совершению данного преступления. С точки зрения криминалистики, понятие раскрытия преступления, по сути, аналогично оперативно-розыскому понятию, а отличие заключается в различии выдвигаемых обоснованных версий — следственная версия или оперативно-розыскная. В то же время, деятельность по раскрытию преступления относится не только к оперативно-розыским службам органов внутренних дел, но и к следователям, поскольку как первые, так и вторые

должны тесно взаимодействовать в деле достижения истины по расследуемому преступлению путём его раскрытия.

Библиография

1. Белкин Р.С. Криминалистика / Р.С. Белкин. — М., 1974.
2. Васильев, А.Н. Криминалистика / А.Н. Васильев. — М., 1963.
3. Васильев, А.Н. Криминалистика / А.Н. Васильев. — М., 1980.
4. Гаврилов, А.К. Раскрытие преступления / А.К. Гаврилов. — Свердловск, 1975.
5. Зицер, Е.У. Криминалистика. Кн. 1: Техника, и тактика расследования преступлений / Е.У. Зицер. — М., 1935. —
6. Калинин, Ю.В. О понятии раскрытия преступления / Ю.В. Калинин // Вопросы криминалистической методологии, тактики и методики расследования. — М., 1973.
7. Карнеева, Л.М. Привлечение к уголовной ответственности. Законность и обоснованность / Л.М. Карнеева. — М. 1971.
8. Карпец, И.И. Проблемы преступности / И.И. Карпец. — М., 1969.
9. Лузгин, И.М. Расследование как процесс познания / И. М. Лузгин. — М., 1969.
10. Лупинская, П.А. Доказывание в советском уголовном процессе / П.А. Лупинская. — М., 1966.
11. Образцов, В.А. Криминалистическая квалификация преступлений. — Красноярск, 1988.
12. Остроумов, С. Критерии оценки раскрытия преступлений / С. Остроумов, С. Панченко // Соц. законность. — 1976. — № 9.
13. Строгович, М.С. Курс советского уголовного процесса / М.С. Строгович. — М.: Наука, 1968—1970. — Т. 2.
14. Шаламов, М.П. Криминалистика / М.П. Шаламов. — М., 1959.